

Усыпальница Морозовых на старообрядческом Рогожском кладбище в Москве

В настоящем сборнике в 4-х тематических разделах опубликована 31 статья — доклады и выступления, прозвучавшие на пленарных заседаниях и в рамках круглого стола в ходе IV Всероссийской научно-практической конференции «Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия: проблемы изучения и охраны», состоявшейся в Москве 24–25 мая 2019 г. Организаторами конференции выступили Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева в лице Центра краеведения, москвоведения и крымоведения при участии Фонда «История Отечества», Союза краеведов России, Московского краеведческого общества и Московской митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви. В работе конференции приняли участие 65 человек, докладчики представляли 12 российских регионов и Республику Казахстан.

Отечественный исторический некрополь является неотъемлемой частью национального культурного наследия. Исторические кладбища – память об ушедших поколениях, выразители духовной культуры разных эпох, собрания архитектурных и художественных памятников, источник наших знаний о прошлом. Как объект наследия исторический некрополь нуждается в защите, сохранении, изучении. Одно из ведущих мест в современной некрополистике принадлежит краеведам.

Помимо докладов, в сборник включены обращения к участникам конференции и приложения (Резолюция конференции, программы трех предыдущих конференций по некрополю и др.).

Материалы предназначены краеведам, специалистам-некрополеведам, историкам, архитекторам, археологам, музейным работникам, реставраторам, всем, кто интересуется и занимается проблемами отечественного некрополя.

**ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ РОССИИ
КАК ЧАСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

2019

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
НЕКРОПОЛЬ РОССИИ
КАК ЧАСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И ОХРАНЫ**

**К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА (1859–1919)**

Материалы IV Всероссийской
научно-практической конференции
Москва, 24–25 мая 2019 г.

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Центр краеведения, москвоведения и крымоведения
Фонд «История Отечества»*

*Союз краеведов России
Московское краеведческое общество
Московская Митрополия
Русской Православной Старообрядческой Церкви*

ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ РОССИИ КАК ЧАСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОХРАНЫ

**К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА (1859–1919)**

*Материалы IV Всероссийской
научно-практической конференции
Москва, 24–25 мая 2019 г.*

Москва
ИЦ «Краеведение»
2019

УДК
ББК 26.89
Г

Редакционная коллегия:
В.Ф.Козлов (отв. редактор),
А.Г.Смирнова (составитель), К.А.Смирнова

Г **Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия: проблемы изучения и охраны: Мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 мая 2019 г.) /Отв. ред. В.Ф.Козлов, сост. А.Г.Смирнова. М.: ИЦ «Краеведение», 2019. 416 с.**

ISBN 978-5-86443-300-3

DOI 10.34685/NI.2019.69.68.001

В настоящем сборнике в 4-х тематических разделах опубликована 31 статья — доклады и выступления, прозвучавшие на пленарных заседаниях и в рамках круглого стола в ходе IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной проблемам отечественного исторического некрополя, состоявшейся в Москве 24–25 мая 2019 г. В работе конференции приняли участие 65 человек, докладчики представляли 12 российских регионов и Республику Казахстан.

Исторический некрополь является неотъемлемой частью национального культурного наследия и нуждается в профессиональном изучении, охране и популяризации. Материалы сборника рассказывают о состоянии исторического некрополя в разных регионах России, об опыте его краеведческого изучения и сохранения.

В приложениях, среди прочего, опубликованы резолюция IV Всероссийской конференции и программы трех предшествующих конференций, посвященных историческому некрополю (1990, 1994, 2001 гг.)

Сборник предназначен краеведам, специалистам-некрополеводам, историкам, архитекторам, археологам, музейным работникам, реставраторам, всем, кто интересуется и занимается проблемами отечественного некрополя.

УДК
ББК

ISBN 978-5-86443-300-3

© ИЦ «Краеведение», 2019
© Институт Наследия, 2019
© Фонд «История Отечества», 2019
© Коллектив авторов, 2019

Предисловие

24–25 мая 2019 г. в Институте Наследия (в Палатах Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной) прошла IV Всероссийская научно-практическая конференция «Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия: проблемы изучения и охраны», посвященная 100-летию со дня гибели вел. кн. Николая Михайловича (1859–1919) — одного из пионеров изучения отечественного некрополя. Инициатором и главным организатором этого форума выступил Центр краеведения, москвоведения и крымоведения (ЦКМК) Института Наследия, а соорганизаторами стали Союз краеведов России (СКР), Московское краеведческое общество (МКО), Фонд «История Отечества» и Московская Митрополия Русской Православной Старообрядческой Церкви (РПСЦ).

Три прошедшие ранее конференции по проблемам исторического некрополя Москвы и России (1990, 1994, 2001 гг.) стали значимыми вехами в возрождении отечественной некрополистики новейшего времени. Главными их участниками стали специалисты широкого круга, в первую очередь, краеведы, историки, педагоги, археологи, реставраторы, искусствоведы, музейные, архивные и библиотечные работники. Организаторами предыдущих конференций были разные учреждения: Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (ЦМИАР), Московский фонд культуры, НИИ культуры, объединение «Мосгорархив», кафедра региональной истории и краеведения ИАИ ГГУ, СКР, МКО, Институт российской истории РАН и др.

На конференции рассматривались самые разные проблемы истории некрополя: источниковедческие, историографические, археологические, памятникоохранительные, реставрационные, музейно-эпифанические, просветительские и проч.

За 30 лет, прошедшие со времени этих конференций, сложилось краеведческое по своему характеру сообщество некрополистов, регулярно обменивающееся опытом изучения, охраны памятников некрополя, издания соответствующей научно-просветительской литературы и т.д.

В течение прошедших десятилетий в научный обиход прочно вошли понятия «некрополеведение» («некрополистика»), существенно пополнилась историография: были изданы различные виды справочников, путеводителей, сводов, методических разработок по проблемам некрополя. Широко известны достижения в сфере изучения, охраны и музеефикации исторических некрополей в Москве, Санкт-Петербурге, Туле, Владимире, подмосковном Домодедове, стали проводится комплексные реставрации выдающихся памятников отечественных исторических некрополей. Существует добровольное Общество некрополистов, с начала 2000-х гг. в разных городах были созданы специализированные некрополеведческие Интернет-ресурсы (сайты). Активно проблемами сохранения и возрождения некрополя стали заниматься старообрядческие общины.

Расширение сферы некрополеведческих исследований и круга специалистов, занимающихся этой тематикой, усиление интереса научно-краеведческого сообщества к отечественному некрополю сделали необходимым проведение после долгого перерыва очередной конференции. К участию в ней были приглашены некрополеведы, имеющие большой научно-практический, методический опыт, опыт музейно-реставрационной, просветительной работы.

Всего в IV Всероссийской конференции приняло участие 65 человек, прозвучало 35 докладов и выступлений участников из 12 российских регионов (из 16 городов) и из Республики Казахстан. Программа конференции включала 3 тематических пленарных заседания: «Некрополеведение как научная дисциплина: методика комплексных исследований, сохранения и реставрации исторического некрополя», «Исторический некрополь в регионах России и странах СНГ. Опыт изучения, сохранения и возрождения», «Исторический некрополь Московского региона. История, современное состояние, проблемы изучения, сохранения, возрождения», а также круглый стол «Старообрядческий исторический некрополь и проблемы его изучения и сохранения». В первый день в пленарных заседаниях в здании Института Наследия выступили 28 участников. Программа второго дня включала большую научно-экскурсионную программу (автобусная и пешеходные экскурсии по крупнейшим московским историческим кладбищам: Ваганьковскому, Введенскому, старообрядческим Преображенскому и Рогожскому) и выездное заседание в форме круглого стола в Рогожском в Московской Митрополии РПСЦ.

Следует особо отметить вклад в организацию конференции (помимо сотрудников Института Наследия и, непосредственно, ЦКМК) председателя Оргкомитета К.И.Могилевского (исполнительного директора Фонда «История Отечества»), членов Оргкомитета А.Ф.Грушиной (председателя СКР), иерея Сергия Матюшина, В.В.Волкова (представителя Московской Митрополии РПСЦ).

По итогам работы конференции участники разработали и приняли Резолюцию, в которой заявили о необходимости регулярного проведения подобных научных форумов, организации постоянно действующего научно-методического семинара по проблемам исторического некрополя на базе ЦКМК Института Наследия, а также о необходимости собирать сведения о некрополе краеведов, разрабатывать и издавать научные и научно-справочные издания, инициировать и проводить работы по изучению и сохранению исторических кладбищ и отдельных памятников некрополя и т.д.

Настоящий сборник стал третьим в серии сборников материалов всероссийских научных тематических краеведческих конференций нового формата, которые при участии СКР проходят с 2017 г. В сборнике опубликована 31 статья (доклады и выступления на круглом столе) 35 авторов. Тематически все статьи сгруппированы в 4 раздела (соответствующие основным проблемам, озвученным на конференции): 1. «Некроповедение как научная дисциплина: методика комплексных исследований, сохранения и реставрации исторического некрополя»; 2. «Опыт изучения, сохранения и возрождения исторического некрополя в России и странах СНГ»; 3. «Исторический некрополь Московского региона: история, современное состояние, проблемы изучения, сохранения, возрождения»; 4. «Старообрядческий исторический некрополь и проблемы его изучения и сохранения. (Материалы круглого стола)».

Предваряют научную часть сборника обращения руководства Института Наследия, СКР, а также Предстоятеля РПСЦ, митрополита Московского и всея Руси, адресованные участникам конференции. В конце даны приложения: 1. Резолюция конференции; 2. Программы конференций 1990, 1994 и 2001 гг.; 3. Материалы о вел. кн. Николае Михайловиче и его работе над «Русским некрополем» (в связи с посвящением конференции 100-летию со дня гибели великого князя редколлегия поместила в приложения биографические данные о нем, составленные на основе энциклопедических изданий, а также

выдержки из текста кандидатской диссертации петербургского исследователя Д.Н.Шилова, впервые исследовавшего историю разработки, написания и публикации великим князем и его сотрудниками много-томного труда по теме «Русский некрополь»).

Сборник издан на средства общественного Издательского центра «Краеведение» (составление и допечатная подготовка) и Фонда «История Отечества» (верстка и типографские расходы).

Редколлегия

Обращение к участникам Всероссийской конференции

Уважаемые участники и гости конференции!

Проведение в стенах Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Института Наследия) IV Всероссийской научно-практической конференции по проблемам отечественного исторического некрополя — крупная веха в изучении этой важной части культурного наследия России.

Институт Наследия — единственное в России научное учреждение, главными задачами которого являются изучение культурного и природного наследия, разработка методик по его сохранению и использованию, а также исследования в области культуры и научное обеспечение государственной культурной политики и региональных программ по сохранению и использованию национального наследия.

Три десятилетия назад именно здесь, в этих старинных палатах проходила часть заседаний I Всероссийской конференции «Исторический некрополь Москвы». Среди учредителей той конференции был НИИ культуры (тогда располагавшийся в этом здании, а ныне влившийся в Институт Наследия). И в 1990-е гг., когда Москву и многие регионы России охватило движение по изучению и сохранению отечественного некрополя, и сегодня ведущая роль в этом движении остается за краеведами. Поэтому неслучайно инициаторами нынешней IV Конференции стал Центр краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия, а также краеведческие объединения — Союз краеведов России и Московское краеведческое общество. Таким образом, большая и очень важная для науки, культуры и общества тема исторического некрополя вновь вернулась в наш Институт, в эти стены.

Это вполне закономерно еще и потому, что в свое время наш великий современник академик Д.С.Лихачев, имя которого носит Институт Наследия, говорил о необходимости изменения отношения к могилам и кладбищам, сохранения и изучения отечественного некрополя: «... Кладбище — это элемент города, своеобразная и очень

ценная часть городской архитектуры. Могилы делались с любовью. Надгробные памятники воплощали в себе признательность к покойному, стремление увековечить его память. Поэтому они так разнообразны, индивидуальны и всегда по-своему любопытны. Читая забытые имена, иногда разыскивая похороненных здесь известных людей, своих родных или просто знакомых, посетители в какой-то мере учатся “мудрости жизни”. Многие кладбища по-своему поэтичны. Поэтому роль одиноких могил или кладбищ в воспитании “нравственной оседлости” очень велика» (Д.С.Лихачев «Письма о добром и прекрасном» — письмо №31).

Важно, что организаторы пригласили на конференцию не только москвичей, но и опытных некрополистов из разных регионов страны. Сегодня в зале сидят ученые, краеведы из Санкт-Петербурга, Тулы, Владимира, Омска, Архангельска, Смоленска, Ростовской, Тверской, Псковской, Калужской областей, представитель Республики Казахстан — те, кто давно и успешно изучает, сохраняет, реставрирует и музеефицирует исторический некрополь.

От души желаю успеха нынешней конференции, которая, без сомнения, станет значимым событием в изучении и популяризации памятников исторического некрополя как части нашего национального наследия.

В.В.Аристархов,
директор Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
им. Д.С.Лихачева

Обращение к участникам Всероссийской конференции

Уважаемый Президиум! Уважаемые коллеги — участники сегодняшней конференции, посвященной теме некрополя! Тема эта крайне важна не только для нас с вами. Она — барометр, показывающий, куда направлены в наше бурно развивающееся время устремления и чаяния общества. Судя по современным средствам массовой информации, куда угодно, но вовсе не к культивированию «любви к отеческим гробам...». Между тем, некрополи — это сбережение памяти, и не только семейной. Это — связь времен и поколений, это — сохранение культурного фонда нации, народов.

«Московский журнал» начал выходить в 1991 г. Почти за три десятилетия мы опубликовали десятки статей о некрополях существующих и утраченных. Врачи А.В.Недоступ и Б.Н.Коростылев на страницах нашего журнала представили эпитафии с надгробий своих коллег; в статье «В поисках Мудрова» они же обозначили ранее потерянное место захоронения этого замечательного доктора. Мы писали о московском Братском кладбище воинов Первой мировой войны, об усыпальнице Зубовых в Московском Донском монастыре, о памятнике на могиле собирателя русских народных сказок А.Н.Афанасьева. Даже история некрополя у Кремлевской стены нашла у нас отражение в публикации редких архивных фотографий, собранных Е.В.Харитоновой в статье «Красный погост».

Невозможно перечислить все очерки и всех авторов, которые публиковались в журнале на заданную тему. Вот совсем недавно (2017. № 12) А.Г.Смирнова рассказала нашим читателям сложную историю Лазаревского кладбища — первого городского некрополя Москвы. На это подробное исследование до сих пор поступают запросы от краеведов, историков и даже литераторов.

Отмечу также роль Союза краеведов России (СКР), который я ныне представляю, в развитии современной некрополистики. СКР уже не впервые выступает в качестве организатора научной конференции по проблемам некрополя. Эту тему он поддержал в 2001 г. и

ныне входит в число организаторов нашей конференции. Это вполне закономерно, поскольку изучение и сохранение исторического некрополя одинаково актуально и для столицы, и для провинции, и именно краеведы в разных регионах страны играют ведущую роль в этой работе. Неслучайно среди участников IV Всероссийской конференции — представители научно-краеведческого сообщества многих регионов России.

В заключение своего вступительного слова я бы хотела привести цитату из статьи «Сокровища Введенских гор» Александра Солодовникова, открывшего «некрополистский цикл» «Московского журнала» в самом начале 1990-х гг.: «Сокровища Введенских гор — вовсе не золото, алмазы и не драгоценные камни... Это могилы людей высокой духовной жизни, просиявших в потемках истории нашей родной страны... Приходя им поклониться, мы обретаем в благодарном сердце живую память, прикасаемся к неумирающей силе их души, к животворящей красоте и святости их образов».

Тема некрополя — сложна и многогранна. В ней немало проблем, о которых сегодня здесь тоже будет рассказано. Желаю всем нам разговора плодотворного, конструктивно, а главное — достойного насельников тех самых некрополей, о которых мы будем говорить.

А.Ф.Грушина,
председатель Союза краеведов России,
главный редактор «Московского журнала»

Обращение к участникам Всероссийской конференции

Дорогие участники
IV Всероссийской научно-практической конференции
«Исторический некрополь России как часть
отечественного культурного наследия:
проблемы изучения и охраны»!

Мы рады Вас приветствовать
в административном центре Русской Православной
Старообрядческой Церкви — на Рогожском!

Сегодня Вы увидели Рогожский некрополь — один из самых интересных некрополей Москвы. С каким-либо другим кладбищем его трудно спутать, поскольку здесь есть свои особенности, свои памятники.

Для старообрядческой Церкви это место играет особенно важную роль, поскольку здесь похоронены служившие в Рогожском духовном центре преосвященнейшие митрополиты и архиепископы, преосвященные епископы, священники и диаконы, а также многие старообрядческие предприниматели и меценаты: Морозовы, Рябушинские, Рахмановы и др.

На старообрядческих надгробиях по традиции стоят восьмиконечные кресты, которые являют собой образ несения скорбей и испытаний. Поскольку человеку невозможно быть христианином, не последовав за Христом, не подражая Его земной жизни (1Кор. 4, 16).

Переход от земной жизни к небесной Церковь воспринимала как временный этап, предваряющий Всеобщее Воскресение людей, где каждому уготовано свое постоянное пребывание, согласно веры и дел человека.

В древности первые христиане, во времена притеснений, молились в катакомбах¹, по сути, в склепах, где совершали литургию на мощах святых мучеников. Позже, уже не в гонительное время, христианские клад-

¹ От *лат.* *cata tumbas* («на могилах», «среди могил»); от греч. *κάτω κόμβος* («подземные ходы»)

бища воспринимались как места сугубого почитания не только погибших за имя Христово, но и богоугодно живших в мирное время.

Так, уже с первых веков существования христианства останки святых людей являются одними из важных объектов почитания Церкви. Святитель Иоанн Златоуст уже в IV в. напишет о духовной пользе от почитания останков священномученика Игнатия Богоносца: «Итак, не сегодня только, но и каждый день будем приходить к нему (свщ. Игнатию) для получения от него духовных плодов... Прикасающийся к этой гробнице с верой может получить от нее великую силу. Поэтому Бог и оставил нам мощи святых, ... чтобы дать нам надежное прибежище и утешение в бедствиях, постоянно постигающих нас, ... находится ли кто в унынии, или в болезнях, или в скорбях, ... пусть с верой приходит сюда... и возвратится с великой радостью»².

Помимо почитания угодников Божиих, Церковь совершает заупокойные литии и панихиды в память прочих усопших христиан. Тем самым, священнослужители и прихожане являются постоянными посетителями Рогожского кладбища. И для последних особенно важна работа, направленная на сохранение, а, порой, на спасение от разрушения надгробных памятников.

Эти надгробные плиты и кресты являются уже частью истории Церкви и города Москвы. Если мы не сумеем сохранить эти монументы, то, по словам Цицерона, «Не знать истории — всегда быть ребенком».

Хочется пожелать участникам конференции помощи Божией, душевного спасения и телесного здравия! Ваш труд очень важен и для старообрядческой Церкви! Помогите Всем, Господи!

С любовью о Господе
Корнилий,
митрополит Московский и всея Руси

---

² Святитель Иоанн Златоуст. Похвала святому священномученику Игнатию Богоносцу.

**I. НЕКРОПОЛЕВЕДЕНИЕ КАК
НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА:
МЕТОДИКА И ПРАКТИКА
КОМПЛЕКСНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ, СОХРАНЕНИЯ
И РЕСТАВРАЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО НЕКРОПОЛЯ**

Всехсвятское кладбище г. Тулы

Краеведение и исторический некрополь: опыт, задачи и основные направления изучения (1980-е — 2010-е гг.)

Кладбище — неизменный спутник любого поселения человека. Со временем поселение росло, и кладбище оказывалось окруженным жилыми зданиями, на нем прекращались захоронения, и оно постепенно становилось историческим. Судьба старых кладбищ чаще всего трагична: еще до 1917 г. была утрачена значительная часть исторических некрополей. Тотальное уничтожение отечественного некрополя произошло в атеистическую эпоху советской власти. В период гонений на Церковь с конца 1920-х гг. целенаправленно были полностью или частично ликвидированы сотни старых городских кладбищ России. Некрополь оказался самой уязвимой и незащищенной частью историко-культурного наследия. Привитое нескольким поколениям наших соотечественников нигилистическое отношение к некрополю дало свои негативные результаты. Старые кладбища с разрушающимися и поваленными надгробиями, повсеместно сбитыми крестами представляли грустную картину. Ставились на учет и охранялись преимущественно только могилы революционеров, героев Гражданской и Великой Отечественной войн, выдающихся деятелей. Только в Москве были полностью уничтожены 4 исторических гражданских некрополя, практически все известные монастырские кладбища (кроме Донского).

В 1970–1980-е гг. стали появляться отдельные работы, посвященные изучению мемориальной скульптуры. И только с конца 1980-х гг. как следствие политических процессов в стране, разрушивших прежнюю государственную идеологию, о проблемах отечественного некрополя заговорили открыто. Тема стала болезненной для общественности, узнавшей из многочисленных публикаций в прессе о масштабах уничтожения национального некрополя. Важное воспитательное значение имели публикации в научно-популярных альманахах и журналах, в первую очередь, в «Памятниках Отечества», «Нашем наследии».

В 1989 г. при Московском фонде культуры (МФК) была создана общественная комиссия «Московский некрополь», объединившая

людей-энтузиастов разных специальностей (председатель — ст. преподаватель МГИАИ В.Ф.Козлов). Активно сотрудничали в Комиссии люди разных возрастов: известный некрополист проф. М.Д.Артамонов и молодой тогда выпускник МАРХИ В.Ю.Пирогов и др.

Государственные памятникоохранительные органы и официальная историческая наука, долго игнорировавшие некролеведческие исследования или занимавшиеся только средневековыми памятниками, оказались не готовы включиться в работу по изучению и сохранению существующего московского исторического некрополя. Краеведческой общественности пришлось встать во главе быстро складывающегося научно-общественного направления — некролеведения (некрополистики). К тому времени описанием и фиксацией московского некрополя давно и успешно занимались краеведы: ученый, военный инженер М.Д.Артамонов, геолог А.Е.Субботин, журналист С.Е.Кипнис, врач А.П.Жегулевцева и др. Именно благодаря многолетним общественным трудам этих и других краеведов в первой половине 1990-х гг. появились описания, справочники-путеводители по Введенскому, Ваганьковскому (М.Д.Артамонов), Новодевичьему (С.Е.Кипнис) кладбищам.

Важнейшей вехой в изучении кладбищ, в деле привлечения внимания общественности к отечественному, в первую очередь, московскому историческому некрополю стала состоявшаяся в марте 1990 г. научно-практическая конференция «Исторический некрополь Москвы». Инициаторами и организаторами ее были В.Ф.Козлов (председатель некропольской секции МФК и зав. отделом Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. А.Рублева) и С.Е.Компанец (научный сотрудник НИИ культуры — ныне Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева). Заседания конференции проходили в Музее им. А.Рублева и НИИ культуры. В течение двух дней с докладами и сообщениями по истории, изучению, охране и описанию исторических кладбищ выступили около 30 краеведов, историков, архивистов, археологов, музейных работников. Большинство выступавших имели практический опыт фиксации, описания, изучения кладбищ и надгробий. Важным было участие в конференции известных ученых и общественных деятелей, докторов исторических наук С.О.Шмидта (доклад «Исторический некрополь как феномен отечественной культуры») и Л.В.Ивановой (доклад «Вопросы изучения московского некрополя»), которые внесли

позднее большой вклад в разработку научной основы некрополеведения. Среди выступавших были: В.Я.Лазарев (журнал «Наше наследие»), В.Ф.Козлов, Т.Д.Панова (Музеи Московского Кремля), Н.Ф.Трутнева (филиал ГИМ «Новодевичий монастырь»), С.И.Компанец, Ю.В.Ратомская (ГНИМА им. А.В.Щусева), священник Р.Р.Лозинский (Тула), В.В.Сорокин (МГО ВООПИиК), М.Д.Артамонов (МГИЛП), А.П.Жегулевцева (МГО ВООПИиК), И.А.Гузеева (ГПИБ) и др. Тексты выступлений были опубликованы в сборнике «Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана» (М., 1991). Сюда вошли доклады музейных работников Т.Д.Пановой, Н.Ф.Трутневой, В.Ф.Козлова о монастырских кладбищах; научных сотрудников Института российской истории (ИРИ) РАН и Института археологии РАН Л.А.Беляева, С.З.Чернова, а также Л.В.Тыдмана, С.Е.Компанца (все, преимущественно, о средневековых надгробиях).

Большую помощь в организации конференции и издании трудов ее оказала один из руководителей МФК Е.Л.Горшкова.

Главной заслугой этой конференции стала консолидация некрополистов в некое сообщество, существующее вплоть до настоящего времени.

Вторая научная конференция «Исторический некрополь Москвы» была также организована краеведами и проходила 31 марта — 1 апреля 1994 г. в бывших на тот период центрами москвоведения Мосгорархиве и Музее им. А.Рублева. Сотрудники Мосгорархива организовали выставку архивных документов по истории московских кладбищ. На второй конференции присутствовало более 80 человек, из них почти половина выступили с докладами и сообщениями на 4 секционных заседаниях: «Источники и историография московского некрополя», «Профессиональные и фамильные некрополи. Судьба отдельных захоронений и надгробий», «Монастырские и гражданские некрополи», «Судьбы московского некрополя в XX в.». В программе II Конференции в качестве организатора, помимо Мосгорархива и Музея им. А.Рублева, указан ИРИ РАН, хотя на деле его представляли лишь Л.В.Иванова и отчасти связанный с этим академическим институтом С.О.Шмидт. От академической науки также приняли участие в конференции Л.А.Беляев и С.З.Чернов (оба — Институт археологии РАН), выступившие, как и на первой конференции 1989 г., с докладами о средневековом русском некрополе.

Именно краеведы широкого профиля: музейные, библиотечные, архивные работники, журналисты и педагоги, определяли в даль-

нейшем пути и направления развития некрополистики. Оформился и круг опытных некрополистов, который включал, помимо представителей четырех упомянутых выше ученых академических институтов, В.Ф.Козлова, Н.Ф.Трутневу, А.Е.Субботина, М.Д.Артамонова, В.Б.Муравьева, И.А.Гузееву, А.П.Жегулевцеву, В.Я.Лазарева, Т.Д.Панову, И.И.Парунина, И.Б.Томан, С.Ю.Шокарева, В.Ю.Пирогова, Л.В.Тыдмана.

В 1996 г. был опубликован сборник материалов II конференции по некрополю — «Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана», ставший сегодня библиографической редкостью. В нем опубликовано 26 докладов.

Середина — вторая половина 1990-х гг. — золотые годы в истории современной некрополистики. Программа «Исторический некрополь России», была принята как одна из основных в деятельности Союза краеведов России (СКР). В 1994–1997 гг. были изданы фундаментальные книги в области некрополеведения: М.Д.Артамонова «Московский некрополь» [Избранные списки захоронений известных людей на семи исторических кладбищах]. (М., 1995), С.Е.Кипниса «Новодевичий мемориал. Некрополь Новодевичьего кладбища» (М., 1995, второе издание — 1998 г.), Л.А.Беляева «Русское средневековое надгробие» (М., 1996), Н.Б.Коростелева «Некрополь медицинского факультета Московского университета» (М., 1998) и др.

Заметным событием в некрополеведении стало издание в 1997 г. рукописи А.Т.Саладина «Прогулки по московским кладбищам» (1918 г.) под названием «Очерки истории московских кладбищ» (послесловие С.О.Шмидта, комментарии С.Ю.Шокарева).

В 1995 г. во дворе Музея истории Москвы открылась постоянно действующая выставка «Белокаменные страницы прошлого», на которой были представлены найденные в Москве средневековые надгробия и их фрагменты. По инициативе МФК (Е.Л.Горшкова) и М.Д.Артамонова на Ваганьковском кладбище были восстановлены несколько надгробий известным деятелям культуры.

В преддверии юбилея Москвы на некрополеведение обратили, наконец, внимание и подразделения московской власти. В 1995 г. по инициативе Н.А.Потаповой и Н.А.Ланчиковой в Управлении государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры Москвы была создана комиссия, рассматривавшая вопросы постановки на учет историко-художественных надгробий, а в ноябре 1996 г. в том же Управлении были организованы краеведческие

чтения «Московский некрополь: история и современность». Это хорошее начинание, в целом копировавшее формат и структуру I и II некроповедческих конференций 1989 и 1994 гг., не получило продолжения. Не был напечатан и сборник трудов этих чтений.

Следует упомянуть так и нереализованный большой исследовательско-издательский проект, организаторами которого были Л.В.Иванова и В.Ф.Козлов. У автора статьи хранятся черновые подготовительные материалы этого проекта, составленные в конце 1993 — начале 1994 г. и впервые представленные на обсуждение на II конференции по некрополю. Проект предусматривал подготовку и издание справочника в двух книгах, посвященного историческому некрополю Москвы, объемом 60 и 25 печатных листов. Подробно была разработана первая часть проекта — справочник, включавший 3 больших раздела: «История московского некрополя XIV–XX вв.» (церковные, монастырские и городские кладбища; законодательство; художественные надгробия; источники и история изучения некрополя; принципы составления справочника); «Исторические (сохранившиеся) кладбища Москвы» (соборы Кремля, Армянское, Ваганьковское, Введенское, Даниловское, Калитниковское, Донское, Миусское, Новодевичье, Преображенское, Пятницкое, Рогожское кладбища); «Несохранившиеся исторические некрополи» (а/ монастырские: Алексеевское, Спасо-Андроньевское, Данилова монастыря, Новоспасское, Покровское, Скорбященское, Симонова монастыря; б/ городские: Братское, Дорогомиловское, Лазаревское, Семеновское; в/ при храмах Москвы).

Были продуманы методические основы издания: типология статей по отдельным кладбищам, система библиографических справок, схем и иллюстраций, виды указателей и т.п. Начались поиски авторов отдельных статей, выявление материалов для справочника в архивохранилищах и библиотеках. Однако во второй половине 1990-х гг. Л.В.Иванова тяжело заболела (скончалась в 1999 г.), средств на подготовку и издание столь масштабного справочника так и не нашлось, и проект, не получив дальнейшего развития, остался только на бумаге.

После юбилейных мероприятий, связанных с празднованием 850-летия Москвы (1997 г.), у московских властей стал снижаться интерес к москвоведению вообще и изданию москвоведческой литературы, в частности. Краеведы Москвы, не связанные в своем творчестве с конъюнктурой, модой на темы и юбилеи, продолжали изучать и популяризировать наследие московского некрополя. В конце 1990-х гг.

в МФК стала работать программа «Пушкинский некрополь», в ней самое активное участие принял М.Д.Артамонов.

В 1997 г. в Историко-архивном институте (ИАИ) РГГУ была создана кафедра региональной истории и краеведения, со временем ставшая центром притяжения краеведческих сил не только Московского региона, но и всей страны. Позже в том же вузе появилась кафедра москвоведения, сформировавшаяся на базе кафедры региональной истории и краеведения. В старинном здании ИАИ на ул. Никольской обосновались СКР, Московское краеведческое общество (МКО) — здесь работали председатель этих обществ и его первый заместитель. И здесь же 23 марта 2001 г. состоялась III научно-практическая конференция «Некрополь Москвы и России. История. Изучение. Охрана». Организаторами ее стали кафедра региональной истории и краеведения и вышеупомянутые краеведческие объединения. На конференции выступили около 40 докладчиков. О методике изучения и охране отечественного некрополя сделали доклады В.Ф.Козлов, Л.В.Тыдман, М.Д.Артамонов, Н.Б.Коростелев, М.Г.Рогозина, С.Ю.Шокарев, А.Г.Авдеев, А.В.Святославский и др. По теме «История и описание исторических кладбищ и отдельных надгробий Москвы» выступили Т.Д.Панова, В.Ю.Пирогов, А.П.Жегулевцева, И.А.Гузеева, А.Е.Субботин, Е.Г.Петрова и др. На вечернем заседании конференции «Некрополь России» выступили известные в своих регионах исследователи некрополя: А.Н.Акиншин (Воронеж), Р.П.Клянин и И.Г.Ковшарь (Тула), В.И.Титова (Владимир), В.А.Кученкова (Тамбов), А.А.Шумков (Санкт-Петербург) и др. Особенно были интересны доклады владимирцев и туляков, рассказавших о деятельности уникальных муниципальных учреждений краеведческого характера: «Владимирский некрополь» и музея «Тульский некрополь». К сожалению, собранные доклады III конференции так и не удалось издать.

Три состоявшиеся в 1989–2001 гг. конференции по некрополю сформировали, подчеркнем это еще раз, содружество исследователей и знатоков отечественного и, в первую очередь, московского некрополя. Несмотря на уход из жизни в конце 1990-х гг. — 2010-х гг. известных исследователей некрополя (С.О.Шмидта, Л.В.Ивановой, М.Д.Артамонова, С.Е.Кипниса, Н.Ф.Трутневой, А.Е.Субботина, В.В.Сорокина, В.Я.Лазарева, Ю.Н.Буракова, Л.А.Ястржембского, Л.В.Тыдмана и др.) численно сообщество некрополистов увеличилось, и тематика их работы расширилась.

Появились исследования по отдельным некрополям. В 2005 г. диакон Сергей Матюшин за труд «Церковный некрополь Ваганьковского кладбища» был удостоен Макариевской премии в номинации «История Москвы». Этот труд лег в основу напечатанной двумя изданиями книги «Священное Ваганьково» (М., 2008, 2012). Историком-архивистом С.А.Смирновым в результате кропотливых архивных разысканий написана книга «Некрополь: История Покровского монастыря и монастырского кладбища» (М., 2006). В.Ф.Козловым в книгах «По старым московским окраинам» (М., 2007) и «Москва старообрядческая. История. Культура. Святыни» (М., 2011) опубликованы очерки-экскурсионные маршруты со схемами по Братскому, Ваганьковскому, а также по старообрядческим Рогожскому и Преображенскому кладбищам. В 2007 г. появилась книга бывшего ученого секретаря ГНИМА им. А.В.Щусева И.Е.Домбровского «Некрополь Донского монастыря», представляющая собой тоже своеобразный путеводитель по знаменитому монастырскому некрополю.

Значителен вклад в некрополеведение начала XXI в. археолога Л.А.Беляева. Он — составитель и ответственный редактор труда «Русское средневековое надгробье XIII–XVII века. Материалы к своду» (М., 2006). Книга включает сотни надписей средневековых надгробий из храмов, монастырей Москвы (Зачатьевский монастырь, храм Николы в Старом Ваганькове), из коллекции Музея истории Москвы, а также надгробий из других местностей России. Л.А.Беляев стал составителем и одним из авторов небольшого, но важного методического пособия (2011 г.) «Опыт изучения исторических некрополей и персональная идентификация методами археологии (XVI — нач. XX вв.)», вышедшего в серии «Методика полевых археологических исследований». Через год вышел большой труд, основанный на данных полевых работ 1980–2000-х гг. — «Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках».

В первое десятилетие XXI в. активно изучала средневековый некрополь Московского Кремля зав. археологическим отделом Музея-заповедника «Московский Кремль» Т.Д.Панова. Ею были опубликованы книги «Некрополи Московского Кремля» (Изд. 2-е. М., 2003); «Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна» (М., 2003); «Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков» (М., 2004) и др.

В 2000 г. в РГГУ С.Ю.Шокаревым была защищена кандидатская диссертация «Московский некрополь XV — начала XX вв. как социо-

культурное явление: Источниковедческий аспект» (научный руководитель С.О.Шмидт). С.Ю.Шокареву принадлежит ряд статей по источниковедению, историографии исторического некрополя (главным образом, в г. Москве), методике его исследования.

Краеведческая составляющая в изучении отечественного некрополя, в том числе и некрополя Москвы, остается значительной и развивается. Отметим многолетний опыт и многочисленные труды зам. начальника управления Департамента культурного наследия г. Москвы В.Ю.Пирогова по изучению и описанию некрополей (в первую очередь, московских: Введенского, Братского, упраздненного в XVIII в. Моисеевского монастыря, а также русского некрополя за рубежом).

Введенским (Немецким) кладбищем давно занимается И.Б.Томан. В 2010-х гг. появились работы по истории и топографии утраченных московских исторических некрополей: Семеновскому и Лазаревскому — ныне ведущего научного сотрудника Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева А.Г.Смирновой.

В связи с возрождением церковной жизни при восстановлении монастырей и храмов стали находить многочисленные захоронения и надгробные памятники. Так при монастырях и некоторых приходских храмах возникли небольшие участки, где были собраны уцелевшие надгробия и их фрагменты. Такие «новые» некрополи существуют в Зачатьевском, Высокопетровском, Спасо-Андроньевском (создан ранее), бывшем Симоновом, Новоспасском, Даниловом, снесенном в 1930-е гг. Златоустовском и других монастырях.

Отметим вклад в изучение исторических некрополей отдельных краеведов-некрополистов, не связанных непосредственно ни с академическими институтами, ни с краеведческими объединениями. Издательством «Русский мир» выпущены словари-справочники по утраченным московским кладбищам: двухтомник «Братское кладбище в Москве. 1915–1924. Некрополь» (авт.-сост. Н.Л.Зубова, М.В.Катагощина. М., 2013); «Некрополь Алексеевского монастыря. 1841–1924» (авт.-сост. Н.А.Филаткина. М., 2016), «Некрополь Скорбященского монастыря. 1894–1920» (авт.-сост. Н.А.Филаткина. М., 2019). Укажем также на большую роль в изучении некрополя Скорбященского монастыря клира и прихожан храма Всемилостивого Спаса, находящегося в одном из сохранившихся корпусов этой уничтоженной обители. Многие годы собирают материал и изучают некрополи В.А.Кудинов

(Даниловское кладбище) и Т.В.Шомина (Пятницкое кладбище). Ими подготовлены к изданию рукописи по этим некрополям.

В Москве с 2007 г. существует общественная организация «Общество некрополистов», зарегистрированная в 2008 г. в виде «некоммерческого партнерства». Целями и задачами Общества, как указано на его сайте, являются: «Поиск могил людей, оставивших заметный след в истории нашей страны, обеспечение сохранения захоронений известных людей, составление реестра могил известных людей, нуждающихся в реставрации и уходе, создание и ведение Интернет-сайтов различной функциональной направленности по вопросам деятельности Общества некрополистов». Главной формой работы Общества являются ежемесячные встречи членов Общества на одном из московских кладбищ, где они проводят экскурсии, убирают мусор и т.д. Общество имеет всероссийский характер, у него есть различные сайты: «Могилы знаменитостей», «Moscow-tombs.ru», «Космический мемориал», «Герои страны», «Нижегородский некрополь», «Новодевичье кладбище», «Крымский виртуальный некрополь», «Виртуальный некрополь Севастополя», «Смоленский некрополь», «Могилы ушедших поэтов», «Женские лики авиации» и др. Общество некрополистов ведет важную просветительную работу, выявляет памятники, ухаживает за заброшенными могилами, ставит надмогильные памятники. Научно-исследовательской работой Общество не занимается, от участия в научных мероприятиях, посвященных некрополистике, члены Общества уклоняются и действуют автономно.

Сегодня одной из распространенных форм изучения, фиксации исторического некрополя России, популяризации его наследия являются некрополеведческие электронные ресурсы (некоторые из них связаны с деятельностью Общества некрополистов, другие существуют совершенно самостоятельно, будучи созданы энтузиастами), вокруг этих сайтов формируются Интернет-сообщества. В качестве примера, назовем сайты «Архангельский некрополь», «Домодедовский некрополь» (Московская обл.), «Курский некрополь», «Москва. Новое Донское кладбище», «Пермский некрополь», «Петербургский некрополь», и др.

Большой интерес общественности к проблемам отечественного некрополя вызвал появление в 2000-х гг. не только серьезной научной и научно-популярной литературы, но и литературы, призванной удовлетворить невзыскательные вкусы посещающих известные кладбища

Москвы, главным образом, Новодевичье и Ваганьковское, с современными могилами знаменитостей.

В последние годы государственные службы охраны памятников стали обращать внимание на бедственное состояние ряда историко-художественных памятников на исторических московских кладбищах. Департамент культурного наследия г. Москвы в 2016–2017 гг. отреставрировал более 70 исторических надгробий, расположенных на Ваганьковском, Введенском, Новодевичьем, Рогожском и Преображенском кладбищах. Хотя, конечно, это капля в море — нуждающихся в реставрации историко-художественных надгробий во много раз больше.

Несмотря на возросший в последнее десятилетие интерес государственных структур и академических институтов к теме сохранения и изучения отечественного некрополя все же основную роль в этой сфере играют краеведы-исследователи. Отечественный исторический некрополь, включающий находящиеся зачастую под угрозой уничтожения многие тысячи больших и малых старых кладбищ, возможно описать и зафиксировать только силами большого числа местных краеведов. Эти описания-справочники после «полевой» работы и трудоемкой работы в архивохранилищах, составления подробных схем, поиска иллюстративного материала следует, используя государственные программы и гранты, издавать. Ведь в большинстве городов, да и в Москве тоже, так и не появились справочные издания по типу изданного А.В.Кобаком и Ю.М.Прирютко еще в 1993 г. справочника «Исторические кладбища Санкт-Петербурга» (последнее переиздание — 2011 г.).

Важной задачей является и написание научно выверенных и при этом популярных по форме, хорошо иллюстрированных, путеводителей по историческим кладбищам. Следует изучать и сохранять профессиональный некрополь: математиков, географов, историков, педагогов, литераторов, художников, музейных работников, искусствоведов, архитекторов и, конечно же, краеведов. Самостоятельное значение имеет изучение воинского исторического некрополя.

Краткий обзор развития некрополеведения за последние три десятилетия свидетельствует о ведущей роли краеведов в изучении, сохранении и популяризации отечественного некрополя. Именно краеведами были составлены первые словари-справочники по отдельным кладбищам. Большое значение в возрождении некрополеведения сыграли и упомянутые три краеведческие по существу научно-практиче-

ские конференции (1990, 1994, 2001 гг.), не только поднявшие широко саму тему исторического некрополя, но и определившие, в значительной степени, направления современной некрополеведческой работы, консолидировавшие научно-общественные краеведческие силы вокруг этой темы. Закономерно, что после почти двухдесятилетнего перерыва после конференций 1990-х — 2000-х гг. четвертую конференцию, уже всероссийского уровня, инициировали именно краеведы, непосредственно Центр краеведения, москвоведения и крымоведения, с 2018 г. работающий в Институте Наследия, а поддержали общественные краеведческие организации — СКР и МКО. IV научный форум некрополистов — свидетельство преемственности краеведческой традиции изучения и защиты отечественного исторического некрополя как неотъемлемого элемента нашей истории и культуры и одного из важнейших объектов национального культурного наследия.

А.Г.Смирнова (Москва)

Московский некрополь краеведов: к проблеме сохранения и изучения

«Животворящая» любовь к «отеческим гробам» — одна из основ культуры. Именно память помогает человечеству преодолевать время, она накапливает то, что называется культурой. Беспамятство — разрушительно, память — созидательна.

Д.С.Лихачев

В истории нашего Отечества есть еще немало страниц и сюжетов, которые пока почти не изучены или изучены недостаточно и которые специалистам еще только предстоит исследовать. Существование таких «белых пятен», образовавшихся в силу различных естественных причин, например, в связи с отсутствием репрезентативных исторических источников, с неоднозначностью и противоречивостью самих исторических процессов и прочее, вобщем, закономерно. Однако бывают «белые пятна» и другого рода, возникшие по причине целенаправленных попыток переписать историю, стереть память о тех или иных ее периодах, процессах, событиях, уничтожить ту или иную часть наследия. Именно такого рода «белыми пятнами» изобилует отечественный исторический некрополь, которому в разное время, и особенно в первые десятилетия советской власти, был нанесен во многом непоправимый ущерб.

В статье речь пойдет лишь о небольшой части исторического некрополя Москвы, а именно о некрополе краеведов¹, необходимость изучения и сохранения которого совершенно очевидна. Заметим, что

---

¹ Безусловно, подавляющая часть похороненных на московских и подмосковных кладбищах краеведов является москвоведом в широком смысле этого слова (мы имеем ввиду и Москву, и Подмоскowie как единый историко-культурный Московский регион), но мы все же будем в отношении московского некрополя применять термин «краеведы», поскольку упокоение на кладбищах Москвы нашли и те люди, жизнь и краеведческая работа которых были связаны не только со столичным регионом.

проблема некрополя краеведов имеет не только научный, но одновременно и нравственный аспект. Для краеведческого сообщества тема памяти о своих предшественниках и ушедших современниках также актуальна, как и для человеческого сообщества в целом. Можно вспомнить многие высказывания, обращенные именно к нравственному содержанию проблемы памяти: и знаменитое пушкинское «любовь к отеческим гробам», и его же — «Неуважение к предкам есть первый признак безнравственности», и строку И.В.Гёте «Блажен, кто предков с чистым сердцем чтит» и проч. Однако, обращаясь к теме отечественного (и московского, в частности) некрополя краеведов, исследователь неизбежно столкнется с некоторыми трудностями.

Принимая во внимание непростую судьбу отечественного краеведения в XX в., отметим, что в отношении поколения краеведов конца XIX — первой трети XX в., чьи судьбы и деятельность пришлись, в том числе, и на период репрессий и разгрома краеведения, во-первых, есть персоналии, чья судьба, место смерти (гибели) неизвестны, или неизвестно точно место их захоронения, во-вторых, есть прецеденты утраты могил (что связано с уничтожением исторических некрополей Москвы). Если говорить о современном краеведческом некрополе, то здесь тоже, к сожалению, не все просто. Речь идет, конечно, уже не об утрате могил или безвестной судьбе наших коллег, но об отсутствии иногда должного и целенаправленного внимания краеведческого сообщества к этой проблеме.

Московское краеведческое общество (МКО), к большому сожалению, с этой проблемой знакомо. Храня память об ушедших, отдавая должное этой памяти, мы часто не обладаем точной информацией о месте захоронения, живя в эпоху информационных технологий, по тем или иным причинам не выясняем и не фиксируем необходимые сведения, которые с течением времени восстановить и сохранить для себя и потомков иногда бывает просто уже невозможно. И, помимо самых разных, в том числе и объективных причин, которые мешают это сделать, в первую очередь, это все-таки причины нравственного порядка. Известный некрополевед М.Д.Артамонов (1922–2011) писал в 1990-е гг.: «Нам — современным, образованным и культурным людям, каждый желает быть таковым, должно чувствовать себя неуютно оттого, что мы так мало знаем о своих предках и часто совсем не знаем, где они нашли свое последнее упокоение. В лучшем случае, мы знаем могилы своих бабушек и дедушек и посещаем их раз в год. А ведь забота о могилах предков — один из элементов культуры любого народа, показатель его духовного

здоровья. К сожалению, у нас и раньше, и теперь культа предков, в хорошем смысле этого слова, не было, и нет. О кладбищах мало пишут, их недостаточно изучают, о захоронениях мало заботятся. Могилы многих, даже выдающихся сынов и дочерей России, зарастают травой забвения, а порою исчезают совсем»². Слова эти, к сожалению, справедливы и справедливы не только в отношении предков, но также и в отношении наших ушедших современников-коллег. Решение этой нравственной проблемы необходимо и возможно, равно как и решение исследовательских задач в этой области. Таким образом, у краеведов Московского региона есть ряд практических задач, реализация которых могла бы стать началом создания комплексного «Московского некрополя краеведов».

Восприятие научно-краеведческим сообществом исторического некрополя как объекта наследия вполне устоялось. А сформировалось такое восприятие уже в XIX — начале XX в. Практические шаги по изучению и особенно по охране некрополя москвоведы стали активно предпринимать в 1920-е гг., речь идет об опыте комиссии «Старая Москва» и Общества изучения московской губернии (ОИМГ). В 1925 г. в связи с угрозой упразднения некоторых московских кладбищ, утраты могил, перепланирования кладбищенских участков и «в связи с усиливающимся проявлением воровства и хулиганства на кладбищах»³ в составе «Старой Москвы» была создана Кладбищенская комиссия под руководством Б.С.Пушкина. Комиссия ставила своей целью «сплошную регистрацию могил с составлением планов»⁴, выявление захоронений выдающихся деятелей. Затем в 1927 г. с участием ОИМГ был организован Комитет по охране могил выдающихся деятелей на кладбищах Москвы и Московской губернии⁵. Под эгидой ОИМГ при кладбищах работали добровольные комиссии по благоустройству⁶. Этот научный и практический опыт очень важен.

---

² Артамонов М.Д. Московский Некрополь. М., 1995. С. 3–4.

³ Миллер П.Н. Комитет по охране могил выдающихся деятелей // Московский краевед (МК). 1927. Вып. 2. С. 88.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Иванова Л.В. Общество «Старая Москва» и его борьба за московский некрополь // Людмила Васильевна Иванова — краевед, москвовед, усадебовед. М., 2012. С. 211.

Историография московского некрополя стала активно пополняться с конца XX в., когда начало возрождаться историко-культурное краеведение. Значимой была деятельность секции «Московский некрополь» (рук. В.Ф.Козлов) в 1990-е — начале 2000-х гг. в МКО. Большой вклад в развитие методики некрополеведения, в изучение московского некрополя внесли М.Д.Артамонов, С.Е.Кипнис (1919–2001). В настоящее время есть описания ряда московских исторических кладбищ и монастырских некрополей (в том числе и утраченных), создаются биобиблиографические справочники, путеводители, в последние десятилетия успешно реализуются различные некрополеведческие Интернет-проекты, существуют отработанные методики научного описания и изучения исторического некрополя. Это то, что касается всего комплекса исторических захоронений Москвы.

В отношении изучения некрополя непосредственно краеведов и москвоведов сделано, может быть, не так много, но все же серьезное начало этому было положено еще в 1990-е гг. изданием коллективного труда «Историки и краеведы Москвы. Некрополь: Биобиблиографический справочник» (М., 1996)⁷, редактором-составителем и, собственно, вдохновителем которого стала Л.В.Иванова (1928–1999). Появлению этого справочника предшествовала исследовательская работа. В частности, выступления Л.В.Ивановой на II научной конференции «Исторический некрополь Москвы» (1994 г.) с докладом «Некрополь москвоведов», где был представлен Словник историков и краеведов Москвы, включивший 160 персоналий. В процессе подготовки материала доклада к публикации были сделаны дополнения, и статья «Историки и краеведы Москвы. Некрополь», включавшая и Словник, была напечатана в сборнике конференции в 1996 г.⁸ В ней Л.В.Иванова писала: «Обсуждение Словника показало, что он может послужить основой для дальнейшей работы. Были учтены некоторые конкретные предложения по его дополнению... В настоящее время на базе Словника заканчивается работа над биобиблиографическим справочником “Историки и краеведы Москвы. Некрополь”, подготавливаемым совместно Институтом российской истории РАН и Московским го-

⁷ Выпущен издательством объединения «Мосгорархив», где в то время находился один из крупнейших центров москвоведческой работы.

⁸ Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1996. С. 158–165; Людмила Васильевна Иванова — краевед... С. 229–235.

родским объединением архивов (Мосгорархивом). Опыт показал, как трудно во многих случаях обнаружить точные биографические сведения о московедах, в том числе и о наших современниках... Анализ Словника приводит к неутешительному выводу о том, что мы плохо храним память о московедах. Уничтожена половина кладбищ, на которых они были похоронены. Утрачены и утрачиваются до сих пор могилы на существующих кладбищах, прежде всего, по причине нашего небрежения: нет учета мест захоронения, нет их списков, не привлечено внимание общественности к сохранению памяти о тех, кто радел о Москве и ее истории... Необходимо впредь проводить фиксацию всех данных о жизни и деятельности москвоведов — эта задача по плечу Государственной исторической библиотеке, Институту российской истории РАН, Мосгорархиву, Московскому краеведческому обществу»⁹.

Возвращаясь к библиографическому справочнику «Историки и краеведы Москвы. Некрополь», отметим, что в него вошли биографические справки с указанием дат смерти и места захоронения — кладбища, кладбищенского участка (в случае, если они известны), о 191 персоналии¹⁰. В предисловии Л.В.Иванова так сформулировала побудительные причины создания справочника: «Наш нравственный и профессиональный долг — закрепить память о тех, чьими трудами тклось полотно московской истории, кто ведал, перефразируя А.С.Пушкина, «земли родной минувшую судьбу»»¹¹.

Составитель специально оговорился, что работа требует продолжения и в смысле дальнейшего поиска информации о тех, людях, которые

---

⁹ *Иванова Л.В.* Историки и краеведы Москвы. Некрополь // Людмила Васильевна Иванова — краевед.... С. 229. Заметим, что все перечисленные Л.В.Ивановой государственные организации от дальнейшей работы в этом направлении отошли, как и в целом от научно-краеведческой деятельности (некоторым исключением в общекраеведческом плане был Мосгорархив, который в 1990-е гг. играл роль одного из центров москвоведения, но затем эту роль утратил тоже). Так или иначе, единственным, кто сохранил верность теме, оказалась общественная организация — МКО, и Всероссийская конференция по некрополю 2019 г. — еще одно тому подтверждение.

¹⁰ Приведенные далее в тексте сведения о существующих и утраченных захоронениях краеведов прошлых поколений основаны на данных справочника «Историки и краеведы Москвы. Некрополь» (М., 1996).

¹¹ Историки и краеведы Москвы. Некрополь: Библиографический справочник. М., 1996. С. 3.

попали в этот справочник, и в смысле расширения круга фамилий (по-скольку далеко не все известные и менее известные москвоведы упомянуты в книге в связи с отсутствием о них биографических данных). К сожалению, тогда эта работа не получила продолжения. А само издание «Историки и краеведы Москвы. Некрополь» и сегодня не утратило своей ценности, оно востребовано исследователями.

Однако со времени издания справочника прошло 23 года. Как бы ни были печальны утраты, но время идет, и они неизбежны. Целый ряд наших современников, коллег, людей старшего поколения (в том числе и некоторые авторы справочника, и его редактор-составитель Л.В.Иванова) ушли из жизни, оставшись в нашей памяти. И, «наш нравственный и профессиональный долг» не только продолжить работу, начатую в 1990-х гг. в отношении краеведов прошлого, но и расширить ее временные рамки до наших дней, а также включить эту тему как одну из приоритетных в план научной работы Центра краеведения, москвоведения и крымоведения (ЦКМК) Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Института Наследия) на ближайшие годы, чтобы создать полный «Московский некрополь краеведов».

Для этого необходимо решить практические исследовательские задачи: уточнение и дополнение сведений о краеведах, включенных в справочник 1996 г., особенно о местах их захоронений (указание не только кладбища, но и местоположения самого захоронения, его описание, фотофиксация, оценка состояния); расширение самого списка краеведов прошлых поколений, похороненных на московских кладбищах; включение в «Московский некрополь» умерших современников.

Будущий «Некрополь», как нам думается, может представлять научно-справочное издание, где будут собраны сведения о захоронениях краеведов, с описанием самих захоронений, их состояния, местонахождения. А упоминания умерших будут сопровождаться краткими биографическими сведениями о них (методики создания подобных справочников известны). Внутренняя структура справочника должна иметь топографическую основу: сведения могут быть приведены по отдельным кладбищам, текстовая информация должна сопровождаться схемами местоположения могил, фотографиями захоронений. В качестве приложения следует составить именной развернутый указатель или перечень персоналий, где и будет приведена

биографическая информация. Внутри перечня возможно распределение персоналий по следующим группам:

1. Историки и бытописатели Москвы XVIII–XIX вв.
2. Члены Московского археологического общества (МАО) и его Комиссии «Старая Москва», Общества изучения Московской губернии/области (вторая половина XIX в. — 1930-е гг.).
3. Члены подмосковных краеведческих объединений 1920–1930-х гг.
4. Краеведы второй половины XX — начала XXI в., члены МКО, Комиссии «Старая Москва», других краеведческих объединений Москвы.
5. Краеведы Подмосковья второй половины XX — начала XXI в.

Разработка и издание такого печатного справочника может быть лишь одной частью решения задачи. Вторым взаимосвязанным шагом в этом направлении должно стать создание электронной базы данных «Московский некрополь краеведов», которая, как всякий электронный ресурс, может при необходимости достаточно оперативно корректироваться, уточняться, дополняться.

Известные нам захоронения краеведов прошлого рассредоточены по разным московским кладбищам. Больше их число — на кладбищах Ваганьковском, Новодевичьем, Введенском (Немецком), Донском (включая и колумбарий); были могилы на Даниловском, Пятницком, Калитниковском кладбищах; единичные захоронения связаны с Рогожским и Преображенским некрополями.

Утрачены или перенесены захоронения с уничтоженных полностью или частично некрополей. В качестве примера, упомянем могилу создателя и председателя МАО А.С.Уварова (1825–1884): его захоронение на кладбище Новодевичьего монастыря обозначено новым надгробным памятником, но доподлинно местоположение и сохранность самого захоронения неизвестны. На кладбище Спасо-Андроникова монастыря был похоронен церковный историк, член Общества любителей духовного просвещения (ОЛДП), архимандрит Григорий (Воинов): его могила утрачена, как и сам некрополь. То же произошло с захоронением на кладбище Покровского монастыря москвовед, видного деятеля городского управления, инициатора программы фотофиксации видов, храмов, зданий, достопримечательностей Москвы Н.А.Найденова (1834–1905). Вместе с Лазаревским кладбищем уничтожена могила автора ряда сочинений о Москве С.М.Любецкого (1809–1881), существовавшее там же захоронение председателя Церковно-археологического отдела ОЛДП, протоиерея Н.А.Скворцова (1861–1917) перенесено на

Ваганьковское кладбище. Нет на карте Москвы Семеновского кладбища, и среди прочих утрат — могила автора книг о с. Преображенском П.В.Синицына (?–1904), а захоронение создателя и руководителя Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ) В.В.Згуры (1903–1927) — ныне на Преображенском кладбище и т.д.

Неизвестны места погребений некоторых репрессированных краеведов, поиски сведений о них их могут быть связаны с другими регионами страны (например, усадебовед и искусствовед, член правления ОИРУ А.Н.Греч (1899–1939), фотограф, член «Старой Москвы» и Общества изучения Московской губернии А.А.Губарев (1862 — не ранее 1939)).

Нет точных сведений об обстоятельствах гибели и, соответственно, о месте захоронения историка, знатока русского искусства, автора книг о московских памятниках, о «подмосковных» Ю.И.Шамурина (1888–1918), захоронение педагога-москововеда и экскурсиониста Е.А.Звягинцева (1869–1945) лишь предположительно связывают с Новодевичьим кладбищем, а автора книг о достопримечательностях Москвы И.К.Кондратьева (1849–1904) — с Лазаревским или Ваганьковским кладбищем. Утрачены захоронения москововеда, члена МАО, комиссии «Старая Москва» Б.С.Пушкина (1879–1939) на Даниловском кладбище; краеведа, фотографа, автора путеводителя по историческим кладбищам Москвы А.Т.Саладина (1876–1918) в Раменском (Московская обл.) и т.д. За пределами России, в Сербии была погребена супруга и сподвижница А.С.Уварова, после его смерти возглавлявшая более 30 лет МАО П.С.Уварова (1840–1924; могила ее переносилась, точной информации о захоронении нет). Это — лишь некоторые примеры.

Погребения москововедов — наших современников, связаны как с московскими, так и с подмосковными некрополями в Химках, Мытищах, Красногорске, Истре, Рузе, Перепечино (Солнечногорский р-н) и др.

В отношении московского некрополя краеведов, помимо утрат и «белых пятен», есть все же и редкие положительные примеры. Не так давно на Ваганьковском кладбище была восстановлена и обихожена считавшаяся утраченной могила археолога и исследователя подземной Москвы, члена МАО, одного из учредителей комиссии «Старая Москва» И.Я.Стеллецкого (1878–1949) — это заслуга Общества некрополистов. В.Ф.Козловым и автором в конце 2018 г. на Ваганьковском кладбище случайно была обнаружена могила художника-москововеда А.П.Цесевича (1918–1990), при крайне скудной биографической информации о нем, уточнение места погребения имеет большое значение.

Изучение некрополя краеведов, среди прочего, входит в число научных задач ЦКМК Института Наследия (как уже говорилось выше, предполагается включить тему в план научной работы Института), а также является одной из приоритетных и для МКО — не случайно, именно ЦКМК наряду с МКО¹² стал главным инициатором и организатором IV Всероссийской конференции по проблемам исторического некрополя в 2019 г. Мы также уже упоминали о деятельности секции «Московский некрополь» в МКО, членами которой было сделано немало и в научном, и в практическом плане в изучении и сохранении некрополя.

Сегодня такой секции в составе МКО нет, но определенная работа, связанная с некрополем москвоведов и краеведов все же ведется. Нам представляется, что было бы правильно сделать эту работу систематической и постоянной, включив тему в план научной работы ЦКМК, поставив во главу угла задачу создания уже упомянутых информационной базы и научного справочника «Московский некрополь краеведов». Реальную помощь ЦКМК в такой работе могли бы оказать отделения МКО, московские и подмосковные. В первую очередь, необходимо составление списка персоналий, поиск, выявление, систематизация биографического материала, установление (фиксация) мест захоронений, осмотр, описание, фотофиксация могил на московских и подмосковных кладбищах.

Нами уже предпринимались предварительные шаги по осмотру и фотофиксации могил краеведов на Введенском (Немецком), Новодевичьем и Донском кладбищах. Параллельно выявляются и систематизируются биографические материалы о краеведах второй половины XIX — первой трети XX в. и об ушедших недавно наших современниках (эта работа фактически только начата).

Следует упомянуть и такое важное направление в научной разработке темы некрополя краеведов, как издание сборников, посвященных памяти отдельных персоналий, их документального наследия, воспоминаний о них и т.д. В качестве примера можно привести такие издания, посвященные известным краеведам, как книга, выпущенная Издательским центром «Москвоведение» (существовал в 1997–2011 гг.), «Надежда

---

¹² Соорганизаторами конференции выступили также Фонд «История Отечества» и Союз краеведов России (СКР).

Федоровна Трутнева — москвовед, музейный работник, человек...»¹³, или уже упоминавшееся совместное издание СКР, НП «Русская усадьба», ОИРУ и Института Наследия «Людмила Васильевна Иванова — краевед, москвовед, усадьбовед»¹⁴. В обе книги включены воспоминания о краеведах и их работы, в том числе и посвященные некрополю (и Н.Ф.Трутнева, и Л.В.Иванова отдали немалую дань этой теме). Изданы дневниковые записи В.В.Згуры¹⁵, вышел сборник трудов Ю.Н.Александрова (1921–2009)¹⁶.

Появились и электронные формы мемориализации памяти краеведов, здесь можно указать на сайт, созданный родственниками, коллегами, учениками ученого-географа, топонимиста, краеведа Ю.К.Ефремова (1913–1999) к его 100-летию: «Юрий Ефремов.ру» (<http://yuri-efremov.ru>), и на сайт «Масловы.ру», посвященный замечательному мытищинскому краеведу В.И.Маслову (1936–2013), также организованный родственниками (<https://maslovvi.ru>).

Помимо научной работы в отношении некрополя краеведов, еще очень важна работа мемориальная. Давно уже стало традицией вспоминать москвоведов в связи с их уходом, а также в юбилеи и годовщины на главном ежемесячном мероприятии ЦКМК и МКО — «Краеведческих встречах на Берсеневке» (до 2018 г. — «Встречах на Никольской»). Кроме того, ЦКМК и МКО проводят различные научно-просветительные мероприятия (лекции, именные чтения, вечера памяти и др.), которые посвящены москвоведом прошлого и нашим современникам: Барановские чтения (с 2001 г.; посвящены П.Д.Барановскому (1892–1984)), Скворцовские чтения (с 2007 г.; посвящены протоиерею Н.А.Скворцову), Шмидтовские чтения (с 2014 г.; посвящены С.О.Шмидту (1922–2013), а также памяти краеведов и москвоведов разных эпох), научно-просветительные вечера, посвященные А.М.Васнецову (1856–1933), П.Н.Миллеру (1867–1943) (в планах — памятные мероприятия, посвященные Л.В.Ивановой, Ю.А.Федосюку (1920–1993)), передачи на «Народном радио» (ведущий В.Ф.Козлов) и др. Кстати, именно Шмидтовские чтения, которые посвящены Сигурду Оттовичу Шмидту — первому председателю СКР, человеку, много способствовавшему возрождению краеведения в 1970–1990-е гг., стали первым научно-

¹³ Надежда Федоровна Трутнева — москвовед, музейный работник, человек... /Сост. В.Ф.Козлов, Д.П.Трутнев. М., 2008. 160 с.

¹⁴ Людмила Васильевна Иванова — краевед... 280 с.

¹⁵ В.В.Згура. Дневниковые записи. 1914–1921. М., 2016. 344 с.

¹⁶ Александров Ю.Н. Избранное. М., 2011. 334 с.

просветительным мероприятием, которое решено было связать с темой памяти краеведов и москвоведов, и именно в рамках этих чтений (они проходят 1 раз в 5 лет в юбилейные годы С.О.Шмидта) впервые была начата работа по сбору и систематизации сведений о москвоведах, ушедших в последние два десятилетия. Упомянутые нами мемориальные мероприятия, как правило, сопровождаются коллективным посещением могил краеведов на московских кладбищах, с проведением панихид, возложением цветов.

Заметим, что сохранившиеся могилы краеведов далеко не всегда ухожены надлежащим образом. И краеведческое сообщество Москвы и Подмосковья могло бы взять на себя труд следить за состоянием таких захоронений. Краеведческие общества могли бы здесь взаимодействовать с волонтерским движением, привлекать к этой работе школьников (что само по себе имеет нравственно-воспитательное значение). Пока такая работа, к сожалению, не налажена.

Соединение общественных форм сохранения памяти о москвоведах, почитания их памяти с научно-исследовательской работой по созданию комплексного «Московского некрополя краеведов» мы считаем важнейшей и одной из первоочередных задач современного научно-краеведческого сообщества Московского региона.

Именной список краеведов, похороненных на ныне существующих московских и подмосковных кладбищах¹⁷

1. Дореволюционный период¹⁸

ВАГАНЬКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Бочаров Николай Петрович (1832–1912)¹⁹

---

¹⁷ Как мы уже говорили, работа по составлению «Московского некрополя краеведов» ведется нами пока только в форме первоначального сбора и уточнения информации, поэтому предложенный список не претендует на полноту и носит лишь предварительный характер. Причем по сравнению с составом персоналий в справочнике «Историки и краеведы Москвы. Некрополь» на данном этапе в список включены лишь те, кто непосредственно был связан именно с краеведческой, москвоведческой работой по существу, в том числе и в составе общественных краеведческих объединений.

¹⁸ Сведения приводятся по: Историки и краеведы Москвы. Некрополь...; Купнис С. Новодевичий мемориал. Некрополь монастыря и кладбища. М., 1998.

¹⁹ Здесь и далее, точные сведения о месте захоронения не указываются, если они на сегодняшний момент отсутствуют или требуют уточнения.

Забелин Иван Егорович (1820–1908) — уч.23
Кондратьев Иван Кузьмич (1849–1904) — *(возможно, Лазаревское кл.,
утраченное)*
Холмогоров Василий Иванович (1835–1902) — уч.19

КЛАДБИЩЕ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

Уваров Алексей Сергеевич (1825–1884) — уч.1, место 12

КЛАДБИЩЕ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ

(Московская обл.)

Малиновский Алексей Федорович (1762–1840)

2. 1917–1980-е гг.²⁰

ВАГАНЬКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923) — уч. 20
Анциферов Николай Павлович (1889–1958) — уч.44
Баранов Евгений Захарович (1869 — после 1934)
Добронравов Сергей Георгиевич (1894–1970) — уч.17
Лебедев Александр Тимофеевич (1868–1943)
Розанов Николай Петрович (1857–1941) — захоронение утрачено
Скворцов Николай Алексеевич (1861–1917) — захоронение перенесено с Лазаревского кл.
Стеллецкий Игнатий Яковлевич (1878–1949) — уч.37, утраченное захоронение выявлено и восстановлено
Шереметевский Владимир Владимирович (1863–1943) — уч.20

ВВЕДЕНСКОЕ (НЕМЕЦКОЕ) КЛАДБИЩЕ

Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856–1933) — уч.20
Веселовский Борис Борисович (1880–1954) — уч.21
Круглый Алексей Алексеевич (1887–1956) — уч.16
Левинсон Николай Рудольфович (1888–1966) — уч.19

²⁰ Сведения приводятся по: Историки и краеведы Москвы. Некрополь...; *Кипнис С. Указ. соч.*; Сайт «Московские могилы»: <http://www.moscow-tombs.ru>.

ДАНИЛОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Александровский Михаил Иванович (1865–1943)

Пушкин Борис Сергеевич (1879–1939) — захоронение утрачено

ДОНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Барановский Петр Дмитриевич (1892–1984) — монастырское кл., уч.6

Барановская Мария Юрьевна (Глауберман) (1902–1977) — монастырское кл., уч.6

Бартенев Сергей Петрович (1863–1930)

Закс Арт Яковлевич (1878–1938) — колумбарий

Коленда Виктор Константинович (1872–1945) — колумбарий

Сваричовская-Мамет Ольга Владимировна (1892–1986) — уч.1

Сытин Петр Васильевич (1885–1968) — уч.4

Шеповалов Тимофей Иванович (1889–1962) — колумбарий, №18

КАЛИТНИКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Шамин Николай Александрович (1862–1933)

КУНЦЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Двинский Эммануил Яковлевич (1910–1985) — уч.10, место 4193

НОВОДЕВИЧЬЕ КЛАДБИЩЕ

Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) — уч.4, ряд 48, место 9

Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) — уч.3, ряд 42, место 4

Богоявленский Сергей Константинович (1871–1947) — уч.4, ряд 35, место 23

Гейнике Николай Александрович (1876–1955) — уч.4, ряд 51, место 10

Гиляровский Владимир Алексеевич (1853–1935) — уч. 2, ряд 1, место 12

Кафенгауз Бернгард Борисович (1894–1969) — уч.4, ряд 56, место 1

Кисляков Павел Владимирович (1875–1938) — уч.4, ряд 56, место 24

Машков Иван Павлович (1867–1945) — уч.1, ряд 30, место 1

Миллер Петр Николаевич (1867–1943) — уч.2, ряд 34, место 4

Павлов Иван Николаевич (1872–1954) — уч.4, ряд 7, место 11

Родин Александр Феоктистович (1890–1963) — уч.3, ряд 33, место 12

Сивков Константин Васильевич (1882–1959) — уч.8, ряд 1, место 7

Сухов Дмитрий Петрович (1867–1958) — уч.3, ряд 65, место 31а

Чулков Николай Петрович (1870–1940) — уч.2, ряд 34, место 3

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Згура Владимир Васильевич (1903–1927) — уч.12, захоронение перенесено с Семеновского кл.

ПЯТНИЦКОЕ КЛАДБИЩЕ

Беляев Иван Степанович (1864–1918)

РОГОЖСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Виноградов Николай Дмитриевич (1885–1980) — уч.10
Попов Валентин Сергеевич (1912–1987²¹) — уч.2

ПОДМОСКОВЬЕ

Саладин Алексей Тимофеевич (1876–1918) — Раменское кл., захоронение утрачено

3. 1990-е — 2010-е гг.²²

ВАГАНЬКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Ногтева Маргарита Васильевна (1936–2013)
Сорокин Виктор Васильевич (1910–2006) — уч.2
Цесевич Александр Платонович (1918–1990) — уч.14

ВВЕДЕНСКОЕ (НЕМЕЦКОЕ) КЛАДБИЩЕ

Белицкий Яков Миронович (1930–1996) — уч.14
Козаржевский Андрей Чеславович (1918–1995) — уч.4
Рогозина Мария Григорьевна (1947–2018)
Федосюк Юрий Александрович (1920–1993) — уч.22
Шмидт Сигурд Оттович (1922–2013) — уч.15
Ястржембский Лев Андреевич (1921–2000) — уч.5

²¹ Дата смерти приведена по: Историки и краеведы Москвы. Некрополь... С. 122; По сведениям сайта «Московские могилы» дата смерти — 1989 г. См.: <http://www.moscow-tombs.ru/raznoe/rogozhskoe/rogozhskoe.htm>.

²² Помимо указанных источников, использованы сведения сайта «Московские могилы»: <http://www.moscow-tombs.ru>.

ВОСТРЯКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Шамаро Александр Александрович (1926–1995) — колумбарий

ДАНИЛОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Апенин Вадим Павлович (1938–2011) — уч.27

ДОНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Бураков Юрий Николаевич (1922–1994) — колумбарий, уч.3

Векслер Александр Григорьевич (1931–2016)

Иванова Людмила Васильевна (1928–1999) — колумбарий 17, секция 25

Кипнис Соломон Ефимович (1919–2001) — колумбарий 2А, секция 42

Романюк Сергей Константинович (1933–2015) — уч. у колумбария 13

КОТЛЯКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Еремин Георгий Викторович (1927–2015) — уч.82

КУЗЬМИНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Пашаева Нина Михайловна (1926–2013)

НОВОДЕВИЧЬЕ КЛАДБИЩЕ

Александров Юрий Николаевич (1921–2009) — колумбарий, секция 120, место 4-43

Рабинович Михаил Григорьевич (1916–2000) — колумбарий, секция 54, место 5-1

ПОКРОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Голубцов Сергей (Сергей Алексеевич) (1932–2006) — уч.9

ПЯТНИЦКОЕ КЛАДБИЩЕ

Поспелов Евгений Михайлович (1923–2007) — уч.22

РОГОЖСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Богоявленский Михаил Леонидович (1904–1991) — уч.1

ХИМКИНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Белявский Михаил Тимофеевич (1913–1989) — уч.150Б

Кусов Владимир Святославович (1935–2009) — уч.23

Паламарчук Петр Георгиевич (1955–1998) — уч.147

ХОВАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Духин Иван Андреевич (1941–2005) — центр., уч.84
Коротеева Антонина Максимовна (1947–2010)

ПОДМОСКОВЬЕ

Артамонов Михаил Дмитриевич (1922–2011) — Тучковское кл., Руза
Маслов Валентин Иванович (1936–2013) — Мытищи
Мачульский Евгений Николаевич (1932–2017) — Перепечинское кл.
(Солнечногорский р-н)
Песков Олег Владимирович (1926–2013) — Красногорское кл.
Трутнева Надежда Федоровна (1937–2001) — Истра
Якушева Надежда Ивановна (1908–2002) — с. Павлино (Балашихин-
ский р-н), бывш. усадьба Троицкое-Кайнарджи, в ограде церкви

Список краеведов, похороненных на утраченных московских кладбищах, за пределами Московского региона и, чье место захоронения не установлено

УТРАЧЕННЫЕ КЛАДБИЩА

Белоусов Иван Алексеевич (1863–1930) — Семеновское кл.
Любецкий Сергей Михайлович (1809–1881) — Лазаревское кл.
Найденов Николай Александрович (1834–1905) — кл. Покровского
монастыря
Синицын Петр Васильевич (?–1904) — Семеновское кл.
Холмогоров Гавриил Иванович (1842–1924) — Семеновское кл.²³

ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОСКВЫ И РОССИИ

Греч Алексей Николаевич (1899–1938) — Тула (?)²⁴

²³ См.: Зубова В.В. Приходское историко-краеведческое общество Московского храма Вознесения Господня на Гороховом поле. Проблемы становления и основные направления церковно-просветительской деятельности //Краеведческое движение и его центры: история и современность. Приходские, сельские, городские, районные краеведческие объединения и их роль в изучении и популяризации края: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Луховицы–Дединово, Московская обл., 29–30 сентября 2017 г.). М.; Луховицы, 2019. С. 326.

²⁴ Московская энциклопедия. Т. 1 Лица Москвы. Кн. 1 А–З. М., 2007. С. 443.

Ефремов Юрий Константинович (1913–1999) — окрестности Красной Поляны (гор. округ Сочи)

Рубан Василий Григорьевич (1742–1795) — Санкт-Петербург, захоронение утрачено

Уварова Прасковья Сергеевна (1840–1924) — Сербия

МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ НЕ УСТАНОВЛЕНО

Виноградов Николай Петрович (?– после 1928)

Губарев Александр Александрович (1862– не ранее 1939)

Демин Анатолий Анатольевич (1952–2012)

Звягинцев Евгений Алексеевич (1869–1945)²⁵

Земенков Борис Сергеевич (1902–1963)

Крашенинников Аркадий Федорович (1922–2016)

Крюков Алексей Павлович (1934 — начало 2000-х гг.)

Чаянов Александр Васильевич (1888–1937)

---

²⁵ По сведениям Л.В.Ивановой, возможное место захоронения — Новодевичье кладбище (см.: Историки и краеведы Москвы. Некрополь... С. 72). В справочнике С.Е.Кипниса «Новодевичий мемориал. Некрополь монастыря и кладбища» (М., 1998) в именном указателе Е.А.Звягинцев не значится.

Д.И.Залешина (Санкт-Петербург)

Опыт сохранения памятников музейных некрополей Санкт-Петербурга. Современные методы научной реставрации и консервации

Санкт-Петербург, самый конец Невского просп., пл. Александра Невского, архитектурный ансамбль знаменитого монастыря, носящего имя святого покровителя города. Бесконечный поток машин, бегущий мимо на другой берег Невы. Шум и суета мегаполиса растворяются за стенами старинных некрополей, отделяющих обитель, задуманную Петром I как сакральное место этого города, от жизни, текущей в ритме современности. Чудесным образом сохранившиеся в центре города некрополи — словно оазис, зелёный островок, влекущий к прогулке под защитой своей тишины и покоя. У каждого из них своя история.

В 1930-е гг. 2 старинных привилегированных кладбища Александровской Лавры стали частью учреждённого Музея городской скульптуры, получив музейный статус. Самое старое из них, Лазаревское, существующее с 1714 г. и ставшее музеем-заповедником в 1923 г., сейчас носит название «Некрополь XVIII века». Здесь похоронен почти весь цвет петербургской аристократии прошлого: придворная знать, крупные чиновники и военные, богатейшие купцы. Самые известные имена: М.В.Ломоносов, Д.И.Фонвизин, Н.Н.Ланская. Высокий имущественный ценз этого некрополя обусловил и высокий уровень исполнения сохранившихся здесь надгробных памятников (всего их 1079). Большинство из них имеют признанную художественную ценность: это уникальные произведения мемориального искусства, созданные преимущественно в конце XVIII — первой трети XIX в., в эпоху расцвета русского классицизма. Памятники же более позднего времени — второй половины XIX–XX в. представлены в некрополе мастеров искусств, реконструированном в 1935 г. по типу мемориального парка на бывшем Тихвинском кладбище Александровской Лавры. На существующем с 1823 г. престижном монастырском кладбище были похоронены литераторы Н.М.Карамзин, И.А.Крылов, В.А.Жуковский,

Ф.М.Достоевский, четверо из пяти композиторов музыкального объединения «Могучая кучка», М.И.Глинка, П.И.Чайковский. Часть находящихся в музейном некрополе захоронений выдающихся деятелей русской культуры и искусства в 1930-е гг. была перенесена сюда с тех кладбищ города, которые по плану социалистической реконструкции Ленинграда обрекались на уничтожение.

Конечно, в наши дни сама идея создания подобного Пантеона выглядит сомнительно, но тогда, в годы запущенных ударными темпами мероприятий по разрушению новой властью всего, что имело отношение к религиозной жизни людей, в том числе кладбищ, создание «парка светлой грусти» на месте некрополя дворян и купцов являлось единственной возможностью сохранить зримую память о многих артистах, музыкантах и художниках прошлого.

Попробуем представить, какие мысли занимают пришедшего сюда посетителя. Возможно, его интересуют имена прославленных в истории личностей, и он пришел сюда, в место, насыщенное исторической памятью, чтобы ощутить сопричастность к великой культуре своей страны. А может, он предпочел бы несколько абстрагироваться от информационного поля некрополей и, гуляя среди архитектурных и скульптурных памятников, просто наслаждаться воплощенными в камне и бронзе проникновенными образами, погрузиться в особую медитативную атмосферу с витающим здесь духом словно заколдованной старины.

Эта «заколдованность» указывает на некое безвременье и бездвижение. «Некрополь XVIII века», действительно, в общих чертах сохранил свой старинный облик, словно «замерев» в веках. Уже то, что это место не постигла печальная участь многих исчезнувших в 1930-е гг. исторических кладбищ Петербурга, является уникальным. Став музеем, по сути художественного профиля, с экспонатами в виде надгробных памятников, он сберёг до наших дней этот бесценный уголок старины. На небольшом пространстве под открытым небом находится не имеющая аналогов коллекция художественного надгробия, материалом для которой послужили десятки видов натурального камня, среди которых преобладают мрамор, известняк и гранит — породы, отличающиеся богатством палитры и текстуры.

И всё же, большинство посетителей «Некрополя» вряд ли задумывается о непростой истории и тайной жизни самих памятников: их излечимых и неизлечимых болезнях, их потребностях и о самом сроке

в 200 лет, в течение которого существуют многие из них. «Незыблемость» памятников «заповедных» некрополей — только кажущаяся. Неумолимое время и неблагоприятный петербургский климат воздействуют на камень самым печальным образом, что требует постоянного мониторинга и принятия различных мер.

На лаврские кладбища уже в XIX в. смотрели как на одну из главных достопримечательностей Петербурга, безусловно, отмечая их мемориальное значение. Однако на удручающее состояние их памятников общественность обратила внимание лишь в начале XX в., когда искусствовед Н.Н.Врангель опубликовал в журнале «Старые годы» статью «Забытые могилы», в которой буквально призывал спасти гибнущие шедевры русской скульптуры: «Запущенные, забытые памятники петербургских кладбищ доживают свои последние дни, и если теперь же о них не вспомнят, то через несколько лет всё то небольшое, что осталось от красивого прошлого нашей жизни, всё это будет только одним воспоминанием. Осенние дожди, злые зимние морозы — вместе с нашими вандалами — окончательно изгладят из памяти имена умерших и работы тех немногих русских скульпторов XVIII века, которые еще так мало исследованы. Жутко смотреть на запустение петербургских кладбищ, где похоронено столько замечательных людей, где еще сохранились памятники Козловского, Мартоса, Рашетта и Демут-Малиновского»¹.

Благодаря усилиям общества «Старый Петербург» уже в первые годы существования музея на Лазаревском кладбище удалось начать реставрационные работы, в которых приняли участие такие профессиональные скульпторы, как В.В.Козлов и И.В.Крестовский. Очевидной потребностью в те годы была, прежде всего, консервация — спасение путём переноса на экспозиции и в фонды мраморных скульптур, находящихся в неудовлетворительном состоянии, и особо ценных бронзовых деталей в целях сбережения от краж. Этот процесс, в основном, пришёлся на 1950-е гг., после войны, заставившей временно возвести вокруг самых значимых памятников некрополей защитные укрепления, а также снять с постаментов бронзовые бюсты, поместив их на хранение. Впоследствии при музеефикации скульптуры часто на опустевшем памятнике устанавливалась копия, и эта практика применяется до сих пор. Замена оригиналов скульптуры копиями — мера,

---

¹ Врангель Н.Н. Забытые могилы // Старые годы. 1907. С. 35.

позволяющая продлить жизнь бесценному произведению, сохранив его в помещении, но не допустив при этом потери художественной выразительности целого памятника, оставшегося на открытом воздухе. Среди тех произведений, чьи копии запланировано изготовить в ближайшем будущем — скульптуры с надгробия С.А.Строгановой работы скульптора М.И.Козловского (1802 г.), еще в 1960-е гг. перенесенные из «Некрополя XVIII века» на экспозицию из-за своей крайне неудовлетворительной сохранности.

В 1960–1980-е гг. было отреставрировано несколько десятков ценных художественных надгробий. В те годы копирование мраморных памятников представляло собой единственный способ их сохранения от разрушения в окружающей среде, так как методики укрепления мрамора в то время еще только разрабатывались и не могли дать эффективный результат.

Только в начале XXI в. музеем, накопившему к тому времени большой опыт в реставрации памятников, экспонирующихся в открытой городской среде, удалось осуществить работы на самых сложных объектах некрополей, формирующих облик уникального историко-художественного мемориального ансамбля. Ранее эта задача казалась неразрешимой из-за отсутствия финансирования. Состояние некрополей тогда производило печальное впечатление: все мраморные надгробия были покрыты плотными био пленками серого и зеленого цвета, придающими памятникам неэстетичный вид.

Выведа организацию реставрационных работ на новый уровень, за последние 15 лет, среди прочих, музей отреставрировал такие крупные мраморные памятники, как монументальный портик с саркофагом А.И.Косиковского (скульптор П.Катоцци, 1840-е гг.), поражающий тонкостью каменной резьбы саркофаг со скульптурой молящегося ангела Е.А. и В.Н.Кочубей (скульптор А.Костоли, Флоренция, 1856 г.), жертвенник с барельефами первого в России министра финансов А.И.Васильева (скульптор И.П.Мартос, арх. Д.Кваренги, 1800-е гг.) и увенчанное аллегорической скульптурой Веры надгробие П.В.Киндякова (скульптор П.Катоцци, 1828 г.).

Каждая реставрация — процесс сложный и не только трудоёмкий, но и наукоёмкий: это работа, которую предваряет серьёзная подготовка. Порой процесс может оказаться непредсказуемым, ведь в ходе него часто открываются неизвестные факты. Например, под сплошным слоем био пленки на камне можно обнаружить позолоченную

деталь, как это произошло при реставрации надгробия А.Я.Потёмкиной в 2016 г. Или же, в 2013 г. при реставрации памятника Е.С.Карнеевой (мастерская скульптора И.П.Мартоса, после 1835 г.) в виде медной аллегорической скульптуры коленопреклонённого Гения, аналога памятника А.П.Кожуховой в Донском монастыре, выяснилось, что скульптура была изготовлена с помощью открытого в 1835 г. способа гальванопластики. Каждые реставрационные работы требуют участия различных по профилю мастеров, от которых ожидается максимальное знание своего участка работы и современный бережный подход. Испортить впечатление от проведенной реставрации может любая неуместная деталь, как то далёкий от оригинала или не выдержанный в стиле воссозданный скульптурный элемент, или слишком контрастно прописанная надпись. Вот почему при реставрационных работах так необходим налаженный контакт и обмен мнениями между реставраторами и научными сотрудниками, музейными хранителями.

Следует отметить, что многие методы реставрации, применявшиеся в прошлом, сейчас отвергнуты современными методиками, учитывающими то, насколько важны знания и профессионализм в обращении с мрамором. Ошибки реставраций далекого прошлого до сих пор можно видеть на некоторых памятниках некрополей: неудаляемые серые шероховатые потёки с большой долей вероятности напомним об оказавшемся опасным увлечении реставраторов 1930-х гг. кислотными пластырями, которые при нанесении на пятна загрязнений разъедали мрамор. Желтые и коричневые отслаивающиеся корки в местах мастиковок утрат укажут на единственную доступную реставраторам на протяжении многих лет эпоксидную смолу, радикально менявшую оттенок уже через 10 лет после нанесения — сейчас же применяются хорошо себя зарекомендовавшие полиэфирная и кремнийорганическая смолы; и, наконец, следует с досадой признать, что вплоть до 1980-х гг. существовала кажущаяся сейчас недопустимой практика снятия повреждённого слоя камня механическим способом, что навсегда исказило пропорции некоторых памятников.

Если еще затронуть антропогенные факторы, отрицательно сказавшиеся на состоянии памятников, то можно вспомнить, что в середине XX в., уже будучи музейным «Некрополь» перенес две пришедшие с неожиданных сторон беды: когда прямо под его территорией велось строительство метрополитена, а непосредственно у южной границы

шло укрепление берегов р. Монастырки, в результате чего множество памятников тогда сильно накренилось.

Само расположение некрополей вблизи крупной автомобильной магистрали, несущей выхлопные газы, и реки, создающей повышенную влажность, сильнейшим образом сказывается на памятниках. Непосвящённому в эту проблему человеку трудно представить, что все надгробия покрыты не только атмосферным, но и биологическим налётом: это результат жизнедеятельности населяющих их микроорганизмов. Самым заметным глазу видом биозагрязнений, конечно, является мох: цоколи некоторых памятников и плиты сплошь под его слоем. Если же присмотреться к поверхности камня ближе, то можно увидеть следующее: черные потёки — сажепылевые загрязнения из загазованного воздуха, тёмные точки и пятна — колонии микроскопических грибов (микроспоров), окрашенные зеленым цветом области — водоросли, и напоминающие струпья накипи лишайников. Это живое сообщество, проявляющее себя наиболее активно в дождливую погоду, не просто портит эстетический вид памятника: оно далеко не безобидно для его каменного материала. Микроорганизмы выделяют на поверхность камня способствующие его растворению химические вещества, удалить которые оказывается не всегда легко, а в ряде случаев даже невозможно. Более того, эти биологические деструкторы проникают в саму толщу камня, вызывая скрытый от глаз процесс его медленного разрушения изнутри.

Ежегодно за летний сезон музеем очищаются и промываются около сотни памятников некрополей. Процесс включает в себя промывку с помощью безопасных ПАВ (поверхностно-активные вещества), концентрат которых разводится в воде в необходимом соотношении, очистку от биологических загрязнений, нанесение биоцидного раствора, уничтожающего колонии микроорганизмов (при необходимости на поверхность мрамора также ставятся компрессы из раствора перекиси водорода и аммиака, с загустителем на каолине — белой глине), а также обработку консервантом — гидрофобизирующим составом, отталкивающим влагу, избыток которой ускоряет появление на камне биодеструкторов. К сожалению, защитный состав «работает» на памятнике всего от двух до четырех лет, и через этот промежуток времени реставратору приходится снова возвращать памятнику подлинный облик. К тому же своевременный текущий уход за памятниками

не только препятствует процессам биоразрушения, но и существенно снижает затраты на последующие реставрационные работы.

С 1998 г. в некрополях учёными-геологами и биологами проводятся исследования состояния сохранности памятников и их наслоений с учетом влияния окружающей среды (состава атмосферы, окружающей флоры, почвы), а с 2004 г. химиками — параллельная работа по созданию и внедрению инновационных методов защиты натурального камня памятников, включающая их обработку экологически безопасными биоцидными и гидрофобизирующими составами. При этом поиск новых эффективных защитных составов никогда не прекращается, так как биодеструкторы обладают удивительной способностью со временем адаптироваться к направленным на борьбу с ними веществам.

Обитающие на памятниках микроорганизмы способствуют запуску еще одного разрушительного для камня процесса. Происходит так называемое выщелачивание поверхности памятников — видоизменение, перерождение структуры камня. Наиболее опасен такой процесс для карбонатных пород — мрамора и известняка: на их поверхности порой образуются черные гипсовые корки, которые, отслаиваясь, влекут за собой осыпание и самого каменного материала. Ценному итальянскому мрамору, из которого созданы лучшие образцы художественных надгробий, противопоказан петербургский сырой и изменчивый климат. Это, словно заморские цветы, обречённые медленно умирать на чужеродной почве на протяжении вот уже двух столетий. Под влиянием неблагоприятной атмосферы мрамор некоторых памятников настолько видоизменился, что выдерживает сравнение с намокшим сахаром: кажется, что стоит только потереть, и он превратится в порошок и растворится. К сожалению, это наблюдается не только на архитектурных деталях, но и на скульптуре. Этот опасный процесс, чреватый «обезображиванием» и даже утратой скульптурного произведения, может быть своевременно приостановлен укреплением его поверхности методом пропитки специальным составом. Ежегодно по несколько скульптурных произведений некрополей из мрамора проходят такую профилактическую реставрацию. Среди наиболее заметных скульптур, прошедших этот процесс за недавнее время, — горельеф плакальщицы с надгробия П.В.Сыренкова (1800-е гг.), осыпающийся мрамор которого был успешно укреплен.

К настоящему времени хранителю бесценного историко-художественного ансамбля некрополей — Государственному музею городской скульптуры удалось классифицировать виды разрушений памятников и найти способы предотвращения и преодоления последствий этого процесса. Идёт разработка и освоение новых методов защиты камня от биологических загрязнений, чему способствует многолетнее изучение его бытования в окружающей среде. Регулярное наблюдение, текущий уход и, конечно же, своевременная качественная реставрация — вот залог продления жизни памятников некрополей.

Опыт изучения и музеефикации исторического некрополя: Всехсвятское кладбище Тулы

Как известно, в связи с посетившим в 1771 г. Москву моровым поветрием Правительствующим Сенатом был издан Указ «О нехоронении мертвых тел в городах при церквях, об отведении для онаго мест на выгонных землях за городом...»¹. В Туле этот указ был получен в декабре 1771 г., а уже в апреле 1772 г. губернский землемер отчитался об отведении места «...за городом, по киевской дороге вправо...» большого участка «...мерею квадратно, а по стороне 400 сажений...»² для устройства посадского кладбища. Позже оно получило по храму название Всехсвятского. Несколько месяцев спустя было устроено «зарецкой оружейной слободы кладбище» (Спасское) и кладбище Чулковской слободы (Солунское, Пролетарское). Специальным рескриптом был отмечен и предложен в качестве образца для примера положительный опыт Тулы в создании городских кладбищ. В качестве действующих они просуществовали до рубежа 1960–1970 гг.

В марте 1998 г. в Туле был создан Муниципальный историко-архитектурный и ландшафтный музей «Тульский некрополь» («ТН»), задачей которого стало изучение и сохранение 3-х из сохранившихся исторических кладбищ города: Всехсвятского, Зареченского и Чулковского. На то время это был единственный в России музей подобного профиля. Возникновению музея «ТН» предшествовали события, всколыхнувшие общественность города.

По утвержденному в 1971 г. Перспективному плану архитектурного развития Тулы 2 из 3-х кладбищ — Всехсвятское и Чулковское — подлежали сносу с дальнейшим использованием их территории под застройку, прокладку транспортных магистралей и создание парковых зон. Этот план вызвал недовольство в городе, поскольку от закрытия

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 19 (1770–1774 гг.). СПб., 1830. С. 244.

² Государственный архив Тульской области. Ф. 55. Оп. 2. Д. 6258. Л. 98.

кладбищ до публикации этого плана прошло всего несколько лет, а практически у жителей всего города на территории приговоренных кладбищ находились родственные могилы.

Поскольку Всехсвятское кладбище Тулы возникло в 1772 г., оно считалось историческим объектом. По законодательству для сноса такого объекта требовалось экспертное заключение Министерства культуры РСФСР. Служба Архитектурного надзора министерства, в лице Л.В.Тыдмана, отправила специалистов в Тулу для обследования и фотофиксации находок, если таковые обнаружатся. Этими специалистами были В.К.Катков и В.А.Простов. В ходе обследования кладбища они, вопреки ожиданиям, выявили большое число (несколько тысяч) белокаменных надгробных памятников XVIII–XIX вв., а также некоторое число надгробий из твердых пород камня, литого чугуна и кованого железа. Таким образом, экспертное заключение отвергало идею сноса исторических кладбищ Тулы. Более того, Л.В.Тыдман инициировал работу по их обследованию. Эта работа проводилась московскими специалистами на протяжении 1980-х гг. и даже несколько дольше.

Обследование тульского некрополя заключалось в выявлении надгробий, как находящихся на своих местах, так и сброшенных, их очистке, обмерам и описаниям. Наиболее масштабные работы проводились на самом большом по территории и наиболее насыщенном памятниками Всехсвятском кладбище. Вскоре стало ясно, что территория столь велика (34,5 га), что необходимо разработать систему привязки памятников к местности. Методика привязки была предложена Л.В.Тыдманом. Она потребовала больших трудозатрат, и ее результатами сотрудники музея пользуются до сих пор.

Была составлена ситуационная карта-схема расположения недвижимых объектов на территории близ Всехсвятского собора. За «ноль» (условный высотный репер) была взята самая высокая точка — северное окончание креста на колокольне собора. Территория была разбита на планшеты, равные 1 га, каждый планшет разбит на 25 квадратов размером 20х20 м. На площади около 8 га были нанесены на карту все могилы, надгробия, оградки, холмики, была проведена фиксация всех имён, которые было возможно вычитать на всех надгробных памятниках, составлена соответствующая документация. Методические разработки выявления, изучения, фиксации надгробных памятников и исторических могил, сделанные московскими специалистами в ходе исследования тульского некрополя, были

использованы в создании Лычаковского кладбища-музея во Львове в начале 1990-х гг. Впоследствии такая методика стала широко использоваться при обследовании исторических кладбищ, особенно в Москве. Параллельно продолжалась работа по описанию надгробий XVIII — начала XX в. При содействии Производственной группы по охране и эксплуатации памятников истории и культуры при Управлении культуры Тульской области (рук. Г.В.Чоговадзе) было взято на государственный учёт 130 надгробий, имеющих особую художественную или историческую ценность. Одновременно предпринимались шаги по формированию общественного мнения.

При содействии местной прессы, а также при активной поддержке о. Ростислава Лозинского стали проводиться регулярные субботники по расчистке и восстановлению старинных надгробий, удалению мусора и наведению порядка на отдельных участках. Так возникло неформальное движение «Тульский некрополь».

Идея сохранения и дальнейшего систематического исследования тульского некрополя оформилась в убеждение о необходимости музеефикации исторических кладбищ. Реализована эта идея была в 1990-х гг.

Зимой 1997–1998 гг. Комитет по культуре, историческому наследию и туризму Управы г. Тулы (председатель Н.Ю.Травин) потребовал представить концепцию музея. Концепция была представлена и защищена на заседании Комиссии по историческому наследию. Очень скоро вышло Постановление о создании Муниципального историко-архитектурного и ландшафтного музея «Тульский некрополь». Директором была назначена И.Г.Ковшарь.

Конечно, в тогдашних экономических условиях на многое рассчитывать не приходилось, но все-таки это было огромное достижение. Штатное расписание музея включало ставки директора, бухгалтера, 3-х научных сотрудников и 2-х рабочих по зеленым насаждениям. Музею были выделены 2 помещения в старинном доме в центре города, а также было обещано передать здание бывшего магазина ритуальных принадлежностей на территории Всехсвятского кладбища. Это здание после проведения необходимого ремонта стало бы прекрасным экспозиционным помещением, но передача его музею так никогда и не состоялась.

Сотрудники музея вели работу по нескольким направлениям. Продолжалась работа по исследованию Всехсвятского, Спасского

и Чулковского кладбищ: выявлялись надгробные памятники, составлялось их описание; оформлялась учетно-фондовая документация, проводились экскурсии, а также субботники с волонтерами; в холодное время года велись архивные изыскания, в том числе по персоналиям. Велась и широкая популяризационная деятельность: музей активно сотрудничал со СМИ, и не только местного уровня, а с возникновением ежегодника «Тульский краеведческий альманах» (2003 г.) появилась возможность размещать публикации в профильном издании.

В 2001 г. музей «ТН» получил грант Института «Открытое общество» на реализацию проекта «Некрополь тульской провинции». Проект предусматривал, среди прочего, создание фотовыставки, представляющей надгробные памятники кладбищ некоторых городов Тульской губернии (Богородицк, Дубна, Крапивна, Алексин). Последнее экспонирование этой фотовыставки (в Санкт-Петербурге, в Музее городской скульптуры) было включено в план мероприятий празднования юбилея В.А.Жуковского (2003 г.).

Во второй половине 2000-х гг. активное исследование тульского некрополя проходило в основном на Спасском (Зареченском) кладбище. На протяжении ряда лет реализовывался музейный проект «Люди и камни» — выставка, состоявшая не только из фотографий тех или иных могил и надгробий, но и из развернутой информации о погребенных. Причем, зачастую эта информация поступала в музей от потомков. Подобная выставка проходила трижды.

Заметным явлением стала выставка, посвященная 100-летию со дня рождения Р.Р.Лозинского — доктора богословия, Почетного гражданина Тулы, автора трудов по церковной истории города, одного из инициаторов спасения тульских исторических кладбищ.

Нужно отметить еще один реализованный проект, связанный с тульским некрополем, но к которому музей отношения не имеет. С 2011 г. было выпущено 3 сборника статей под общим названием «Тени забытых кладбищ», посвященных Всехсвятскому, Спасскому, Чулковскому и Еврейскому историческим кладбищам Тулы. Авторами статей выступали как историки, так и краеведы-любители. Опубликованные ими материалы представляют собой определенный интерес, но подача, а также интерпретация ее зачастую представляется весьма спорной.

В 2013 г. прошла реорганизация музея, его профиль был расширен и теперь это Тульский историко-архитектурный музей (ТИАМ). Музей получил в свое пользование 3 двухэтажных старинных здания

в центре города, смог открыть свой выставочный зал и постоянную экспозицию «Старая тульская аптека», но — «ТН» теперь существует на правах менее чем отдела: работу по кладбищенской теме ведут только сотрудники отдела хранения. Активность исследовательской деятельности резко снизилась; внутренним приказом приостановлено внесение надгробных памятников в музейный фонд, сотрудниками проводится только мониторинг ранее принятых объектов (ежегодные сверки), лекционная, а в летний период — экскурсионная работа. Также музеем ведется работа с волонтерами по расчистке участков захоронений и поднятию поваленных надгробий.

Коллекция намогильных памятников составляет отдельный фонд постоянного хранения ТИАМ. Основной фонд «Надгробия» включает в себя 1032 ед. хр., это памятники XVIII — начала XX в., находящиеся на открытом хранении на исторических некрополях Тулы: Всехсвятском, Спасском, Чулковском, а также фрагменты надгробий, хранящиеся в музее: отдельные элементы белокаменных и чугунных надгробий. Учетная документация ведется в соответствии с инструкцией по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях.

На данный момент фонд надгробий состоит из 22-х коллекций на открытом хранении и 4-х собраний фрагментов памятников, хранящихся в музее. Первые фондовые коллекции формировались по территориальному принципу в соответствии с планшетами топосъемки 1980-х гг. В 2000-х гг. были набраны коллекции надгробий Спасского и Чулковского кладбищ, а также собрание памятников Всехсвятского кладбища, не имеющее строгой территориальной привязки. Отдельной коллекцией приняты надгробия XVIII в. Дополнительно, на основании особенностей оформления были составлены описи надгробий — «Тульские букеты»³ и «Икона на камне». В свою очередь, памятники в описи «Икона на камне» были разделены по типологии: типовые сюжеты и патрональные святые.

На хранении в музее находятся 4 собрания: надгробия и фрагменты памятников из чугуна, белокаменная скульптура и 2 собрания фрагментов надгробий разных типов, собранных в ходе полевых

---

³ «Тульские букеты», состоящие в разных комбинациях из пшеницы, лозы, васильков — христианские символы воскрешения, возрождения, изображались на западных и восточных сторонах саркофагов первой трети XIX в.

исследований. Отдельные коллекции составляют слепки, формы для слепков, и эстампы-фроттажи с рельефных изображений на фасадах белокаменных саркофагов.

Коллекция слепков была изготовлена по заказу музея в 2000 г. художником и скульптором Я.Н.Куравским. Для неё были отобраны белокаменные саркофаги первой половины XIX в., украшенные низкими рельефами растительного орнамента, со Всехсвятского кладбища.

Также в основном фонде хранится 32 коллекции негативов и 6 коллекций фотографий памятников и видов исторических кладбищ города и области. Планшеты передвижных выставок, созданных по фотоматериалам со Всехсвятского кладбища — «Люди и камни» и «Икона на камне» — также приняты в основной фонд.

Ежегодно в весенне-летний сезон проводятся сверки музейных коллекций. Каждый год сверяется коллекция особо ценных надгробий конца XVIII в., остальные — согласно установленному плану сверок. В среднем за сезон сотрудниками сверяется порядка 200–250 ед. хр. Процесс сверки включает в себя расчистку надгробия и участка вокруг него от мусора и растительности, маркировку и фотофиксацию состояния сохранности. При повреждении памятника, надгробие вносится в план на реставрацию.

В настоящее время существует определенная сложность в работе даже на участках, охваченных топографической съемкой 1980-х гг., за прошедшие годы произошли существенные изменения, мешающие быстрому поиску нужных памятников: вырастают деревья, убираются ограды, нивелируются могильные холмы, оставшиеся без надгробий, устанавливаются новые памятники на место старых.

С 2018 г. музеем, совместно со студентами и преподавателями направления «Землеустройство и кадастры» Тульского государственного университета, ведется работа по созданию ГИС-навигатора по Всехсвятскому кладбищу. На электронную карту планируется нанести все туристические объекты некрополя с точной координатной привязкой, надгробия, включенные в музейный фонд, с подробным описанием и панорамной фотофиксацией.

Карта будет предоставлять возможность самостоятельного поиска или выборки объектов по различным критериям: 1. Тип памятника (плита, саркофаг, крест, стела, аналой, жертвенник, колонна, конус, часовня, обелиск, скульптура, глыба, ограда, склеп); 2. Материал (известняк, габбро, гранит, лабрадорит, мрамор, песчаник, бетон,

металл); 3. Дата создания; 4. Художественные особенности (тульский букет, икона на камне, эпитафия); 5. Авторские подписи, клейма; 6. Архитектурный стиль (барокко, ампир, классицизм, эклектика, модерн); 7. Социальное и служебное положение погребенного (дворяне, купцы, мещане, крестьяне, деятели культуры и искусства, деятели науки и образования, врачи, архитекторы, благотворители, общественные деятели, военные, священнослужители); 8. Конфессиональная принадлежность (православные, католики, лютеране, старообрядцы); 9. Персоналии; 10. Топография/местоположение (планшет/квадрат/номер); 11. № (название) фондовой коллекции; 12. Музейные инвентарные номера — № КП ТН / № Инв.

Технологически навигатор будет представлять собой дополняющуюся веб-ГИС — интерактивную карту на основе картографического сервиса HERE Technologies и сервиса-интегратора GISintegrator.com, адаптированную для компьютеров и планшетов (смартфонов), с обозначением на ней точных координат памятников, а также с возможностью выборки нужных объектов и прокладкой маршрута к ним. В результате у музея появится современный и удобный инструмент работы с фондовыми коллекциями, а у жителей города возможность самостоятельного поиска, осмотра и изучения интересующих объектов.

Таким образом, привлечение современных технологий в процессе исследования исторических некрополей расширяет возможности и в определенной мере облегчает работу исследователей. С другой стороны, этот процесс позволяет повысить интерес жителей к старинным захоронениям, что является серьезной поддержкой в вопросе сохранения этих объектов.

Уже сегодня мы наблюдаем, насколько изменилось отношение туляков к закрытым для эксплуатации историческим кладбищам. Никому, даже самым прагматичным чиновникам, не приходит в голову идея сноса кладбищ с целью дальнейшего использования земли. Комитет спецобслуживания населения активно сотрудничает с музеем и по его заявкам убирает упавшие деревья, вывозит мусор. За последние 15–20 лет большое число частных могил XX в. восстановлено, памятники и оградки обновлены. Регулярно поступают заявки на проведение экскурсий по кладбищам не только по линии музея, но и от частных экскурсбюро. Но самым крепким основанием для оптимизма является тот факт, что сегодня в Туле некрополистикой занимаются молодые. Значит, процесс преемственности поколений не прерван.

В.И.Титова, В.Г.Толкунова, Л.С.Сметанина (Владимир)

**Владимирская программа «Некрополь»:
разработка, реализация
и общественная значимость.
Опыт издания справочника-путеводителя
«Исторические кладбища Владимира»**

Общегородское кладбище во Владимире появилось после того, как из-за эпидемии чумы в России в 1770-е гг. приходские кладбища были закрыты. Для кладбища были выделены 2,5 десятины земли за чертой города. Тогда же там была построена Князь-Владимирская церковь, отчего и кладбище стало называться Князь-Владимирским. Оно оставалось действующим до 1966 г., его территория занимает 11 га. Советское законодательство позволяло через 20 лет после последнего захоронения ликвидировать кладбище. Эта участь ожидала и Князь-Владимирское кладбище.

В 1980-е гг. высказывались предложения о превращении уже закрытого для захоронений кладбища в парк с сохранением воинского мемориала, который предлагалось использовать «для патриотического воспитания молодёжи». Зная историю разрушения храмов и приходских кладбищ города, многие владимирцы были уверены, что так и произойдёт. Тревогу забили краеведы, объединённые в то время секцией истории Владимирского отделения ВООПИиК: писали исторические справки о кладбище, публиковали заметки в местной печати. Однако руководителей ВООПИиК не особенно заинтересовала проблема сохранения кладбища. Только в 1987 г. с началом деятельности Всесоюзного (потом Российского) фонда культуры и его Владимирского областного отделения под руководством И.Г.Порцевской появилась реальная возможность начать планомерную работу по изучению истории кладбища, ставить вопросы о его сохранении и благоустройстве перед администрацией города и перед широкой общественностью.

В начале 1990-х гг. активистами Фонда культуры стала разрабатываться программа «Некрополь». Можно утверждать, что основополагающим документом для неё стала опубликованная в «Археографическом ежегоднике за 1989 год» (М., 1990) «Записка М.Н.Тихомирова о составлении

“Московского некрополя”» с предисловием С.О.Шмидта. Записка была написана ещё в 1956 г., когда начинал составляться «Московский некрополь», и Тихомиров намечал основные виды работ, которые при этом необходимо было осуществить. Одной из главных задач историк видел составление списка захоронений на московских кладбищах наиболее выдающихся лиц с подробным описанием сохранившихся надгробий, с фотофиксацией, чтобы затем издать эти материалы, учитывая наиболее значимые захоронения. «Московский некрополь», издание которого М.Н.Тихомиров считал делом необходимым, должен был стать своего рода охранным документом. Однако осуществить этот замысел тогда не удалось.

Что касается нашего кладбища, чтобы убедить администрацию города и общественность в необходимости его сохранения, надо было до широкой публики сведения о тех людях, которые были здесь погребены более чем за два века. Соответственно, нужно было составить списки захороненных (что предполагал сделать и М.Н.Тихомиров в отношении московского некрополя). Это и стало первым пунктом нашей программы. Самый логичный путь — изучение метрических книг — был в то время недоступен, так как книги находились в распоряжении учреждения ЗАГС и не были доступны для использования. К тому же было понятно, что имена и социальный статус погребаемых немного дадут для изучения биографий и, следовательно, установления общественной значимости людей. Эта информация могла быть лишь подспорьем в работе. Второй путь — изучение некрологов в местной печати — был доступен, но, к сожалению, в некрологах не всегда указывается место погребения. Поэтому было решено пойти третьим путём: обратиться к жителям города. Владимир — город небольшой, старожилы знали друг друга, поэтому первые же обращения к ним стали давать результаты.

Владимирский фонд культуры заявил о себе и о своих задачах, организовав большой городской вечер-встречу «Если любишь свой город». После него в Фонд потянулись горожане со своими предложениями, проблемами. Тогда организовали ещё одну встречу, более камерную, на которую пригласили представителей нескольких старинных владимирских родов. Мы попросили их составить список родственников и близких знакомых, погребённых на Князь-Владимирском кладбище, рассказать о них. Эти рассказы, иногда краткие, служили зацепкой и позволяли начать изучение биографий некоторых захороненных по различным публикациям и документам. Так появился следующий пункт Программы: изучение биографий захороненных.

Была начата даже издательская деятельность. В 1995 г. вышел 1-й выпуск сборника «Владимирский некрополь. Князь-Владимирское кладбище». Он рассказывал о биографиях наиболее известных людей, захороненных на Князь-Владимирском кладбище, которые удалось установить к тому времени. Он был небольшим и очень скромным по качеству издания, но позднее был переиздан в виде цветного буклета со схемой кладбища.

От вопроса сохранения кладбища всегда неотделимы проблемы его благоустройства, потому что любые посетители кладбища сразу обращают внимание на порядок. А кладбище было захлавлено настолько, что некоторые кучи многолетнего мусора были выше человеческого роста. Поэтому много времени и сил активисты Фонда культуры отдавали организации субботников. Первые организованные отряды были созданы из учащихся школы №34 г. Владимира под руководством педагога историка-краеведа Г.Г.Петрихиной. Она не только организовывала субботники, но и добилась того, что её классу разрешили летнюю трудовую практику проходить на уборке кладбища. Тогда ребята стали нашими помощниками и в деле составления списков захороненных, переписывая сведения с сохранившихся надгробий. Подобную работу позднее стали проводить учащиеся находящиеся поблизости от кладбища школ №21 и №3 под руководством педагогов В.Г.Беловой и В.С.Бузыковой, а затем и другие учащиеся — школьники и студенты. Эта работа проводилась ими в течение нескольких лет.

В процессе работы появился ещё один пункт Программы. С помощью старожилов были выявлены места (не могилы!) захоронений нескольких известных людей. Почти в центре кладбища нам указали на прикрепленную к дереву табличку с надписью «С.И.Левкоев». Кто-то из владимирских музыкантов, по-видимому, этой табличкой хотел отметить место, где был погребён владимирский хормейстер и композитор С.И.Левкоев (1897–1965). Его имя было хорошо известно горожанам 1930–1960-х гг. Фонд культуры организовал сбор средств на надгробный памятник С.И.Левкоеву. Самое активное участие в этом сборе приняли представители музыкальной общественности. Одновременно рядом были восстановлены и благоустроены могилы его жены и тещи, на которых установили деревянные кресты с табличками. Восстановленное семейное захоронение и новый памятник на могиле С.И.Левкоева были торжественно открыты. Это была первая

подобная акция на Князь-Владимирском кладбище, над которым все еще продолжала висеть угроза ликвидации.

Поскольку нашими активными сторонниками стали представители музыкальной общественности, особенно преподаватели Владимирского областного колледжа культуры и искусства и детской музыкальной школы №1, то следующим восстановленным памятником было надгробие А.Е.Ставровскому (1848–1921) — регенту владимирского Успенского кафедрального собора, композитору, музыкальному просветителю, который вместе с сыном основал первую детскую музыкальную школу во Владимире. Место его могилы восстанавливали по описаниям разного времени и на основании воспоминаний старожилов. На предполагаемом месте захоронения установили деревянный крест. Ещё один крест был установлен на месте предполагаемого захоронения В.Г.Добронравова (1861–1919) — педагога, историка, краеведа, который был одним из создателей и членом Владимирской учёной архивной комиссии, заведовал её музеем, был членом-сотрудником императорского Археологического института. Вероятное место захоронения было подтверждено одной из его родственниц.

К концу 1990-х гг. стало очевидно, что силами общественников с поставленной задачей сохранения и благоустройства кладбища справиться невозможно. Организация, занимающаяся вопросами благоустройства Князь-Владимирского кладбища (наряду со всеми действующими городскими), могла только обеспечивать транспортом участников субботников да содержать в относительном порядке асфальтированные аллеи. Однако к этому времени работа общественности под эгидой Фонда культуры стала пользоваться в городе большой популярностью. На разговор с представителями старожилов города в краеведческий клуб «Я встретил Вас...» были приглашены мэр города И.В.Шамов и заведующая городским отделом культуры З.М.Литвинова. На свою сторону мы привлекли депутатов Комиссии по культуре городского Совета народных депутатов. Это привело к кардинальному решению проблемы: городская администрация приняла постановление о создании Муниципального учреждения культуры «Владимирский некрополь» с небольшим штатом, в котором были предусмотрены должности заместителей руководителя по научной и хозяйственной работе, архитектора, администраторов, рабочих. Директором учреждения стала И.Г.Порцевская.

В течение 5 лет (1999–2004 гг.) учреждение успешно работало. Собранные к этому времени материалы позволили на новом уровне

продолжить издательскую работу для популяризации нашей деятельности и истории кладбища как памятника истории и культуры. Выпуски сборников «Владимирский некрополь. Князь-Владимирское кладбище» стали издаваться уже не как буклеты, а в виде книг. Некоторые из них были тематическими. Например, 2-й выпуск был посвящён воинским захоронениям, 4-й — эпитафиям. Сборники содержали несколько разделов. Один из разделов — «Слово о родных и близких» — предоставил возможность родственникам рассказать о своих близких. В других разделах помещались статьи краеведов об известных людях, погребённых на кладбище, об истории кладбища и его Попечительства, о кладбищенской церкви, написанные на основе документов Государственного архива Владимирской области. Эти сборники до сих пор пользуются спросом. Задаче популяризации истории кладбища служили и экскурсии по кладбищу, которые стали бесплатно проводиться сотрудниками учреждения для всех интересующихся историей города.

С докладом о программе «Некрополь» директор МУК «Владимирский некрополь» И.Г.Порцевская и её заместитель В.И.Титова выступали и на всероссийском уровне — на научно-практической конференции «Некрополь Москвы и России. История. Изучение. Охрана», состоявшейся 23 марта 2001 г. в Историко-архивном институте РГГУ в Москве.

Теперь уже у муниципального учреждения со своим штатом появилась возможность более углублённо заняться сохранением, изучением и благоустройством кладбища. За 5 лет самостоятельного существования «Владимирский некрополь» заложил основы работы по изучению и благоустройству Князь-Владимирского кладбища. Было предусмотрено детальное изучение всей территории кладбища наряду с продолжавшимся сбором сведений о захоронениях.

Территорию кладбища разделили на 16 участков. Была начата работа по составлению паспорта на каждый участок. В паспортах предполагалось отразить особенности каждого участка: список захороненных, степень изученности их биографий, сведения о состоянии могил, надгробий, оград. С помощью приглашённых добровольцев-биологов планировалось вносить в паспорта и характеристику растительности участков, наличие старых и больных деревьев, требующих выпиливания и т.д. В одном из выпусков сборника «Записок владимирских краеведов» (Владимир, 2000, вып. 4) появилась статья канд. биол. наук П.А.Серёгина «Зелёный мир владимирских кладбищ».

В течение всего времени проводилась регистрация захоронений (заполнялись специально разработанные анкеты). Жителей города, чьи родственники похоронены на Князь-Владимирском кладбище, приглашали пройти такую регистрацию. Для этого развешивались объявления на самом кладбище, делались объявления во время различных мероприятий, в которых участвовали сотрудники учреждения. Более 5 тыс. жителей города (а также живущих в других городах) заполнили анкеты на захороненных родственников. Полученные из анкет сведения вносились в компьютерную базу данных.

Составлялись паспорта на отдельные захоронения с целью постановки наиболее значимых из них на государственный учёт как памятников истории и культуры. Всего было составлено 45 таких паспортов. Значимость захоронения определялась по разным критериям: известность погребенного или художественная ценность надгробия, или то и другое. Каждый индивидуальный паспорт включает следующие подробные данные: биографические сведения, характеристика надгробия, ремонтно-реставрационные работы, техническое состояние надгробия, источники и литература. К паспорту прилагаются: фотография захороненного (или захороненных, если захоронение семейное), фотографии надгробий (до и после реставрации), прорисовки надгробий с указанием размеров, схема кладбища с указанием местонахождения захоронения.

Ежегодно «Владимирский некрополь» занимался ремонтно-восстановительными работами в пределах очень небольших отпускаемых на это средств. В первую очередь ремонтировался воинский мемориал Князь-Владимирского кладбища. Была восстановлена арка Южных входных ворот. Были и другие планы, но осуществить их не успели, так как в 2004 г. учреждение было ликвидировано.

В соответствии с финансовыми возможностями и наличной рабочей силой учреждение занималось распиливанием и вывозом старых деревьев. Главной рабочей силой оставались школьники и молодёжь города, участвовавшие в субботниках по очистке территории кладбища. Зарплата штатных рабочих была такова, что найти людей на эти должности оказалось практически невозможно.

Основным итогом деятельности учреждения «Владимирский некрополь» следует считать привлечение внимания руководства города и широкой общественности к проблемам Князь-Владимирского кладбища.

Несмотря на ликвидацию МУК «Владимирский некрополь» тема сохранения и изучения кладбища уже не могла быть предана забвению,

поэтому по решению администрации города 1 ноября 2004 г. был создан отдел краеведческих исследований Центральной городской библиотеки Владимира. В его штат были приглашены некоторые бывшие сотрудники «Владимирского некрополя». Отдел продолжил работу по изучению истории Князь-Владимирского кладбища, а хозяйственными работами на кладбище стало заниматься МУП «Дорожник».

Программа «Некрополь» не была заброшена, а стала одной из программ, по которым отдел работает и в настоящее время. В рамках этой программы сотрудниками ведётся работа в нескольких направлениях: изучение истории первого общегородского Князь-Владимирского кладбища и восстановление биографий захороненных там людей; работа по продвижению знаний по истории кладбища как части истории города для различных категорий жителей Владимира, для его гостей; привлечение внимания общественности к кладбищу как памятнику истории и культуры, привлечение горожан к работе по его благоустройству и сохранению.

Была продолжена и доведена до конца работа по составлению паспортов участков кладбища (всего их 16). Были описаны все находящиеся на каждом участке захоронения, зафиксированы все данные с памятников. Это позволило продолжить поисковую работу, направленную на восстановление биографий захороненных там людей. Визуальное изучение кладбища проводилось в основном в весенне-летний период. Во время обследования каждого участка составлялись отдельные списки надгробий, которые нуждаются в реставрации, упавших надгробий, которые нужно поднять и установить на место.

Основное внимание уделялось изучению биографий выдающихся людей, захороненных на кладбище. По крупицам собирались сведения из разных источников. Сотрудники отдела обращались в центральные и местные архивы, к родственникам (если удавалось их найти), привлекали опубликованные материалы, изучали местные газеты с целью выявления некрологов. Главным результатом всей многолетней работы стало издание двухтомника «Исторические кладбища Владимира». 1-й том «Князь-Владимирское кладбище» (Владимир, 2018) издан на средства областного гранта, 2-й том — «Древнерусский некрополь. Утраченные кладбища» (Владимир, 2018) — на средства издателя.

В 1-м томе собраны материалы по истории Князь-Владимирского кладбища, по истории кладбищенской церкви, по истории Попечительства кладбища в 1908–1917 гг. А основу, несомненно, составляют

биографии выдающихся людей, похороненных там. Они собраны по «профессиональному» признаку. Например, есть такие разделы, как «Врачи, деятели здравоохранения», «Педагоги», «Священнослужители» и т.д. По каждой персоналии приводится биографическая справка и указание номера участка кладбища, где расположено захоронение. Отдельно в каждом разделе собран материал по утраченным захоронениям и захоронениям тех, чьи подробные биографии установить не удалось. Кроме того, в книге опубликованы и сведения из анкет, которые заполняли родственники с начала 1990-х гг. о рядовых жителях Владимира, похороненных на Князь-Владимирском кладбище. Большой объём занимает материал по истории Воинского мемориала кладбища, по его изучению с уточнённым списком захороненных в братских могилах воинов.

В процессе занятий историей Князь-Владимирского кладбища, у нас не могло не появиться материалов о приходских кладбищах города. Подавая нам сведения о родственниках, захороненных на Князь-Владимирском кладбище, люди говорили, что и на других кладбищах города у них похоронены родственники. Эту информацию мы тоже записывали. На этой основе родился 2-й том «Исторических кладбищ». Здесь собраны сведения об утраченных кладбищах в историческом центре города, а также о древнерусском некрополе — это захоронения в наших соборах и монастырях.

Но и после выхода двухтомного путеводителя отдел продолжает принимать от жителей города сведения о родственниках, захороненных на Князь-Владимирском кладбище. Сведения вносятся в электронную базу данных о ранее зарегистрированных (около 5 000 анкет), созданную уже не только для внутреннего пользования сотрудниками, но и на сайте отдела (kraeved33.ru). Родственникам, которые располагают дополнительными сведениями или обнаружившим какие-то неточности в ранее заполненных анкетах, предлагается сообщать нам об этом.

В своё время сотрудникам «Владимирского некрополя» удалось спасти от уничтожения работниками похоронной службы часть книг регистрации захороненных на кладбище за 1953–1966 гг. Уже отделом краеведческих исследований была создана их электронная база, что помогает давать необходимые справки обращающимся в отдел родственникам, использовать эти данные для работы.

Сотрудники отдела принимают участие в общественных мероприятиях, которые проводятся на кладбище в торжественные и памятные дни, по заявкам проводят экскурсии по кладбищу — обзорные

и тематические. Продолжается выявление памятников, нуждающихся в реставрации, составлен перечень памятников, которые лежат на земле и которые необходимо поднять. Продолжается работа с организациями и общественными объединениями города по установке на могилах известных владимирцев новых памятников вместо старых, обветшавших. Иногда это просто необходимо сделать, чтобы место захоронения того или иного человека, у которого не осталось родственников, не было утрачено. Сотрудники отдела обращались (иногда неоднократно) с письмами в те организации, предприятия, где эти люди когда-то работали, с настойчивыми просьбами об установке новых надгробий. И просьбы часто находили отклик.

Так, в 2006 г. Владимиро-Суздальским музеем-заповедником был установлен новый памятник на могиле директора музея М.А.Перла. Благодаря неоднократным обращениям в местные органы власти в мае 2007 г. было установлено новое надгробие на могиле Героя Советского Союза Ф.К.Шевчука. Было отреставрировано надгробие военного врача Г.Д.Контора. В 2013 г. областным военкоматом отреставрированы надгробия и установлены новые памятники полковникам С.Н.Грешнову и Б.К.Наумову. По инициативе отдела учащимися и педагогами школ №3 и 21 г. Владимира на средства, полученные по грантам, были установлены новые надгробия артистам Владимирского театра драмы В.Д.Волохову и О.В.Кирской, военным врачам С.А.Тихоновой и Б.М.Воинову, установлены ограды на захоронениях русского офицера кн. М.С.Волконского, внука философа А.С.Хомякова — поэта Ф.А.Челищева.

Также по нашей инициативе в 2006 г. на территории кладбища была сооружена стела для установки мемориальных досок с информацией об иностранных гражданах — заключённых Владимирской политической тюрьмы, захороненных на кладбище. Позднее, в 2012 г., близ стены был установлен закладной камень в память депутата Первой Государственной думы кн. П.Д.Долгорукова (1866–1951) и других жертв политических репрессий советского времени, погибших в стенах Владимирской политической тюрьмы и захороненных на кладбище в безымянных могилах.

В отдел обращаются представители городской администрации, общественных организаций за различными справками, в основном связанными с местонахождением захоронений отдельных лиц, их

биографическими данными. В весенне-летний период отдел участвует в организации субботников по благоустройству кладбища.

Опыт работы по изучению кладбища был обобщён в брошюре «Священная память истории» (Владимир, 2006), подготовленной сотрудником отдела В.И.Титовой.

За все годы работы отдела в центре его внимания было изучение Воинского мемориала, расположенного в восточной части Князь-Владимирского кладбища. Это братские воинские захоронения более 1500 воинов, умерших в годы Великой Отечественной войны во владимирских госпиталях. Таким образом, из программы «Некрополь» выделилась новая самостоятельная программа «Вспомним всех поимённо». Её цель — изучение биографий захороненных на кладбище участников войн, которые вела Россия на протяжении XVIII–XX вв. Особое место в этой программе отведено братским могилам Воинского мемориала: уточнению списков захороненных воинов, выяснению биографических сведений о них. По документам военкоматов, центральных архивов и документам Министерства обороны РФ (www.obd-memorial.ru), сотрудниками отдела были установлены имена похороненных в братских могилах 232-х воинов, не увековеченные на плитах Мемориала. Анализ выявленных документов позволил составить новый, уточнённый список погребенных. Эта большая по объёму работа стала важным, общественно значимым делом, необходимым к тому же и приезжающим сюда родственникам воинов¹.

¹ Более подробно о работе по изучению Воинского мемориала на Князь-Владимирском кладбище см.: *Сметанина Л.С., Толкунова В.Г.* Некоторые итоги изучения воинского Мемориала Князь-Владимирского кладбища г. Владимира //Владимир именем святым храним!: Мат-лы Пятой городской краеведческой конференции (г. Владимир, 30 июля 2010 г.). Владимир, 2011. С. 181–189; *Толкунова В.Г.* Воинский Мемориал Князь-Владимирского кладбища г. Владимира: некоторые итоги изучения //Сотрудничество власти и общества в сфере сохранения военно-мемориальных сооружений: история и современность: сб. ст. и тез. межрегион. науч.-практ. конференции, посвящённой 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года и 70-летию победы советского народа в Сталинградской битве. Апрель 2013 года. Оренбург, 2013. С. 211–217; *Сметанина Л.С.* Изучение Мемориала Великой Отечественной войны Князь-Владимирского кладбища во Владимире //Девятые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Воронеж, 15–19 мая 2015 г.) /Отв. ред. В.Ф.Козлов, сост. А.Г.Смирнова. М., 2016. С. 565–569.

После реконструкции Мемориала в 2015 г. нами был составлен новый Паспорт Мемориала с точными сведениями о местонахождении каждой мемориальной плиты, что позволяет давать эти сведения родственникам воинов, когда они обращаются к нам в отдел (по электронной почте, по телефону) или приезжают на Воинский мемориал. Иногда родственники привозят документы, фотографии, рассказывают то, что им известно о своём родственнике. Так, мы принимали родных рядового М.Байбагисова из Республики Казахстан: сына, внука и племянника, общались с семьей рядового Т.Нурмагомбетова, тоже из Казахстана, рядового Н.И.Золотова из Челябинска. Родственникам рядового И.С.Шишкина из Москвы помогали найти его захоронение.

Отделом ведётся работа по продвижению знаний по истории кладбища для различных категорий жителей города. С этой целью осуществляется издательская работа. С 2006 г. отделом издаётся ежегодный городской краеведческий альманах «Старая столица», где в числе статей по истории города сотрудники отдела публикуют материалы по истории кладбища. Материалы об отдельных лицах, похороненных на кладбище, вошли как составная часть в книги, написанные сотрудниками отдела, в частности, В.И.Титовой — ««Память храбрых мы почтим...»: захоронения участников Первой мировой войны во Владимире на Князь-Владимирском кладбище» (Владимир, 2014) и «Россия помнит тех, кто ей принёс победу» (Владимир, 2009) и др. Материалы по истории кладбища используются при подготовке докладов, с которыми сотрудники выступают на различных конференциях. На заседаниях организованного отделом краеведческого клуба «Добросельский» также часто затрагивается эта тема.

Привлечению внимания горожан к проблеме сохранения кладбища, распространению знаний о его истории способствовали многие мероприятия, проводимые сотрудниками отдела на кладбище. На них приглашаются общественность, школьники, которые участвовали в установке новых памятников на кладбище, в субботниках по благоустройству. Торжественно прошли мероприятие, посвящённое 100-летию Героя Советского Союза Д.Д.Погодина, митинги по случаю установки новых памятников Герою Советского Союза Ф.К.Шевчуку, врачам С.А.Тихоновой, Б.М.Воинову и другим, торжественное мероприятие у могил участников Первой мировой войны Андреевых (2014 г.).

Многолетняя работа по спасению кладбища от уничтожения получила благополучное завершение. Многочисленные обращения

к местным органам власти, привлечение внимания общественности, и формирование общественного мнения, продвижение знаний по истории кладбища среди жителей города и многое другое позволили добиться того, что многолетние наработки отдела послужили основой для экспертного заключения, которое, в свою очередь, способствовало принятию Постановления Законодательного Собрания Владимирской области №126 от 24.04.2013 «О включении выявленных объектов культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объектов культурного наследия регионального значения».

Таким образом, главными итогами работы по изучению и сохранению кладбища стали: издание двухтомного путеводителя «Исторические кладбища Владимира»; присвоение Князь-Владимирскому кладбищу статуса памятника истории и культуры регионального значения; работа по объединению общественности в целях организации Попечительского совета кладбища (находится в стадии разработки регламентирующих документов).

Но работу отдела краеведческих исследований Центральной городской библиотеки по программе «Некрополь» нельзя считать завершённой. Она продолжается. Дальнейшее решение многих проблем кладбища мы связываем с его музеефикацией, с созданием и деятельностью Попечительского совета.

Основываясь на нашем опыте, краеведы районов Владимирской области также стали заниматься историей кладбищ в своих населённых пунктах, устанавливать имена захороненных, восстанавливать надгробия на могилах выдающихся людей. Этот опыт может быть распространён и на другие регионы нашей страны.

К проблеме современного состояния русского некрополя за рубежом

Русские могилы за рубежом разбросаны на всех континентах мира, там, где волею судьбы оказывались или проживали уроженцы России. До революции 1917 г. это были дворяне, военные, богатые купцы, интеллигенция, люди свободных художественных профессий, уезжавшие за границу на постоянное или временное место жительства, на лечение. В основном тогда местом притяжения была Европа. После Октябрьского переворота и Гражданской войны русская и русскоязычная зарубежная диаспора увеличилась в сотни раз. Это был настоящий исход нашей элиты и всех, кто не мог принять жизнь под большевистским гнетом и кому удалось покинуть родину. Европейские страны приняли наибольшее число русских эмигрантов. Много наших бывших граждан оказалось в Азии, Северной Африке, обеих Америках, Австралии. Они осели там навсегда, оставаясь русскими, и лишь небольшая часть вернулась, но уже в новую страну — СССР.

«Волны русской эмиграции унесли из России немало уникальных талантов — ученых, политических и военных деятелей, писателей, философов, музыкантов, художников. Многие из них оставили свой след не только в предреволюционной истории России, но, находясь на чужбине, сумели внести существенный вклад в русскую и мировую культуру, во многие области науки и техники. Несть числа выдающимся умам российским — изгнанникам вольным и невольным! Немало их имен мы знаем. Сделанное ими вошло в нашу культурную жизнь и до сих пор продолжает возвращаться. Поэты «вернулись в Россию стихами», композиторы — музыкой, ученые и философы — своими трудами. Но лежать они остались в чужой земле»¹.

Эмигранты постепенно осваивались в новых для себя странах: работали, преподавали, творили, учились, служили и естественно, умирали. В городах проживания значительных русских общин

---

¹ На чужих погостах /Авт.-сост. А.А.Романов. М., 2003. С. 6.

появлялись русские участки на местных кладбищах, а то и целые отдельные некрополи.

В некоторых городах такие православные кладбища были основаны еще в конце XIX — в начале XX в., в Висбадене и Берлине в Германии, в Праге в Чехии и в Вене, на территории бывшей Австро-Венгрии, в Варшаве, являющейся до 1917 г. столицей Царства Польского в составе Российской империи, но быстро заполняться они стали после русской революционной смуты. «Здесь, вдали от своих родных погостов, нашли свой последний приют и безвестные россияне, на могильном камне которых русские имена, даты жизни и мало что добавляет к этим сведениям кладбищенский Регистр. Эмигранты и беженцы после революции и гражданской войны, беженцы после Второй мировой войны и бывшие военнопленные, избежавшие насильственной репатриации на советскую родину, эмигранты и беженцы после распада Советского Союза... Они унесли с собой свои жизненные тайны, чаяния и надежды»².

Православные кладбища во множестве находятся в городах республик бывшего СССР, ставших в начале 1990-х гг. независимыми государствами — но это уже отдельная тема.

Множество русских и советских солдат захоронено на многочисленных некрополях зарубежья. Одни проливали кровь за императорскую Россию, другие — за СССР, но остались навечно лежать в чужой земле, часто безымянными.

В предлагаемой статье о русском некрополе за рубежом мы опишем некоторые кладбища лишь в 4 европейских столицах — Варшаве, Берлине, Праге, Париже, которые нам удалось осмотреть, выезжая за границу.

Одно из старейших русских кладбищ за границей это православный некрополь в варшавском районе Воля — своеобразный культурно-исторический объект русского присутствия в бывшем Царстве Польском.

История православного некрополя в Варшаве уходит своими корнями в 1830 г., когда разделенная между Австрией, Пруссией и Россией Польша восстала против иностранного гнета в своей восточной

---

² Русский некрополь в Висбадене. Петербург–Висбаден–Нероберг /Авт.-сост. Н.Дубовицкий. СПб., 2010. С. 8.

окраине — Царстве Польском. После подавления мятежа Николай I ужесточил политику по отношению к Польше.

Варшава была объявлена городом-крепостью. К концу XIX в. русский гарнизон составлял в ней около 100 тыс. В городе сложились целые районы, где преобладали русские. Разраставшаяся колония русских, естественно, требовала основания православного кладбища, где можно было хоронить своих единоверцев. Такое кладбище по Высочайшему повелению решено было основать на месте ожесточенного боя повстанцев — редуте №56 (Воля). В 1831 г. погибшие во время штурма русские солдаты уже захоранивались в этой земле.

С 1834 г. некрополь на Воле стал единственным местом погребения православных русских в Варшаве. 21 июня 1836 г. Вольское кладбище было освящено, а в конце года передано в духовное ведомство.

Костел св. Лаврентия, послуживший последним оплотом сопротивления поляков, в 1841 г. был переделан в однопрестольный православный храм во имя Иконы Владимирской Богоматери, в день почитания которой была взята Варшава.

До основания кладбища на Воле немногочисленная русская колония города хоронила своих умерших на особых участках протестантских кладбищ. Впоследствии, по мере роста русской общины в Варшаве, Вольское кладбище становится основным местом захоронения православных в городе.

У абсид Храма во имя Владимирской иконы Богоматери находилась самая старая и почетная часть некрополя с могилами высших чиновников, представителей аристократических семей, генералов, офицеров, награжденных Георгиевским крестом, православного духовенства.

Все кладбище делилось на разряды по сословному признаку, как это было принято в России. Каждый разряд разграничивался каменными столбами, имеющими свой номер. Рядом с храмом существовал 1-й разряд. Во втором хоронили офицеров и купечество.

В 1904 г. чуть восточнее старого кладбищенского храма на специально купленном участке была возведена православная церковь во имя св. Иоанна Лествичника. Новую церковь построили на средства архиепископа Варшавского и Привисленского митрополита Иеронима Экземплярского, пожелавшего увековечить память своего сына, похороненного в крипте под храмом. Затем здесь же был захоронен и сам Иероним. Храм св. Иоанна Лествичника возведен по проекту

известного петербургского архитектора В.А.Покровского в неорусском стиле, принятом в официальной русской церковной архитектуре начала XX в. Крестообразный в плане основной объем постройки завершен массивным световым барабаном с луковичной главой, крытой патинированной медью.

Во время Первой мировой войны под давлением наступления немцев и захвата ими в 1915 г. Варшавы русские, в том числе и православное духовенство, были вынуждены покинуть город. Когда после окончания войны Польша стала независимым государством, Вольское кладбище осталось без должного ухода. Бывший костел св. Лаврентия в 1916 г. передали католикам, а территория вокруг него — внутри 56-го редута Воли, объявлялась мемориальным местом, где погиб генерал Ю.Совиньский и повстанцы 1831 г.

В начале 1930-х гг. русские захоронения и надгробия вокруг костела, и притом самые старые по времени возникновения, разрушались и переносились на новое место на этом же кладбище. 1920–1930-е гг. были памятни тем, что многие объекты русского присутствия в Польше подвергались физическому уничтожению. Не обошла эта участь и некрополь на Воле. Некоторые националистически настроенные организации прямо призывали снести русское кладбище и оставить его территорию как памятник «борьбы и мученичества», место, священное для каждого польского патриота. Но все-таки тогда хватило трезвых голов в руководстве Варшавы, и некрополь отстояли от разрушения. Тем более что на его территории сохранялось большое число монументальных каменных надгробий, в совокупности вместе с храмом св. Иоанна Лествичника, составлявших неповторимый архитектурно-мемориальный ансамбль — украшение района Воля.

Во время гитлеровской оккупации, когда была почти полностью разрушена Варшава, кладбище на Воле особо не пострадало. Но на его территории в 1944 г. происходили массовые расстрелы и захоронения тел замученных жителей района Воля. Об этом свидетельствует памятный знак около кладбища, на котором начертано: «Место, освещенное кровью поляков, павших за независимость Отчизны». Здесь же упокоились останки советских воинов, погибших во время освобождения этого района города в 1945 г.

В послевоенное время в столице уже социалистической Польши оставалось не так много русских. Но кладбище продолжало функционировать. Так же как и православный храм на его территории.

Сейчас место внутри земляного редута, воздвигнутого во время «ноябрьского восстания» около костела св. Лаврентия, является мемориальной зоной. Здесь находятся захоронения солдат 7-го и 8-го польских пехотных полков, погибших во время боев с царскими войсками в 1831 г. Рядом лежат останки воинов, павших во время обороны Варшавы от гитлеровцев в 1939 г., а также гражданских лиц Воли, захороненных здесь во время Варшавского восстания 1944 г. Однако большая часть сохранившихся надгробий, относящихся к наиболее раннему периоду существования Вольского некрополя, находится сразу за бетонной стеной. Это мраморные надгробия в виде античных жертвенников с акротериями, но с применением христианской символики в виде крестов, ангелов и «адамовой головы». На остальном пространстве кладбища, уходящем к церкви св. Иоанна Лествичника и к северу, — многочисленные надгробные памятники в виде сломанных колонн на постаменте, обелисков, стел и объемной скульптуры, выполненных из разных материалов: песчаника, гранита, мрамора и чугуна. В их стилистике видно влияние античной культуры и позднего романтизма середины XIX в.

Вторая половина XIX в. и начало XX в. отмечены появлением большого числа стандартных надгробий с изображениями крестов, перевитых венками, урн на постаментах, скорбящих ангелов, простых каменных стел. Все эти памятники очень похожи на аналогичные, стоящие на католических или лютеранских кладбищах Варшавы. И это не случайно. Русские, жившие в столице Царства Польского, заказывали надгробия у польских каменщиков. Особенно популярны были мастерские на ул. Дикой у некрополя в Повонзках.

На православном кладбище сохранилось значительное число монументальных каменных семейных гробниц и больших склепов, выполненных в разных стилях, — дань влиянию западной традиции похорон.

В виде склепов и гробниц различной стилистики: от классицизма до русского и готического стилей, сделаны надгробные сооружения родов Михайловских, Васильевых, Истоминых, Шелеховых, Нипаничей, Князевых, Тарховых, Манулевичей.

После обретения Польшей независимости русских захоронений здесь стало гораздо меньше. Эмигранты из России предпочитали уезжать в Германию, Югославию, Чехию или Францию нежели осесть в Польше, где по старой памяти к русским относились как к предста-

вителям страны, которая ущемляла свободу поляков. Однако есть на Вольском некрополе могилы православных, которые вместе с поляками воевали за «незалежность» против Советской России — это захоронения бойцов и командиров петлюровской армии Украинской Народной Республики, волею судьбы оказавшихся в Варшаве.

Лиц, известных в российской истории и истории Варшавы, на православном кладбище в Воле захоронено немного. Среди особо почитаемых — захоронение президента (городского головы) Варшавы С.И.Старынкевича. В чине генерал-майора в отставке он принял этот непростой пост в 1875 г. и пробыл на этой должности 17 лет. В Варшаве он прославился как неподкупный президент и устроитель в городе первой канализационной системы в Российской империи. Его могила на новом месте восстановлена на средства управления Варшавского водопровода.

Оставил о себе хорошую память и захороненный здесь городской обер-полицмейстер С.С.Муханов (1834–1897). При нем, как председателе Варшавских театров, театры польской столицы переживали свои славные времена.

Погребенный на Воле начальник штаба Варшавского военного округа генерал А.К.Пузыревский (1845–1904) известен как военный историк. Его перу принадлежит труд «Польско-русская война 1831 г.».

К интеллектуальной элите послереволюционной эмиграции принадлежит писатель М.П.Арцыбашев (1878–1927), который также покоится здесь. В Варшаве он был редактором газеты «За свободу».

Не менее известен покинувший Россию и осевший в Польше публицист и литературный критик Д.В.Философов (1892–1940) в межвоенный период он занимался журналистикой.

К 1960-м гг. площадь Православного некрополя, на котором существовало много свободных участков, составляла 14 га. Русская община в Варшаве была слишком малочисленна, чтобы естественным образом заполнять эти места. Поэтому в 1966 г. часть некрополя была уступлена для погребений поляков-католиков. Таким образом, некрополь на Воле стал местом захоронения двух конфессий. Но юридически кладбище оставалось под православным управлением.

В 1940–1990-е гг. на кладбище преобладали скромные надгробия из бетона и облицовочной плитки. Среди них стояло особняком надгробие на захоронении советских строителей, трагически погибших при возведении варшавского Дворца культуры и науки.

Среди недавних надгробных построек выделяется монументальный склеп семьи Гудзоватых. Его архитектурные формы ассоциируются с русскими церковными постройками с луковичными куполами.

Совсем недавно в центре кладбища сооружена небольшая церковь-часовня в псковском стиле с лаконичными белеными фасадами.

Современное Вольское православное кладбище — неотъемлемая часть исторического ландшафта Варшавы и памятник присутствия русских на берегах Вислы. Его надгробия, храмы, знаменитые и не очень могилы — живые свидетели непростой совместной истории России и Польши. Сохранить его для будущего — значит не прервать историческую связь поколений русских и польских варшавян³.

Есть в Варшаве и крупное воинское захоронение советских солдат — это кладбище-мавзолей в районе Мокотув. Мемориал сооружен в 1949–1950 гг. по проекту архитектора Б.Лахерта и скульптора В.Намирского. Здесь погребено 21468 бойцов Красной Армии и узников концлагерей, останки которых были собраны с известных захоронений со всего Мазовецкого воеводства. Около 9 тыс. числятся неизвестными. Всего в польской земле лежит свыше 600 тыс. павших советских воинов.

В центре планировочной композиции мемориала возвышается 38-метровый обелиск. Общая площадь кладбища-мавзолея — 19,2 га, оно является самым большим советским воинским захоронением в Польше. Некоторые родственники похороненных здесь красноармейцев устанавливают на могильном поле таблички с фото и именем погребенного.

Мемориал поддерживается на должном уровне на основании межправительственного соглашения Российской Федерации и Польской Республики о захоронениях и местах памяти жертв войн и репрессий, подписанного 22 февраля 1994 г. Уходом за мемориалом занимаются коммунальная служба города, Совет памяти борьбы и мученичества и Польский Красный Крест.

Теперь обратимся к характеристике православного кладбища в Берлине, этот некрополь — в северо-западной части города в районе

---

³ Текст о православном кладбище в Варшаве написан на основании публикации: *Пирогов В.Ю.* Православное кладбище на Воле — мемориальный памятник российского присутствия в Варшаве //Россия–Польша. Два аспекта европейской культуры. Сб. науч. ст. XVIII Царскосельской конференции. СПб., 2012.

Тегель округа Райникендорф — возник в конце XIX в. Инициатором основания отдельного русского некрополя в столице Германии был протоиерей А.П.Мальцев, бывший на протяжении почти 30 лет настоятелем посольского храма. «Время его назначения в Берлин — вторая половина XIX века — в истории России ознаменовалось значительной миграцией русского населения в Западную Европу и Америку. Тысячи вербовщиков из-за рубежа сулили легкие заработки и быстрое обогащение, и десятки тысяч россиян, польстившись на эти посулы, бросали семьи и устремлялись в трудный путь. Многие были обмануты. Свообразными воротами туда и обратно был Берлин, в котором со временем скопилось много беженцев, промышлявших заработком куска хлеба, откровенно нуждавшихся и не имевших средств для возвращения на родину»⁴. В 1890 г. А.П.Мальцевым при поддержке вел. кн. Владимира Александровича и других влиятельных лиц было основано православное Свято-Владимирское братство, просветительская и благотворительная работа которого была направлена на нуждающихся подданных России, оказавшихся в Берлине. «Император Александр III пожертвовал 5000 рублей, другие близкие ко двору лица также с готовностью откликнулись на этот призыв. Председателем был избран российский посол в Берлине граф Павел Андреевич Шувалов. ...Устав Братства был утвержден прусским Министерством иностранных дел и содержал следующие цели: помощь нуждающимся и больным русским подданным всех христианских вероисповеданий и лицам православного вероисповедания всех национальностей; содействие духовному образованию: создание необходимого капитала для сооружения православного здания в Берлине, а также собственного кладбища»⁵. В 1892–1893 гг. Братством было приобретено 3 участка земли под русское кладбище в Тегеле — тогда ближней окраине города. До этого умерших православных хоронили на отдельном участке главного протестантского кладбища.

Первое погребение на Тегельском кладбище состоялось в марте 1893 г., и в том же году был заложен кладбищенский храм. Новая церковь строилась в русско-византийских формах по проекту прусского архитектора А.Бома. Храм с центральным шатровым верхом и кирпич-

---

⁴ Красюков Р.Г. Тегель. Русское православное кладбище в Берлине. СПб., 2009. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

ными архитектурно детализованными фасадами был освящен в мае 1894 г. во имя свв. равноапостольных Константина и Елены.

Вход на кладбищенскую территорию обрамляют красивые монументальные ворота. Пространство некрополя рационально распланировано в виде прямоугольника с сеткой пересекающихся под прямым углом дорожек, в центре которого возвышается храм. Всего до 1900 г. здесь было захоронено 45 человек. Свободных мест под могилы оставалось на многие годы вперед.

Ситуация резко изменилась после 1917 г., когда из охваченной революцией России начался исход эмиграции в проигравшую Первую мировую войну Германию. В 1920–1930-е гг. русскоязычное население Берлина увеличилось до 300 тыс. человек, соответственно, быстро стал заполняться единственный православный некрополь города. Здесь оказались погребены в разные годы 9 бывших губернаторов, 3 градоначальника, 3 министра, десятки офицеров и генералов царской России. Нашли тут последнее упокоение дворяне, политики, деятели искусства и культуры, воины белого движения. Среди известных людей, захороненных в Тегеле, можно назвать А.В.Кривошеина (1857–1921) — министра земледелия при императоре Николае II, заместителя генерала П.Врангеля по гражданской части; А.А.Римского-Корсакова (1849–1922) — сенатора, монархиста; М.О.Эйзенштейна (1867–1921) — гражданского инженера, создателя многих рижских домов в стиле модерн, отца знаменитого советского кинорежиссера С.М.Эйзенштейна; В.Д.Набокова (1870–1922) — государственного деятеля, юриста, отца известного писателя В.В.Набокова; графа А.И.Воронцова-Дашкова (1881–1938) — полковника лейб-гвардии гусарского полка, флигель-адъютанта последнего императора России, участника белого движения; Н.П.Богданова-Бельского (1868–1945) — академика живописи, русского художника-передвижника, и многих др.

Есть на кладбище в Тегеле мемориал памяти воинов русской Императорской и Белой армии, «сооруженный по почину чинов II-го отдела Русского Общевоинского Союза на добровольные жертвования русской эмиграции в Германии». «Памятник прост и понятен, как сама идея, за которую эти армии сражались. Посреди небольшой лужайки на вершине невысокого, густо заросшего плющем круглого холма лежит глыба гранита. На глыбе — большой, высеченный из такого же серого гранита крест. На лицевой, стесаной, стороне камня —

надпись: «Верным сынам великой России»⁶. По бокам от памятника, как на последнем параде, ровными рядами стоят белые православные кресты над могилами корнетов, поручиков, капитанов и полковников армии ушедшей в историю эпохи. Открытие мемориала состоялось в ноябре 1934 г. и широко освещалось в эмигрантской прессе Берлина. Недалеко стоит надгробие из красного гранита над захоронением 14 воинов Первой мировой войны 1914–1918 гг. с надписью: «Верным сынам России, погибшим вдали от Родины». Отдельно расположены несколько надгробий советских воинов, погибших при взятии Берлина в мае 1945 г.

В 1947 г. советской военной комендатурой города на кладбище сооружен памятник композитору М.И.Глинке (1804–1857), скончавшемуся в Берлине и первоначально захороненному на лютеранском Троицком кладбище. Около кенотафа композитора установлена подлинная табличка с того захоронения. Сейчас прах М.И.Глинки покоится на Тихвинском кладбище в Санкт-Петербурге.

В 1991 г. кладбище в Тегеле вместе со всеми историческими постройками взято властями Берлина под охрану как памятник культуры. Оно все также находится под патронатом Свято-Владимирского братства и сегодня является действующим православным некрополем для всей новой русскоязычной эмигрантской диаспоры столицы Германии.

Особая тема это советский воинский некрополь в Германии и непосредственно Берлине. Красная Армия в боях на немецкой территории потеряла более 700 тыс. убитых и умерших в госпиталях. Всего в Германии учтено 3600 советских воинских захоронений. Наиболее известные мемориалы в Берлине — в Трептов парке, в Тиргартене, в Панкове. Мы не будем останавливаться на архитектурно-художественных достоинствах ансамблей этих мемориалов, тем более что им посвящен ряд публикаций. Следует отметить, что ежегодно на содержание советских захоронений в Берлине правительство ФРГ тратит 1 млн евро. Эти работы проводятся на основании межправительственного соглашения между Россией и Германией об уходе за военными могилами на территории Российской Федерации и ФРГ подписанного 16 декабря 1992 г.

---

⁶ <https://waltergutjahr.worldpress.com/2018/01/12russian-cemetery-berlin-tegel>.

«Огромная роль в поисках погибших, их захоронений, содержания могил, кладбищ и мемориалов принадлежит Народному союзу Германии по уходу за военными могилами, основанному в 1919 г. Сегодня в составе этой общественной организации около 1,5 млн человек. Многие из них на общественных началах в качестве волонтеров в свободное время ухаживают за кладбищами. Девиз Народного союза в переводе на русский язык звучит так: «Примирение над могилами павших — работа во имя мира». Подтверждение искренности этих слов — аккуратные ухоженные воинские захоронения советских солдат на всей территории Германии»⁷.

Есть старые православные некрополи и в Чешской республике: один из них находится в столице. Это русский участок самого большого пражского кладбища — Ольшанского. Само кладбище возникло в XVII в. как чумное, а общегородским оно стало по указу австрийского императора Иосифа II в конце XVIII в.

На исходе XIX в. в столице Богемии были сильны панславянские настроения. Чехи, бывшие тогда в составе Австро-Венгерской империи, с надеждой смотрели на православную Россию, как единственную страну в Европе, способную дать свободу славянским народам. В Праге в то время существовало Русское землячество и Славянский комитет, по ходатайству которых русской православной общине властями города был предоставлен храм св. Николая на Староместской пл. Настоятелем храма стал прот. Николай Рыжов. Благодаря его стараниям на Ольшанском кладбище в 1905 г. общине был выделен специальный православный участок. Сюда в 1906 г. с упраздненного Карлинского военного некрополя были перенесены останки 45 русских воинов, умерших от ран после сражений 1813 г. под Дрезденом и Кульмом. На их могиле восстановлен и исторический надгробный памятник.

После получения в 1918 г. независимости в Чешскую республику из революционной России стали прибывать вынужденные эмигранты. Старый небольшой православный участок был очень скоро заполнен свежими погребениями. В 1923 г. к старому участку прирезана новая земля под захоронения. Осенью того же года Общему Приходскому собранию проф. В.А.Брандтом и инженером А.М.Мирковичем был представлен проект новой кладбищенской часовни. Проект поддержал

---

⁷ Шарков А.В., Хорошкевич Е.И. Жить и помнить. Советские воинские захоронения в Европе. Минск, 2015. С. 10.

первый премьер-министр Чехословакии К.Крамарж со своей русской супругой Н.Н.Крамарж (урожд. Хлудова). Был организован сбор средств среди эмигрантов и неравнодушных к славянскому единству чехов. Поступил значительный вклад от сербского народа и его правительства. Собранной денежной суммы хватило даже на постройку храма. Так, вместо небольшой часовни была заложена полноценная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы с подземной криптой.

Новый каменный храм возводился по проекту В.А.Брандта при помощи студента-архитектора Н.П.Пашковского и барона С.Г.Клодта. «В качестве источника вдохновения автор использовал образцы древней псковско-новгородской архитектуры и задумал продемонстрировать возврат к национальным, наиболее чистым формам русского церковного зодчества»⁸. Строительство храма осуществлялось чешской подрядной фирмой. Все земляные и прочие работы на безвозмездной основе выполняли рабочие-волонтеры из числа русской эмигрантской молодежи. Позже, в 1926 г., чешский ландшафтный архитектор К.Машек создал вокруг храма парк в русском духе. От церкви крестообразно расходились аллеи, пересекавшиеся параллельными дорожками. Все кладбищенское пространство было засажено деревьями, характерными для северной России.

Большое содействие в деле строительства нового храма оказали Пражское городское самоуправление, заместитель городского головы А.Ванек, управляющий Ольшанскими кладбищами господин Куба, а также Министерство Национальной Обороны Чехословакии, пожертвовавшее средства на оборудование усыпальницы под церковью для упокоения праха русских воинов.

Эскизы росписи фасада храма, его внутренних стен и проект иконостаса разработал художник И.Я.Билибин. Этот иконостас в стиле иконописи XIV–XV вв. под его руководством выполнили К.М.Катков совместно с княгиней Н.Г.Яшвилъ. Интерьеры были расписаны уже во время оккупации Чехословакии в 1941–1945 гг.

В подземной храмовой крипте захоронены К.П.Крамарж (1860–1937) и его жена; Н.П.Кондаков (1844–1925) — академик, византолог; о. Николай Рыжов, его жена и дочь; инженер Н.Н.Ипатьев (1869–1938), в чьем доме в Екатеринбурге большевики расстреляли Николая II

---

⁸ www.kajuta.net/node/3315.

с семьей. Здесь покоятся офицеры Белой армии, до конца выполнившие свой воинский долг и умершие на чужбине.

«В крипте и на портале главного входа в церковь есть надписи, свидетельствующие о том, что она была возведена и во славу славянских, сербских воинов, это памятник всех православных славян. В крипте мы можем увидеть крест, напоминающий о югославском короле Александре, который был убит террористами; находится здесь и своеобразная реликвия — земля, обогренная его кровью»⁹.

Сейчас Ольшанский русский некрополь напоминает мемориальный парк под разросшимися с 1920-х гг. деревьями. Надгробия с русскими именами и большие православные кресты плотно покрывают все пространство могильных участков. В Ольшанах покоится цвет нашей эмиграции, который приняла Пражская земля. Здесь похоронены писатель А.Т.Аверченко (1881–1925) и В.И.Немирович-Данченко (1844–1936), историки А.А.Кизеветтер (1866–1933) и П.Н.Савицкий (1895–1968), политический деятель И.И.Петрункевич (1843–1928), мать и сестра писателя В.В.Набокова и многие, многие другие выдающиеся и простые, известные и безызвестные люди, волею судьбы оказавшиеся на берегах Влтавы.

Есть на Ольшанском кладбище и общее захоронение 187 солдат 1-й пехотной дивизии Русской Освободительной Армии (РОА) и генералов РОА В.И.Боярского и М.М.Шаповалова. Эта дивизия участвовала в освобождении столицы Чехии от гитлеровцев, поддержав восставших пражан, еще до подхода Красной Армии. Скромная серая гранитная стела с эмблемой РОА отмечает место братской могилы.

После окончания Второй мировой войны и установления в Чехословакии коммунистического режима многие эмигранты переехали в Западную Германию и Америку. Некогда многочисленная довоенная русская диаспора в Праге значительно убавилась, и за могилами на Ольшанском кладбище физически стало некому ухаживать. Законодательство некоторых стран Европы, в том числе и Чехии, требует регулярной оплаты ухода за могилой минимум раз в 10 лет. В случае отсутствия платы земля бесхозного участка передается новому собственнику, останки эксгумируются и кремируются.

Ольшанский некрополь, включая и его православный участок — муниципальная собственность, и управление кладбища передает

---

⁹ <https://www.radio.cz/ru/rubrika/progulki/kripta>.

«ничейные» могилы любому желающему под новые захоронения. Поэтому часть «русских» могил оказалась под угрозой исчезновения, но все-таки многие участки сохраняются силами еще живущих родственников. Спасением православного кладбища сейчас озабочена пражская общественная организация «Русская традиция», она занимается сбором денег на поддержание в порядке хотя бы самых известных захоронений. К сожалению, пространство русского некрополя уменьшается и художественно деградирует. Утрачены некоторые старые захоронения, как например могила кн. Н.Г.Яшвил, принимавшей участие в изготовлении икон для кладбищенского храма. Строгий облик старого русского некрополя также нарушают диссонирующие в художественном плане надгробия над могилами захороненных здесь русскоязычных эмигрантов «третьей волны».

Для поддержания на должном уровне исторической аутентичности православного Ольшанского кладбища усилий одной общественной организации мало, здесь нужно содействие заинтересованных государственных органов России по разработке межведомственных соглашений по уходу за могилами с представителями Чешской республики.

Более ухоженно выглядит расположенный в непосредственной близости от старого русского кладбища мемориал и захоронения погибших при освобождении Праги в мае 1945 г. советских солдат. Здесь погребено 437 бойцов и командиров Красной Армии. Невысокие каменные стелы с именами погибших воинов, поставленные ровными рядами, украшены звездами и накладными барельефами в виде переkreпленных знамен и автоматов. В центре обширного могильного поля стоит монумент, увенчанный большой пятиконечной звездой. Перед стенками монумента с двух сторон стоят в полный рост скульптурные фигуры солдат с оружием. Мемориал сооружен по проекту чешских архитектора К.Бенеша и скульптора Я.Бруги.

Советский некрополь в Ольшанах — один из самых известных наших воинских мемориалов за рубежом, имеет статус национального культурного монумента Чехии. В 2006–2012 гг. воинский мемориал был полностью отреставрирован и поновлен. Бетонные стелы надгробных памятников были заменены на более долговечные гранитные. Вместо накладных бронзовых барельефов были установлены пластиковые, чтобы не искушать вандалов цветным металлом.

Министерство обороны России и Чехии совместно выделили свыше 1 млн долларов на реставрацию мемориала. Тогда же был отреставрирован Кульмский памятник на могиле героев 1813 г.

Сейчас Минобороны РФ обращает большое внимание на военно-мемориальную работу в Чехии. Это установление имен захороненных солдат, реставрация воинских мемориалов, отдельных могил и содержание их в достойном виде. Частично эти работы финансирует посольство России в Чешской Республике. Хорошую помощь в поддержании советских захоронений оказывают местные патриотические и общественные организации. Всего в Чехии свыше 1 тыс. советских воинских захоронений, мемориал в Ольшанах — один из них.

Самое известное русское кладбище за рубежом — некрополь нашей эмиграции в пригороде Парижа Сент-Женевьев-де-Буа в департаменте Эссон. «И хотя далеко не все эмигранты-парижане (и тем более провинциалы) были похоронены на этом кладбище (много русских есть и на парижских кладбищах Пасси, Монпарнас, Батиньоль, Монмартр, и в пригородах Нейи, Бийанкур, Медон, Шель, Ганьи, Клиши, а ведь есть еще русские могилы в Ницце, в Ментоне...), а все же кладбище это уникальное (как уникальной была сама Первая русская эмиграция). Редко, где найдешь на свете клочек земли, где сошлись бы так тесно имена князей и дворников, охранителей порядка и его разрушителей, поэтов и генералов, императорских фрейлин и казачьих есаулов, портних и балерин... Блистательные десятилетия XIX века сплетаются здесь с прославленным Серебряным веком, с катастрофой революции, с ужасом Октябрьского переворота, с десятилетиями террора — вся история русского XX века на этом маленьком кладбище Франции близ Парижа. Воистину, похоронено здесь ушедшее столетие: погост XX века»¹⁰.

Первые «русские» могилы на муниципальном кладбище Льерса (так оно официально называется) появились в 1927 г. Тогда здесь под Парижем княгиней В.К.Мещерской был основан так называемый Русский старческий дом. К концу 1930-х гг. на кладбище существовало около 50 могил. Памятники на захоронениях в основном выполнялись в виде традиционных восьмиконечных крестов и строгих стел. Лишь некоторые надгробия сделаны в оригинальных формах, или на могилах установлены скульптуры.

---

¹⁰ Носик Б.М. На погосте XX века. СПб., 2000. С. 16–17.

Некрополь Сент-Женевьев-де-Буа — энциклопедия знаменитых имен русской эмиграции. Довоенный Париж 1920–1930-х гг. был наиболее притягательным местом жительства нашей многочисленной диаспоры, вынужденной покинуть Россию.

Перечисление известных людей, погребенных здесь, займет не одну страницу. Назовем лишь некоторых из них. Это писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе И.А.Бунин (1870–1953), чета писателей, поэтов, литературных критиков — Д.С.Мережковский (1865–1941) и З.Н.Гиппиус (1869–1945), химик-органик, действительный член Академии наук СССР А.Е.Чичибабин (1871–1945), аэро- и гидродинамик, член-корр. Французской Академии наук Д.П.Рябушинский (1882–1962), писатель Г.Газданов (1903–1971), вел. кн. Гавриил Константинович (1887–1955), супруги кн. Ф.Ф.Юсупов (1887–1967) и княгиня И.А.Юсупова (1895–1970), художники З.Е.Серебрякова (1884–1967), М.В.Добужинский (1875–1957), танцовщик и балетмейстер С.М.Лифарь (1904–1986) и др.

Есть здесь и могилы известных эмигрантов уже из Советского Союза — танцовщика Р.Х.Нуреева (1938–1993), режиссера А.А.Тарковского (1932–1986), писателя и барда А.А.Галича (1919–1977), писателя В.П.Некрасова (1911–1987).

Особые участки на кладбище отведены участникам Белого движения и борцам против большевизма. Это — Дроздовцы, Галлиполийцы, Алексеевцы, Донские казаки, кадеты. «Участкам с русскими военными погребениями присвоена специальная маркировка — СМ (Carres militaires). С первого по шестой сектор здесь расположены могильные плиты или склепы военных: (СМ1–СМ6)»¹¹. Запоминаем памятник Галлиполийцам, выполненный как круглая в плане ступенчатая пирамида, увенчанная крестом — уменьшенная копия памятника в турецком Гелиболу, который разрушило землетрясение 1949 г. Вокруг него ровными рядами лежат полированные плиты над могилами солдат и командиров армии генерала А.П.Кутепова, покинувших Крым в 1920 г.

По русскому участку кладбища Сент-Женевьев-де-Буа можно ходить часами, читая имена людей, составлявших элиту российского общества и вынужденных по идеологическим или нравственным

---

¹¹ <http://pari.guru/france>.

обстоятельствам покинуть свою родину. Здесь в мраморе, граните и бронзе запечатлена непростая история России XX в.

Смысловым и сакральным центром русского кладбища является храм Успения Пресвятой Богородицы, построенный по проекту архитектора А.А.Бенуа в новгородско-псковском стиле XV–XVI вв. на специально купленном участке вне кладбищенской ограды. Фундамент храма был заложен весной 1938 г., а в октябре 1939 г. состоялось его освящение, уже после начала Второй мировой войны. Архитектор вместе с женой Маргаритой выполнил храмовые фрески. Супруги после смерти упокоились в крипте церкви.

Уход за так называемым «русским каре» муниципального кладбища Льерса городка Сент-Женевьев-де-Буа осуществляет попечительский комитет Ассоциации по уходу за русскими могилами, созданный в 1960-е гг. Официальным генеральным секретарем Ассоциации сейчас назначен потомок русских дворян-эмигрантов Н.М.Лопухин. Всего на русском участке кладбища находится свыше 5 тыс. надгробий, под которыми упокоилось около 15 тыс. человек. «По французским законам через двадцать лет могилу можно использовать для новых захоронений. Более того, если вовремя не продлить срок аренды, все буквально сровняют с землей. Поэтому и была создана Ассоциация»¹².

Неблагоприятная ситуация с арендной платой за могилы на известнейшем некрополе русской эмиграции сложилась к 2008 г., когда истек срок погашения выплат. Информация об этом была доведена до сведения администрации Правительства Российской Федерации и Россотрудничества¹³. В короткие сроки Россия выделила французской стороне почти 700 тыс. евро. В 2014 г. было добавлено еще свыше 600 тыс. евро. Таким образом, на ближайшие два десятилетия русский некрополь будет сохранен.

---

¹² <http://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/7615512.html>.

¹³ Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) — федеральный орган исполнительной власти Российской Федерации, осуществляющий функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере обеспечения и развития международных отношений Российской Федерации с государствами — участниками Содружества Независимых Государств, другими иностранными государствами, а также в сфере международного гуманитарного сотрудничества.

Мэрия Сент-Женевьев-де-Буа понимает, что «русское карэ» — выдающийся памятник, историческое место, которое необходимо сохранять. «Для некоторых могил срок аренды истекал уже в 60-х годах. С тех пор до сегодняшнего дня (до 2008 г. — *В.П.*) за них никто не платил. Однако мэрия не тронула ни одной русской могилы, хотя и должна была по французскому законодательству — местные власти понимают, что для маленького городка это единственная культурная ценность»¹⁴.

В 2016 г. кладбище внесено в реестр мест, имеющих историко-мемориальное значение, и проведена инвентаризация всех его захоронений. Было выделено значительное число надгробий, нуждающихся в реставрации, и к этому делу привлечен Российский центр науки и культуры в Париже.

Администрация кладбища надеется, что русский некрополь, как уникальный культурно-исторический объект, может быть внесен в списки ЮНЕСКО, и это будет для него своеобразной охранной грамотой. Первым шагом на пути придания кладбищу нового статуса стало Распоряжение Правительства РФ от 13 июля 2016 г., включившее его в «перечень находящихся за рубежом мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение»¹⁵.

---

¹⁴ www.patriarchia.ru/db/text/371422.html.

¹⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 июля 2016 г. №1493-р. Дополнить перечень находящихся за рубежом мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение, ... позицией 14 следующего содержания: «14. Французская Республика, г. Сен-Женевьев-де-Буа, Лео Лагранж, русский сектор кладбища».

И.Б.Томан (Москва)

Из опыта изучения исторического некрополя в Германии: проекты «Немецкие надписи» и «Надгробные камни»

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И.А.Бунин

Ничто не может гарантировать вечную жизнь рукотворных памятников, особенно таких, как памятники надгробные, которые самим фактом своего существования напоминают о скоротечности, бренности и непредсказуемости земного бытия. Поэтому наряду с деятельностью, направленной на сохранение исторического некрополя в его материальной форме, в реальном пространстве, необходимо собрать и зафиксировать максимально полную информацию о каждом его памятнике. В связи с этим будет полезно познакомиться с опытом данной работы в других странах, в частности, в Германии, где уже 85 лет осуществляется проект «Немецкие надписи» (Deutsche Inschriften). Это совместный проект ряда научных учреждений Германии и Австрии, основная цель которого — публикация эпиграфических источников Средневековья и раннего Нового времени (до 1650 г.). Предметом внимания являются не только эпитафии, но и другие надписи (посвящения на закладных камнях, надписи на колоколах, граффити и др.). Начало ему было положено в августе 1934 г. германистом Ф.Панцером (Friedrich Panzer) и историками К.Бранди (Karl Brandi) и Х.Хиршем (Hans Hirsch).

Почему именно 1934 г. стал точкой отсчета этой скрупулезной и плодотворной работы? Означает ли это, что умудренные жизненным опытом ученые мужи, предчувствуя, к чему может привести приход к власти Гитлера, решили таким образом сохранить хотя бы мизерную часть обреченного на гибель культурного наследия? Едва ли. Скорее всего, жизненный опыт подсказал им, что сейчас, благодаря смене власти и резкому усилению патриотизма, самое время попытаться

реализовать свои научные интересы. Конечно, фундаментальные исследования, которыми всю жизнь занимались находившиеся в уже преклонном возрасте ученые, непосредственного отношения к политике не имели, однако их готовность сотрудничать с новой властью объясняется не только страхом и конформизмом, но отчасти и убеждениями, определившими направление их изысканий. Была и другая причина. Несмотря на лояльное отношение к гитлеровскому режиму, они не были членами национал-социалистической партии и, в отличие от более молодых и честолюбивых коллег, не стремились активно участвовать в деятельности, направленной на идеологизацию и политизацию исторической науки. Для них, как и для других участников проекта, собиравшие и скрупулезное изучение старинных эпитафий было способом дистанцироваться от окружающей действительности и обрести безопасную нишу в объёме безумием обществе.

Ф.Панцер (1870–1956), главный вдохновитель проекта, был известным германистом. В сферу его интересов входили средневековая литература, фольклор, а также изобразительное искусство (особенно скульптура и орнаментика) и его связь с письменными источниками. Социально-политические потрясения не оказали заметного влияния на его академическую карьеру. Долгое время он был проф. Университета им. Гёте во Франкфурте на Майне, а с 1919 по 1936 г. — проф. Гейдельбергского университета. С 1941 по 1947 г. Ф.Панцер возглавлял Академию наук в Гейдельберге, с 1949 г. являлся чл.-корр. Баварской Академии наук. С 1922 по 1933 г. он руководил Немецким союзом германистов, активно ратуя за исключение из школьной программы латинского и древнегреческого языков и замену их более углубленным изучением немецкого языка и литературы. В 1933 г. Немецкий союз германистов возглавил куда более молодой и активный член национал-социалистической партии Ф.Нойманн, а Ф.Панцер стал рядовым членом Национал-социалистического союза учителей¹.

Коллега Ф.Панцера, медиевист К.Бранди (1868–1946), с 1902 по 1936 г. был проф. Геттингенского университета; несмотря на солидный возраст, участвовал в Первой мировой войне. После выхода на

¹ Frankfurter Literaturwissenschaftler: Friedrich Panzer. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://use.uni-frankfurt.de/literaturwissenschaftler/panzer>, свободный; Kiening Chr. Friedrich Panzer //Neue Deutsche Biographie. Bd.20. Berlin, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.deutsche-biographie.de/gnd11878952X.html#ndbcontent>, свободный.

пенсию почти до самой смерти был научным руководителем многих начинающих исследователей. В 1932–1937 гг. К.Бранди был председателем Союза немецких историков².

Специалист в области германской медиевистики и дипломатики Х.Хирш (1878–1940) около 30 лет проработал в Венском университете; был участником Первой мировой войны. Он придерживался консервативных и националистических взглядов, ратовал за создание «великой Германии» и консолидацию живущих в разных странах немцев, а потому, вероятно, искренне приветствовал аншлюс Австрии. Более того, он стал «содействующим членом» СС, то есть оказывал материальную поддержку этой организации, однако не принимал участия в ее деятельности. Х.Хирш довольно быстро разочаровался в аншлюсе и скептически отнесся к началу войны, однако судьба избавила его от необходимости наблюдать дальнейшее развитие событий: в августе 1940 г. он умер.

Ценность эпиграфических источников очевидна, но как удалось трем пожилым ученым, всю жизнь занимавшимся фундаментальными исследованиями в академической среде, убедить в ценности своего проекта молодых амбициозных идеологов, возглавивших разрушение этой самой среды во имя подчинения науки и образования идеям национал-социализма? Отчасти объясняет это опубликованная в 1939 г. статья Э.Кукеля, освещающая цели и задачи проекта. Начинается она с традиционного, идущего еще с эпохи Ренессанса, противопоставления «своего немецкого» «чужому античному». Э.Кукель отмечает, что античные эпиграфические источники изучены очень хорошо, в то время как средневековые надписи на немецком языке пребывают в небрежении, не исследованы должным образом и гибнут от времени или вследствие некачественной реставрации. Далее Э.Кукель указывал на необходимость бережно относиться ко всем средневековым памятникам и хранить малейшие оставшиеся на них следы времени и, прежде всего, надписи, какими бы неразборчивыми и несущественными они не казались. Все это вечные истины, и актуальны они всегда, но для Германии того времени важна была только отправная точка данных рассуждений: хватит изучать «чужое», будем изучать «свое».

---

² *Krueger S. Karl Brandi //Neue Deutsche Biographie. Bd.2. Berlin, 1955. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.deutsche-biographie.de/gnd118673173.html#ndbcontent>, свободный.*

Исследования, проводимые в рамках проекта, должны были вестись не только в Германии, но и в странах с немецкоязычным населением, прежде всего, в Австрии, Швейцарии, Чехии, Франции (Эльзасе и Лотарингии) и т.д. Их основная цель — доказать, что немцы обитали здесь испокон веков и оказывали доминирующее влияние на культуру этих стран³. Научная ценность предполагаемых изысканий очевидна, но так же очевидна их политическая подоплека, вначале связанная с идеей «объединения соотечественников», а чуть позже — с агрессивной политикой нацистской Германии.

Проект не был отвергнут и получил некоторое финансирование, позволившее привлечь сотрудников и начать исследования, хотя масштабы его не сравнить с размахом других научных и псевдонаучных проектов Третьего Рейха. Его возглавил Ф.Панцер, а центром его стал Гейдельбергский университет, где работал ученый.

Вторая мировая война поставила проект под угрозу, однако, несмотря ни на что, его удалось отстоять под предлогом государственной важности проводимых исследований. В результате в 1942 г. вышел 1-й том серии «Германские надписи», подготовленный Э.Кукелем и Г.Экертотом; предисловие к нему написал Ф.Панцер. В 1969 г. он был переиздан. Даже в феврале 1945 г. появилась публикация, посвященная методике сбора и изучения эпиграфических источников.

Вскоре после войны исследования и издательская деятельность в рамках проекта возобновились. Уже в 1953 г. вышел 3-й том, а 2-й, посвященный надписям Майнца и подготовленный в значительной степени еще в 1930-е гг., был издан в 1958 г. Этот том был задуман как первый и образцовый. Он основывался на диссертации К.Бауэра 1926 г., посвященной эпиграфике Майнца, и подготовлен историком Ф.Аренсом (1912–1986), сыгравшим заметную роль в спасении культурного наследия Майнца в годы Второй мировой войны.

К 2018 г. издано уже 104 тома серии «Немецкие надписи». В последнее время их выпускает издательство Райхерта (Dr.Ludwig Reichert Verlag), основанное в 1969 г. в Висбадене, и издательство австрийской Академии наук (Verlag der oesterreichischen Akademie der

---

³ Cucuel Ernst. Das deutsche Inschriftenwerk der vereinigten Akademien, seine Aufgaben, Ziele und Methoden //Blätter fuer deutsche Landesgeschichte. Bd.85 (1939). S. 117. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://periodika.digitale-sammlungen.de/bdlg/Blatt_bsb00000288,00119.html, свободный.

Wissenschaften). Некоторые из них доступны в электронном виде, причем электронная версия может отличаться от печатного издания качеством иллюстраций и более подробной информацией. С 2011 г. выходят также отдельные online-издания, не имеющие печатного аналога.

Как и было задумано еще в 1930-е гг., каждый том посвящен надписям того или иного города или региона, однако после войны география исследований сузилась. Они осуществляются только на территории Германии, Австрии и Южного Тироля (Италия).

В последнее время активно развивается проект «Немецкие надписи online» («Deutsche Inschriften online») — портал, посвященный эпиграфике Средневековья и раннего Нового времени (до 1650 г.). Его участниками являются Академия наук в Геттингене, Академия наук и искусств Северного Рейна и Вестфалии, Академия наук и литературы в Майнце, Гейдельбергская Академия наук — Академия наук земли Баден-Вюртемберг, Саксонская Академия наук в Лейпциге, Баварская академия наук и Центр изучения и документирования эпиграфики в Университете Людвиг Максимилиана в Мюнхене.

С его помощью проекта «Немецкие надписи online» можно получить исчерпывающее представление о текстах и внешнем виде эпитафий и других эпиграфических источников в Германии, Австрии и Южном Тироле, а также с научной литературой по данному вопросу. На портале имеется также библиографическое описание всех 104 томов «Немецких надписей»; некоторые из них, как уже говорилось, доступны online. В базе данных, открытой для всех пользователей, можно найти нужные надписи, введя в поисковые поля названия населенных пунктов или регионов, даты, имена, слова или фразы. Каждая единица описания содержит текст надписи, ее перевод на современный немецкий язык, фотографию, подробное описание внешнего вида и местоположения.

Проект «Немецкие надписи online» связан с проектом «Корпус немецких исторических источников» (Referenzkorpus historischer Texte des Deutschen), частью которого является «Корпус немецких надписей» (Referenzkorpus Deutsche Inschriften). Основная цель данного проекта — создание источниковой базы для будущих исследований в области языкознания.

Проект «Немецкие надписи» рассчитан, прежде всего, на специалистов (историков, краеведов, филологов, искусствоведов). Что касается проекта «Надгробные камни» (Grabstein-Projekt) Общества генеалогии на базе вычислительной техники, существующего с 2007 г., то он адресован широкому кругу пользователей, ищущих захоронения

своих предков на немецких кладбищах в Германии и за ее пределами. Следовательно, здесь нет жестких хронологических границ, как в проекте «Немецкие надписи», и большинство включенных в базу данных надгробий относится к XIX–XX вв. Сайт проекта доступен на 12 языках, в том числе и на русском. «Идея создания данного некоммерческого общественного проекта, — как сказано на сайте, — принадлежит небольшой группе исследователей в области генеалогии. Поводом послужила напечатанная в 2007 г. в одной газете статья об удалении надгробных памятников на захоронениях, срок давности которых (как правило, 25 лет) уже истек. Разыскивались родственники с предложением при желании забрать надгробные памятники. В противном случае надгробия будут раздроблены и использованы в дорожном строительстве. Нам было ясно, что мы, как организация, занимающаяся генеалогическими исследованиями, не сможем уберечь надгробные памятники от разрушения. Нашей целью стало, по крайней мере, документировать и, таким образом, сохранить для последующих поколений имена погребенных. Осознать ценность этой работы смогут будущие поколения, когда большее количество надгробных памятников на кладбищах будет по истечении срока давности уничтожено. Данный проект поможет сохранить память поколений»⁴.

На сайте проекта собрана информация о 5555 кладбищах в Германии и за ее пределами. Благодаря этому можно найти место погребения конкретного человека или получить информацию о захоронениях на том или ином кладбище. Каждая единица описания в большинстве случаев включает указание места погребения, фотографию, эпитафию (если есть) и имена усопших с датами рождения и смерти.

Немецкие надгробия за пределами Германии представлены фрагментарно и неравномерно. Больше всего информации о немецких кладбищах в Польше: их насчитывается 247. Что касается России, то на ее территории упоминается только одно немецкое кладбище — в Сосновке (Augstagrigen) Калининградской области, да и то в базе данных содержится лишь фотография общего вида одного из уголков кладбища без указания захоронений. Этот недостаток поправим, поскольку проект открыт для сотрудничества. Любой желающий, следуя опубликованной на сайте инструкции, может пополнить его базу данных.

---

⁴ <http://grabsteine.genealogy.net>.

II. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НЕКРОПОЛЯ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ

Ваганьковское кладбище в Москве

Центральное кладбище Алма-Аты как историко-мемориальный некрополь. Материалы к истории основания, рекон- струкции и хронологии

Центральное кладбище Алма-Аты как объект исследования представляет интерес по нескольким причинам. Это кладбище является одним из старейших (основано в 1932 г.) в современной Алма-Ате — крупнейшем городе страны, бывшем в течение 69 лет (с 1928 по 1997 г.) столицей республики. Кладбище — также самое большое (площадь более 180 га) на территории Алма-Аты и Республики Казахстан. Оно формировалось как общественное кладбище без учета этнических и конфессиональных различий с момента основания до настоящего времени. Наибольший интерес заключается в том, что здесь похоронены выдающиеся деятели государства, науки, культуры, что позволяет рассматривать этот некрополь как памятник не регионального, а национального значения.

Официальным документом, свидетельствующим об открытии кладбища является Протокол №69 заседания Президиума Алма-Атинского городского совета (АГС) депутатов трудящихся от 10 апреля 1932 г., на котором было утверждено ходатайство городского коммунального отдела об открытии «новых кладбищ»¹. Время, которым датирован документ, не является точной датой основания кладбища. При натурных исследованиях нами были обнаружены (к настоящему времени единичные) захоронения 1929–1931 гг. Все они расположены в непосредственной близости от входа на кладбище и центральной аллеи. На северо-восточной границе вновь открываемого кладбища уже находился небольшой еврейский некрополь, называемый в документе «бывшим старым еврейским кладбищем». Это кладбище, дата основания которого неизвестна, отражено и на «Плане земельных участков, отведенных под христианское и мусульманское кладбища, постанов-

---

¹ Центральный государственный архив города Алма-Аты (ЦГАА). Ф. 174. Оп. 11. Д. 50. Л. 115.

лением Горсовета от 10 апреля 1932 года» в фонде Архитектурно-планировочного управления (в то время — Отдела по делам строительства и архитектуры исполкома АГС депутатов трудящихся) ЦГАА².

4 августа 1932 г. перед городской коммунальной службой встал вопрос обустройства нового кладбища и организации похоронного бюро при конторе Земельного хозяйства горсовета. Кладбище как объект государственной собственности и коммунального хозяйства, подчиняющийся социалистическим принципам управления, требовало устройства в соответствии с темпами занятия его территории (в то время за месяц совершалось приблизительно 400 захоронений) и соответствующих капиталовложений. Постановлением заседания рабочей тройки Президиума АГС от 4 августа 1932 г. был утвержден ряд мер по благоустройству нового кладбища: огораживание глинобитным забором, постройка каркасно-камышитового дома для конторы заведующего Похоронным бюро, конюха и сторожа, постройка конюшни, навеса, уборной и ворот. В отношении планировки было решено провести дороги к кладбищу и на его территории и разбить кладбище на участки, озеленить его территорию и две (единственные в то время) «перекрещивающиеся аллеи»³. Похоронная контора была создана Алма-Атинским отделом коммунального хозяйства приказом №24 от 21 февраля 1934 г. на основании решения исполкома АГС и Положения о коммунальных трестах от 23 октября 1928 г. Книги регистрации захоронений на Центральном кладбище в ЦГАА (Ф.350) сохранились частично, начиная с 1935 г.

Непосредственным «предшественником» Центрального кладбища, то есть городским кладбищем, на котором хоронили жителей г. Верного (с 1921 г. Алма-Ата), было кладбище, расположенное к югу от Ташкентского тракта, западнее нынешнего просп. Сейфуллина. Это кладбище представляло собой несколько территориально разделенных участков, находящихся в непосредственной близости друг от друга: «православное» кладбище (к югу от Ташкентского тракта), «Военное кладбище», расположенное напротив него (к северу от Ташкентского тракта), и мусульманское или «магометанское», называемое также «сартовским» (к югу от Ташкентского тракта), примыкавшее к православному с запада. Данное кладбище было основано в 1878 г.

---

² ЦГАА. Ф. 78. Оп. 2-т. Д. 628. Л. 11.

³ Там же. Ф. 174. Оп. 11. Д. 39а. Л. 56.

и в течение более 50 лет (с 1878 по 1932 г.) являлось основным местом погребения жителей г. Верного (Алма-Аты) и Больше-Алма-Атинской станицы⁴. Городское православное кладбище было национализировано предположительно в 1918 г. или в начале 1919 г. В фондах Центрального государственного архива Алма-Атинской области (ЦГААО) сохранились документы, свидетельствующие о процессе национализации кладбищ⁵.

Главными факторами, способствовавшими открытию нового кладбища явились нехватка территории на существующих кладбищах, невозможность их расширения ввиду отвода под застройку смежных земель в соответствии с Генеральным планом развития Алма-Аты, рост численности населения города и увеличение его площади в связи с переносом столицы республики в 1928 г. из Кызыл-Орды в Алма-Ату.

Постановлением АГС от 10 апреля 1932 г. «старые» кладбища у Ташкентской аллеи «за полным использованием земельных участков» были закрыты. Было утверждено новое размещение кладбищ — «магометанского» на участке к югу от Ташкентской аллеи, западнее р. Поганки за курганом «Муллушон» на площади 8–10 га и русского к северу от Ташкентской аллеи, расположенного напротив у бывшего старого еврейского кладбища»⁶.

Территория же, на которой было открыто новое кладбище, принадлежала колхозу «Заря Востока», входившему в Ленинский сельсовет с центром в с. Ленинском (бывшей станице Тастак). Ленинский сельсовет вошел в состав АГС 14 января 1931 г., при этом территория поселений, обслуживаемых этим сельсоветом, находилась за пределами утвержденной городской черты⁷. 14 сентября 1936 г. Алма-Ата была разделена на районы. Тогда же решением Бюро Казкрайкома ВКП(б) был образован Ленинский район, на территории которого находилось новое кладбище.

В ЦГАА сохранился документ, дающий представление о размерах, расположении и первоначальных границах Центрального кладбища в год его основания. Это «План земельных участков, отведен-

⁴ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 42. Оп. 1. Д. 14а. Л. 1; Ф. 44. Оп. 1. Д. 5158. Л. 2–3.

⁵ ЦГААО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 96. Л. 82; Ф. 489. Оп. 1. Д. 8. Л. 100.

⁶ ЦГАА. Ф. 174. Оп. 11. Д. 50. Л. 115.

⁷ Там же. Оп. 10. Д. 4. Л. 9.

ных под христианское и мусульманское кладбища постановлением Горсовета»⁸. Кладбище первоначально представляло собой в плане участок неправильной пятиугольной формы, длинной стороной обращенный к Ташкентскому тракту. С юга границей кладбища был Ташкентский тракт, с востока свиновхоз (находившийся в городской черте), с запада и севера — земли колхоза «Заря Востока». На северо-восточной оконечности на плане обозначено «еврейское кладбище», имеющее собственную ограду и вход. Таким образом, кладбище в своих исторических границах 1932 г. соответствовало нынешнему его участку от южной стороны (входа) до первой поперечной (с востока на запад) аллеи, и от центральной аллеи до границы кладбища на восток, от центральной аллеи до параллельной ей аллеи на запад). Площадь участка, отведенного под «христианское кладбище» составила в то время 11,4 га.

Уже к 1936 г., то есть 4 года спустя после открытия Центрального кладбища, согласно архивным документам, его первоначально спланированная территория оказалась полностью использованной, и дальнейшее захоронение с учетом санитарных и градостроительных норм представлялось невозможным. 28 февраля 1936 г. при Секторе благоустройства города состоялось совещание, на котором был поднят вопрос о расширении территории существующих кладбищ, закрытии старых и, по сути, о ревизии всей кладбищенской территории города с целью более рационального ее использования с учетом существующего к 1938 г. Генерального плана развития города.

«Выписка из протокола Совещания при Секторе Благоустройства города от 28.II.1936 г.» дает представление о том, как решалась судьба городских кладбищ в долгосрочной перспективе⁹. Это представляет интерес и потому, что уже в середине 1930-х гг. местными советами города поднимался вопрос о строительстве в Алма-Ате крематория. Первой Архитектурно-планировочной мастерской Народного комиссариата коммунального хозяйства Казахской ССР (КазССР) был предложен проект расширения действующего кладбища в увязке с общей планировкой города. В соответствии с этим проектом территорию кладбища предполагалось расширить на север и запад «до размеров 20–30 га с учетом намечаемого планировкой развития железнодорож-

---

⁸ ЦГАА. Ф. 78. Оп. 2-т. Д. 628. Л. 1.

⁹ Там же.

ных путей». Решением совещания мусульманское кладбище предлагалось закрыть «и в проекте планировки наметить под застройку». В этот период на Центральном кладбище были похоронены первый председатель Революционного комитета г. Верного Г.Т.Кислов (1882–1935), Заслуженный деятель искусств, лауреат Всемирного этнографического конкурса в Париже (1925 г.) А.Кашаубаев (1888–1934) и военный архитектор, инженер-строитель А.П.Зенков (1863–1936).

В 1936 г. расширения территории кладбища не произошло. Захоронения продолжались на существующей площади, возможно, со стихийным выносом захоронений на север и запад от исторических границ кладбища. В 1938 г. вопрос расширения кладбищенской территории опять встал на повестку дня городских исполнительных органов, что было связано со все увеличивающейся численностью населения города и необходимостью отвода земель под промышленную застройку. В 1938 г. к Алма-Ате относилось всего 5 кладбищ (располагавшихся, согласно документам, «около города»), из которых 4 находились: у Ташкентского тракта (Центральное), между Татарской и Новой слободками (ликвидированное в 1950-е гг.), севернее Мало-Алма-Атинской станицы (ныне — закрытое кладбище в Медеуском районе) и южнее города, за кирпичным заводом (ликвидированное), и одно — около п. «Пятилетка», на левом берегу ручья Султан-Карасу (ныне — Северное кладбище в Турксибском районе). По Генеральному плану было намечено лишь расширение территории кладбищ с сооружением изгородей, осуществлением внутренней планировки, озеленением и благоустройством подъездных путей. Исходя из численности населения города и п. «Пятилетка» (350 тыс. человек) и 25-летнего кладбищенского периода, необходимая площадь кладбищ по Генплану была определена в размере 50 га. Вместе с тем, планировалось строительство крематория при кладбище, расположенном рядом с кирпичным заводом (нынешняя территория между улицами Желтоксан и Байтурсынова, южнее оси ул. Тимирязева), в силу чего размер кладбищенской территории оказался снижен в соответствии с Генпланом до 32 га. По Генплану же предполагалось довести площадь Центрального кладбища до 12 га (то есть увеличить всего на 0,6 га по сравнению с исходной), при этом территория кладбища к марту 1938 г. была «почти вся захоронена и требовала расширения»¹⁰.

¹⁰ ЦГАА. Ф. 78. Оп. 2-т. Д. 628. Л. 5.

Поскольку мусульманское кладбище в соответствии с Генеральным планом отводилось под промышленную застройку, было решено «захоронения здесь запретить категорически, причем для проведения этого в жизнь предварительно должен быть сделан отвод участка взамен закрываемой части». Такой отвод планировалось сделать лишь «с северной стороны христианской части кладбища». В этом же направлении собирались расширить само Центральное кладбище «не менее как на 9,6 га». Так как земли, предполагаемые к прирезке, находились в ведении колхоза «Заря Востока», землеустроительной партии Городского земельного отдела было поручено подготовить изъятие земель от колхоза и направить дело в соответствующие инстанции¹¹. После проведения земельно-изыскательских работ было сделано заключение, что отвод земли для расширения кладбища возможно сделать лишь с северной и западной сторон существующего «христианского» кладбища. Решением АГС от 9 июня 1938 г. «Об отводе земли под кладбище» было разрешено отвести «до 20 га под христианское кладбище около Ташкентского тракта и 15 га здесь же под мусульманское»¹². Согласно титульному списку капиталовложений по Похоронному бюро Управления коммунальными предприятиями АГС на 1938 г. проектировалось благоустройство «нового» кладбища, то есть нового участка Центрального кладбища, на отчуждаемой от колхоза «Заря Востока» территории.

Интересный документ, свидетельствующий о реконструкции Центрального кладбища того времени, сохранился в фонде Управления благоустройства и коммунальных предприятий АГС. Проектом постановления горсовета в мае 1938 г. лимитировалось распределение капитальных затрат по Конторе похоронного бюро. При этом были утверждены затраты на постройку дома, озеленительные работы, «перенос трупов с места устройства дорожек по проекту» (то есть перезахоронения) и проект планировки «нового кладбища» (то есть нового участка территории, прирезаемой к Центральному кладбищу с севера и запада)¹³.

Но уже в сентябре 1938 г. вопрос реконструкции кладбища выходит на иной уровень. На заседании горсовета 21 сентября было

---

¹¹ ЦГАА. Ф. 78. Оп. 2-т. Д. 628. Л. 6.

¹² Там же. Ф. 174. Оп. 15. Д. 409. Л. 13.

¹³ Там же. Оп. 11. Д. 39а. Л. 56.

решено закрыть в 1939 г. существующее кладбище для захоронений¹⁴. К этому году историческая территория кладбища была полностью использована. Это означало, что все последующие захоронения проводились на местах предшествующих захоронений 1932–1938 гг., что, соответственно, были утрачены многие первоначальные погребения и происходил процесс формирования «многослойного» микрорельефа кладбища. Даже, если допустить захоронения между могилами, на дорожках, в аллеях, разграничивавших кладбищенские участки (утраченные к настоящему времени), то такие захоронения с учетом размеров исторической территории могли осуществляться не более 10 лет, то есть не позднее, чем до конца 1940-х гг. Тем не менее, захоронения на этой территории продолжались все время существования кладбища и продолжают (с нарушением градостроительных, санитарных и этических норм) по сей день.

Официальное название «Центральное кладбище» было присвоено некрополю решением исполнительного комитета АГС депутатов трудящихся №402 от 12 сентября 1977 г. «О наименовании мест захоронения в г. Алма-Ате»¹⁵. Однако как следует из документов, этот топоним возник и применялся уже в 1938 г., параллельно с наименованием «христианское», а затем «городское» кладбище. Происхождение топонима, наиболее вероятно, объясняется территориальным расположением кладбища относительно границ города и нахождения других мест захоронения (на юге — у кирпичного завода, на севере — в Малой станице, на востоке — в Татарской слободе).

21 августа 1939 г. на заседании Президиума АГС был утвержден принципиально иной, новый землеустроительный проект расширения исторических границ 1932 г. Центрального кладбища и «изъятия шестисотметровой полосы земли вдоль Ташкентского тракта от землепользования колхоза «Заря Востока» для включения в территорию расширения городской черты и для расширения городского кладбища». От колхоза была отчуждена территория общей площадью 171 га, под кладбище было отведено 52 га, из них земель целевого назначения — 38 га¹⁶. Проект был утвержден Советом Народных Комиссаров КазССР.

¹⁴ ЦГАА. Ф. 174. Оп. 15. Д. 414. Л. 56.

¹⁵ Там же. Оп. 29-пр. Д. 1416. Л. 136.

¹⁶ Там же. Оп. 15. Д. 479. Л. 266.

С отводом нового участка начались работы по благоустройству территории кладбища. В 1940 г. было установлено первое искусственное ограждение — глинобитный дувал и изгородь из штaketника, были устроены дороги, арыки. Работы по планировке продолжались в 1941–1942 гг.: были проложены 8 продольных — с юга на север, и 8 поперечных — с запада на восток, аллей, каждая длиной около 330 м, выделены участки захоронений, которым присвоены номера. При этом захоронения на участке 1932 г. («историческом кладбище») продолжались, хотя оно и «подлежало закрытию». К этому времени Центральное кладбище уже сформировалось как основное городское кладбище, на нем, как уже упоминалось, были похоронены некоторые видные деятели, в документах впервые упоминается «почетный участок», то есть зона «почетных захоронений» — прообраз сформированной в 1950–1960-е гг. мемориальной зоны¹⁷.

Из индивидуальных захоронений следует отметить могилы В.А.Селевина (1905–1938) — зоолога, зоогеографа, первого исследователя пустыни Бетпак-дала и А.Н.Белослюдова (1887–1939) — краеведа, этнографа, организатора краеведения и музейного дела в Казахстане. В 1940 г. на центральной аллее был похоронен видный государственный деятель, участник борьбы за установление советской власти в Средней Азии и Казахстане, герой Гражданской войны А.Ярмухамедов (1896–1940). 28 декабря 1941 г. на Центральном кладбище состоялось первое коллективное захоронение — на «почетном участке» центральной аллеи были погребены 26 жертв авиакатастрофы, произошедшей 26 декабря близ Алма-Аты. В числе погибших руководителей республики были заместитель председателя Совнаркома КазССР И.С.Климентьев, секретарь ЦК КП(б) Г.У.Бузурбаев (первый председатель Казахского филиала АН СССР), секретарь президиума Верховного Совета КазССР К.Байманов, заместитель наркома мясомолочной промышленности Е.И.Нечай, нарком автотранспорта Д.В.Попов, нарком совхозов А.Кадырбеков.

Формирование мемориальной зоны кладбища продолжилось в период Великой Отечественной войны. На исторической территории, вблизи центральной аллеи во время войны производились захоронения советских солдат и офицеров. В течение 1942–1946 гг. сформировалось 3 участка захоронений. На участке №1, называемом

---

¹⁷ ЦГАА. Ф. 76. Оп. 5. Д. 8. Л. 101.

в документах «красноармейскими могилами», расположенном с западной стороны центральной аллеи, были похоронены 215 человек. Площадь участка составляла в 1946 г. 1750 м². На участке №2 в северо-западной части исторической территории на площади в 1500 м² производились захоронения воинов, умерших в эвакуационных госпиталях Алма-Аты (всего 115 человек). На участке №3 — так называемом «офицерском», в юго-западной части исторической территории было 127 индивидуальных захоронений (точная первоначальная площадь участка документально не установлена). В соответствии с Постановлением Совета Министров КазССР от 27 апреля 1946 г. №319–320 «О благоустройстве могил бойцов Красной Армии и партизан, погибших в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и надзоре за их состоянием» городское Похоронное бюро взяло все 490 могил на учет. В 1946 г. были проведены работы по благоустройству этих захоронений. Могилы, просевшие и обвалившиеся после погребения в зимнее время, были восстановлены, произведена их оправка. В приказе №82 от 30 мая 1946 г. по Городскому отделу коммунального хозяйства значится, что «воины, офицеры и партизаны, погибшие в Великой Отечественной войне, похоронены на 3-х лучших участках кладбища среди зелени и значатся под номерами»¹⁸. Первой очередью благоустройства было проведено оборудование продольных и поперечных дорожек, ограждение участков живой изгородью, одерновка могил и озеленение участков. В дальнейшем было предусмотрено возведение памятников на всех трех участках и прокладка аллей для проезда через них. Из гражданских лиц в период войны в мемориальной зоне были похоронены Н.Бозжанов (1906–1944) — партийный и государственный деятель, председатель Президиума Верховного Совета КазССР и И.Н.Вульпе (1875–1944) — д-р мед. наук, проф., Заслуженный деятель науки.

К периоду Великой Отечественной войны относятся захоронения актеров ЦОКСа, эвакуированных в Алма-Ату: Заслуженных артистов РСФСР Б.В.Блинова (1909–1943), С.З.Магарилл (1900–1943), лауреата Государственной премии СССР Н.П.Черкасова (1884–1944). К 1946 г. оформилась особая, мемориальная зона кладбища, места захоронений называются «особым участком». К 1946 г. относится захоронение народного поэта, певца и композитора И.Байзакова

---

¹⁸ ЦГАА. Ф. 76. Оп. 3. Д. 372. Л. 20.

(1900–1946). В 1947 г. вблизи от центральной аллеи был похоронен Герой Советского Союза Я.И.Коровин (1907–1947). В 1948 г. в мемориальной зоне похоронили сотрудников милиции: подполковника Р.Ф.Сагинадзе — начальника Алма-Атинского областного управления милиции НКВД КазССР, сотрудников уголовного розыска капитана В.И.Кобрисова и старшего лейтенанта М.П.Зуева, погибших 9 мая (М.П.Зуев умер позже от ран) при задержании опасного преступника, главаря банды, студента Алма-Атинского горно-металлургического института Р.Десина. В том же году были похоронены погибшие 30 сентября в авиакатастрофе видные ученые-биологи: К.М.Мынбаев, Ф.С.Солодовников, К.Б.Бабаев, Х.Н.Наурызбаев, С.Н.Нугманов. На «западной аллее» находится захоронение Н.Н.Попова (1885–1948) — крупного ученого-гигиениста, проф., Заслуженного деятеля науки КазССР. В 1949 г. рядом с воинским мемориалом №1 был похоронен видный ученый-геолог, лауреат Государственной премии СССР академик Н.Г.Кассин (1885–1949).

При том, что общий уровень благоустройства кладбища (его территория к тому времени составляла уже более 60 га) оставался низким (сказывались трудности первых послевоенных лет, и в первую очередь, недостаток материалов, средств и рабочей силы), мемориальной зоне, как видно из документов, уделялось особое внимание. Например, в 1946 г. сектором благоустройства Горкомхоза планировалось замощение центральной аллеи и посадка декоративных деревьев¹⁹. В 1947 г. была утверждена смета на постройку на центральной аллее «дороги типа гравийного шоссе» шириной проезжей части 3,5 м, длиной 200 м. В 1947 г. кладбище было огорожено глинобитным дувалом, проложены дорожки на территории. В III и IV кварталах 1948 г. был произведен капитальный ремонт дорог на кладбище²⁰.

В документах последующих лет упоминается «особый участок» кладбища, на котором регулярно проводились работы по благоустройству и уходу за зелеными насаждениями, часть из которых представляла живую изгородь мест захоронений. Так в 1952 г. сметой по охране и благоустройству кладбищ предусматривались ассигнования на покраску могильных оград на «особом участке», реставрацию памятников и установку памятников на участках воинских захоронений. На

---

¹⁹ ЦГАА. Ф. 76. Оп. 7. Д. 95. Л. 86.

²⁰ Там же. Д. 119. Л. 12.

основании объяснительной записки к годовому отчету Похоронного бюро за 1953 г. можно предположить, что в тот год ограждение-дувал было заменено на кирпичное, которое значится в инвентаризационной описи бюро за 1956 г.²¹

За последующее десятилетие на исторической территории были похоронены видные граждане республики: партийная и творческая элита, выдающиеся государственные деятели. Среди них: А.Т.Джангильдин (1884–1953) — организатор борьбы за установление советской власти в Казахстане, зам. председателя ЦИК и Президиума Верховного Совета КазССР, Н.И.Арыкова (1902–1956) — нарком социального обеспечения КазССР (первая нарком среди женщин Советского Востока), Л.И.Гуляев (1902–1958) — зам. наркома, министр лесной промышленности, И.В.Ивандаев (1902–1952) — министр совхозов, А.И.Иржанов (1910–1959) — министр легкой промышленности, А.Казакпаев (1898–1959) — председатель Президиума Верховного Совета, Ш.Ш.Ярмухамедов (1902–1953) — нарком труда.

Из захоронений писателей, артистов формируется своеобразный «некрополь мастеров искусств»: поэт К.Р.Аманжолов (1911–1955), певец, Заслуженный артист КазССР К.Лекеров (1896–1955), Народная артистка КазССР Д.Нурпейсова (1861–1955), режиссер, Заслуженный деятель искусств КазССР Я.С.Штейн (1900–1956), Народная артистка СССР, дважды лауреат Сталинской премии К.Ж.Байсеитова (1912–1957), писатель М.Иманжанов (1916–1958), первый ректор Казахской государственной консерватории И.В.Круглыхин (1897–1959). Рядом находятся могилы видных деятелей науки: председателя Президиума Казахского филиала ВАСХНИЛ А.Д.Даулбаева (1903–1954), металлурга, чл.-корр. АН КазССР Х.К.Аветисяна (1900–1954), основоположников Казахского государственного медицинского института: профессоров И.С.Баккала (1877–1954), А.П.Штецца (1899–1955), С.И.Телятникова (1878–1957), В.В.Зикеева (1892–1957), тюрколога, языковеда, академика Н.Т.Сауранбаева (1910–1958). На западной стороне центральной аллеи похоронен Д.Н.Казанли (1904–1959) — геодезист и геофизик, участник Первой Колымской экспедиции, лауреат Ленинской премии (сын известного русского композитора и дирижера Н.И.Казанли).

Период с начала 1960-х до начала 1970-х гг. в истории Центрального кладбища является особым. Во-первых, в это время на историче-

²¹ ЦГАА. Ф. 76. Оп. 7. Д. 237. Л. 9; Д. 314. Л. 18.

ской территории было похоронено значительное число выдающихся деятелей республики, окончательно сформировалась мемориальная зона и само кладбище как историко-мемориальный некрополь (статус которого не был утвержден официально и не утвержден до сих пор). Во-вторых, в связи с невозможностью захоронений на исторической территории, была расширена территория мемориальной зоны — по западной параллели центральной аллеи на север (там были похоронены в разное время историк, чл.-корр. АН КазССР Г.Ф.Дахшлейгер (1919–1983), актер и режиссер драматического театра, Народный артист СССР Е.Я.Диордиев (1912–1985), театральный художник, Заслуженный деятель искусств А.И.Ненашев (1903–1967), геолог, академик АН КазССР Е.Д.Шлыгин (1899–1980). В-третьих, в 1966 г. по северной части кладбища была проложена дорога-дублер ул. Ташкентской (впоследствии — просп. им. Турара Рыскулова), которая разделила территорию на две неравные части. При прокладке шоссе в 1965 г. силами Похоронного бюро Управления благоустройства и коммунальных предприятий АГС производились работы по эксгумации и перезахоронению останков людей, похороненных на участке полотна прокладываемой дороги. В-четвертых, в 1970 г. кладбище было закрыто для новых захоронений, и была открыта так называемая «новая территория» севернее дублера Ташкентской (просп. им. Турара Рыскулова), западнее северной части существующего кладбища. В-пятых, в период 1965–1967 гг. на кладбищах города были произведены работы в области общего благоустройства, охраны и строительства, что было связано как с реализацией директивных документов Совета Министров и Министерства коммунального хозяйства КазССР, так и с развитием ритуальной отрасли. В частности, в 1965 г. были приведены в порядок могилы ветеранов Великой Отечественной войны, исторические памятники и могилы Героев Советского Союза, произведена очистка аллей и дорожек от зарослей, установлен железобетонный забор вдоль ул. Ташкентской и по западной стороне кладбища, благоустроен участок захоронения японских военнопленных, организован каменотесный цех по изготовлению гранитных памятников, художественных надписей по камню²².

За это десятилетие в мемориальной зоне были похоронены первый секретарь ЦК КП(б) КазССР, Председатель Совета Национальностей

---

²² ЦГАА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

Верховного Совета СССР Ж.Шаяхметов (1902–1966), партийный и государственный деятель К.У.Успанов (1907–1968), Герой Советского Союза Б.И.Лозоренко (1919–1969), председатель КГБ КазССР А.А.Арстанбеков (1908–1970). В последующие годы — участник Октябрьской революции, Гражданской войны и установления советской власти в Средней Азии И.Я.Терно (1893–1971), революционер, участник установления советской власти в Казахстане И.В.Деев (1884–1972).

В «некрополе мастеров искусств» в 1960–1970 гг. похоронены композитор, Народный артист СССР М.Т.Тулебаев (1913–1960), писатель, литературовед, академик АН КазССР М.О.Ауэзов (1897–1961), Народная артистка КазССР Е.Б.Кручинина-Рутковская (Пржибыльская) (1895–1961), поэт Ж.Саин (1912–1961), артист балета, педагог, Народный артист КазССР А.В.Селезнев (1906–1961). В середине 1960-х гг. появились захоронения поэта Т.Жарокова (1908–1965), певца, Народного артиста КазССР М.Ержанова (1901–1966), литературоведа, чл.-корр. АН КазССР Е.С.Исмаилова (1911–1966), художника, Заслуженного деятеля искусств КазССР А.М.Черкасского (1886–1967). Впоследствии в этой же зоне были похоронены писатель, литературовед, академик АН КазССР К.Д.Джумалиев (1907–1968), композитор, музыковед, академик АН КазССР А.К.Жубанов (1906–1968), Народный артист СССР К.Куанышпаев (1893–1968), актер и режиссер театра и кино, Народный артист СССР Ш.К.Айманов (1914–1970), общественный и государственный деятель И.О.Омаров (1912–1970), один из основоположников театрального искусства Казахстана режиссер Ю.Л.Рутковский (1891–1970).

Захоронения деятелей науки сформировали территориально не выделенный, но исторически «закрепившийся» некрополь ученых или так называемую «академическую площадку». Среди похороненных здесь — астроном, чл.-корр. АН СССР Г.А.Тихов (1885–1960), анатом, проф. П.О.Исаев (1896–1962), паразитолог, проф. Н.П.Орлов (1896–1963), президент АН Казахстана, академик АН СССР К.И.Сатпаев (1899–1964), физиолог, академик АН КазССР А.П.Полосухин (1901–1965), историк, чл.-корр. АН КазССР Е.Б.Бекмаханов (1915–1966).

Значимые захоронения этого периода включают также ряд могил известных в СССР ученых. В их числе академики АН КазССР: геолог Р.А.Борукаев (1899–1967), металлург В.Д.Пономарев (1909–1968), физико-географ и гляциолог Н.Н.Пальгов (1889–1970), литературовед М.С.Сильченко (1898–1970), а также чл.-корр. АН КазССР

геолог П.Я.Авров (1899–1969) и патологоанатом, проф. П.П.Очкур (1899–1969).

Отметим, что в описываемый период формирования некрополя государственной и национальной элиты (как и в настоящее время) самими государственными органами не предпринималось системных мер для охраны, и тем более, изучения этого некрополя. Меры по охране (в широком смысле слова, а не только милицейская защита от вандалов) являлись разовыми, дискретными во времени и представляли собой действия исполнительных органов, приуроченные к каким-либо юбилейным датам (например, к 50-летию Революции, 25-летию Победы) или реакцией на вопиющие случаи вандализма и бесхозяйственности. Так в 1969 г. решением исполкома АГС №289 от 21 августа был утвержден одностадийный проект благоустройства мест захоронения советских воинов на Центральном кладбище. Работы по благоустройству проводились в течение 1969–1970 гг., и завершились созданием на участке №1 (в честь 25-летия Победы в Великой Отечественной войне) мемориала, сооруженного по проекту архитекторов А.А.Абдалиева и С.А.Фазылова. Мемориал реконструирован (и серьезно пострадал от реконструкции) в 2015 г. Однако впоследствии были приняты и утверждены к обязательному исполнению нормативно-правовые акты для охраны. Имеется ввиду, в частности, приказ министра Жилищно-коммунального хозяйства КазССР №385 от 16 сентября 1977 г. В «Классификации работ по ремонту и содержанию сооружений городского благоустройства» кладбища и крематории относятся к сооружениям, составляющим внешнее благоустройство. В основной номенклатуре работ по капитальному, среднему, текущему ремонту и содержанию объектов городского благоустройства в разделе «Содержание кладбищ» в качестве обязательного значится: «уход за памятниками, надгробиями, находящимися на специальном обслуживании органов коммунального хозяйства, в т.ч. установленные на могилах воинов Советской Армии, захороненных в годы Отечественной войны»²³.

Первым государственным актом, утверждающим охраняемый статус отдельных захоронений (точнее — надгробных памятников), на Центральном кладбище и регламентирующим охранные обязательства, стало решение исполнительного комитета АГС народных депутатов от 4 апреля 1979 г. №139 «Об утверждении списка памятников

---

²³ ЦГАА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 72. Л. 7.

истории и культуры города Алма-Аты». В 1980–1983 гг. отделом по охране памятников Управления культуры Алма-Аты была проведена паспортизация некоторых художественных надгробий на кладбище, собран фактический материал о состоянии памятников, определен уровень их сохранности и категория учета, проведена фотофиксация. Очередным нормативным актом стало решение исполнительного комитета АГС народных депутатов от 26 января 1984 г. №2/35 «О памятниках истории и культуры г. Алма-Аты местного значения». Балансовая принадлежность была отдана в ведение Управления коммунальных предприятий и Управления культуры. Постановлением акима (главы администрации) г. Алма-Аты от 10 ноября 2010 г. №4/840 «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения города Алма-Аты» в список охраняемых памятников не внесено дополнительно к списку 1984 г. ни одного художественного надгробия и исторического захоронения на Центральном кладбище. Подобное отношение не замедлило сказаться бедственными последствиями.

Как уже упоминалось, в 1970 г. Центральное кладбище стало закрытым для захоронений — «в связи с полным освоением земельного участка» (Решение исполкома АГС депутатов трудящихся №256 от 29 июля 1970 г.), и местом захоронения умерших граждан стала «новая территория». В 1970 г. была утверждена схема захоронений, распланирована территория, выделены участки. Тогда же был нициирован не реализованный в дальнейшем проект постройки первого в республике современного павильона гражданских панихид на кладбище, который должен был разрабатываться институтом «Казгипрокоммунстрой»²⁴.

В период, следующий за официальным закрытием, мемориальная зона пополнилась новыми захоронениями. Это — дважды Герой Советского Союза, военный летчик-истребитель С.Д.Луганский (1918–1977), Герои Советского Союза Г.М.Шемякин (1906–1973), А.М.Иванников (1913–1974), Н.И.Терехин (1901–1978), В.К.Андрусенко (1919–1979), М.Р.Перепечин (1924–1989), П.Ф.Блинов (1919–1998), Ю.Н.Павлов (1922–2003), В.М.Бенберин (1918–2005); видные государственные деятели — организатор машиностроительного производства и строительства, зам. Председателя Совета Министров КазССР Г.А.Козлов (1909–1976), секретарь ЦК Компартии

²⁴ ЦГАА. Ф. 76. Оп. 7-пр. Д. 605. Л. 237.

Казахстана И.Г.Слажнев (1913–1978), Герой Социалистического Труда А.М.Вартанян (1912–1980), организатор металлургической промышленности, секретарь ЦК Компартии А.С.Колебаев (1914–1982), командующий 3-й ударной (общевойсковой) армией (в 1974–1977 гг.) генерал-лейтенант П.Е.Макарчук (1930–1983), секретарь ЦК Компартии С.Н.Имашев (1925–1984).

В 1970–1980-е гг. в мемориальной зоне упокоились главы республиканских министерств — животноводства К.Д.Дияров (1910–1970), мясной и молочной промышленности А.Зияев (1920–1973), местной промышленности П.С.Наумецкий (1912–1976), сельского хозяйства, Г.А.Мельник (1909–1976), М.Г.Рогинец (1910–1980) и М.Г.Моторико (1920–1988), внутренних дел Ш.К.Кабылбаев (1908–1976), автомобильных дорог Л.Б.Гончаров (1914–1982), монтажных и специальных строительных работ Б.М.Ержанов (1925–1988).

В «некрополе мастеров искусств» были похоронены актер театра и кино, основоположник профессионального казахского театрального искусства Народный артист КазССР Е.Умурзаков (1899–1974), писательница, переводчик (одна из первых переводчиков романа-эпопеи М.О.Ауэзова «Путь Абая») А.Б.Никольская (1899–1977), Заслуженный архитектор Казахстана, лауреат Государственной премии СССР Ю.Г.Ратушный (1935–1996), Народные артисты К.О.Бадыров (1904–2000) и А.Е.Умурзакова (1919–2006).

В мемориальной зоне продолжались захоронения выдающихся деятелей науки, среди которых академики А.Л.Цефт (1904–1971), В.А.Бальмонт (1901–1971), Н.В.Павлов (1893–1971), М.Т.Козловский (1903–1972), А.С.Попов (1891–1974), Д.А.Зыков (1892–1975), М.И.Корсунский (1903–1976), И.Г.Галузо (1899–1977), С.Н.Покровский (1900–1978), А.Н.Сызганов (1896–1980), Е.Д.Шлыгин (1899–1980). В 1981 г. на центральной аллее был похоронен ученый с мировым именем, создатель современной количественной теории растворов и обобщенной теории кислот и оснований академик М.И.Усанович (1894–1981). Позднее — ученый-гидрогеолог, Герой Социалистического Труда, академик У.М.Ахмедсафин (1912–1984), Герой Социалистического Труда, академик Д.В.Сокольский (1910–1987), ученый-паразитолог-гельминтолог, Заслуженный деятель науки академик С.Н.Боев (1905–1987). В непосредственной близости от С.Н.Боева был похоронен организатор строительного производства, Герой Социалистического Труда Н.А.Юмашев (1905–1989).

Захоронения ученых 1990–2000-х гг. не столь многочисленны. Среди них стоит отметить могилы чл.-корр. АН КазССР литературоведа Е.В.Лизуновой (1926–1993) и математика Е.И.Ким (1911–1994), академиков АН КазССР химика Б.В.Суворова (1925–1996) и Президента АН КазССР Ш.Ч.Чокина (1913–2003). Здесь же на центральной аллее впоследствии были похоронены: один из первостроителей Турксиба, лауреат Государственной премии СССР Л.Г.Жуков (1914–2001), организатор машиностроительного производства, Герой Социалистического Труда М.А.Битный (1919–2002), политработник Советской Армии генерал-лейтенант К.А.Максимов (1917–2007) и Заслуженный пилот СССР, дважды Герой Социалистического Труда Н.А.Кузнецов (1922–2009).

После активной работы в 1965–1967 гг. Постоянной комиссии по коммунальному хозяйству и благоустройству при исполкоме к вопросу содержания Центрального кладбища городские власти вернулись в 1976 г. В связи с общим неудовлетворительным состоянием городских кладбищ исполнительный комитет городского Совета 19 мая 1976 г. вынес решение №158, которым были утверждены представленные Управлением благоустройства и коммунальных предприятий мероприятия по устранению недостатков в содержании кладбищ и похоронному обслуживанию. В частности, было признано необходимым «обеспечить образцовое содержание могил и памятников революционеров, деятелей партии и правительства, науки и культуры, Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, воинов, погибших во время Великой Отечественной войны, а также других могил, представляющих историческую и архитектурно-художественную ценность»²⁵. В течение 1976 г. планировалось разработать проекты реконструкции действующих кладбищ и «строительства нового кладбища в комплексе с домом траура, крематорием, мемориальной зоной и кладбищем смешанного погребения». Этим новым по содержанию сооружением траурной гражданской обрядности, по-видимому, должно было стать кладбище в п. Бурундай, будущее «Северное», открытое в 1984 г. На основании упомянутого решения исполкома АГС №158 на исторической территории и «старом участке» Центрального кладбища были сделаны асфальто-бетонная площадка для стоянки автомашин размером 100x10 м у въезда со стороны ул. Ташкентской (тогда —

²⁵ ЦГАА. Ф. 174. Оп. 29-пр. Д. 1351. Л. 90.

просп. им. 50-летия Октября), проведена реконструкция ограждения центрального въезда, наружного освещения центральных аллей и мест захоронения советских воинов, осуществлены строительство водопровода с водоразборными колонками, озеленение фасадной части вдоль забора декоративными насаждениями, капитальный ремонт зданий и телефонизация. На «новой территории» проведено устройство асфальто-бетонной площадки для автомашин, восстановлен железобетонный забор, сделан ямочный ремонт дорог, осуществлена посадка деревьев вдоль центральной аллеи и подъездной дороги от просп. Рыскулова, проведены наружное освещение и телефонизация²⁶.

Согласно экспликации земель 1977 г. «старая» территория кладбища составляла 126,2 га, площадь «новой территории» — 32 га. Таким образом, общая площадь кладбища равнялась в 1977 г. 158,2 га²⁷. На исторической территории продолжались захоронения в мемориальной зоне и на других участках — как первичные, так и подхоронения родственников. Процесс активно шел (и идет) в нарушение решения о закрытии кладбища в 1970 г. Приказом директора Спецкомбината бытового обслуживания №116 от 11 декабря 1989 г. «в связи с отсутствием свободных площадей» захоронения на «новой территории» Центрального кладбища были запрещены. Основанием для приказа явилось письмо председателя исполкома АГС народных депутатов №НА I-7917 от 07.12.1989.

Изучение основных этапов истории Центрального кладбища позволяет предложить периодизацию его истории (как историко-мемориального некрополя), основанную на важнейших датах реконструкции и развития территории: 1-й период (1932–1939 гг.) — от времени основания кладбища до даты первой реконструкции и расширения территории; 2-й период (1939–1960 гг.) — от даты первого расширения территории до формирования мемориальной зоны; 3-й период (1960–1970 гг.) — от времени наиболее активного формирования мемориальной зоны на исторической территории до официального закрытия кладбища; 4-й период (1970–1989 гг.) — от времени закрытия «старой» и открытия «новой территории» до официального закрытия последней; 5-й период (1989 г. — настоящее время).

На основании анализа исторических документов стало возможно выделение нескольких «культурно-исторических слоев» развития

---

²⁶ ЦГАА. Ф. 174. Оп. 29-пр. Д. 1351. Л. 94.

²⁷ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 62. Л. 92.

Центрального кладбища. Ими являются: «новое мусульманское кладбище» в пределах Центрального кладбища на отведенной территории в 15 га в его северо-западной части, ранние захоронения на исторической территории 1932–1939 гг., некрополь ученых («академическая площадка»), «некрополь мастеров искусств», некрополь партийных и государственных деятелей и Героев Советского Союза. Эти «культурно-исторические слои» нуждаются в дальнейшем изучении, систематизации и публикации сведений о них как составных частях общей истории некрополя. Необходима комплексная работа по приданию Центральному кладбищу официального статуса историко-мемориального некрополя, что должно обеспечивать взятие на учет и охрану отдельных исторических захоронений и художественных надгробий на «исторической» и «новой» территориях кладбища в целом и способствовать их дальнейшему изучению. Главным практическим следствием этих мероприятий должно явиться принятие государственных решений о категорическом недопущении новых захоронений в мемориальной зоне и на исторических участках кладбища, которые полностью разрушают сложившийся композиционно-ансамблевый и исторический облик некрополя, приводят к утрате старых, в том числе исторических, захоронений, уничтожению целого культурного слоя, а с ним — и исторической памяти общества.

Монастырские кладбища и прицерковные захоронения в Воронеже (XVIII — первая половина XX в.): проблема изучения

О проблеме воронежского некрополя нам уже приходилось говорить¹. Но речь тогда шла о проблеме в целом, теперь же речь пойдет о вопросах конкретных и частных. Под прицерковными захоронениями понимаются небольшие погосты при приходских, а не кладбищенских, храмах. В Воронеже существовали 3 монастыря — Алексеевский Акатов мужской (1620 г.), Покровский девичий (1623 г.) и Митрофановский Благовещенский мужской (1836 г.), ныне в черту города вошел Спасо-Преображенский Толшевский женский (основан в первой половине XVII в.). Незастроенной осталась территория Алексеевского Акатова, ныне женского, и Спасо-Преображенского Толшевского, прежде мужского, монастырей. В дореволюционных границах Воронежа существовало 25 храмов, из которых 2 были безприходные кладбищенские церкви (Вознесенская, она же Чугуновская, и Всесвятская, она же Новостроящаяся) и 1 приходская на границе города и Троицкой слободы, одновременно являвшаяся кладбищенской церковью (Свято-Духовская, она же Терновая). Соответственно, эти 3 кладбища в обиходе назывались Чугуновским, Новостроящимся и Терновым. В пригородных слободах, ныне вошедших в черту Воронежа, было еще 5 храмов: Предтеченский на Ближней Чижовке, Рождества Христова на Дальней Чижовке, Рождества Христова на Придаче, Успенский в Монастырщентке и Казанский в Отрожке. При 4-х из них (кроме Христорождественского на Чижовке) были обширные приходские кладбища. Предтеченское кладбище, в силу близости к Воронежу, выполняло функции городского для беднейших слоев населения. Католики и лютеране отдельных погостов не имели, им принадлежал единый участок на Чугунов-

¹ *Акинъшин А.Н.* Провинциальные некрополи в современных условиях // Петряевские чтения 98: Тезисы докладов к чтением. Киров, 1998. С. 12–13; *Он же.* Источники и методика создания справочников-«Некрополей» по городам Воронежской губернии // *Биографічна некрополістика в контексті сучасної історичної науки.* Джерела та результати досліджень. Киев, 2002. С. 34–44.

ском кладбище. Сохранилось еврейское кладбище, основанное в 1868 г. (ныне оно в черте города, со всех сторон окружено жилыми домами). Оно является предметом отдельного изучения.

Сложность изучения воронежского некрополя заключается в тотальном уничтожении монастырских, приходских и прицерковных кладбищ и в практически полном отсутствии метрических книг храмов Воронежа и пригородных слобод, а также актовых записей за 1918–1942 гг. В Государственном архиве Воронежской области (ГАВО) обнаружена метрическая книга церкви Иоанна Богослова за 1814–1827 гг.: в ней содержится запись о рождении известного поэта И.С.Никитина, поэтому она находилась в фондах Дома-музея поэта, а после войны возвращена в архив². Она дает 547 записей о смерти купцов, мещан и крепостных крестьян с обязательным указанием кладбища (Предтеченское, Вознесенское или Терновое, в трех случаях — Акатовское монастырское). В фонде Покровской приходской церкви уцелел черновой (с сокращениями, зачеркиваниями и исправлениями) экземпляр метрической книги этого храма за 1883–1888 гг.³ Нет уверенности в полноте этой книги, тем не менее, она фиксирует более 500 умерших. Значительная часть записей относится к дворянам и чиновникам, но информация о погребении на конкретном кладбище имеется лишь в одном случае из пяти. Монастырские захоронения не зафиксированы, кроме трех — в Акатовой обители. И, наконец, в фонде Вознесенской кладбищенской церкви есть метрическая книга за 1921–1927 гг., когда из-за закрытия многих городских храмов здесь стали и крестить, и отпевать. В третьей части книги за неполные 6 лет отмечена смерть 1190 мужчин и 1010 женщин, все они похоронены на Чугуновском кладбище⁴. Весь 1923 г. охватывают «Выписки из книги записи смертей Регистрационного отделения Воронежского губернского подотдела ЗАГС». Они сохранились в фонде Губернского отдела коммунального хозяйства⁵ и включают около 400 имен с указанием во всех случаях кладбищ, однако полного совпадения с метрической книгой по числу лиц, погребенных на Чугуновском кладбище в этом

² ГАВО. Ф. И-84. Оп. 3. Д. 14.

³ Там же. Ф. И-184. Оп. 1. Д. 26.

⁴ Там же. Ф. И-209. Оп. 1. Д. 11. 184 л.

⁵ Там же. Ф. Р-41. Оп. 2. Д. 422.

году, нет. Отмечены захоронения на монастырских кладбищах: в Покровском девичьем монастыре 4, в Акатовом — 2.

Опубликованные источники ограничиваются «Летописным синодиком г. Елисеевых», введенным в научный оборот в 1886 г. ректором Воронежской духовной семинарии архимандритом Димитрием (Самбикиным)⁶. Купцы Григорий Наумович и его сын Яков Григорьевич Елисеевы вели некрологические записи о смерти воронежцев с 1737 по 1800 г. Во многих случаях записи содержат подробный рассказ о погребении. Синодик охватывает 406 имен дворян, купцов и представителей духовенства. В восьми случаях из десяти указывается место погребения (в основном прицерковные, монастырские и Предтеченское кладбища).

Как пример подачи материала в этом Синодике можно привести запись о смерти воронежского наместника В.А.Черткова: «1793 года сентября 24 представися раб Божий наместник генерал-поручтик и разных орденов кавалер Василий Алексеевич Чертков и погребен в Девичьем монастыре о[тцом] игуменом Тимофеем Задонским со всеми соборными и градскими священниками; гроб был обит малиновым бархатом и серебряным газом обложен, тело с гробом накрыто богатою парчею; кавалерии несли на бархатных подушках по 3 офицера, а как тело несли и после погребения стали в землю опускать, во всех церквях был звон, то ж была и пушечная пальба и из мелкого ружья; зрителей было едва не весь город»⁷.

В статьях о трех монастырях и девяти городских храмах, опубликованных в начале XX в. в 5, 7–8 выпусках сборника Церковного историко-археологического комитета «Воронежская старина», содержится очень мало новых имен погребенных в сравнении с Синодиком. В связи с юбилеем Отечественной войны 1812 года краевед В.В.Литвинов опубликовал серию биографических очерков о воронежских дворянах с указанием мест их погребения (во многих случаях приведены тексты эпитафий)⁸. Известно, что он в 1914 г. составил «Воронежский духовный

---

⁶ Летописный синодик г. Елисеевых // Воронежские епархиальные ведомости. 1886. Приложение; Отдельное издание. Воронеж, 1886. 100 с.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Литвинов В.В. Участники Отечественной войны и заграничных походов 1813–1815 гг. из дворян и уроженцев Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1912 г. Воронеж, 1912. Отд. III. С. 185–214; Он же. Участники Отечественной войны... // Памятная книжка... на 1913 г. Воронеж, 1913. Отд. III. С. 149–166; Он же. К юбилею Отечественной войны. Воронеж, 1912. 39 с.

некрополь», но предполагавшаяся публикация в «Воронежской старине» не состоялась, а рукопись не уцелела.

Во второй том «Русского провинциального некрополя», составлявшегося под эгидой великого князя Николая Михайловича, должны были войти выборочные записи с воронежских кладбищ. Однако из-за разразившейся Первой мировой войны этот том не вышел. Его материалы сохранились в составе картотек Н.П.Чулкова и В.В.Шереметевского в Государственном литературном музее. В неполном виде она была издана в альманахе «Река Времен»⁹, оставшаяся часть находится в составе фонда 230 Отдела рукописей Гослитмузея. В публикации и в рукописном фонде есть несколько сот ранее неизвестных записей, относящихся к Воронежу¹⁰.

В 1921 г. уже упомянутый В.В.Литвинов воспроизвел тексты одиннадцати надгробных надписей с захоронений в Покровском девичьем монастыре и шести — в приходских церквях, сопроводив их комментариями, взятыми из елисеевского Синодика¹¹. В дальнейшем аналогичных публикаций в краеведческой литературе не было. В дореволюционных газетах было несколько любопытных публикаций с описанием кладбищ и указанием имен погребенных, но все они касались приходских кладбищ — Чугуновского, Новостроящегося и Тернового¹². Был также опубликован перечень имен лютеран, похороненных

⁹ Река Времен. Кн. 4. Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П.Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М., 1996. 416 с.

¹⁰ См.: *Шокарев С.Ю.* Материалы ко второму тому «Провинциального некрополя» В.В.Шереметевского //Российская провинция XVIII–XX веков. Материалы Всероссийской конференции. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 420–425; *Шилов Д.Н.* «Русский некрополь» великого князя Николая Михайловича: история научного предприятия. Ч. 2. Описание провинциальных погребений //Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 154–194.

¹¹ Воронежский некрополь: Надгробные надписи XVIII столетия /сообщил В. Литвинов //Воронежский историко-археологический вестник. 1921. Вып. II. С. 61–63.

¹² Странник. Мысли на кладбище //Воронежские губернские ведомости. 1869, 29 марта. №25; Два слова о Терновом кладбище //Дон. 1881, 4 авг. №85; *Ант[он]ов М.* Из «Моих прогулок по Воронежу». I. Чугуновское кладбище //Там же. 1884, 24 мая. №59; *Ч-ский А.* Ново-Митрофановское кладбище //Там же. 25 сент. №109; *Он же.* Немецкое кладбище //Там же. 18 сент. №106; Немецкое кладбище //Там же. 1889, 31 авг. №99; *Пчелинец.* Царство мертвых //Воронежский телеграф (ВТ). 1890, 30 мая. №59; 17 июня. №67; 20 июня. №68; *Вр-амов А.* Кладбищенские эпитафии //Дон. 1892, 25 авг. №94; *Он же.* Кладбищенская литература //Там же. 22 окт. №117; *З.* Терновое кладбище //ВТ. 1905, 29 апр. №94.

на иноверческом участке Чугуновского кладбища, включавший 833 персоны за 1866–1904 гг.¹³ С использованием сохранившихся метрических книг костела за 1863–1887, 1889–1913 гг. нам удалось составить некрополь лютеранско-католического погоста, содержащий более 2200 записей¹⁴.

На рубеже 1920-х — 1930-х гг. при закрытии монастырей и приходских храмов были разорены все кладбища, не только прицерковные, но и общегородские. На месте Новостроящегося кладбища накануне войны был разбит сквер, имевший официальное название «Парк живых и мертвых» (в просторечии ЖИМ), в начале 1970-х гг. построен цирк. От кладбища сохранилось 6 могил: А.В.Кольцова, его родителей, сестры с сыном, И.С.Никитина и писательницы Е.М.Милицыной. Находившееся за городской чертой Новостроящееся кладбище было основано во время холерной эпидемии 1831 г., поэтому в некрополь включаются на основе сказок восьмой ревизии (1835 г.) имена горожан, умерших от холеры. Изданный указатель содержит около 900 имен¹⁵. На месте Чугуновского кладбища построены жилые дома, телецентр и дворец культуры и спорта «Юбилейный», не сохранено ни одной могилы. Полностью застроено Предтеченское кладбище. В какой-то мере повезло Терновому кладбищу: часть его спасена от застройки коттеджами, превращена в парк, там сохранилось около 100 надгробных памятников, часть из которых перемещена.

В такой ситуации для воссоздания некрополей исключительное значение приобретают архивные и печатные источники. К последним относятся газетные некрологи и объявления о смерти, размещавшиеся на платной основе родственниками. В выходивших с 1838 г. «Воронежских губернских ведомостях» такая информация была довольно редкой. Чаще она стала появляться на страницах частных газет «Воронежский листок» (1862–1868 гг.), «Воронежский телеграф» (1868–1918 гг.), «Дон» (1869–1915 гг.). Информация о смерти духовенства

---

¹³ Register der Beerdigten auf dem Friedhof der Evang.-Luther. Marien-Kirche zu Woronesh. Moskau, 1905. 36 s.

¹⁴ Воронежский некрополь. Вып. 2. Лютеранские и католические захоронения на Вознесенском (Чугуновском) кладбище /Сост. и авт. вступит. ст. А.Н.Акиншин. СПб., 2002. 192 с.

¹⁵ Воронежский некрополь. Вып. 1. Новостроящееся кладбище /Сост. и авт. вступит. ст. А.Н.Акиншин, П.А.Попов, Б.А.Фирсов. СПб., 2001. 80 с.

находила свое отражение на страницах «Воронежских епархиальных ведомостей» (1866–1917 гг.). Уточнить место погребения помогают объявления о богослужениях на девятый, сороковой, полугодовой и годовой день после смерти. О значимости некрологов для некрополистики нам уже приходилось писать¹⁶. Упомянутый ранее «Синодик» дает исследователям информацию о середине и конце XVIII в. «Незакрытым» в плане печатной информации остается период начала XIX в.

Информация архивных документов при отсутствии метрических книг разнообразна и многоаспектна, правда, результат достигается лишь при просмотре огромного массива единиц хранения. Наиболее информативны в этом плане документы фонда Палаты гражданского суда (Ф. И-167) об утверждении завещаний и приведении их в исполнение. Ключевой бумагой в процессе наследования являлась копия метрического свидетельства о смерти завещателя. Опыт работы с этими документами показывает, что примерно в половине случаев здесь содержится информация не только о дате смерти, но и о месте погребения. Даты смерти чиновников, если они скончались на службе, внесены в их формулярные списки, но указание на кладбище содержится только в тех случаях, когда вдова возбуждала дело о пенсии и представляла копию метрического свидетельства.

Большой объем информации об умерших детях содержится в делах о призыве на военную службу после введения всеобщей повинности. Чтобы не упустить никого из лиц, подлежащих жеребьевке, Воронежское уездное присутствие по воинским делам запрашивало из городских храмов сведения обо всех младенцах мужского пола, рожденных в определенный год. Если ребенок жил недолго и отпелся в том же храме, где был крещен, отметки о дате смерти ставил сам священник, сведения же о смерти в более позднем возрасте сообщали члены семьи. Нередко они представляли копию метрического свидетельства о смерти с указанием кладбища. Подобные материалы хранятся в фонде городской управы (Ф. И-19). Единичные сведения о смерти представителей благородного сословия имеются в делах о дворянском

---

¹⁶ Акиншин А.Н. Некрологи как источник провинциального некрополя // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России: Материалы VI научной конференции. Липецк, 1998. С. 54–56.

достоинстве, иногда там упоминаются фамильные захоронения (Ф. И-29. Оп. 123–150).

Определенную информацию удается найти в опубликованных и архивных воспоминаниях, в переписке. Не приходится пренебрегать сообщениями наших современников о смерти и погребении родственников. Как правило, эта информация затрагивает время не ранее начала XX в. Фиксируются также надписи на уцелевших бордюрных камнях, лестничных ступенях в частном секторе, на единичных надгробиях, хотя здесь возникают проблемы с отнесением этих артефактов к конкретным кладбищам.

Находящийся у автора в работе перечень имен воронежцев с указанием точной даты смерти насчитывает около 15 тыс. Место погребения известно в половине случаев. Около 5 тыс. из них похоронены на Чугуновском кладбище, 2,5 тыс. — на всех остальных. Около 550 имен относятся к монастырским кладбищам: к Покровскому девичьему — 250, к Алексеевскому Акатову — 198, к Митрофановскому — 70, к Толшевскому Спасо-Преображенскому — 24. В 2000 г. в епархиальной газете был опубликован известный на тот момент некрополь трех городских монастырей¹⁷.

Более 130 персоналий захоронены на прицерковных кладбищах: Воскресенской церкви — 18, Пятницкой — 17, Введенской — 16, Петропавловской — 13, Никольской — 12, Покровской — 11, Успенской — 10, Богословской — 8, Тихвино-Онуфриевской — 7, Спасской — 4, Рождественской на Придаче — 4, Успенской в Монастырщентке — 4, Вознесенской приходской — 3, Ильинской — 2, Казанской в Отрожке — 1, Владимирского собора — 1. Не отмечены захоронения при церквях Богоявленской и Взыскания погибших, при Троицком кафедральном соборе из-за отсутствия у этих храмов земельных участков. Подавляющее большинство известных прицерковных погребений — 94 из 130 — относятся к XVIII в., при этом позднейшие могилы не упоминаются при Пятницкой, Успенской, Богословской, Спасской и Ильинской церквях.

Самыми престижными в Воронеже считались кладбища Покровского и Алексеевского Акатова монастырей. Обширная террито-

---

¹⁷ Акисьшин А. Кладбище Алексиево-Акатова монастыря // Воронеж православный. 2000. №3. С. 4; Он же. Кладбище Воронежского Покровского монастыря: Историко-краеведческое описание // Там же. №6–7. С. 10; №9–10. С. 8; Он же. Кладбище Митрофановского монастыря // Там же. №11–12. С. 8.

рия позволяла погребать здесь знатных и богатых горожан в обмен на пожертвования в пользу обители. Митрофановский Благовещенский монастырь основан был значительно позднее, в 1836 г., располагался на очень маленьком земельном участке, к тому же здесь находилась резиденция правящего архиерея. Поэтому здесь преимущественно отмечены захоронения духовенства (при этом далеко не всех монахов погребали в обители), из светских лиц на сегодняшний день нам известны только имена супругов Свербеевых, Михаила Дмитриевича (1903 г.) и Марии Вячеславовны (1912 г.), урожденной Шидловской.

Социальный статус погребенных на монастырских кладбищах примерно одинаков: высшие должностные лица губернии, местная знать, богатое купечество, священники монастырских храмов, архимандриты и игумены, монахи и монахини. На кладбище Покровского монастыря местных насельниц в процентном отношении больше, чем чернецов в Акатовом. Отчетливо видно тяготение конкретных семей к той или иной обители: Веневитиновых, Гардениных, Савостьяновых, Сонцовых, Чертковых, Тевяшовых — к Покровской, Аникеевых, Аносовых, Вяхиревых, Грековых, Кривошеиных, Нечаевых, Сахаровых, Титовых, Тулиновых — к Акатовской, Паренаго и Савельевых — к Толшевской. Известно подробное описание погребения владельца суконных мануфактур, губернского предводителя дворянства, камергера В.В.Тулинова (1788–1842), расходы на которое составили более 8 тыс. руб. ассигнациями (место на монастырском подворье стоило 300 руб.)¹⁸. В газетах упоминался семейный склеп дворян Тумских в том же Акатовом монастыре¹⁹.

В то же время какой-либо четкой «специализации» монастырских кладбищ в городе не было. Наместник В.А. Чертков и жена наместника А.Я.Леванидова были погребены в Покровском монастыре, а губернаторы А.М.Маслов и И.А.Потапов — в Акатовом монастыре. Внимание побывавшего летом 1837 г. в Воронеже воспитателя цесаревича В.А.Жуковского привлекло именно кладбище Покровского монастыря²⁰. В ныне действующем Акатовом монастыре сохранена переме-

¹⁸ ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 21494; Воронежские губернские ведомости. 1842. 21 марта.

¹⁹ Дон. 1891. 26 сент.

²⁰ Дневники В.А.Жуковского. С примечаниями И.А.Бычкова. СПб., 1903. С. 338.

щенная надгробная плита Н.И.Дебольцевой (1793–1878), установлен новый надгробный памятник-кенотаф профессору-химику М.С.Цвету (1872–1919), в 2009 г. здесь также перезахоронен прах местнотимой юродивой Ф.М.Шульгиной (1855–1940). Имеется также общее надгробие над прахом воронежских архиереев Пахомия (Ишпановского), Арсения (Москвина), Игнатия (Семенова)²¹, Серафима (Аретинского), Вениамина (Смирнова), Анастасия (Добрадина), Тихона (Никанорова)²². Все это размещено на вновь организованном небольшом участке, примыкающем к ограде. На противоположной стороне монастыря обустроено современное кладбище, где погребены 8 насельниц.

Скудость сведений о захоронениях в Спасо-Преображенском Толшевском монастыре объясняется тем, что до революции он находился в Воронежском уезде и не относился к числу примечательных. В определенные периоды его воспринимали как семейную обитель одной из ветвей обширного клана Паренаго. Невзирая на то, что территория монастыря сохранилась в прежних границах, погост утрачен.

Вопреки расхожему представлению о том, что при храмах (чаще всего близ алтаря) хоронили священников, сохранившиеся источники говорят об ином. Среди погребенных на прицерковных кладбищах преобладают церковные старосты и купцы-благотворители: на кладбище Воскресенской церкви — это купцы Нечаевы и Титовы, Пятницкой — купцы Елисеевы и фабриканты Постоваловы; Введенской — купцы Вяхиревы, Елисеевы, Кошкины; Петропавловской — купцы Глумовы, фабриканты Тулиновы; Никольской — купцы Кривошеины и Мосалитиновы; Покровской — ктитория Ухин и Шашков; при Тихвино-Онуфриевской — фабриканты Гарденины. Священнические могилы преобладают лишь среди поздних захоронений XIX в., при Никольской церкви они отсутствуют вовсе.

Ныне при городских храмах сохраняются 6 могил: митрополита Иосифа (Орехова; 1871–1961) — при Покровской церкви; архиепископа

---

²¹ Указание имени архиепископа Воронежского и Задонского Игнатия (Семенова) здесь ошибочно. Он умер 20 января 1850 г. в Петербурге, погребен в Александро-Невской Лавре. См.: Православная энциклопедия. Т. XXI. М., 2009. С. 128–131.

²² Первоначально архипастыри были погребены в Благовещенском соборе, в 1956 г. при строительстве на этом месте главного корпуса университета останки перенесены на городское Коминтерновское кладбище, в 1993 г. перемещены в Акатов монастырь.

Ионы (Орлова; 1865–1945) — при Никольской; дьякона Иоанна Ниловича Лебедева (?–1923) — при Казанской в Отрожке; протоиерея Аверкия Осадчего (1929–1994), протодьякона Павла Корчагина (1935–1995) и бывшего ректора Воронежской духовной семинарии игумена Иннокентия (Никифорова; 1969–2019) — при Успенской церкви на Монастырщентке.

Работа над некрополем всегда требует дополнительных изысканий. В идеале необходимо установить точную дату и место рождения, социальный или общественный статус погребенного, краткие сведения о службе, девичью фамилию женщины, если она состояла в браке. Для поиска таких сведений приходится работать со всем комплексом биографических материалов, при этом надо подчеркнуть, что найти дату рождения или указание на возраст значительно легче, чем дату смерти.

При отсутствии многих метрических книг местный некрополь должен учитывать абсолютно всех обнаруженных лиц, без какого-либо отбора. Поэтому воронежским исследователям приходится использовать весь разнообразный массив выявленных исторических источников — в надежде, что новые поиски откроют дополнительные потоки информации.

Документы архива как источник сведений о создании некрополя Архангельска*

Одна из проблем некрополистики — недостаточное использование архивных источников при описании некрополей. В Государственном архиве Архангельской области (ГААО), как и в других областных архивах, находится на хранении немало документов, содержащих сведения об организации и содержании кладбищ, о строительстве и ремонте кладбищенских церквей, персональные данные умерших и многие другие сведения необходимые исследователям. В основном, это документы исполнительных органов власти, духовной консистории, коммунальных отделов, строительных организаций и др. Невозможно показать весь объем имеющейся информации по некрополю Архангельской области, поэтому остановимся только на Архангельске.

Некрополь Архангельска состоит из совокупности исторических и действующих кладбищ, находящихся на его территории. Город был образован в 1584 г. рядом с Михайло-Архангельским монастырем, при котором находилось кладбище. Об этом говорят захоронения, обнаруженные в 1910 г. во дворе Окружного суда в центре Архангельска. Такие же «находки» были сделаны за десять лет до этого события при постройке дома на Соборной ул. (ныне Карла Либкнехта), где помещалась контора корабельного смотрителя, и при ремонте здания таможни¹. Весьма вероятно, что это были остатки древнего монастырского кладбища.

Уже в советское время в районе уничтоженного в 1929 г. кафедрального собора при строительных работах были обнаружены гробы, выдолбленные из дерева и напоминавшие колоды. А так как согласно императорскому указу от 6 февраля 1723 г. выдалбливать гробы из соснового леса, годного для строительства (до 12 вершков), было запрещено, это позволяет предположить, что захоронения относятся

---

* Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ №18-09-00237.

¹ Архангельск. 1910. 18 июня. №134. С. 3.

к XVI — началу XVIII в.² Также согласно указу Сената от 2 декабря 1723 г., священникам запрещалось хоронить людей в гробах из дуба из-за его ценности³.

Вопросами захоронения умерших, организации кладбищ и строительства церквей на них интересовались на самом высоком правительственном уровне. Так, указом императрицы Анны Иоанновны от 7 июля 1738 г. была установлена глубина могил. Она должна быть не менее трех аршин⁴, а земля, «которой засыпают те могилы», должна быть крепко утоптана. Родственникам разрешалось «выкладывать могилы кирпичом и сводить над гробами своды и замазывать известью»⁵. В 1739 г. в Архангелогородскую губернскую канцелярию поступил Указ Ее императорского величества от 7 мая 1739 г., касавшийся наказания лиц, раскапывающих гробы и извлекающих из них ценные вещи — «О казнении гробокопателей ежели впредь кто в грабительстве мертвых тел явятся смертию без всякого милосердия»⁶.

Одним из первых законодательных актов, согласно которому было запрещено хоронить умерших в городах, стал указ Петра I от 10 октября 1723 г. «О непогребении мертвых кроме знатных персон внутри городов и об отвозе оных в монастыри и к приходским церквям за город»⁷. Более подробно об организации кладбищ вне города говорится в указах 1771–1772 гг., изданных, когда в Москве и соседних с ней городах распространилась эпидемия моровой язвы. (Указом от 25 марта 1771 г. графу Салтыкову было приказано отвести «в нарочитом от Москвы расстоянии несколько церквей и при них хоронить всех умерших», а внутри города не хоронить никого⁸. Когда инфекция дошла до Ярославской губернии, был принят сенатский указ от 11 ноября 1771 г. «О предосторожностях от заразной болезни», согласно

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. VII. Ст. 4158. Л. 20. Вместо сосновых колод разрешалось делать «хотя и сосновые, только из досок сшивных и ниже указанной меры, а долбленные и выделанные делать гробы из еловых, и березовых, и ольховых лесов».

³ Там же. Ст. 4377. Л. 167.

⁴ 1 аршин = 72 см.

⁵ ПСЗ. Т. X. Ст. 7616. Л. 565–566.

⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2361.

⁷ ПСЗ. Т. VII. Ст. 4322. Л. 130.

⁸ Там же. Т. XIX. Ст. 13.586 — 25 марта 1771. С. 244.

которому всем губернаторам было приказано, чтобы «по городам при церквах никого не хоронили, а отвели бы для этого особые кладбища за городом на выгонных землях» и, построив при них на первое время небольшие деревянные церкви, огородили кладбища забором⁹.) Как следует из сенатского указа от 25 ноября 1771 г., в Архангелогородской губернии также оказались «некоторые места заражены», поэтому губернатору было приказано сделать соответствующие распоряжения для предохранения от «заразительной болезни»¹⁰.

В мае 1772 г. во все городовые канцелярии были посланы указы, чтобы еще раз «подтвердить» приказ об устройстве кладбищ в «удобных местах, расстоянием от последнего городского жила... не ближе 100 сажень, а если место дозволит и за 300 сажень», чтобы священнослужители хоронили усопших только на отведенных кладбищах, а не в других местах¹¹. Напоминания об этом в виде специальных указов периодически повторялись в 1817, 1833 и 1857 гг.

Основным местом захоронения в Архангельской губернии в XVIII в., как свидетельствуют метрические книги приходских церквей, было «при церкви» или «к церкви». В некоторых случаях указывалось название церкви: «при Лисестровской церкви», «при Преображенской церкви» (Ижма). Но встречались и исключения: например, в метрике умершего от «пьянства» стояла запись «в поле зарыт», у умерших в отлучке, имелась отметка с уточняющей информацией — «на Соломбале», «в Куе» и т.д.¹²

В Соломбальской деревне (с 1862 г. — часть Архангельска), где проживало большое число народа, связанного со строительством судов, смертность была довольно высокой. Жители Соломбалы из-за отсутствия кладбища вынуждены были погребать умерших при своих домах, поэтому вопрос о выделении отдельной территории под кладбище был очень актуален. Согласно упомянутому указу 1723 г., запрещающему захоронения внутри города, в 1749 г. было отведено место для Соломбальского кладбища на Банном острове, перенесенное на другое место — Березник, примерно в 1774 г.¹³ В архиве имеются

---

⁹ ПСЗ. Т. XIX. Ст. 13.696. С. 371.

¹⁰ Там же. Ст. 13.706. С. 383.

¹¹ Там же. Ст. 13.803. С. 500.

¹² ГААО. Ф. 29. Оп. 28. Д. 1. Л. 32–33об.

¹³ Там же. Ф. 6. Оп. 17. Д. 54. Л. 5об.

документы о переносе кладбища в 1802 г. и постройке церкви на берегу р. Курьи на месте Кривая Яма, где стояли «адмиралтейские смольные амбары»¹⁴. Каменная церковь заложена 4 июля 1803 г. и освящена 4 ноября 1806 г. во имя св. Мартина папы Римского. Рядом с церковной оградой был выстроен деревянный дом для богадельни.

Согласно указам Сената 1771–1772 гг. в Архангельске были отведены места для двух городских кладбищ: на 1-й версте по Петербургско-Московскому тракту, а для жителей северной части города (Кузнечихи) за Обводным каналом. В архивном документе, датированном 14 ноября 1801 г., значится: «Как указом правительствующего Сената от 26 ноября 1772 г. повелено кладбища учреждать во всех местах вне жила... состоит на выгоне городском вниз по течению реки от квартального столба за 50 сажень на пахотной земле, ... и признано к тому удобным»¹⁵.

Однако несмотря на многочисленные указы жители Архангельска и губернии еще долго продолжали хоронить усопших при городских и сельских церквях. Важным источником информации о формировании городских кладбищ и захоронениях на них являются метрические книги церквей Архангельска. В 1794 г. в городе имелось 2 собора (Кафедральный Троицкий и Адмиралтейский Соломбальский Преображенский), 6 приходских церквей (Кузнечевская Троицкая, Боровская Успенская, Воскресенская, Рождественская, Благовещенская, Госпитальная) и 1 бесприходная Михайло-Архангельская. В метрических книгах приходов Архангельской и Холмогорской епархии за вторую половину XVIII в. зачастую записи о месте погребения отсутствуют. Так, в Мудьюжском приходе Архангельского уезда графа «при церкви или в ином месте погребен» появилась только в 1776 г., до этого она вообще отсутствовала, в 1777 г. в Соломбальском соборе графа о месте погребения также не заполнялась.

Записи с точным указанием названия кладбища были нерегулярны и редки. В 1787 г. в метрической книге Благовещенской церкви Архангельска во всех случаях писалось «погребен в кладбище», но на каком кладбище не сообщалось. Можно предположить, что это было вновь отведенное городское кладбище, но полной уверенности в этом нет, так как в 1789 г. записи о месте погребения вообще отсутствуют.

---

¹⁴ ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 54. Л. 6.

¹⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 168. Л. 1–3.

Сведения о существовании Кузнечевской кладбищенской церкви и кладбища находим в метрической книге Архангельского кафедрального Троицкого собора за 1794 г., где имеется запись о погребении протопопа собора Адриана Селенинова «при кладбищенской Кузнечевской церкви»¹⁶. В этот же год на Кузнечевском кладбище хоронили прихожан Кузнечевской Троицкой и Боровской Успенской церквей. Места погребения умерших у других церквей города — Воскресенской, Рождественской и Благовещенской — не указаны. По метрическим записям прихожан Соломбальского собора узнаем, что хоронили «при кладбище» или при кладбищенской церкви. Таким образом, записи в церковных книгах подтверждают, что в 1794 г. кладбища в Соломбале и в Кузнечихе уже действовали. Архангельское городское кладбище в метрических книгах ни одной из церквей не упоминается.

Только в книге 1797 г. впервые указано, что священно-церковнослужители Боровской Успенской церкви хоронили умерших как на Кузнечевском, так и на Архангельском городском (градском, городском) кладбищах, Воскресенской и Рождественской — «в кладбище» (конкретно не указано). Можно предположить, что Архангельское городское кладбище получило официальное название к 1797 г.

Обобщая, можно сделать вывод, что на Соломбальском адмиралтейском кладбище хоронили прихожан Соломбальского собора, Госпитальной церкви и в редких случаях Кузнечевской Троицкой церкви; на Кузнечевском кладбище — в основном умерших прихожан Троицкого Кузнечевского прихода, Боровской Успенской и Госпитальной церквей; на Архангельском городском — Воскресенской, Рождественской, Михайло-Архангельской, Благовещенской церквей. Характерно, что умерших прихожан Боровской Успенской церкви хоронили и на Кузнечевском, и на Архангельском городском кладбищах.

К концу XVIII в. некрополь Архангельска состоял из 3 действующих православных кладбищ: Кузнечевского, Архангельского городского и Соломбальского. Сюда же можно отнести захоронения в самом кафедральном соборе и в Михайло-Архангельском монастыре, хотя, судя по метрическим записям, их было немного¹⁷. При возникновении

---

¹⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 28. Т. 1. Д. 12. Л. 13.

¹⁷ Там же. Д. 18. Л. 11об. Умерший в 1829 г. кол.сов. Иван Иванович Леванда, 62 лет был погребен в Архангельском монастыре. А умерший в 1801 г. заседатель Степан Верещагин похоронен в кафедральном соборе «соборне».

эпидемий для захоронения умерших срочно отводились на территории кладбищ места для, так называемых, «холерных кладбищ»¹⁸. Бесспорно, в Архангельске существовали места для захоронений умерших горожан других конфессий, и скорей всего, подчиняясь общим тенденциям, — рядом с православным Кузнечевским кладбищем.

Организация новых кладбищ в Архангельске обозначила новую проблему — отсутствие кладбищенских церквей, где можно было отпеть умершего, помолиться за упокоевание его души. Согласно императорскому указу из Правительствующего Сената от 22 октября 1772 г. решение этого вопроса было возложено на «духовные правительства». В Архангельске еще до получения этого указа «для здешнего города при кладбище духовным правительством по малости в здешнем городе церквей, назначена была построить новая церковь»¹⁹.

На Кузнечевском кладбище в 1778 г. военными Архангелогородского гарнизона была возведена холодная деревянная одноглавая церковь с колокольной над папертью в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи. Позднее в 1785 г. вдова архангельского мещанина Семена Бусинова Ирина Максимовна высказала желание «при здешнем Кузнечевском кладбище собственным коштом построить деревянную теплую во имя св. Симеона Богоприимца церковь», которая в сентябре 1786 г. была заложена²⁰. Таким образом, на начало XIX в. на Кузнечевском кладбище имелись 2 церкви, что подтверждает рапорт графа Ливена от 29 апреля 1800 г.: «При вступлении в командование полка от бывшего шефа генерал-лейтенанта Кираева поступили в ведомство две за городом церкви... кладбищенских: одна во имя святого Иоанна Крестителя, а другая праведного Симеона Богоприимца. Но как они находятся вне города... не имеют... надлежащего присмотра»²¹.

Кузнечевские кладбищенские церкви первоначально содержались за счет военного ведомства, так как обслуживали в основном военными и их семьи, проживавшие в районе Кузнечихи, но за-

¹⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 28. Т. 1. Д. 46. Л. 41об. В 1831 г. в результате эпидемии холеры только на Кузнечевском кладбище за год похоронили 82 человека, умерших от холеры.

¹⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Т. 5. Д. 9734. Л. 4.

²⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 1. Л. 1–9.

²¹ Краткое историческое описание церквей и приходов Архангельской епархии. Архангельск, 2015. С. 43–44.

тем военное начальство отказалось от этого. В мае 1800 г. духовная консистория произвела проверку состояния церквей на Кузнечевском кладбище. Оказалось, что обе церкви состоят в ведении полкового командира майора Шульца, по приказанию которого для охраны приставлены сторожами двое солдат: Стефан Петров и Гаврило Валов, которые «ключи держат и церковь отпирают». Могилы копали военнотружущие Кузнечевского и Госпитального приходов («чей мертвой») или родственники. За копанье могил платили «неодинаково», смотря по состоянию родственников и времени года: зимой по 2 руб., а летом по 1 руб. и менее. Сверх того сторожа собирали около кладбища хлам и тем топили печи в церквах²². В 1800–1801 гг. Городская дума осуществила приемку двух кладбищенских церквей на Кузнечевском кладбище под свое ведение²³.

Чаще всего кладбищенские церкви строились за счет благотворителей и меценатов города. В 1822 г. при осмотре церквей на Кузнечевском кладбище выяснилось, что состояние церкви во имя Симеона Богоприимца было удручающим. Преосвященный Неофит высказал пожелание вместо нее построить новую каменную, а старую снести, на что Городская дума сообщила ему, что не видит необходимости делать это. На призыв Неофита откликнулся староста Боровской Успенской церкви А. Долгошеин и предложил разобрать старую церковь за свой счет²⁴. Но этим дело не закончилось. В мае 1839 г. о своем желании построить новую каменную церковь с колокольней на Кузнечевском кладбище объявила наследница покойного купца А. Долгошеина А. Кочурова²⁵. К 1843 г. строительство церкви было закончено и 17 октября 1843 г. она была освящена²⁶. Новую каменную Кузнечевскую кладбищенскую церковь передали в ведение Боровской церкви по уважению к покойному А. Долгошеину. Старую же кладбищенскую церковь оставили в ведении Кузнечевской Троицкой церкви. В 1849 г. решением Городской думы при этой церкви был создан свой причт.

Как следует из архивных документов, в 1799 г. на Архангельском городском кладбище находилась всего одна церковь в честь Преоб-

---

²² ГААО. Ф. 29. Оп. 3. Т. 1. Д. 442.

²³ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Т. 1. Д. 624. Л. 10.

²⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 958. Л. 8.

²⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Т. 2. Д. 1896. Л. 1–12.

²⁶ Там же. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1601, 1683.

ражения Господня, уже достаточно ветхая. Церковь была деревянная холодная, на ней — 2 главы, крытые лемехом. На главах — кресты железные четвероконечные прорезные травчатые, под крестами — «кубы обитые белым железом». Кровля по всей церкви, алтарь, трапеза и паперть были крыты тесом со «скалою». В церкви по правую сторону находились 2 придела: св. Николая и епископа Стефана Пермского. При церкви над крыльцом возвышалась деревянная колокольня с 6-ю колоколами, наверху — крест железный четвероконечный травчатый²⁷. В 1799 г. для украшения и охраны этой церкви сделана ограда. Преображенская церковь при преосвященном епископе Вениамине состояла под присмотром архангельской 1-й гильдии купца А.Попова, а в 1800 г. — под ведомством духовной консистории. В 1801 г. она передана городу, церковным старостой определен Андрей Очапов.

11 сентября 1806 г. деревянная церковь Преображения Господня с приделами и колокольней сгорела от молнии²⁸. В сентябре этого же года архангельское городское общество собралось на заседание и пришло к решению, «что... единожды посвященная во имя Господа вседержителя церковь долженствует пребывать без всякой отмены», приговорили построить новую каменную церковь во имя боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего... с приделами во имя пресвятой девы Богородицы чудотворной иконы Владимирской и святителя Николая архиепископа Мирликийского чудотворца и с колокольней». Большую помощь в строительстве новой церкви оказали сыновья умершего А.Попова²⁹. 6 августа 1815 г. состоялось освящение Преображенской церкви³⁰.

Вторая кладбищенская церковь на городском кладбище была начата строительством в 1806 г. архангельским купцом Я.Никоновым в честь св. пророка Илии (холодная с теплым приделом) и закончена в 1809 г. Церковь долгое время вплоть до кончины находилась на содержании Я.Никонова, а затем — его наследников. Однако со временем наследники умерли, а вышедшие замуж дочери Августа (за директора строительного департамента генерал-майора Бутковского; проживала в Санкт-Петербурге) и Александра (за онежского купца

²⁷ ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т. 1. Д. 624. Л. 21–38об.

²⁸ Там же. Д. 1061. Л. 1–26.

²⁹ Там же. Д. 1332. Л. 1–6.

³⁰ Там же. Д. 1740. Л. 1–4.

И.Платунова; проживала в Онеге) от обеспечения причта деньгами отказались. Ильинская церковь постепенно пришла в ветхое состояние, поэтому священнослужители в марте 1849 г. обратились к архангельскому городскому обществу с просьбой взять на себя заботу о церкви³¹, но в связи с отсутствием средств у города, церковь была передана в епархиальное ведомство³².

В 1883–1888 гг. на Архангельском городском кладбище на средства почетных гражданок П.М.Шингаревой и Е.К.Плотниковой был возведен каменный придельный храм при Преображенской церкви. Освящен храм во имя апостола Петра и Кирилла, архиепископа Александрийского 10 июня 1888 г. преосвященным архиереем и кладбищенским духовенством³³.

После передачи в 1802 г. Кузнечевского кладбища в ведение города в Архангельске долгое время не было отдельного воинского кладбища, места для могил нижних чинов отводились на городских кладбищах бесплатно. В основном умерших военнослужащих хоронили при Госпитальной церкви, на Соломбальском кладбище и на Кузнечевском. Приказом по войскам гвардии и Петербургского военного округа от 6 июня 1887 г. в Архангельске, по распоряжению начальника гарнизона и по соглашению с гражданскими властями, решено было открыть военное кладбище «для придания похоронам нижних чинов большей торжественности и той обстановки, при которой умершему солдату выдавались бы присущие высокому званию воина честь, при точном соблюдении церковного обряда отпевания..., что имеет громадное нравственное значение и для живых их товарищей»³⁴.

Архангельские городские власти попытались отвести землю под воинское кладбище с северной стороны Кузнечевского кладбища поближе к болоту, но «грозный окрик» военного командования сделал городских депутатов более сговорчивыми, и 29 декабря 1887 г. они постановили отвести необходимый участок земли с «лицевой стороны ограды» Кузнечевской кладбищенской церкви по левую сторону от дороги. В декабре 1898 г. командующему Архангельского резервного пехотного батальона была выделена земля для строительства сто-

---

³¹ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 4250.

³² Там же. Д. 3710, 4250.

³³ Там же. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 761. Л. 10, 16, 20, 24.

³⁴ Там же. Ф. 50. Оп. 2. Д. 759. Л. 1–2.

рожки, а в марте 1904 г. началась работа по устройству на воинском кладбище часовни³⁵. Часовня была освящена по чину православной церкви 28 июля 1904 г. во имя первоверховных апостолов Петра и Павла. В 1905 г. по предложению командира батальона полковника Крашенинникова из часовни была устроена церковь в честь тех же святых, которая была освящена 22 сентября 1905 г.³⁶

Инославные кладбища (за исключением еврейского): лютеранское, католическое и магометанское, находились в Архангельске по соседству с территорией Кузнечевского кладбища. Еврейскому кладбищу была выделена земля на выгоне недалеко от Архангельского городского кладбища. В 1864 г. Архангельскому еврейскому обществу предоставили дополнительный участок земли для строительства флигеля на кладбище, так как оно находилось «без всякого присмотра»³⁷. В июне 1913 г. Городская дума согласилась удовлетворить ходатайство евангелического общества о прирезке городской земли к кладбищу³⁸.

В архиве находится немало документов по отводу земли под кладбища старообрядцев. В 1808 г. в связи с тем, что старообрядцам было запрещено хоронить своих умерших на общих православных кладбищах, архангельский губернатор распорядился, чтобы им были отведены специальные места для захоронений³⁹. В 1847 г. согласно Своду Законов (Т. 14, ст. 63.) для погребения умерших старообрядцев стали отводиться отдельные места при общих кладбищах, но устройство часовен и молитвенных домов на них было запрещено⁴⁰.

Со временем похоронное законодательство обросло большим числом разнообразных правил и подзаконных актов. Так в 1845 г. было принято решение не хоронить умерших граждан, пока священники не получают свидетельство из полицейской части⁴¹. В 1837–1841 гг. долго обсуждался вопрос о сооружении специальных зданий при кладбищах для помещения тел умерших до погребения, как у лютеран, но выяс-

³⁵ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 759. Л. 26, 40.

³⁶ Там же. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1782. Л. 8.

³⁷ Там же. Ф. 114. Оп. 1. Д. 442. Л. 1–14.

³⁸ Архангельск. 1913. 19 июня. №135. С. 3.

³⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 1. Д. 454.

⁴⁰ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 437. Л. 2.

⁴¹ Там же. Т. 2. Д. 1536. Л. 1–7.

нилось, что особых зданий при кладбищах нигде нет, а умерших предпочитают погребать при церквях, не взирая на то, что 36-м пунктом утвержденного 13 декабря 1817 г. Положения было приказано: «не иметь кладбищ среди селений, а места под оные избирать позади селений при построении новых церквей... существующие же среди селений по дорогам старые кладбища оттуда исподволь переводить»⁴².

Вопросы благоустройства, а также расширения территории были всегда актуальны для городских кладбищ. Документы по этому вопросу в основном сосредоточены в архивных фондах исполнительных органов местной власти (управы, исполкомы), коммунальных и строительных учреждений. В связи с тем, что Архангельск с трех сторон окружали болота, вопрос о необходимости осушения кладбищ периодически поднимался на заседаниях Городской думы: в 1866 г.⁴³, в 1902 г.⁴⁴ Но еще большей потребностью для всех городских кладбищ было устройство ограждений (оград), так как на выгонных землях пасся скот городских обывателей, который при первой возможности вторгался на территорию кладбищ и наносил существенный урон кладбищенскому хозяйству и надмогильным памятникам. По каждому такому случаю заводились отдельные дела: по Кузнечевскому кладбищу (1856 г.)⁴⁵, Соломбальскому⁴⁶ и Архангельскому городскому⁴⁷. Для Кузнечевского кладбища, находившегося за Обводным каналом («ямой»), хорошая дорога была жизненно необходима, поэтому, начиная с 1825 г., священнослужители неоднократно обращалась в Городскую думу с просьбой построить дорогу⁴⁸. В 1880 г. циркуляр Архангельского губернатора о благоустройстве приходских кладбищ был разослан по всем уездам губернии⁴⁹.

Одна из проблем, существовавших при организации захоронений в то время, — желание обывателей быть похороненным после

---

⁴² ГААО. Оп. 2. Т. 3. Д. 146. Л. 9.

⁴³ Там же. Ф.49. Оп. 3. Д. 1524. Л. 1–38.

⁴⁴ Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1029. Л. 1–12.

⁴⁵ Там же. Ф. 49. Оп. 3. Д. 1373. Л. 123–125.

⁴⁶ Там же. Ф. 50. Оп. 2. Д. 971. Л. 1–26.

⁴⁷ Там же. Д. 886. Л. 41–42.

⁴⁸ Там же. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 1120; Т. 2. Д. 1777. Л. 10; Ф. 50. Оп. 2. Д. 971.

⁴⁹ Там же. Ф.147. Оп. 1. Д. 142. Л. 8–10.

смерти при храме в церковной ограде. В 1902 г. прихожане постоянно обращались к архангельскому епископу Иоанникию за разрешением, в связи с чем определением духовной консистории было разъяснено, что мертвые должны быть погребаемы на отведенных для того кладбищах вне городов и селений. В соответствии с указом Св. Синода от 12 апреля 1833 г. при церквях, находящихся в селениях, дозволялось погребать тела местных протоиереев и священников, «честно и беспорочно проходивших свое служение». Что касалось до прочих, то погребение их при церквях в селениях допускалось очень редко и только по разрешению архиерея по самым уважительным причинам: в благодарность построившим храм за счет своих средств или обеспечившим содержание причта. То же было и с монастырями, находившимися внутри города, где погребение издавна разрешалось с «ведома правительства и вошло в обычай, на котором основались благочестивые обеты и завещания лиц и семейств»⁵⁰.

Михайло-Архангельский монастырь, расположенный на пересечении Набережной и Архиерейских улиц Архангельска, со временем оказался в довольно заселенной части города. Поэтому когда в сентябре 1868 г. Комитет о составлении нового проектного плана г. Архангельска обратил внимание на то, что в ограде монастыря находится кладбище, было признано необходимым закрыть его, как существующее вне закона — ближе 100 саженей к жилым постройкам⁵¹. На защиту монастырского кладбища выступили члены Архангельской духовной консистории: протоиереи Николай Жданов, Александр Ивановский, ключарь Иннокентий Попов, люди, в городе хорошо известные и уважаемые. Они обратили внимание Комитета на то, что при Архангельском монастыре в точности по словам прописанного закона «погребение мертвых издавна продолжается и не без ведома самого правительства», что монастырь основывается на примере столичных монастырей, при которых кладбища не закрыты, а также, что в санитарном отношении монастырское кладбище находится в лучших условиях, чем Архангельское городское или Соломбальское, окруженные строениями при множестве погребаемых, тогда как на монастырском кладбище погребается «не более 1–3 человек в год, а в иной год и ни

⁵⁰ Архангельские епархиальные ведомости. 1902. №6–7. Л. 91–94.

⁵¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1860. Л. 1–12.

одного и притом среди каменной монастырской ограды»⁵². Начальник губернии С.П.Гагарин, убедившись, что погребения в монастыре производятся с 1705 г. и незначительным числом, не стал закрывать его.

Значимое событие в истории некрополя Архангельска и в истории развития российской некрополистики, произошло в 1910 г. В апреле 1910 г. на имя епископа Архангельского и Холмогорского Михея пришел указ из Св. Синода, в котором сообщалось, что предложенный обер-прокурором Синода от 14 марта 1910 г. рескрипт вел. кн. Николая Михайловича от 13 марта 1910 г. №245 о доставлении ему по приложенному образцу сведений о лицах, погребенных в монастырях, церквях и на кладбищах России был заслушан Синодом, после чего епархиальному начальству, ставропигиальным монастырям, пресвитеру военного и морского духовенства и заведующему придворным духовенством было предписано сделать распоряжение о скорейшем доставлении Его Императорскому Высочеству сведений, затребованных Синодальным циркулярным указом от 29 ноября 1908 г. В списки погребенных рекомендовали включать представителей духовенства, лиц дворянских фамилий со всеми их родственниками, погребенными вместе с ними или отдельно; всех лиц, состоящих в военной и гражданской службе и имевших чины; профессоров университетов и других высших учебных заведений, директоров и инспекторов средних учебных заведений, ректоров и инспекторов семинарий, преподавателей и учителей всяких учебных заведений; общественных деятелей, лиц, принадлежащих к старым купеческим родам, лиц, известных своей благотворительностью; писателей, издателей, редакторов и наиболее видных сотрудников газет, художников, актеров и т.д. В перечне сведений о погребенных лицах должны были указываться фамилия, имя, отчество, чин и титул, происхождение, фамилия до брака, год, месяц и число рождения и смерти (если время рождения не указано на надгробной надписи, сообщить, каких лет и в каком году умер), все сведения о жизни и службе погребенного, если их включает надгробная запись, в подлинных выражениях⁵³.

20 июля 1910 г. на заседании Архангельской духовной консистории при слушании этого указа, выяснилось, что сведения к этому времени были доставлены от всех городских кладбищ Архангельской

---

⁵² Там же. Л. 15.

⁵³ ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 6. Д. 696. Л. 1–9.

епархии, а также от приходских причтов епархии. Консistorией они были просмотрены и к отсылке отобраны лишь те из них, которые заслуживали внимания в интересах генеалогии. Во исполнение указа было приказано сгруппировать представленные духовенством епархии сведения о наиболее замечательных лицах, погребенных на монастырских, городских и сельских кладбищах и в храмах епархии, и препроводить их ко двору вел. кн. Николая Михайловича⁵⁴.

К 1917 г. некрополь Архангельска был представлен 6 православными действующими кладбищами: Городским, Соломбальским, Кузнецовским, монастырским, военным, старообрядческим, а также кладбищами других конфессий: лютеранским, магометанским и еврейским.

Новый этап в истории некрополя пришелся на революционные и послереволюционные годы. Согласно декрету Совнаркома о кладбищах и похоронах от 7 декабря 1918 г.⁵⁵ все кладбища, крематории и мормги, а также организация похорон граждан поступали в ведение местных Советов. Для всех граждан устанавливались одинаковые похороны без деления на разряды. Похоронные религиозные обряды в храме и на кладбище могли совершаться по желанию родственников за их счет. Оплата мест на кладбищах отменялась. Все похоронные частные предприятия со всем их аппаратом поступали на учет местных Советов. Все расходы должны были оплачиваться местными Советами. Была разработана инструкция местным Советам о порядке осуществления декрета СНК «О похоронах...», согласно которой отделы коммунального хозяйства в двухнедельный срок должны были принять находящиеся на подведомственной территории кладбища под свое ведение.

Интервенция и Гражданская война на Севере также оставили свой след в истории некрополя Архангельска. Так, например, по личной просьбе пастора евангелического прихода, Городская управа 10 сентября 1918 г. передала лютеранскому кладбищу для погребения союзных воинов свободный участок городской земли к северо-западному углу кладбища, площадью 67 саж.², а в случае расширения — узкую полосу земли для той же цели со стороны Костромского просп. длиной 22 и шириной 5 саж.⁵⁶

---

⁵⁴ ГААО. Д. 526.

⁵⁵ Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 18.

⁵⁶ Там же. Ф. 50. Оп. 5. Д. 458. Л. 1–5, 11.

С установлением советской власти в Архангельске в феврале 1920 г. необходимо было решать проблемы организации коммунального хозяйства, в том числе и похоронного дела. При осмотре 19 мая 1920 г. военного кладбища (угол ул. Пермской) оказалось, что около 200 могил не имели «надмогильных холмов» и представляли собой ямы, где скапливалась вода. Решено было передать кладбище в ведение военкома, указав последнему на необходимость устранения недостатков⁵⁷.

Последствия интервенции неожиданно напомнили о себе через 10 лет, когда 17 марта 1927 г. в НКВД РСФСР сообщили, что по сведениям, полученным от Англо-Романского отдела НКВД, «Британская Имперская Комиссия Военных Могил» предполагает приступить в начале мая 1927 г. к установке надгробных плит на могилах британских солдат. Надгробные плиты планировалось установить на могилах расположенных в Архангельском и Мурманском районах, согласно списку, куда вошло 308 захоронений⁵⁸. В июне 1930 г. был заключен договор между И.А.Давыдовым, художником Московского общества художеств и британским представителем мистером Моррисом по устройству Британского кладбища в Архангельске⁵⁹. В ходе строительства была «произведена уборка старых памятников, оград и разного хлама с относкою на расстояние в среднем до 100 м... произведена разбивка в щебень старых памятников... произведена разбивка плит и других большой величины камней..., установка железной калитки в ограду»⁶⁰. От Севкрайисполкома потребовали гарантию, что этот участок не будет служить никаким другим целям кроме Британского кладбища⁶¹.

В годы Великой Отечественной войны состояние кладбищ вызывало большую тревогу у руководства города. В 1942 г. решением Первомайского райисполкома было закрыто кладбище на «9-м километре» ввиду несоответствия санитарным нормам⁶². Решением Архгорисполкома от 14 июня 1944 г. «О благоустройстве Кузнечевского кладбища»

---

⁵⁷ ГААО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

⁵⁸ Там же. Ф. 352. Оп. 7. Д. 18. Л. 98–99.

⁵⁹ Там же. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–137.

⁶⁰ Там же. Л. 33.

⁶¹ Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–6

⁶² Там же. Ф. 2379. Оп. 1. Д. 115. Л. 6.

было приказано в срок до 15 июля построить новый забор вокруг всего кладбища, отремонтировать проезды и дороги, прилегающие к нему; до 25 июня привести в порядок могилы, ограждения вокруг них и надгробные знаки. К 20 июня 1944 г. лютеранское кладбище как переполненное было закрыто, а захоронения стали вести в северной части Кузнечевского кладбища⁶³.

Еще одной проблемой для городских властей стало состояние воинских захоронений. В августе 1944 г. проведенной проверкой в ряде мест установлено совершенно неудовлетворительное состояние воинских кладбищ. Архангельский облисполком потребовал от исполнительных комитетов взять на контроль выполнение приказа Народного комиссара коммунального хозяйства от 29 декабря 1943 г. №644 о воинских кладбищах и привести все воинские кладбища в благоустроенный вид (устроить ограды, дорожки, где нужно — канавы, провести озеленение), а также отвести на общих кладбищах отдельные участки для погребения офицеров и бойцов Красной Армии и Флота, установить совместно с начальниками гарнизонов и райвоенкоматами памятники на братских и индивидуальных могилах⁶⁴. В 1947 г. на уровне Архангельского облисполкома был заслушан доклад об учете и благоустройстве военных кладбищ, братских и индивидуальных могил погибших военнослужащих⁶⁵. Памятники и могилы, имеющие историческое значение, были взяты на особый учет⁶⁶. Всего в Архангельской области имелось 7 военных кладбищ, 68 братских, 1744 индивидуальные могилы, в них похоронено 2324 человека.

В годы войны на территории Архангельской области было организовано несколько лагерей для военнопленных, в том числе в районе Ворошиловского поселка, где труд военнопленных использовался при строительстве Архангельского целлюлозно-бумажного комбината. Решением поселкового совета от 17 октября 1944 г. был отведен земельный участок под кладбище военнопленных⁶⁷. По данным 1949 г. на территории Архангельской области бывшими лагерями МВД и спецгоспиталями было организовано 13 кладбищ для захоронения

⁶³ ГААО. Ф. 1936. Оп. 9. Д. 1844. Л. 57–58.

⁶⁴ Там же. Оп. 8. Д. 88. Л. 125.

⁶⁵ Там же. Ф. 2063. Оп. 9. Д. 187. Л. 59–64.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Ф. 1936. Оп. 8. Д. 90. Л. 107.

умерших военнопленных и интернированных в годы Великой Отечественной войны, которые находились с 1949 г. под надзором местных Советов⁶⁸.

В конце 1949 г. на заседании Архангельского облисполкома были подведены итоги паспортизации исторических и археологических памятников. Был составлен список исторических памятников, подлежащих государственному учету и охране, где среди прочих значатся могила П.Пахтусова на Соломбальском кладбище, групповой памятник на о. Мудьюг⁶⁹, памятник погибшим на землечерпательном снаряде «Чернышевский» на Кузнечевском кладбище и др.⁷⁰

В апреле 1997 г. вышло распоряжение мэра Архангельска о признании части Кузнечевского кладбища в границах между Английским кладбищем и памятником Жертвам интервенции, южной границей и центральной аллеей, территорией, имеющей историко-культурное значение⁷¹. «Спецтресту по обслуживанию населения», Департаменту муниципального имущества было поручено заключить договор с евангелическо-лютеранским приходом св. Екатерины на передачу приходу указанной части Кузнечевского кладбища для создания историко-культурного некрополя. В августе 1998 г. постановлением администрации области был утвержден список памятников Архангельской области, предлагаемых на государственный учет, куда вошли церковь Мартина Исповедника на Соломбальском кладбище, Всесвятская церковь на Кузнечевском кладбище и захоронения исторических личностей (Б.П.Розинга, Тько Вылки, М.Р.Голубковой, И.А.Перфильева, Г.О.Минейко)⁷².

---

⁶⁸ ГААО. Ф. 2063. Оп. 9. Д. 372. Л. 36–38.

⁶⁹ Там же. Оп. 1. Д. 2814. Л. 60, 61, 63.

⁷⁰ Там же. Л. 60–62.

⁷¹ Там же. Ф. 2618. Оп. 6. Д. 1. Л. 42.

⁷² Там же. Ф. 3852. Оп. 1. Д. 1544. Л. 112–136.

Исторические некрополи Архангельска и отношение к ним горожан

Архангельск, появившийся в середине XVI в. как международный порт, долгое время не имел официальных кладбищ, хотя необходимость в них, безусловно, существовала. Михайло-Архангельский монастырь, вокруг которого создавали город, не мог предоставить свое кладбище городу. Но вокруг города находились пустующие пространства окрестных болот, которые и использовали для захоронений. Развитие города и многочисленные пожары заставили монастырь в XVII в. покинуть самый центр порта, новое место выбрали также на правом берегу реки, там, где левый берег наиболее близко подходил к нему, а река делала поворот к югу. В XVIII в. город вновь подвинулся вплотную к монастырю, и почти столетие монастырь находился на южной городской окраине.

Формирование официальных архангельских кладбищ началось в конце XVIII в. В период правления Екатерины II был составлен первый план развития города, скорректированный после опустошительного пожара 1793 г. По этому плану были отведены места для кладбищ и по традиции они расположились у городских окраин, но уже давно они входят в ту часть города, что непосредственно приближена к его центру. До сих пор остатки этих древних кладбищ существуют в Архангельске, хотя захоронения там были почти прекращены из-за нехватки места. Все они имеют персональные наименования, обозначающие местонахождение: Соломбальское кладбище, находится на окраине исторического центра Соломбалы — крупного острова дельты Северной Двины, с 1863 г. входит в городскую черту; Ильинское, или Городское кладбище (кладбище на Быку — народное наименование) в юго-западной части Архангельска (Городским называли, чтобы не путали с монастырским, находившимся недалеко и сегодня не существующим) и Кузнечевское, или Вологодское кладбище в северо-восточной части города. Оба правобережных кладбища находились у Обводного канала, который почти полтора века был границей города с востока, огибая весь город и осушая его. За каналом простирались бескрайние

болота — Мхи, превращать в городские кварталы их стали лишь в середине XX в. История кладбищ не написана, хотя отдельные публикации имеются¹.

При Петре I на месте бывшего монастыря началось строительство каменного Троицкого собора, но оно затянулось на долгие годы (1709–1765 гг.) из-за нехватки мастеров, строительных материалов в связи со строительством и развитием Санкт-Петербурга. Упомянутый выше пожар 1793 г. уничтожил город и собор, но последний был снова восстановлен на том же месте. Около кафедрального собора было крохотное кладбище, так как место в центре города очень ограничено, но оно исчезло вместе с разрушенным собором.

Археологических раскопок на территории города практически не проводилось, строительные же работы ведутся. Иногда во время этих работ случалось обнаружить древние захоронения. Вероятно, первым известным случаем была находка в 1647 г. мощей Евфимия Архангелогородского². Его захоронение было обнаружено во дворе дома архангельского воеводы боярина Ю.П.Буйносова-Ростовского во время устройства фундамента для кузнечного горна. До начала XVIII в. мощи Евфимия находились в храме Происхождения Честных Древ Креста Господня, а потом (в 1683 г.) почитание его было упразднено архиепископом Афанасием, так как у обретенных мощей пальцы правой руки были сложены в двуперстие, а этот жест был запрещен в XVII в. Мощи были захоронены, но с перестройкой церкви в XIX в. гробницу замуровали в фундаменты новой церкви, которая была разрушена в 1930-е гг., и захоронение исчезло. В запасниках музея «Художественная культура Русского Севера» сохранилась древняя икона, созданная в период почитания Евфимия, иногда ее показывают на выставках. Старообрядцы почитания его не оставляли даже в период запретов.

При строительстве гостиницы «Юбилейная» (ныне «Двина») на месте древней Стрелецкой слободы было открыто стрелецкое кладбище XVI в., но и оно исчезло под городскими кварталами в 1980-е гг.

---

¹ *Повилайтис А.В., Базаркина В.П.* Кладбища Архангельска //Поморская энциклопедия. В 5 т. Архангельск, 2017. Т. 5. С. 444–445.

² Преподобный Евфимий Архангелогородский //Сказания о святых подвижниках Архангельской земли /Подгот. монахиня Евфимия (Пашенко). Архангельск, 2002. С. 111–118.

В 2010 г. при реконструкции площади перед театром были найдены на месте бывшего монастыря древние захоронения священнослужителей, которые после обследования тихо перезахоронили на одном из отдаленных городских кладбищ.

Старые захоронения обнаруживаются при строительных работах на бывших Мхах, где с 1960-х гг. возводятся жилые кварталы. Эти захоронения относятся к разным периодам массовых репрессий: от расстрелов времени интервенции до расстрелов времени ГУЛАГа. Археологи лишь начинают осваивать исследования захоронений, которые обнаруживают в городе³.

На Мхах поставлен Соловецкий камень, привезенный с Соловков в 1990 г. Сквер (Парк им. М.В.Ломоносова), где находится этот камень, появился в 1960-е гг. на месте части старого Кузнечевского кладбища. Это кладбище стало формироваться в конце XVIII в. на городской окраине за Обводным каналом. Кузнечевским его называют по микрорайону Кузнечиха, где еще в петровские времена располагался Архангельский гарнизон. Второе наименование — Вологодское — связано с одноименной улицей, которая шла от реки и упиралась в кладбищенские ворота. В 1778 г. на кладбище солдатами Архангельского гарнизона была возведена деревянная одноэтажная церковь в память Усекновения главы Иоанна Крестителя (не сохранилась), а в 1840-х гг. наследниками архангельского купца А.Ф.Долгошеина, на его средства и по его завещанию — каменная одноглавая церковь с колокольней (действующая).

На этом кладбище были отведены территории для мусульманских, иудейских, лютеранских и старообрядческих захоронений. Они не отгораживались от православных могил, но находились в отдаленных частях кладбища. Архангельск всегда был многонациональным городом.

В период интервенции было устроено место для погребения иностранных солдат, в основном, англичан. Американцы и французы своих погибших увезли на родину, вывозили их и в советское время. Английское кладбище осталось в Архангельске. Здесь хоронили также английских моряков — участников Полярных конвоев, которые умирали от ран в архангельских госпиталях в годы Великой Отечественной

---

³ Беличенко А.Е., Потуткин Н.С. Опыт исследования захоронений XVI–XVIII вв. в городской черте г. Архангельска //Археология сакральных мест России: сб. тез. докл. науч. конф. с междунар. участием. Соловки, 2016. С. 268–270.

войны. Кладбище посещается представителями английского правительства и флота, здесь устраиваются ритуальные действия. Этот некрополь поддерживается в хорошем состоянии, особенно в последние десятилетия, когда англичане стали проявлять активный интерес к этому месту. Добровольным культурно-просветительным обществом (ДКПО) «Норд» был подготовлен и издан именной перечень всех захоронений, которые здесь имеются⁴. В Архангельске это пока единственный печатный источник с перечнем конкретных захоронений.

На Кузнечевском кладбище есть другие мемориальные места, они связаны с советской историей. Внешнее состояние их не всегда поддерживается на должном уровне, хотя иногда их приводят в порядок накануне значимых юбилеев, как, например, место расстрела большевистской подпольной организации. Захоронения здесь нет, тела казненных были перезахоронены в центре Архангельска. Еще один мемориал посвящен умершим в госпиталях участникам Великой Отечественной войны. Рядом оказалась могила последнего архангельского Героя Советского Союза А.С.Синникова, он умер в 2005 г. Было подготовлено место, вероятно, предполагалось и здесь создать мемориал, но вокруг пока пусто, даже при нехватке мест для захоронений военные мемориалы есть на всех старых городских кладбищах.

В 1960-е гг. кладбище попытались закрыть и планировали создать на этом месте парк, тем более в то же время началось массовое жилищное строительство за Обводным каналом. Кладбище оказалось на дороге. Но когда начали убирать могилы, жители города стали протестовать, и работы остановились. Сохранилась центральная часть кладбища, но утрачены многие захоронения по его периметру. Очищенный участок был превращен в сквер с северной стороны (его официально считают Парком им. М.В.Ломоносова, но для парка мало места). В южной части уничтоженного кладбища стали строить высотные жилые дома, на восточной окраине исчезли мусульманские, иудейские и старообрядческие участки, жилые кварталы очень близко подошли к могилам, по которым проложили сквозные асфальтированные дорожки, они выводили в новый Привокзальный район, сокращая

---

⁴ Реестр захоронений английских, американских, канадских солдат и офицеров, павших в период Первой и Второй мировых войн и в годы интервенции: Кузнечевское/Вологодское кладбище города Архангельска /Доброжел. культур.-просвет. о-во «Норд»; [предисл.: В.И.Голдин; ред. С.Ю.Ключев]. Архангельск, 1995. [48] с.

дорогу. Часть заброшенных могил и сегодня можно увидеть вдоль этих дорожек. Строительные работы привели к нарушению дренажа, что немаловажно для этой части города (рядом болота и упоминавшийся бывший Обводной канал). Кладбище во многих местах стало затапливать, особенно в весенне-осенние сезоны, некоторые участки почти недоступны большую часть года. Проекты отвода воды составлялись неоднократно, но проблема не решается.

В 1977 г. кладбище официально закрыли, но с 1997 г. разрешили родственные подхоронения и производят некоторые захоронения известных людей города. 19 октября 1991 г. в южной части сохранившегося кладбища был открыт афганский мемориал, его назвали «Площадь памяти». С 1994 г. тут же стали хоронить погибших в Чечне. Помимо могил, здесь установлен мемориальный камень с именами 120 человек, погибших в локальных конфликтах⁵. В 2015 г. рядом появилась часовня во имя Ильи Пророка. За мемориалом ухаживают члены общественной организации «Долг». Здесь всегда порядок, регулярно проводятся работы по благоустройству.

Недалеко когда-то была расположена лютеранская часть кладбища. Немцев в старом Архангельске проживало много, их потомки есть и сегодня. Они решили организовать благоустройство своих захоронений, что и было проведено. Но вскоре старые могилы вновь стали зарастать травой и превращаться в такие же полузабытые, как и раньше, но порядка здесь больше, чем в глубине кладбища. На этом кладбище похоронены многие известные личности Архангельска, но к некоторым могилам трудно подойти, особенно в межсезонье и зимой, а официальные чествования бывают. Поэтому стали проводить перезахоронения на более удобные места, убирая при этом заброшенные могилы, каких очень много на этом кладбище. Например, в 2006 г. было проведено перезахоронение Б.Л.Розинга, сосланного в Архангельск и умершего здесь в 1933 г. Он был похоронен в глубине кладбища, в затапливаемом месте. Сегодня его прах перенесен к центральному входу, здесь проводятся ритуалы, за могилой ухаживают сотрудники Архангельского телевидения, которые и организовали

---

⁵ «Площадь Памяти». Мемориал военнослужащим локальных войн XX века: [на Вологодском (Кузнечевском) кладбище] // В памятниках Архангельска — история и судьба: путеводитель по памятникам города Архангельска / [Сост. Г.И.Попова]. Архангельск, 2014. С. 87–90.

перезахоронение. На этом кладбище в 1941 г. был похоронен ссыльный костромской краевед В.И.Смирнов, но его могила исчезла, как и многие др.

У центрального входа на кладбище сейчас формируется новый мемориал. Здесь с XIX в. находится храм Всех святых, у которого традиционно хоронили людей, тесно связанных с церковью, но сейчас эта традиция начинает меняться. Старые церковные могилы отсюда были убраны, их почти не осталось. А со всех сторон церкви появились «свежие» захоронения людей, которых хорошо знали в городе, но при этом никак не связанных с православной жизнью. В основном, это высшие чиновники и известные предприниматели: В.И.Калямин (1940–2001) — председатель Архангельского областного Собрания депутатов (1996–2000 гг.), член Совета Федерации Федерального Собрания РФ; В.М.Третьяков (1933–2003) — председатель Архангельского облисполкома (1975–1990 гг.), генеральный директор Ломоносовского фонда (1993–2001 гг.); В.И.Лосев (1946–2004) — генеральный директор ОАО «Алвиз» (1983–2004 гг.); Ю.Б.Медуницын (1957–2005) — первый секретарь Архангельского областного комитета ВЛКСМ (1988–1991 гг.), председатель Совета директоров ОАО Северное лесопромышленное товарищество «Лесозавод №3» (2000–2005 гг.); В.Н.Булатов (1946–2007) — ректор Поморского государственного университета (1986–2007 гг.), профессор, член-корр. РАО; А.А.Ефремов (1952–2009) — губернатор Архангельской области (1996–2004 гг.), вице-президент Российского союза лесопромышленников и лесозэкспортеров РФ (2004–2008 гг.) и др. (Сюда же перенесена могила Б.Л.Розинга.)

У этих захоронений проводятся мемориальные митинги в дни памяти, на них собирается большое число людей. Появилась своя традиция у ДКПО «Норд» — акция называется «Дорога памяти»: совместно с ветеранами комсомола 16 сентября, в день создания комсомола Архангельской области, члены «Норда» посещают захоронения бывших комсомольских лидеров и возлагают цветы на их могилы⁶. По возможности старые памятники или памятные знаки обновляются, заменяются на современные. Но исчезают захоронения, которые когда-то оказались забытыми.

---

⁶ Коваль С.А. Дорога памяти...: [о посещении на Вологодском кладбище в Архангельске могил комсомольских секретарей и представителей творческой молодежи] // Известия Русского Севера. 2011. №4. С. 53–54.

На этом кладбище нет схемы расположения захоронений, нет четкости расположения могил, мало дорожек. Установленные оградки затрудняют проходы между могилами, затопленные участки приводят к заболачиванию. В последнее время появились прямые аллеи, проходящие мимо значимых захоронений, и структура кладбища понемногу начала формироваться. Старые заброшенные могилы, вероятно, будут убираться, останутся лишь захоронения известных людей. Много могил зарастает травой в летнее время, ураганы валят старые деревья, которых здесь очень много, что приводит к повреждению захоронений. Но все же реконструкция кладбища медленно происходит.

В 1990-е гг. по инициативе ДКПО «Норд» совместно с мэрией была принята программа «Память», которая предполагала много мероприятий, связанных с изучением и благоустройством архангельских кладбищ. Это, прежде всего, обследование кладбищ, которые находились в полузаброшенном состоянии, и разыскание забытых могил известных северян. По выходным дням члены «Норда» гуляли по кладбищам и, действительно, находили интересные захоронения. У могил и у памятных досок стали проводиться Дни памяти, посвященные этим людям. На них собирались и архангелогородцы и журналисты, которые готовили свои передачи и публикации по этим встречам. К сожалению, в 2000-е гг. все СМИ стали платными, и массовость этой работы исчезла. Членами «Норда» готовились статьи, в которых поднимались вопросы отношения людей к кладбищам, к могилам, к памяти об ушедших. В программу «Память» также был включен Договор с мэрией о благоустройстве и охране около 40 могил на исторических кладбищах Архангельска. Регулярно проводились субботники по благоустройству, устраивались дорожки, по которым можно было подойти к захоронениям, убирался мусор и трава, заменялись оградки. К работам привлекали подростков, которые с удовольствием участвовали в этих субботниках, узнавали о многих интересных жителях города, а потом становились членами «Норда». Мэрия выделяла деньги на эти работы, но в 1997 г. она не стала продлевать договор и работы замедлились, но окончательно не остановились. Например, в 1989 г. «Норд» принимал активное участие в захоронении найденных при строительстве останков 153 человек, расстрелянных в 1920-е гг. После проведенных необходимых экспертиз и установления датировки расстрелов останки были захоронены на Кузнечевском кладбище, недалеко от мемориала расстрелянных большевиков. Был установлен памятный знак

на могиле, но в 1990-е гг. могила была осквернена вандалами, знак сейчас восстановлен.

«Норд» пытался утвердить программу «Архангельский пантеон — под охрану», но пока это сделать не удалось. Благоустройство могил, обследование кладбищ проводится всеми членами «Норда», ритуалы в юбилейные даты также проходят, они собирают людей разного возраста. Журнал «Известия Русского Севера» всегда сообщает информацию об этих событиях.

Член ДКПО «Норд» и других краеведческих обществ, Л.А.Варфоломеев (родился в 1925 г.) стал инициатором увековечения памяти жертв взрывов на Бакарице в 1916 г. Благодаря его настойчивости было найдено место старого, уже исчезнувшего, Лисестровского кладбища (сегодня это жилой район левобережной части Архангельска), получены разрешения на устройство памятного места, проведены необходимые работы, появился памятный знак. На все согласования ушло несколько лет⁷. Кстати, благодаря настойчивости Л.А.Варфоломеева, в Архангельске появился Сквер Победы на пересечении центральных улиц Поморской и Чумбарова-Лучинского⁸. Этот квартал был разбомблен в августе 1942 г., но уже весной 1943 г. жители окрестных домов устроили сквер на этом месте, который не был застроен за прошедшие годы, а сейчас вновь стал сквером Победы.

⁷ Варфоломеев Л.А. Трагедия на Бакарице: [о крупнейшей в истории Архангельска техногенной катастрофе, которая произошла в разгар Первой мировой войны] //Известия Русского Севера. 2012. №2. С. 31–35; Ключев С. Поклонный крест — память людская //Там же. 2014. №5. С. 22–23; Об установке памятного знака в память о трагическом событии, произошедшем на участке порта Бакарица во время Первой мировой войны 1914–1918 гг.: решение Архангельской городской Думы от 22 июня 2016 г. №375 //Архангельск — город воинской славы. 2016. 8 июля. С. 43; Бондаренко О. В Лисестрово заложили парк Примирения: в память о прошлом, с мыслью о будущем //Архангельск. 2017. 8 июня; Варфоломеев Л.А. Память о Первой мировой войне //Известия Русского Севера. 2017. №5/6. С. 3.

⁸ Варфоломеев Л. Сквер на Поморской — это рукотворный памятник Великой Отечественной войны. Будет ли он восстановлен к 60-летию Победы? //Правда Севера. 2004. 5 марта; О переименовании сквера Писахова в сквер Победы: решение 6-й сессии Архангельского городского Совета депутатов 25-го созыва от 21 апреля 2010 г. №100 //Архангельск. 2010. 8 мая; Варфоломеев Л. Архангельскому скверу Победы — 70 лет //Правда Севера. 2013. 14 авг. С. 28–29; Он же. Как возрождали Сквер Победы в Архангельске //Труды Архангельского центра РГО. Архангельск, 2015. Вып. 3. С. 13–27.

Исторические некрополи Архангельска развивались в русле общих тенденций. Все, что происходило с некрополем в Кузнечихе, можно увидеть и в Соломбале, и на Ильинском городском кладбище. Все три исторических кладбища «заселялись» без особого плана, поэтому представляют сегодня довольно хаотичное пространство, заполненное существующими и исчезающими могилами. Оградки, которые раньше ставились, как попало, перекрывают проходы, создавая непроходимые участки. Старые деревья, посаженные на могилах столетия назад, сегодня выросли и в высоту, и в ширину, что тоже забирает свободное пространство. Схем захоронений нет, добраться до некоторых могил очень сложно, не потревожив соседние.

В Соломбале, где преобладало население, связанное с мореплаванием и кораблестроением, кладбище имеет много захоронений известных моряков и кораблестроителей. Формироваться оно начало раньше городских, но сильнее было подвержено затоплению, как и все Соломбальские острова. Это кладбище огибает (и ограничивает) небольшая речка Соломбалка (Соколка), что не давало кладбищу широко разрастаться. Здесь чаще освобождались пространства под новые захоронения, а добраться до некоторых было очень непросто.

Часть могил сохранились на своем месте, например, знаменитого кораблестроителя Ф.Т.Загуляева (1792–1858), построившего 61 корабль на архангельских верфях; первого историка Архангельского порта С.Ф.Огородникова (1835–1909); известного исследователя Новой Земли П.К.Пахтусова (1800–1835); Героя Советского Союза А.А.Полянского (1902–1951). А могила кораблестроителя А.Н.Курочкина (1770–1842) — под его руководством построено 87 кораблей разного класса, в том числе первый гвардейский корабль русского военного флота «Азов» (1826 г.) — была перенесена ближе к дороге и церкви. Сейчас около нее можно проводить мемориальные митинги, что было невозможно, когда она находилась в глубине кладбища. Здесь похоронены Герой Социалистического Труда, лесопильщик, Почетный гражданин Архангельска Б.И.Завьялов (1937–1998); писатель, автор знаменитой книги «Детство в Соломбале» Е.С.Коковин (1913–1977) и многие др. На этом кладбище всегда привлекает внимание семейное захоронение семьи купцов Макаровых, когда-то живших в Соломбале. В Архангельске хорошо известно имя Я.Е.Макарова, но умер он в эмиграции. Это захоронение всегда ухожено, не осквернялось вандалами. Аккуратные белые кресты красивы, они ахоятся у главной аллеи, ведущей к церкви.

Около церкви сохранились старые захоронения церковно-и священнослужителей, которые изучала монахиня Евфимия, в миру врач-невропатолог Е.В.Пащенко⁹.

Схемы Соломбальского кладбища тоже нет, много могил утрачено. Кладбище закрыто, подзахоронения производятся редко. Заметных изменений на кладбище не видно. Несколько лет назад «нордовцами» были установлены указатели к могилам известных людей, к сожалению, сейчас они исчезли. Прошедшие ураганы 2016 г. повалили старые деревья, повредили много могил.

Самые радикальные изменения происходят на городском Ильинском кладбище. Вероятно, это связано с тем, что рядом с кладбищем находится резиденция митрополита, а кладбищенская Ильинская церковь выполняет функцию кафедрального собора, пока строят новый собор Архангела Михаила. Но благоустройство проводится только в районе церкви, а вдали от нее все сильно запущено. Часть кладбища затапливается весной и осенью, а зимой заносится снегом. Мусор почти не вывозится. Многие старые захоронения исчезают. Наиболее запущена центральная часть. Строительство жилых кварталов в 1970-е гг. привело к исчезновению еврейского некрополя. Сквозные тропинки проходят через кладбище в жилые кварталы, которые подступают совсем близко. И все-таки некоторые могилы приведены в порядок и находятся под присмотром. Например, некрополь семьи художника и сказочника С.Г.Писахова. В одной с ним ограде похоронены родители и сестры. На ограде установлена табличка, обозначающая захоронение, в ограде поставлена скамейка. За этими могилами ухаживает Союз писателей Архангельска. Захоронение расположено у центральной аллеи, недалеко от входа, место удобно для посещения и проведения мемориальных мероприятий.

Краеведы Архангельска ухаживают за могилами семьи Сибирцевых — священников и ученых. К захоронению можно подойти со стороны церкви. На памятные мероприятия собирается много людей, поэтому даже молебны проводятся у ограды, подступающей к дорожке, а не внутри ограды, где слишком тесно.

---

⁹ Пащенко Е.В. Женские монашеские захоронения на кладбищах г. Архангельска // Государство, религия и этносы на Севере, 700–1990. Архангельск, 1998. С. 61–63.

На этом кладбище хоронили архангельских купцов, потомственных почетных граждан, но могил в хорошем состоянии сохранилось немного. Гранитные памятники повреждены, некоторые использовались повторно для других захоронений уже в советское время. Вокруг церкви старые могилы убираются, расчищаются свободные пространства. Например, произведено перезахоронение четырежды городского головы начала XX в. Я.И.Лейцингера, чья старая могила была сильно стеснена другими захоронениями¹⁰. Его правнучка, активистка ДКПО «Норд» Н.Л.Целикова добилась не только перезахоронения, но и устроила небольшой музей в одной из архангельских школ, где были собраны документы и фотографии, рассказывающие о деятельности Я.И.Лейцингера. Недавно была обнаружена могила вице-адмирала В.А.Карцова (1868–1936), участника Русско-японской войны, командира крейсера «Аврора», последнего директора Морского корпуса¹¹. Будучи административно ссыльным, он умер в Архангельске.

В 1990-е гг. многие могилы были осквернены, керамические фотографии на памятниках в дальних частях кладбища прострелены, памятники и оградки сломаны. Кучи мусора не убирались, а копились между могил, захламляя тесные пространства. Строительные работы, которые ведутся со стороны Ленинградского просп., могут нарушить дренажные системы, которые и так плохо работают, но могут и исправить уже нарушенное, время покажет, что получится.

Кладбище требует очень серьезных работ по благоустройству и изучению. Городские коммунальные службы пока не планируют этим заниматься, а у общественности не хватает на все кладбища сил, хотя какие-то шаги предпринимаются. Кладбищенский храм, занимаясь благоустройством своей ближней территории, убирает старые

¹⁰ *Никитин В.* Градоначальник с фотоаппаратом //Родина. 1989. №7. С. 72–77; *Клочев С.Ю.* Городской глава достоин памяти архангелогородцев //Известия Русского Севера. 2010. №2. С. 35–36; *Попов Е.И.* Памятник градоначальнику //Там же. 2014. №6. С. 7–8; *Вехов Н.В.* «Запечатлевшие мгновения столетней давности»: о «светописцах» столицы Поморья (середина XIX — начало XX века) //Московский журнал. 2018. №10. С. 84–108; *Чесноков Н.* Слово о Якове Лейцингере: как увековечить память дореволюционного градоначальника //Архангельск. 2019. 14 февр. С. 28–29.

¹¹ *Некрасова С.* Горожане помнят Виктора Карцова и Бориса Князева: за могилой вице-адмирала, героя Порт-Артура ухаживает родня //Архангельск — город воинской славы. 2012. 25 июля. С. 28.

захоронения без изучения и описания, а в глубине кладбища никаких работ не проводит. Многие горожане готовы участвовать в субботниках по благоустройству старых кладбищ, но необходима хорошая подготовительная и организационная работа, согласованная с мэрией и Православной Церковью.

Интерес к старинным кладбищам в Архангельске, безусловно, есть. Энтузиасты-краеведы самостоятельно изучают кладбищенские закоулки, составляют собственные схемы. Но единой работы все-таки нет. В 2010 г. появился сайт «Архангельский некрополь» (<http://arh-necropol.narod.ru>). Его автор — журналист А.В.Морозов. Он публикует фотографии захоронений известных людей на архангельских кладбищах, собирает биографический материал о них. В Архангельской областной научной библиотеке им. Н.А.Добролюбова в отделе «Русский Север» еще в начале 2000-х гг. стала создаваться картотека «Некрологи», которая включала информацию о некрологах северянам, размещенную в местной печати. К ее созданию даже привлекали студентов, приходивших на практику в библиотеку, они просматривали подшивки старых газет и выписывали некрологи. Картотека неполная, так как информации очень немного, но она помогает в установлении биографических сведений, особенно дат ухода из жизни, хотя некролог как жанр может эти сведения давать весьма обтекаемо.

ДКПО «Норд», сотрудники архангельских архивов постоянно занимаются исследованием кладбищ, привлекают к этому молодежь и краеведов всех возрастов. В журнале «Известия Русского Севера» публикуются материалы об интересных находках и замечательных людях, чьи жизненные пути завершились в Архангельске. «Нордовцы», по возможности, стараются направить внимание городской власти и местных СМИ на проблемы некрополя и сохранения исторической памяти. Архангелогородцы поддерживают инициативы «Норда», и многие принимают участие в проводимых мероприятиях.

**«И в сих местах нашли упокоение»:
история, современное состояние,
опыт изучения и возрождения кладбищ
г. Старица Тверской области**

Изучение городского некрополя является важным аспектом местной истории, поскольку кладбище представляет собой особую часть городской культуры, требующую к себе уважительного отношения со стороны населения. Автор предполагает, что, благодаря анализу внешнего состояния кладбищ, можно выделить основные вехи в истории становления города, проследить динамику развития культуры некрополя, в том числе «моду» на памятники, а также определить отношение местных жителей к данному элементу городской культуры.

Любой город старый и не очень, в котором за годы и века существования ушли из жизни несколько поколений его жителей, постепенно обрастает могилами и кладбищами. Наш город за 700 лет стал не только городом живых, но и городом мертвых — городом тех людей, которые родились, жили и обрели в нём свое последнее пристанище. Старые кладбища были разбросаны по всей Старице и ее окрестностям, главным образом, по берегам рек Волги и Верхней Старицы. Они, несомненно, служили верным показателем обширности города и числа городских церквей, так как в старину кладбища устраивались исключительно только около церквей. Все старицкие кладбища были небольших размеров, и когда город по мере своего развития наступал на погост, захоронениями жертвовали.

Впервые об истории древних захоронений и мест их нахождения попытался рассказать в 1915 г. в книге «Старица и её достопримечательности» замечательный старицкий краевед И.П.Крылов¹. Исследователь в своей работе по истории церквей и кладбищ города в основном опирался на изучение старицких писцовых книг XVII в.

---

¹ *Крылов И.П.* Старица и её достопримечательности. Вып. 2. Старица, 1915. С. 65–94.

Спустя столетие, в 2016 г. вышла книга известного историка по изучению родословных семей тверских священнослужителей А.В.Матисона «Писцовые и переписные книги Старицы XVII века». В сборник включён весь комплекс писцовых и переписных книг Старицы XVII в., проливающих свет на историю церквей и монастырей города, многочисленность которых создает впечатление Верхневолжского «Китежа» на Тверской земле. Многие церковные памятники навсегда исчезли из народной памяти.

Первое зафиксированное в летописях упоминание о Старице относится к 1297 г., когда «срублен бысть городок на Волзе, ко Зубцову, на Старице»². Духовным же фундаментом древнего городища явилась Успенская обитель. В помяннике Успенского монастыря, который, к сожалению, не сохранился до нашего времени, читаем: «...в 1110 году пришли на урочище Старый Бор два инока из Киевских пещер Трифон и Никандр и стали там жить и слову Божию учить приходящих к ним...»³.

В летописных сводах о Старице применительно к этому времени мы не находим никаких записей. Таким образом, Успенский монастырь, располагавшийся когда-то на том месте, где ныне существует площадь перед районным Домом культуры, являлся первым колонизатором этих земель. Здесь потом стояла Богоявленская церковь, рядом с ней находилось старинное кладбище. И, как писал в начале XX в. И.Крылов, «...на этом кладбище отыскиваются старинные надгробные камни с надписями иноков»⁴.

Память о первых иноках — Трифоне и Никандре — в обители в середине 1160-х гг. будет увековечена в построении храма «в честь Успения Божией Матери, да похвалы Пресвятые Богородицы»⁵. Следовательно, это самое первое название храма на территории Старицкого края. По всей видимости, Успенский храм был деревянным, так как на протяжении почти целого века он обновлялся настоятелями монастыря. К этому времени на противоположном левом берегу Волги

---

² Полное собрание русских летописей. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863. С. 407.

³ Историческое описание Старицкого Успенского монастыря (Составлен настоятелем Старицкого монастыря игуменом Арсением). Тверь, 1895. С. 21–22.

⁴ Крылов И.П. Указ. соч. Вып. 2. С. 80–81.

⁵ Историческое описание Старицкого Успенского монастыря... С. 26.

появляется новое укрепленное городище, которое и упоминается в письменных источниках под 1297 г. как г. Старица. Новая крепость являлась опорой независимости Тверского княжества в феодальной борьбе XIII–XV вв., защищала водную и параллельную ей древнюю сухопутную дорогу.

В XIV в. Старица продолжает отстраиваться и укрепляться, превращаясь в сильную крепость на приграничных рубежах с Литвой. Тверской князь Михаил Александрович построил вторую линию обороны. Эта часть города получила название «Нового городища», а Старое стало рассматриваться как кремль. В 1398 г. тверской князь, по всей видимости, строит первую каменную церковь св. Архангела Михаила⁶.

Вторая каменная церковь — св. Николая — была построена следующим тверским князем Иваном Михайловичем в 1403 г.⁷

В описной книге Сухово-Кобылина 1686 г. говорится о Богословском монастыре, который располагался рядом с городом на Старом Городище. По мнению И.Крылова, монастырь находился в Коньковской слободе, где ещё в начале XX в. в огородах крестьян находилось «до 10 надгробных плит с изображением креста в виде посоха»⁸. Монастырь разрушен, по всей видимости, во время литовского нашествия.

На Старом Городище Старицким князем Владимиром Андреевичем в XVI в. был построен шатровый собор Бориса и Глеба, который сильно пострадал в 1609 г.⁹ Окончательно он был разобран в 1802 г., а с 26 июня 1805 г., после прохождения соответствующих процедур и утверждения плана, началось строительство храма на Новом городище, так как Старое городище в XIX в. оказалось отрезано от развивающегося города высокими валами¹⁰. При строительстве в целях экономии использовали старый кирпич от разборки древнего храма.

⁶ Крылов И.П. Указ. соч. Вып. 2. С. 90.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Там же. С. 93, 143.

⁹ Юрганов А.Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533–1538 гг.). М., 2019. С. 138.

¹⁰ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 160. Оп. 14. Д. 151 (1787 г.). Л. 1; Салимов А.М. Средневековое зодчество Твери и принадлежащих земель. XII–XVI века. [В 2 т.]. Т. II. Тверь, 2015. С. 439.

Борисоглебский собор был полностью отстроен в 1820 г.¹¹ На южной его стороне в XIX в. обнаружено большое кладбище¹².

По преданию, в XVI в. в Старице Иваном Грозным был основан Вознесенский женский монастырь. Рядом с деревянной церковью находилась могила схимонахини Пелагеи, убитой во время литовского разорения Старицы. По всей видимости, она приходилась матерью или сестрой первого Российского Патриарха Иова. Позднее на этом месте была построена Знаменская каменная церковь, а у могилы ежегодно служили панихиды. С северо-западной стороны монастыря находилось кладбище¹³.

В полуверсте от Половинкиной ул., на самом берегу Волги, некогда располагался Никитский монастырь, разрушенный в Смуту, в 1609 г. также во время литовского нашествия. Здесь в начале XX в. находились «могильные плиты с изображениями посошных крестов...»¹⁴. А на самой улице до сих пор сохранился древний «столб-часовня». По преданию на этом месте была церковь во имя бессребреников Космы и Дамиана, «при ней было кладбище с плитами, изображающими посошный крест»¹⁵.

Также в Старице по писцовым книгам мы можем выявить ещё более десятка церквей. Так в 1624 г. в писцовой книге Степана Торбеева и подьячего Федора Постникова говорится: «Да на Заволжской стороне, на Вершинской горе церковь Иоанна Предтечи, да церковь Николы Чудотворца... Место церковное, что был храм Рождество Христово на берегу на реце на Волге...»¹⁶.

На площади перед современным районным Домом культуры некогда стояла каменная Воздвиженская церковь, построенная в 1776 г.¹⁷

---

¹¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 19111. Л. 2об.; *Крылов И.П.* Старица и ее достопримечательности. Вып. 1. Старица, 1903. С. 23.

¹² *Крылов И.П.* Указ. соч. Вып. 2. С. 141.

¹³ *Зубарев Ф.И.* Старица и Вознесенский монастырь. Старица, 1914. С. 123.

¹⁴ *Крылов И.П.* Указ. соч. Вып. 2. С. 141.

¹⁵ Там же. С. 91.

¹⁶ *Крылов И.П.* Указ. соч. Вып. 1. С. 25.

¹⁷ *Крылов И.П.* Указ. соч. Вып. 2. С. 81.

Впервые исторические сведения об Ильинской церкви мы находим также в писцовой книге Степана Торбеева за 1624 г.: «Церковь Илия Пророк древян клетцки...» Ниже, от бывшей Ильинской церкви, по берегу Волги, находилось «большое старинное кладбище, где ежегодно, во время разлива весенних вод, вымываются кости, остатки гробов, гвозди, нательные кресты и монеты... Здесь, по преданию, был храм во имя архангела Михаила»¹⁸.

В описной книге Старицкого Успенского монастыря за 1607 г. говорится: «Да в Старице на посаде Пречистыя Богородицы слободка, а в ней храм теплый Николая Чудотворца, а дворов в слободе с людьми пятнадцать». Храм был полностью разрушен во время литовского нашествия в 1609 г. Ещё в начале XX в. на Богоявленской ул. при доме Преображенских «находился уцелевший памятник-столб на месте Никольской церкви, бывшей Монастырской слободки. Здесь кругом сохранились памятники и погребения»¹⁹.

По писцовой книге 1624 г. в Старице была церковь «Екатерины Христова мученица, да четыре десятков мучеников стоит безпения»²⁰. По всей видимости, церковь стояла рядом с Успенским монастырём.

Чуть далее монастыря, к северу, располагалась деревянная Воскресенская церковь. В 300 м от нее, на берегу Волги, имелись следы старинного кладбища, где также находили крестики, монеты пулы Тверского княжества и др. Такое же кладбище есть на Волге на 1 км ниже церкви Воскресения.

В левобережной части города Старицы, на месте современной Александровской часовни располагалась еще одна церковь Николая Чудотворца, а на бывшем городском бульваре — деревянная «церковь Параскевы Мученицы». Во второй половине XIX в. на торговой площади, на месте Александровской часовни, «при копании ям для фундамента, много вырыто черепов и человеческих костей. Полагают, что здесь было кладбище церкви Николая Чудотворца, существовавшей, в старину, на месте площади». А на городском бульваре, на том месте, где по преданию находилась церковь Параскевы Мученицы, при «рытии ям» встречались «надмогильные плиты»²¹.

¹⁸ Крылов И.П. Указ. соч. Вып. 2. С. 84, 143–144.

¹⁹ Там же. С. 144.

²⁰ Там же. С. 94.

²¹ Там же. С. 74, 141.

На месте, где сегодня располагается пожарная часть, стояла Сиеоновская церковь, полностью разрушенная в 1965 г. Здесь также встречались еще в начале XX в. каменные плиты с посошными крестами XV–XVI вв.²²

Рядом с проходной бывшей швейной фабрики стоит Никольская, а точнее, Преображенская церковь. Во время литовского разорения в 1609 г. она была полностью разграблена. По городскому плану 1746 г. рядом с деревянной церковью Николая Чудотворца стояла каменная церковь во имя Казанской Пресвятой Богородицы с кладбищем²³.

Таким образом, по имеющимся историческим источникам, нам известно, что до XVII в. в Старице было 4 монастыря — Успенский, Вознесенский, Богословский и Никитский, и 27 церквей. После же литовского разорения, как мы увидим ниже, в городе будут действовать 1 монастырь и 9 церквей.

Сегодня очень сложно представить себе, что из перечисленных храмов и монастырей, располагавшихся вокруг Старицы, неизвестными остаются ещё около 10. По версии И. Крылова в городе было до 26 старинных кладбищ, а они «устраивались исключительно только около церквей и, к сожалению, жители города о них в большинстве не сохранили предания»²⁴.

Удивительно, но к концу XVII в. «в городе насчитывалось не более 150 дворов, где проживало порядка 450 человек»²⁵. Внутри старицкой крепости были 3 улицы: Дворянская, Торговая и Никольская²⁶.

Считается, что городские кладбища в России стали создаваться только при Екатерине II. Однако в исторической литературе есть сведения о том, что указ, который запрещал хоронить в пределах города всех, кроме знати, был издан ещё Петром I²⁷. Увеличение численности городских жителей привело к тому, что для кладбищ стали выделять

---

²² Крылов И.П. Указ. соч. Вып. 2. С. 67, 143.

²³ Там же. С. 65–66.

²⁴ Там же. С. 141–144.

²⁵ Салимов А.М., Салимова М.А. План города Старицы первой четверти XVIII века // Архитектурное наследие. №53. М., 2010. С. 68.

²⁶ Крылов И.П. Указ. соч. Вып. 2. С. 10.

²⁷ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. VII. №4322. С. 130.

место на окраине. Упорядочила порядок захоронений в городах действительно Екатерина II. Жизнь ее заставила. В 1770–1772 гг. страну охватила вспышка эпидемии чумы, которая унесла жизни более 60 тыс. человек. Произошли массовые волнения. Последовали 2 императорских указа²⁸.

В соответствии с Указом от 24 декабря 1771 г. (№13.724) «О сношении Губернаторов и Воевод с Духовными Правительствами по отводу мест для кладбищ и построения церквей» запрещалось «хоронить умерших в городах при церквях» и предписывалось «отводить для этого особые кладбища за городом на выгонных землях с построением при кладбищах особых церквей»²⁹. За этим последовал Указ от 19 мая 1772 г. (№13.803) «Об учреждении кладбищ...», по которому ещё раз предписывалось «учреждать кладбища в удобных местах, расстоянием от последнего городского жилья не ближе 100 сажень, а если место дозволяет, то и за 300 сажень»³⁰. Содержание самих кладбищ после Указа от 1 ноября 1772 г. переходило на иждивение купечества и городских жителей³¹.

По русскому законодательству опустевшие кладбища не могли быть обращаемы под пашню, никакого строения возводить на них не дозволялось, не разрешалось без особого распоряжения переносить с закрытого кладбища гробы и мертвые тела. Захоронения не могли состоять в частной собственности. Городское общество не могло претендовать на хозяйственную эксплуатацию опустевшего кладбища.

В Старице первым общественным кладбищем стала часть территории юго-восточного поля города. Это было самое лучшее место для отвода нового кладбища. В этом месте город заканчивался кварталами 14, 17 и 20. А дальше широкая равнина, изрезанная небольшими впадинами, более 15 десятин земли. Всё соответствовало екатерининскому закону — нахождение новых кладбищ «от последнего городского жилья не ближе 100 сажень». В 1782 г. Тверская консистория и старицкая городская Ратуша, утвердили план «О погребении умерших на ново отведенном кладбище в гор. Старице»³².

²⁸ ПСЗ. Т. XIX. №13.680. С. 340–341; Т. VII. №13.641. С. 298–299.

²⁹ Там же. Т. XIX. №13.724. С. 409.

³⁰ Там же. №13.803. С. 500.

³¹ Там же. №13.901. С. 621–622.

³² ГАТО. Ф. 473. Оп. 1. Д. 3307. Л. 1–4.

По всей видимости, одновременно с организацией нового кладбища была построена деревянная кладбищенская церковь во имя св. Василия Блаженного, так как уже в 1784 г. церковный причт подал прошение на имя тверского Владыки «Об утверждении проекта на пристройку придела к Кладбищенской церкви в Старице»³³.

Первые захоронения на Васильевском городском кладбище были произведены, скорее всего, уже в 1782 г. Но самих надгробий XVIII в. к началу XX в. сохранилось немного. Так И.Крылов отмечал: «Кладбище существует второе столетие, это подтверждается намогильным памятником с надписью: «1788 году ноября в 28 день преставися раба Божия Акилина Васильева жена Старицкого купца Данилы Кисельникова». Кладбище не благоустроено и огорожено только небольшим валом, а потому доступно даже для входа скота» — такая неблагоустроенность объяснялась тем, что участки, из которых состоял новый некрополь, были выделены «для каждой церкви отдельно», а отсюда происходило «полное отсутствие надзора»³⁴.

На новом городском Васильевском кладбище погребали титулованную знать, статских советников, именитых старицких граждан. Здесь нашли последнее упокоение многие известные люди города: градоначальники, дворяне, военные, учителя, лекари, купцы, мещане и представители других сословий. На кладбище было немало семейных захоронений купеческих и мещанских фамилий, среди которых — Вершинские, Шукины, Верёвкины, Филипповы, Щеклеевы, Чернятины, Пирожниковы, Клушанцевы, Епанечниковы, Крашенинниковы, Тулуповы, Двукраевы, Чирьевы, Луговские, Золотарские, Рукосуевы, Наугольниковы, Решетниковы, Псарёвы, Шабунины и многие др.

В 1833 г. церковный причт и старицкий меценат купец В.П.Клушанцев обратились с прошением к архиепископу Тверскому и Кашинскому Григорию о строительстве «вместо деревянной камену церковь во имя святого Василия Блаженного, Московского Чудотворца». Через 5 лет, в 1838 г., новый каменный кладбищенский храм был построен и освящён. В 1875 г. усердием старицкого купца В.П.Чернятина-Конского был устроен с южной стороны придел во имя св. Василия Блаженного, а в 1897 г. усердием старицкого купца 1-ой гильдии Н.В.Верёвкина был пристроен с северной стороны

---

³³ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 77851. Л. 1–14.

³⁴ Крылов И.П. Указ. соч. Вып. 2. С. 77–78.

придел во имя свв. Первоверховных Апостолов Петра и Павла³⁵. Новый кладбищенский храм служил также усыпальницей для «потомства всех строителей, для чего под приделами устроены сводные помещения и склепы»³⁶.

Очень многое для кладбищенского храма сделал старицкий мещанин, церковный староста Ф.П.Мельников, который посвятил свою жизнь сохранению и приумножению церковной культуры своего города. За 37-летнюю усердную службу он в 1898 г. был награжден большой серебряной медалью для ношения на шее на Станиславской ленте. В 1907 г. Ф.П.Мельников был награждён большой серебряной медалью на Владимирской ленте. 27 мая 1914 г. старицкий меценат получает очередную высокую награду: золотую медаль св. Анны для ношения на шее на Александровской ленте. Умер Ф.П.Мельников в 1920 г., похоронен на старицком городском кладбище рядом с Васильевской церковью, в которой он служил 37 лет³⁷. Могила Ф.П.Мельникова осталась благодаря бережному отношению его потомков.

Долгое время настоятелем Васильевской кладбищенской церкви был прот. Н.К.Троицкий. В 1914 г. общественность города праздновала 50-летний юбилей педагогической деятельности о. Николая Троицкого, которому к этому времени исполнилось 73 года. За свои полезные обществу труды он получил благодарности, награды от духовного и учебного начальства, а также был награждён орденами: в 1893 г. орденом св. Анны 3-ей степени по статусу, в 1904 г. — орденом св. Анны 2-ой степени, в 1913 г. — орденом св. Владимира 4-ой степени, что давало ему возможность получить титул личного дворянства. 29 декабря 1913 г. старицкая городская Дума на своём очередном заседании «ходатайствовала о наименовании Старицкого женского приходского училища именем протоиерея Николая Троицкого и поместить в нём его портрет»³⁸.

³⁵ ГАТО. Ф. Р-1829. Оп. 2. Д. 74. Л. 27.

³⁶ Крылов И.П. Указ. соч. Вып. 2. С. 77.

³⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп 1. Д. 14084. Л. 1об.–13об.

³⁸ Там же. Оп. 14. Д. 11849. Л. 53об.–55; Оп. 1. Д. 32429. Л. 1об.; 50-летний юбилей педагогической деятельности протоиерея о. Николая Константиновича Троицкого //Тверские епархиальные ведомости. №18, 5 мая 1914 года. С. 339–347.

Таковыми были на протяжении нескольких веков представители старицких сословий, оставивших заметный след в своё время и постепенно канувших в небытие. А теперь, восстанавливая историческую справедливость и собирая о них по крупицам материал, узнаешь, что среди мещан, купцов и священников были выдающиеся общественные и культурные деятели, приносившие славу городу.

Подошел 1914 г., Россия вступала в Первую мировую войну, в результате которой, как в омут, вошла в революцию. В годы Первой мировой войны в Старице располагался 5-й запасной сапёрный батальон, численность которого составляла почти 1200 человек³⁹. Совершенно ясно, что этот батальон просто должен был влиять на ситуацию в городе и на его жизнь. Тверской краевед А.Семёнов обнаружил ряд уникальных фотографий времён Первой мировой войны, связанных с 5-м запасным сапёрным батальоном в Старице. В течение 1914–1917 гг. через батальон проходили офицеры и солдаты, готовясь к отправке на фронт, военный городок жил своей жизнью. Среди найденных фотографий для нас большой интерес представляют 2 снимка, на которых мы легко узнаём место нашего современного кладбища. К сожалению, никаких дореволюционных снимков с видом старицкого городского кладбища пока не найдено, и данные снимки — это единственные вещественные, зримые свидетельства истории Васильевского городского некрополя.

При внимательном рассмотрении одной из фотографий, можно предположить, что, по всей видимости, только что закончилось очередное воинское захоронение. В том, что в годы Первой мировой войны на кладбище было совершено несколько десятков воинских захоронений, сомневаться не приходится. (К сожалению, до сих пор неохотно мы вспоминаем Первую мировую, которую в России называли Второй Отечественной, в значительной мере мы забыли эту войну, потому что её постарались «изъять» из нашей истории по идеологическим причинам).

Под второй фотографией подпись: «Вход на воинское кладбище города Старицы». У входа стоит группа офицеров 5-го запасного сапёрного батальона. Вторым справа стоит командир батальона полковник С.С.Языков, в 1916 г. он удостоится звания «Почётного гражданина города Старица». Вместе с группой офицеров находится

---

³⁹ Семенов А.В. Дело 5-го ЗСБ. Новые страницы //Тверская старина. №30–31. 2010. С. 163–165.

прот. Н.Троицкий. На вратах икона покровителя воинства сщмч. Георгия Победоносца с надписью: «Со святыми упокой Христе души раб твоих»⁴⁰. По всей видимости, воинское кладбище находилось чуть ближе к городу, с левой стороны от современной Ржевской дороги, и было огорожено деревянным штакетником.

В 1916 г. в городе создаётся «Попечительский совет по кладбищам»⁴¹.

В 1917 г. в результате государственного переворота к власти пришли большевики. В 1918 г. был опубликован Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». 15 декабря 1918 г. большевики выпустили новый Декрет «О кладбищах и похоронах». Теперь всеми делами похоронного дела заведовали местные советы депутатов трудящихся и их исполкомы, Церковь же была полностью отстранена от этого дела⁴². Таким образом, на смену религиозным обрядам похорон пришли гражданские.

С годами городское Васильевское кладбище стало растягиваться вдоль дороги (впоследствии ставшей улицей). Постепенно город расширялся, и кладбище оказалось со всех сторон окружено домами.

В годы Великой Отечественной войны на кладбище появились братские могилы — это захоронения останков красноармейцев, погибших при освобождении города и Старицкого района от немецко-фашистских оккупантов и умерших от ран в старицких госпиталях.

Что стало с городским Васильевским кладбищем можно судить хотя бы по фотографии 1947 г. из коллекции местного фотографа В.Спиридонова. Снимок уникален, так как на нём изображена в руинированном состоянии Васильевская кладбищенская церковь, вокруг которой разбросаны мраморные и белокаменные надгробья старичан. В дореволюционное время именно рядом с кладбищенской церковью хоронили самых почётных и знаменитых горожан.

Если ещё в предвоенное время осквернение памятников и могил происходило в единичных случаях, то после войны это принимает массовый характер. Уже не десятки, а сотни могил, надгробий, памятников, склепов, крестов уничтожено навсегда, а на их месте появились

---

⁴⁰ Семенов А.В. Указ. соч С. 164.

⁴¹ ГАТО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 28. Л. 30–30об.

⁴² Вестник Старицкой коммуны. №152, 15 декабря 1918 года.

новые захоронения, и не родственников усопших, а совершенно посторонних людей.

На состояние городского кладбища власти обратили внимание в 1948 г. 12 января на очередном заседании Старицкого исполкома был рассмотрен вопрос «Об улучшении похоронного дела по городу Старица». В констатирующей части читаем: «Проверкой установлено: кладбище в гор. Старица находится в крайне запущенном состоянии, во время войны деревья все вырублены, надгробные памятники разрушены, имеющиеся строения для охраны кладбища сожжены, уход за могилами и памятниками до сего времени не организован»⁴³.

Буквально через две недели, 28 января 1948 г. исполком Старицкого горсовета также рассматривает вопрос «О благоустройстве кладбища». В постановлении было отмечено, что находящиеся в городе кладбища на московской и ленинградской стороне находятся в запущенном состоянии: «могильные памятники повалены, деревья вырублены, ограда совершенно отсутствует, а также охраны и наблюдения за состоянием кладбищ совершенно нет»⁴⁴. Но все равно постепенно кладбище разорялось и превращалось в огромную свалку. Помнится, когда-то в центре кладбища на месте бывшей церкви была образована огромная окаменевшая гора, а вдоль забора под нагромождением венков, каких-то досок — кресты, плиты, плиты, плиты, кресты...

В 1980–1990-е гг. городское кладбище было, пожалуй, в самом худшем состоянии: тогда массово разворовывался цветной и черный металл по всему городу, в том числе и на кладбище⁴⁵. Вывозились в неизвестном направлении мраморные надгробия. Говорили, что «новые нувориши» их распиливали вдоль на две части, делали шлифовку, тем самым стирали старые названия. Из них «делали поребрики для тротуаров», но чаще использовали повторно на действующих кладбищах для памятников. Таким образом, только за 1980–1990-е гг. была стерта с лица земли большая часть истории нашего города XVIII–XIX вв. и даже частично XX в.

---

⁴³ Старицкий муниципальный архив Тверской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 8об.

⁴⁴ СМАГО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 12. Л. 6–6об.

⁴⁵ Брехов А. Кто мы: Ванюшки или Иваны? //Верный путь. №122, 12 октября 1989 г.; Переяслов Н.В. Сможем ли приходить на кладбище без стыда? //Старицкий вестник. №48, 16 июня 1993 г.

На страницах районных старицких газет⁴⁶ были подняты острые и злободневные вопросы о приведении городского кладбища в надлежащее состояние. И городским властям пришлось всё же ввести новую должность — смотрителя Старицкого городского кладбища. Постепенно, с большим трудом состояние городского кладбища стало изменяться в лучшую сторону.

С 1998 г. вдоль дороги на Ржев, было выделено 0,5 га для нового кладбища, которое в настоящее время уже заполнено могилами. В начале XXI в. около д. Гвоздево появилось еще новое кладбище. Старицкий некрополь обрел новую прописку.

К сожалению, многих существовавших в нашем городе кладбищ, мы не сохранили для будущих поколений. Слава Богу, что сегодня отменён существовавший в советское время варварский закон, согласно которому через четверть века после своего официального закрытия погост сноился, а его место застраивалось. И опять, к сожалению, сегодня в Старице места бывшего упокоения наших земляков так и не выделены в особо охраняемую зону.

Закончить хотелось бы словами Д.С.Лихачёва: «Состояние наших кладбищ. Разве оно не вызывает у нас чувство возмущения отношением к нашему прошлому? Во все века и во всех странах сознание собственной смертности воспитывало и приучало думать о том, какую память мы по себе оставим. Но если мы верим, что не оставим по себе памяти, тогда и делать можно что угодно, живи мгновением или, как говорят разные пошляки, «лови момент». А нам необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, даже если она «частная», небольшая, но все же добрая для окружающих. Каждый может сделать что-то доброе в жизни и оставить по себе добрую память. Хранить память о других — это оставлять добрую память о себе»⁴⁷.

---

⁴⁶ *Переяслов Н.В.* Памятники — это память... //Верный путь. №68, 8 июня 1991 г.; *Он же.* Любим ли мы свой город? //Там же. №95, 8 августа 1991 г.; *Шитков А.В.* Смотритель кладбища всегда в заботах //Новая Старицкая газета. №12, 30 марта 1998 г.

⁴⁷ *Лихачев Д.С.* Избранное: мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006. С. 79.

Некрополь Демидовых: состояние и перспективы изучения

Эта статья посвящена рассеянному по странам и континентам некрополю представителей рода Демидовых — российских металлопромышленников XVIII–XIX вв., и их потомков. В ней будут затронуты две взаимосвязанных темы. Во-первых, в общих чертах охарактеризуем нынешнее его состояние (назовем некоторые места, где похоронены Демидовы, отметим причины, обусловившие сложившееся местоположение захоронений), а также перечислим направления, в которых эти объекты следует изучать. Во-вторых, на двух конкретных примерах (включая одну из старейших могил этого некрополя) покажем, как развивается его изучение, какие успехи достигнуты, какие вопросы остаются нерешенными и какова перспектива найти на них ответы. Проблемы сохранения принадлежащих этому некрополю памятников требуют специального обсуждения, здесь они будут лишь упомянуты.

Прежде всего, начнем с общей характеристики демидовского некрополя. Нынешнее его состояние во многом определяется локацией (географией размещения) совокупности составляющих его объектов, а последняя — историей его формирования. Род распространялся по континенту, за людьми следовали их могилы.

Исток фамилии Демидовых — Тула; естественно, останки многих из них ложатся в Тульскую землю. Деятельность рода смещается на Урал — остаются там и прахи Демидовых (важнейший их некрополь находился в Нижнем Тагиле). Переход Демидовых к дистанционному, через приказчиков, управлению заводами позволяет им жить в столицах и/или в сельских усадьбах, создававшихся ими. Так возникают их некрополи в Москве и Петербурге, в Подмосковье и окрестностях Петербурга, в Нижегородском крае. Когда местом жительства одной из ветвей демидовского рода становится Европа, их захоронения появляются вскоре и там: в Италии, Греции, Франции. Сегодня потомки Демидовых живут во многих странах (к названным прибавим Великобританию, Финляндию) — там тоже есть (во всяком случае, были) их

могилы. Существуют они, вероятно, и на других континентах — например, в Канаде, где проросла одна из веточек рода.

Удаленные друг от друга, различные по культуре регионы, объекты, относящиеся к разным эпохам (истории рода, если отсчитывать от родоначальника — три с половиной столетия). Какими путями должно идти изучение этого рассеянного в пространстве и времени некрополя? Вот некоторые общие задачи, представляющиеся актуальными и при благоприятном стечении обстоятельств вполне реализуемыми: 1. Установление мест погребения представителей рода, учтенных родословной росписью. Благодаря трудам многих исследователей (из новейших выделим работы Е.И.Красновой¹) родословная Демидовых изучена сравнительно неплохо. В родословной росписи, опубликованной в 1992 г., учтено около 160 представителей мужского пола, за истекшую четверть века это число увеличилось. Но, как и у большинства других родов, мест погребений Демидовых известно много меньше, чем дат смерти. Следует предпринять целенаправленные действия для устранения этого недостатка; 2. Изучение сохранившихся надгробных памятников, выяснение в каком они пребывают состоянии; 3. Установление истории этих памятников и могил.

Источники, позволяющие решать эти вопросы, традиционны для подобных исследований. Это метрические книги церквей, где проходило отпевание усопших, учетная кладбищенская документация, надписи на надгробиях (сохранившихся, но также и несохранившихся, если эпитафии были зафиксированы), некрологи, пресса, источники личного происхождения (дневники, воспоминания), наконец, разнообразные сочинения по биографике и некрополистике. Некоторые из источников опубликованы, другие, пребывая в архивах, музеях и отделах рукописей библиотек, еще ждут тех, кто к ним обратится. Разумеется, абсолютно необходимо и непосредственное ознакомление с объектами в некрополях, если таковые сохранились.

Чем глубже погружаемся в прошлое, тем, как правило, меньше становится доступных источников. Особенно трудная задача — определение мест захоронения представителей первых поколений рода.

Старейшая часть демидовского некрополя находится, как уже говорилось, в Туле. Здесь, в Николо-Зарецкой церкви (Демидовы были

---

¹ Демидовы: Родословная роспись /Сост. Е.И.Краснова. Екатеринбург, 1992. 40 с.; *Краснова Е.И.* Такие разные Демидовы. СПб., 2007. 147 с.

ее прихожанами), существует их родовой склеп, созданный в начале 1730-х гг.² по инициативе построившего нынешнее здание храма А.Н.Демидова. Имена некоторых погребенных известны благодаря свидетельствам лиц, познакомившихся с некрополем в XIX в.; новейшие исследования позволяют дополнить реконструируемый список. К сожалению, метрические книги этой церкви помочь его расширению не могут. Самый ранний материал в них относится к 1780 г. — времени, когда Демидовы Тулу уже покинули, а кладбища при приходских церквях действовать уже перестали³.

В церковном склепе лежат останки Акинфия Никитича Демидова и, возможно, его младшего брата Никиты Никитича. Здесь или на внешнем церковном кладбище находится захоронение третьего их брата Григория, умершего до постройки нынешнего каменного храма (он жил в Туле, дела вел здесь же). Вероятно, тут же был похоронен несчастный его сын, отцеубийца Иван. По всей видимости, в склепе покоятся останки и двоюродной его сестры Т.Н.Демидовой — дочери младшего сына родоначальника.

В историко-краеведческой литературе присутствуют данные, позволяющие предполагать наличие в Туле еще одного демидовского некрополя — при Христорождественской церкви в Чулковой слободе, как принято считать, построенной А.Н.Демидовым в 1732 г., то есть одновременно с Николо-Зарецкой церковью⁴. Эта часть тульского некрополя Демидовых совершенно не изучена, несколько позднее мы подробнее на ней остановимся.

Размышляя над закономерностями формирования топографии семейного некрополя, замечаем, что на местоположении демидов-

---

² Теплая нижняя Никольская церковь была освящена ранее октября 1730 г. (См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 10. СПб., 1901. Стлб. 794), верхняя Христорождественская — 25 июня 1735 г. (См.: *Андреев Н.Ф.* Историческое известие о Чулковой слободе (предместии), что в Туле //Москвитянин. 1854. №15. Отд. 2. С. 126).

³ Государственный архив Тульской области. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Хотя в этой, за 1780–1802 гг., метрической книге можно найти имена представителей других промышленных династий Тулы, нового о приходском кладбище при Николо-Зарецкой церкви они не сообщают, поскольку в это время уже действовало общее загородное кладбище.

⁴ *Афремов И.Ф.* Историческое обозрение Тульской губернии. Ч. 1 // *Афремов И.Ф.* Собрание сочинений /Ред.-сост. Н.К.Фомин. Тула, 2008. С. 299.

ских могил отражалось действие центробежных сил, и со временем оно усиливалось. После перевоза Н.Демидовым семьи на Урал, последняя продолжала ощущать Тулу своей родиной. Показательно, что сюда возвратился даже тесно сросшийся с Уралом Акинфий. Его братья, по прежнему хозяйствовавшие в Туле (Никита на Урал их не пускал) и ближайшие их потомки хоронили «своих» здесь же. Но из детей Акинфия в Тулу вернулся только тот, который умер раньше других. Их и потомков рассеянию способствовал трудный и долгий раздел имущества Акинфия. Перессорившись, наследники долго не хотели общаться при жизни, не хотели соседствовать и после смерти. Некрополи разделялись. Старший сын Акинфия Прокофий был похоронен в Москве в Донском монастыре, еще один, Никита — в своей подмосковной усадьбе Петровское.

Образованный покинувшими Тулу Демидовыми уральский их некрополь демонстрирует, как бы ни казалось это странным на первый взгляд, существование и противоположной разбеганию центростремительной тенденции. Правда, центром тяготения выступает здесь не Тула, а Нижний Тагил — город, воспринимавшийся материнским лишь одной ветвью демидовского рода. Этот некрополь находился в склепе Выйско-Никольской церкви. Он возник в 1829 г., когда в Нижний Тагил было доставлено тело скончавшегося во Флоренции Н.Н.Демидова. Некоторое время оно находилось во Входа-Иерусалимской церкви до постройки нового храма, задуманной в качестве родовой усыпальницы Демидовых и памятника их роду⁵. Перенесение в храм останков Демидова произошло в 1853 г.⁶ Позднее здесь были похоронены потомки Николая Никитича — представители трех следовавших за ним поколений (в 1874 г. — его правнук младенец Никита Павлович, в 1875 г. — сын Павел Николаевич и первая жена его внука Мария Елимовна, в 1885 г. — внук Павел Павлович)⁷. Места могил отмечали мраморные надгробия⁸.

К сожалению, этот некрополь — одновременно историко-мемориальный и художественный памятник — был уничтожен: церковь

⁵ Все его престолы были освящены к 1846 г.

⁶ Клат С.А. Выйско-Никольская церковь в Нижнем Тагиле — фамильная усыпальница Демидовых: История создания и разрушения. Екатеринбург, 2003. С. 7, 27–28.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 29–30.

снесена, на ее месте построено новое здание — дом культуры. В настоящее время обсуждается, чем восполнить эту утрату. Пожелаем успеха проекту, который позволит отметить место, где лежали далеко не рядовые представители рода.

Далее остановимся на двух объектах тульского некрополя, интересных тем, что осмысление одного вызывает все большее сомнение в его существовании, а изучение другого приносит новые факты, обогащающие наше представление о нем.

Начнем с упомянутой выше церкви Рождества Христова в Чулковой слободе. Авторы работ середины XIX в. традиционно считали, что внутри этого храма находится могила первой жены Акинфия Евдокии Тарасовны⁹. Документов, это подтверждающих, не выявлено. Не отвергая мнения достаточно авторитетных историков прошлых лет, все же спросим: как она оказалась вне основного (при Николо-Зарецкой церкви и внутри ее) демидовского некрополя, и по какой причине этот прах не был перенесен в фамильную усыпальницу при ее создании?

Может быть, к данному приходу принадлежали родители Евдокии? Но, почему урожденную Коробкову похоронили с ее родичами, а не в окружении родственников мужа, к которым со временем должен был присоединиться и он — непонятно. Акинфий осознанно отделил первую жену от своего рода, намекнув этим на какие-то неизвестные нам связанные с ней семейные проблемы? Тогда почему все же почтил ее память, причем в форме, сопряженной с немалыми расходами — поставив над ее могилой новую церковь?

Случаи, когда жену погребали не с мужем, а в окружении родственников по отцу, в истории некрополя тульских промышленников XVIII в. известны. Пелагея Ивановна, жена заводладельца А.А.Баташева, и Васса Ивановна, жена другого заводчика, А.М.Мосолова, принадлежали к роду купцов и заводсодержателей Лугининых и были похоронены, первая в 1787 г., вторая в 1795 г. именно с ними¹⁰. Объяснить эти два случая, причем, на наш взгляд, достаточно правдоподобно, можно. На кладбищах при церквях хоронить в это

---

⁹ *Афремов И.Ф.* Указ. соч. С. 299; *Андреев Н.Ф.* Указ. соч. С. 109–128.

¹⁰ *Юркин И.Н.* Надгробия Лугининых на Всехсвятском кладбище Тулы как источник по генеалогии рода //Тульский металл: четыре столетия истории. Тез. II Всерос. науч. конф. «Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства». Ч. I. М.; Тула, 1995. С. 54.

время было уже запрещено, а новые некрополи этих линий Мосоловых и Баташевых на новом кладбище не сформировались, и перспектива их возникновения там была туманной¹¹. Но с демидовским случаем тут нет ничего общего: создавая родовую усыпальницу, Акинфий имел возможность собрать в нее из других мест всех близких ему по родству и, уж во всяком случае, перенести прах первой жены, если он находился на другом кладбище.

Может быть, и нечего было собирать? Документальных подтверждений существования могилы представительницы демидовского рода в чулковской церкви, как уже говорилось, нет. То, что пишет на этот счет И.Ф.Афремов, вызывает настороженность. Некоторые из его утверждений по поводу Е.Т.Демидовой, несомненно, ошибочны. Так, в настоящее время документально опровергнуто его мнение о том, что она была матерью старших его сыновей¹². Исхода из этого, а также из года рождения Прокофия Акинфиевича можно с высокой вероятностью заключить, что ее не было в живых уже в 1710 г., в то время как И.Ф.Афремов утверждает, что она умерла гораздо позже — после 1728 г. Ошибочным может оказаться и его утверждение об устройстве нынешней церкви над ее могилой. Правда, историк утверждает, что видел место захоронения в церкви: «посреди каменного помоста, видно место успокоения Авдотьи Тарасовны»¹³. Но что именно видел историк, и на основании чего определенным образом интерпретировал увиденное, мы не знаем¹⁴. Не вступаем здесь в обсуждение вопроса об участии А.Н.Демидова в строительстве храма в Чулкове (хотя оно уже давно поставлено под сомнение, и приведенные аргументы серьезны¹⁵), но уверены, что для объяснения внимания Демидовых к этому храму (а оно, выразившееся во вкладах, несомненно) достаточно указания на его расположение. Церковь находилась около

---

¹¹ В том числе потому, что их представители покидали Тулу. Последнее совершенно точно для Баташевых и, вероятно, для Мосоловых.

¹² Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула, 1998. С. 72, 131.

¹³ Афремов И.Ф. Указ. соч. С. 299.

¹⁴ В советское время церковь использовалась не по назначению, ее интерьеры при этом сильно пострадали.

¹⁵ Покровский М. Тульская Христорождественская церковь в Чулковой слободе // Тульские епархиальные ведомости. 1863. №11. С. 668–669.

принадлежавшего Демидовым первого их завода на р. Тулице, и ее прихожанами, вероятно, были многие, работавшие на нем.

Обратимся теперь к основному демидовскому некрополю Тулы — фамильному склепу в Николо-Зарецкой церкви. Речь пойдет о старейшей сохранившейся могиле демидовского некрополя — тульском захоронении А.Н.Демидова, которой в ближайшее время исполняется 275 лет. Она имела интересную и непростую историю. Отметим некоторые относящиеся к ней факты, установленные в последние годы, а также вопросы, остающиеся пока без ответа.

Первоначально храм имел иную планировку и, соответственно, иную объемную композицию: церковная колокольня возвышалась над склепом. Но в октябре 1730 г. она обрушилась, после чего была возведена на новом месте — на другой стороне улицы (нынешнего Оружейного пер.). В небольшом помещении первого этажа в западной части храма (непосредственно над склепом) со временем устроили часовню. Ее окружали лестницы, ведущие на второй этаж¹⁶.

Во мнении, что храмоздатель Николо-Зарецкой церкви похоронен в этом склепе, совпадали все писавшие о ней тульские авторы XIX в.: И.Ф.Афремов, Н.Ф.Андреев, Г.И.Панов, П.Ф.Кратиров. Не сомневались в этом и его потомки. В анонимной биографии Акинфия, сохранившейся в фонде Демидовых в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), говорится об этом достаточно ясно (соответствующий фрагмент приведем дальше). Трудно представить, что данный биографический очерк, даже если он не предназначался для публикации, содержал важные данные, в представлении потомков являвшиеся недостоверными. Проиигнорировать столь отчетливо выраженное согласие историографов невозможно. Укажем, впрочем, на один смущающий факт. Никто из старых авторов не упоминает о надписи на надгробном памятнике Акинфию. Это странно, если помнить о распространенности в XVIII и XIX вв. практики помещения эпитафий на надгробиях, и то, что памятники над могилами его отца Никиты и сына Григория такие надписи имели (их тексты местные историки зафиксировали). Возникает ощущение, что при «починке цепи» длиной в 275 лет в нее забыли вставить какие-то звенья.

Недавние архивные находки позволили узнать ранее неизвестные сведения, касающиеся истории этой могилы. Оказалось, что в Туле

---

¹⁶ Из них сохранилась только одна, левая лестница.

она могла и не появиться. Обнаруженный нами источник (показания вдовы и ее младшего сына) рисует картину смерти Акинфия, произошедшей в августе 1745 г. в с. Икское Устье (Ик — приток р. Камы). Тело покойного оставалось здесь долго. В январе следующего года вдова в письме знакомому ей по Туле А.В.Беэру сообщила, что, «прежде намерение наше было погребение ему учинить в Туле при гробе родителя», но членам семьи запретили отлучаться с Невьянского завода до приезда туда президента Берг-коллегии А.Ф.Томилова, и задержка грозит затянуться. Опасаясь, что Томилов «дело свое в скорости окончить не может (он организовывал описание имущества покойного — И.Ю.), а между тем уже и зимнее время пройдет», вдова известила о намерении тело «погresti при Невьянском заводе». Еще до конца января отправиться за ним намеревался Никита Акинфиевич¹⁷.

Остается гадать, в каком состоянии пребывали останки в Икском Устье. Был ли Акинфий временно погребен (священник, чтобы отпеть, в селе имелся) или перемещен в скудельницу? Если погребен, то получается, что первая могила Акинфия находилась именно там. Более вероятным нам кажется второе — иначе опасение вдовы насчет истечения зимнего времени теряет смысл. Но в этом случае оказывается, что тело крупнейшего заводчика России минимум полгода оставалось непогребенным.

К сравнительно новым находкам также относятся сведения о внешнем облике первого тульского надгробия Акинфия. В упомянутой анонимной биографии сообщается, что над могилами Н.Д. и А.Н.Демидовых «находятся отличной работы два медные решетчатые ковчега, из числа сделанных по усердию Акинфия Никитича в Туле и отправленных в Киев для помещения в них гробов с нетленными телесами тамошних Угодников»¹⁸. Судя по почерку, рукопись относится ко времени не раньше конца XVIII в. Почему же считаем, что в ней говорится о первых надгробиях? На основании слов, что ковчеги были изготовлены «по усердию» А.Н.Демидова. Сомневаемся, что, сделанные не позднее 1745 г. (год его смерти), они хранились в ожидании употребления десятилетиями. Факт же установки над могилами отца

¹⁷ Государственный архив Алтайского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 104.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 761. Л. 1об. В содержащейся в том же архивном деле копии этого документа имеется разночтение (вероятно, описка): говорится, ковчеги стоят не над, а под могилами.

и сына Демидовых надгробий, подобных тем, которые предназначались для киевских святых, казался, как нам представляется, ближайшим его потомкам (вдове и сыновьям) символичным и потому привлекательным.

Несмотря на некоторые ценные находки, событий истории Акинфиевой могилы, относящихся к XVIII в., мы не знаем — известны только отдельные факты. События следующего столетия складываются уже в пунктирную летопись. Не без разрывов и XX в., но ключевые страницы в нем, в частности, хроника разрушения мемориала, нам известны. Ну, а в 1990-х гг. демидовский склеп был открыт заново, после чего началось археологическое его изучение и музеефикация. Новейшие события зафиксированы документально, отложились в памяти их участников, некоторые их подробности опубликованы¹⁹. Заметим, что тогда же удалось спасти от застройки территорию вокруг Николо-Зарецкой церкви — то место, где некогда находилось приходское кладбище XVII–XVIII вв., на котором было похоронено не менее трети кузнецов Тульской оружейной слободы. На этом месте был установлен каменный крест с мемориальной надписью.

Многое ли остается в этой истории неизвестным, не проясненным? Достаточно. Еще предстоит отыскать и изучить документы, касающиеся предпринятого Демидовыми благоустройства демидовского мемориала в середине XIX в. Тогда в тульской усыпальнице предполагалось собрать останки представителей первых трех поколений Демидовых, перенеся их сюда из других мест. Этого не произошло, но реконструкция склепа осуществлена была — о чем свидетельствуют соответствующие тому периоду стилистические особенности мемориала, в первую очередь, ныне существующая чугунная лестница. Как тогда «переоформили» места захоронений? Вполне вероятно, что в документах обширного фонда Демидовых в РГАДА можно обнаружить следы реализации этого проекта.

Хотелось бы прояснить некоторые факты, относящиеся и к советскому периоду. Так, имеются устные свидетельства того, что «раскопки» в демидовской усыпальнице проводил отряд «Искатель» — созданное в 1960-х гг. тульским комсомолом объединение проблемных

---

¹⁹ Юркин И.Н. Некрополь Николо-Зарецкой (Демидовской) церкви в Туле по документам и личным воспоминаниям //Тени старинного кладбища — Тульские некрополи /Сост. и ред. М.В.Майоров. Тула, 2015. С. 297–324.

городских подростков с целью их перевоспитания. Некоторые документы, касающиеся этой организации, сохранились, не исключено, что живы и участники.

Если же говорить о самом демидовском склепе, то, безусловно, его пора реставрировать — нынешний вид помещения производит удручающее впечатление. Но обсуждение этого вопроса выходит за рамки темы этой статьи.

М.С.Дроздов (Черноголовка, Московская обл.)

Симоновское кладбище Старой Руссы (Новгородская обл.): 40 лет наблюдения

Старая Русса — один из древнейших городов Новгородской земли и всей Руси. Соленые источники и варницы, снабжавшие солью чуть ли не полгосударства, в Средневековье делали город важным стратегическим пунктом. Уже в XIX в. прославился бальнеологический курорт, связанный с теми же источниками. Оставили свой след в истории России старорусские военные поселения. В городе жил и творил Ф.М.Достоевский, многие другие выдающиеся русские люди. В Великую Отечественную войну два с половиной года Русса была передним краем, лишившись своих жителей и оставив тяжелую память у воевавших на Северо-Западном фронте.

В городе на конец XVIII в. было не менее 12 приходских храмов, при каждом из которых до 1770-х гг. хоронили прихожан, а затем постепенно эти локальные некрополи были ликвидированы. Главным местом захоронения стало городское кладбище (бывш. Симоновское) на Соборной стороне. Теперь «Симоновщина» — это одна из достопримечательностей Старой Руссы и, несомненно, часть историко-культурного наследия этого древнего града.

Раньше в Руссе, помимо названного, были еще старообрядческое кладбище (на месте нынешней «Перевалки» у железной дороги) и монастырское при Спасо-Преображенском монастыре XII в. Последнее заслуживало бы особенно подробного изучения и описания в силу своей «старости» и тех исторических лиц, что были захоронены на нем. В тихой обители покоились игумены и простые чернецы, состоятельные жертвователи на местные храмы и такие известные во всей России люди, как генерал-лейтенант Ф.К. фон Фрикен (1780–1849; правая рука Аракчеева), первая женщина — дипломированный врач В.А.Кашеверова-Руднева (1843–1899), летчик, герой Первой мировой войны С.Н.Ефимов (1888–1915). Однако на территории этого монастырского некрополя еще до Великой Отечественной войны были построены дома КЭЧ, а война и остатки могил окончательно сровняла с землей. Сейчас исторический старорусский некрополь представлен

одним Симоновским погостом, но скоро и так называемое «Новое кладбище» за городом можно будет считать историческим.

Симоновщина... Почему носит такое название эта часть города? Существуют две версии. По М.Полянскому, на этом месте была когда-то соляная варница, принадлежавшая московскому Симоновскому монастырю. По трактовке другого историка Старой Руссы — краеведа, священника В.Пылаева, здешняя земля принадлежала богатому солепромышленнику, московскому же купцу Симонову. Но, как бы то ни было, во второй половине XVIII в. солеварение в Руссе значительно сократилось, и симоновская земля перешла во владение казны.

В 1771 г., в связи с очередной эпидемией чумы, Правительствующий Сенат запретил захоронения непосредственно в городах при приходских храмах, как это делали испокон веков. Тогда-то и было решено на «пустопорожней» территории вместо многих кладбищ основать одно большое городское. Незадолго до этого воевода Колобов своей властью уже распорядился хоронить тут безвестных странников, нищих и тому подобных (любопытно, что подобный участок сохранялся на западной окраине Симоновщины и в XX в.).

В 1773 г. усердием старорусских купцов А.Махаева и П.Сушецкого по случаю отвода места кладбищу построен деревянный храм Иоанна Богослова, существовавший до 1820 г., когда он был заменен каменным. Еще через 78 лет купец Ложкин построил новую колокольню. Может, и достояли бы церковь с колокольней до нашего времени, если бы не война. Развалины их — на памяти у старожилов, они были взорваны в начале 1950-х гг. Былое присутствие храма выдает небольшой холм слева от главного входа, там, где могилы известного хирурга Тяпкова и родственников упомянутого выше, трагически погибшего краеведа Пылаева.

Итак, почти два с половиной века назад начали хоронить здесь староруссцев. В 1838 г. к православному кладбищу добавилось «немецкое» (по левую сторону — при входе с ул.Калининой), где погребали католиков и протестантов — поляков и немцев, в основном. Участок через дорожку назывался «братским» кладбищем, там хоронили военных. Небольшая территория была отведена для мусульман. В 1860 г. на месте, известном под названием Шибанов Крест (когда-то, по преданию, разбойники убили здесь и ограбили некоего Шибанова), разрешено было устроить еврейское кладбище для разраставшейся еврейской общины города. После революции появилось несколько могил

погибших в первые годы советской власти — в западной части, и новое «братское кладбище» павших в Великую Отечественную войну — на севере Симоновского массива.

Ныне ничего не осталось от первых захоронений. И если сравнивать многострадальное старорусское кладбище с древней летописью (а оно в известной мере таковой и является — о чем у нас и речь!), то в нем, как и в любом стародавнем списке, существуют обширные лакуны — свидетельства исторических обстоятельств, человеческого невежества или варварства.

Самым старым памятником кладбища можно было считать, видимо, остатки надгробия семейства Пономаревых в конце главной аллеи (от центрального входа к югу, уже на спуске с «горушки»). На грубо обработанной каменной плите, прислоненной позже к ограде, можно было различить надпись: «На сем месте погребено тело раба божия... Панамарева...». Далее следовали год смерти и изображение адамовой головы. Точную дату трудно было прочесть, но относилась она к началу XIX в. Сейчас плита исчезла со своего места.

Отметим, что вплоть до первых десятилетий XIX в. основным видом надгробий на провинциальных кладбищах были не кресты, стелы и тому подобные намогильные памятники, а именно горизонтальные каменные плиты. Часто практиковались семейные склепы. Мальчишки послевоенной поры помнят еще эти страшные «последние квартиры», многочисленные ограды с острыми «пиками» и заросшие сени — некие подобия перекрытий над могилами. На описываемом, самом высоком, месте старорусского кладбища в земле до сих пор еще немало неизученных надгробий типа пономаревского.

Каждая эпоха оставляла свой след на Симоновщине. Наверняка, были похоронены здесь участники Отечественной войны 1812 года и старорусского ополчения, в частности. Участвовал в ней и генерал Мевес (о нем скажем ниже). И совсем уж удивительно в наше время вдруг наткнуться на сравнительно недавнюю могилу и прочесть всем известную фамилию: Голенищева-Кутузова Нина Александровна.

От знаменитого восстания военных поселян 1831 г. в городе практически не сохранилось никаких свидетельств. На кладбище же стоит отремонтированный старорусскими краеведами памятник на могиле «артиллерии генерал-майора и кавалера», председателя Экономического комитета Н.И.Мевеса (1778–1831). По отзывам современников, человек добрый и приветливый, он был убит случайно в самом

начале восстания. Может быть, именно поэтому так долго сохранялась его могила.

На старорусском кладбище погребено еще, по крайней мере, трое генералов: генерал-майор Н.В.Степовой (1837–1893), генерал-лейтенанты И.М.Тхоржевский (1843–1910) и А.Я.Иваницкий (умер в 1903 г.). Последний похоронен на уже упоминавшемся старом «братском» кладбище, от которого мало что осталось, а было оно обширное. Весьма любопытная надпись в стихах, приглашающая «остановиться и отдохнуть» — на могильном кресте «зауряд-прапорщика» 86-го пехотного Вильманstrandского полка В.Ф.Пилюшенко.

Эпоха Достоевского представлена захоронением ближайшего друга писателя — священника И.И.Румянцева (1835–1904). В своей первой статье, посвященной нашему некрополю почти 35 лет назад мы писали: «Перебитый в войну осколком железный крест сохранился, а вот сама могила, можно сказать, исчезла, как и скромная табличка с именем. И уж совсем неуместны рядом с местом погребения всероссийски известного деятеля емкости для мусора. Видимо, долг старорусцев, уважающих свой город и его историю, общества охраны памятников — в первую очередь — привести в порядок эту могилу». Что ж, тогда власти и Дом-музей побеспокоились, и с тех пор в оградке о. Иоанна порядок. Не так далеко от нее находится захоронение преемника И.И.Румянцева по руководству училищем им. Ф.М.Достоевского — священника Горского, но надгробие там не сохранилось. Справедливо, что по соседству с о. Иоанном завещал похоронить себя основатель музея Достоевского Г.И.Смирнов, личность яркая и своеобразная. По праву здесь рядом — и урна с прахом краеведа из Ленинграда Г.Н.Архипова, многочисленные материалы которого имеются в краеведческом музее и Доме Достоевского. Говорят, были на кладбище и могилы Грушеньки Меншовой, и соседки Достоевских, жены журналиста и редактора П.А.Гайдебурова. Были, но...

Но старые захоронения не только исчезают. Бывает, и появляются как бы вновь. В 10 м от места погребения Румянцева в начале 1980-х гг. В.Голиков откопал каменное основание креста с надписью, из которой стало ясно, что это могила юриста Г.М.Гаршина (1848–1895), родного брата еще одного знаменитого русского писателя — В.Гаршина. Он был отцом крупнейшего советского патологоанатома, друга Анны Ахматовой академика В.Г.Гаршина (1887–1956), и тот, конечно, посещал родную могилу.

Больше всего осталось на кладбище купеческих памятников. Эти солидные сооружения черного мрамора, надо признать, украшают аллеи нашего некрополя. Русса была купеческим городом. И на Симоновском кладбище это наглядно видно. Мелькают фамилии Вознесенских, Долгополовых, Дьячковых, Голиковых, Ванюковых, Сомровых, Тесловых, Шеляпиных. Да, эти имена из истории не выбросишь (хотя и пытались). На их фоне разворачивалась и жизнь Достоевского в Старой Руссе, и другие исторические и культурные события, да и сами эти люди частенько не только торговлей занимались. Много лет были городскими головами Дьячков и Ванюков, Сомровы построили городской собор. Имя Сомровых — когда-то самой знаменитой старорусской фамилии, осталось в городской топонимике.

Сохранились кое-где дворянские и чиновничьи памятники — каменные документы своего времени. Порой встречаются громкие имена: надворный советник Н.А.Оболенский (памятник его исчез бесследно в последние уже годы!), коллежский советник Савицкий и т.д. Есть даже одна титулованная особа: Э.Ворман, урожденная баронесса Крюденер.

Мало осталось захоронений старорусской интеллигенции до-революционной поры. Недалеко от того места, где была церковь, на одном из простых, но изящных надгробий читаем фамилию Паренаго. Мы не знаем, где нашел последнее свое пристанище многолетний директор старорусского курорта, краевед, член Общества любителей древности, статский советник С.Н.Паренаго, но напомним о нем служит могила его супруги Клавдии Васильевны. Ну, а врача М.П.Глинку, отца известного историка, искусствоведа и писателя В.М.Глинки, еще в 1980–1990-е гг. помнили в городе и отзывались о нем очень тепло. Скромнейшая его могила — тут же рядом. А «на горушке» тоже скромный памятник другому любимому врачу Старой Руссы — Э.К.Зандеру.

Первая мировая война оставила свои следы на старорусской земле. Русса забита была войсками и госпиталями, о чем летом 1917 г. сообщал священник А.П.Устьинский писателю В.В.Розанову, желавшему переехать сюда из Питера. На Симоновщине хоронили тогда умерших от ран солдат и офицеров, лежавших в старорусских госпиталях. Снесен, к сожалению, и лежит на земле недалеко от ограды (в сторону ул. Чайковского) памятник неизвестному труженику войны капитану Александрову, «павшему в боях с германцами» в 1915 г.

Первые годы советской власти отмечены небольшим революционным некрополем на западной оконечности кладбища. Здесь похоронены П.А.Миронов, в честь которого названа соседняя улица, бойцы продотрядов, П.К.Кириллов — «первый редактор рабоче-крестьянской газеты». К этой группе можно было бы отнести и могилу В.И.Янковского — первого начальника милиции в городе. Вообще же от довоенных десятилетий в силу разных причин дошло очень немного. Только приблизительно знаем мы место погребения родителей маршала артиллерии, начальника ГАУ Н.Д.Яковлева. И в то же время, трогает до слез такой факт: через много лет после смерти (1931 г.) первого директора Старорусского педтехникума П.Е.Лебедева его ученики и друзья поставили памятник «любимому учителю».

Великие и трагические события Великой Отечественной войны глубокой раной остались на лице нашего города и района. В память о павших при обороне и освобождении Старой Руссы сооружен мемориал. Может быть, он и простоват, но дорог староруссцам (вот, только не стало памятника воину-освободителю!). Каждый год 9 мая, без преувеличения можно сказать, весь город бывает здесь. Имена Героев Советского Союза Г.Е.Бойко, Я.М.Устюжанина, тысяч офицеров сержантов и рядовых, мирных горожан, расстрелянных оккупантами, высечены в камне и металле. И 75 лет спустя приезжают сюда люди со всей страны.

Чем ближе к нашим дням, тем больше знакомых фамилий на обелисках, тем меньше дистанция от того, что уже стало историей: это они прошли войну и победили, подняли город из руин, растили хлеб, учили детей. Директора заводов и простые рабочие, женщины, вынесшие невыносимое, врачи и партийные деятели, старые партизаны и минеры, спасшие сотни жизней, но не спасшие себя, родные и ползнакомые. Не меньше десяти Почетных граждан города покоятся в Симоновском некрополе, в частности, большие старорусские краеведы, дорогие мои учителя Г.И.Смирнов (уже упоминавшийся), М.А.Дементьева, М.И.Емельянова, А.И.Лобанов. Занесло судьбой в Старую Руссу (приехал к дочери) и отца известного писателя и диссидента А.Синявского — Доната Евгеньевича, и его прах в Старорусской земле. Такой, вот, многоликий этот Симоновский «комплекс погребений».

Симоновское кладбище не только является местом святым для каждого из староруссцев в отдельности, но и представляет собой исто-

рический памятный объект, по крайней мере, местного значения. Это, кроме всего прочего, еще и траурный мемориальный парк. Почти все старые надгробные памятники имеют для Руссы художественную ценность, отражают свою эпоху, создают ту неповторимую атмосферу, которая характерна для такого места, но не всегда, к сожалению, поддерживается здесь. Некоторые из надгробий (например, А.И.Зеремского вблизи места бывшего храма) уникальны по своей форме, служат еще и памятником русским мастерам-каменотесам, создавшим эти замечательные образцы архитектуры и скульптуры малых форм. То же самое относится к старым оградкам, в решетках которых можно проследить архитектурные признаки от классицизма до модерна включительно (очень интересная решетка на могиле Ф.А.Свинкина) и которые также несут нам напоминание о замечательном мастерстве наших предков-кузнецов.

Сейчас здесь официально производятся только, как говорят профессионалы, подзахоронения в могилы родственников. Реальность говорит несколько о другом. Задача краеведческой общественности состоит в том, чтобы сохранить при любых обстоятельствах, старые памятники, часто в комплексе с прекрасными оградками.

Древнее кладбище — это одновременно и «художественный альбом», и «книга по истории», которую можно читать и которая не прочитана еще до конца. И о многом еще может оно поведать. Только надо всем миром беречь его!

Теперь стоит сказать о личных наблюдениях автора за этим, с одной стороны, обычным провинциальным, и одновременно, как и большинство, наверное, исторических некрополей, таким нетривиальным «объектом наследия». Дом моих родителей в Старой Руссе с 1920-х гг. находился на ул.Калининой (дореволюционное, между прочим, название!), упирающейся ныне в кладбище. Мы, послевоенные дети, не боялись близкого погоста, часто здесь бывали, знали разные его уголки, памятники, склепы, сохранявшиеся еще тогда сени.

Много было памятников «бывших». Отец мой по просьбе потомков некоторых купцов (те помнили моего деда — честного, надежного ломового извозчика) регистрировал их родительские могилы — выдавали в ту пору металлические номера на памятники, и все они стоят до сих пор. Ну, а о нашем, хоть и «детском», варварстве и речи не могло быть: в Руссе тогда очень уважительно относились к «Симоновщине», четко осознавая, что «все здесь будем». Но зато на кладбище были

очень зримы следы недавней войны, осколками побитые надгробные камни, воронки от снарядов, даже что-то вроде артиллерийской позиции. И солдатские деревянные красные пирамидки со звездочками наверху.

Территория кладбищенская в начале–середине 1950-х гг. вся была в кустах, и не только сирени. Гражданское население кресты в те годы ставило исключительно деревянные (с конца 1950-х гг. — сварные железные), красили их (и деревянные оградки), в основном, в темные «немаркие» цвета, и все кладбище выглядело грустным, действительно траурным. Венки делали часто из хвои, цветы были бумажные, покрытые воском. Потом кусты вырубili, многие деревья убрали, вместо крестов стали ставить памятнички, пусть и скромные еще. И одно время кладбище блестело от нержавеющей стали (в городе ее было много на заводах), потом все побелело — памятники из белого мрамора и искусственного белого камня стали предпочитать наши граждане.

Похороны были в большинстве случаев частным делом родственников умершего. Сами копали могилы, сами закапывали. Несли гроб на руках или везли на машине, а то и на телеге. Известных людей и коммунистов хоронили с музыкой. Оркестр, от 3 до 5 человек обычно, начинал играть у бывшей предкладбищенской часовни «Утоли мои печали», давно уже ставшей магазином, но сохранившей свое название. На звуки музыки все бежали к «часовне».

Потом появились «Зеленое хозяйство», смотритель на кладбище, рабочие. Проложили асфальтовые дорожки на главных направлениях, сделали водоотвод (но не очень хорошо, старая система осушки была явно лучше), кладбище стало расширяться на запад и на юг, а в центре куда-то делись склепы и сени, исчезли деревянные оградки, появились низенькие металлические.

С конца 1970-х — начала 1980-х гг., вот уже 40, считай, лет, автор наблюдал за кладбищем уже с краеведческой и культурно-охранительной точки зрения, а вскоре стал не только наблюдать, но и исследовать. В 1985 г. нами написана довольно большая «научно-практическая» статья о старорусском некрополе, опубликованная в «Старорусской правде». Там было указано и на некоторые недостатки в содержании кладбища. Надо сказать, что после публикации некоторые из них были исправлены, пресса тогда имела еще какую-то силу.

Автор писал статьи, выступал с лекциями-рассказами, подготовил (но так и не опубликовал) книгу и, наконец, с помощью супругов

Басмановых мы сняли фильм о Симоновском некрополе. Краеведческая общественность Старой Руссы откликнулась на видеофильм самым положительным образом. Было организовано несколько субботников на кладбище, составлен список исторических захоронений, отремонтирован ряд памятников. Всех энтузиастов не назовешь, но нельзя не отметить роль Н.Б.Басмановой.

Последнее время вызревает и более радикальная идея — создания общественного совета (может — попечительского?) Симоновского кладбища с обязательным участием краеведов. Все же, что ни говори, а будет за историческим некрополем присмотр общественный и даже, отчасти, контроль, а не наскоки одиночек. В общем, у краеведов впереди еще много работы!

Проблемы и опыт сохранения исторического некрополя Константиновска (Ростовская обл.)

Константиновский некрополь, или Старое городское кладбище, расположенное в черте современного города, было заложено на окраине станицы Константиновской в конце XIX в. Территория кладбища занимает площадь в 1 га и огорожена по периметру невысокой мощной стеной из ракушечника с опорными тумбами, оштукатуренной и покрытой известковой побелкой. В 2000 г. кладбище было официально закрыто для погребений, но осталось зоной индивидуального ухода граждан, получив топонимическое обозначение «Старое кладбище». С конца XX в. оно стало еще и местом краеведческих исследований.

Несмотря на уход, кладбище довольно запущено. Стихийно разросшиеся кусты сирени, произвольно возникающие груды мусора от уборки могил и прополки травы постепенно скрывают заброшенные могилы и ветшающие надгробья. Это обстоятельство существенно затрудняет, но не останавливает начатую местными краеведами поисковую работу.

Старых надгробий и памятников сохранилось довольно много, но часть из них в состоянии настолько плохом, что не может дать исследователям и потомкам какую-либо информацию о захоронении.

Порядок захоронений представляет собой очень хаотичную структуру, без намека на какую-либо рядность. Единственный соблюдаемый признак всех захоронений – ориентация на восток и то под разными углами.

Характер установок памятников отражает все сменяющиеся с момента возникновения кладбища социально-экономические периоды истории нашего государства. Памятники дореволюционного периода и начала XX в. представляют собой фундаментальные надгробия из песчаника и лабрадорита. Они установлены на местах индивидуальных и семейных захоронений казачьих воинских и гражданских чинов. Фамилии, выбитые на памятниках: Косовы, Дукмасовы, Чумаковы, Кунаковы, Крюковы, Куницыны и другие – широко известны на Донской земле.

Драматичные 1920–1940-е гг. изяществом и прочностью погребений не отличались. Во многих случаях могилу отмечал деревянный крест или камень-пластушка с надписью. Кресты гнивали, камень постепенно разрушался, могильный холм сравнивался с землей и поглощался зарослями сирени. И с течением времени неосведомленные горожане стали производить повторные захоронения на местах исчезнувших могил. Небольшая часть таких безымянных холмиков с камнем уцелела, за ними ухаживают горожане.

Начиная с 1950-х гг., наряду с деревянными крестами, всё чаще стали устанавливать металлические надгробия, которые по мере ветшания заменяются в наше время родственниками на полимерные, мраморные, гранитные мемориальные изделия, выполненные по эскизам и др.

В народной традиции сохранения памяти каждое захоронение важно, независимо от социального статуса погребенного. Каждый человек, когда-то живший на этой земле, внёс свой вклад в общую картину мира и имеет право на память. Поэтому особую тревогу вызывают старые захоронения, стремительно разрушающиеся вследствие природных и человеческого факторов. Сохранение памятников и могил, поисковая работа, направленная на их персонализацию, стали актуальной проблемой местных краеведов.

На Старом кладбище Константиновска сохранилось немалое число надгробий конца XIX – начала XX в. Чаще всего они представляют собой надгробные плиты из песчаника с изображением креста и надписью. Реже встречаются памятники из чёрного лабрадорита.

Историческую, краеведческую ценность представляют захоронения Куницыных, Крюковых, Дукмасовых и других, описанные краеведами В.П.Граф и Е.К.Стефановой.

Н.А.Куницын был одним из богатых купцов и благотворителей станицы Константиновской. На кладбище сохранилось общее захоронение членов его семьи. Оно обозначено памятником из серого песчаника в виде аналая, покрытого знаменем с раскрытым Евангелием, и расположенного на трёхступенчатом прямоугольном основании. С трёх сторон аналая сохранились надписи. На лицевой стороне памятника написано: «Здесь покоится прах раба Божия подпоручика Александра, убитого на поле брани 25 декабря 1916 года». С правой стороны: «С ним же его братья: младший Василий и Владимир, Вера,

Варвара, Андрей, Ксения Куницыны». С левой: «Сотница¹ Матрена Петровна и Татьяна Апполоновна (Рябовы)». Причина и время их смерти не указываются.

Могила войскового старшины Ф.П.Крюкова (16.08.1837 – 30.10.1890), основателя первой публичной библиотеки в окружной станице Константиновской – на данный момент самое старое из исследованных захоронений. С 18 лет Ф.П.Крюков начал военную службу, в чине есаула принимал участие в двух войнах, награжден медалями. На его могиле установлен памятник из серого песчаника в виде прямоугольной тумбы-obeliska со ступенчатыми основанием и навершием. В день, посвященный 125-летию основания Константиновской районной библиотеки, члены клуба «Константиновский краевед» на могиле Ф.П.Крюкова рядом с памятником установили поклонный крест, а самой библиотеке Постановлением №687 от 29.07.2010 г. Администрацией Константиновского района присвоено имя ее основателя.

В центре кладбища, справа от дороги, хорошо виден высокий памятник из чёрного лабрадорита в виде дерева с обрубленными ветвями. Это захоронение супругов Косовых Ивана Евгеньевича и Анны Григорьевны (в девичестве Дукмасовой). Их дочь Антонина (1862–1920) вышла замуж за Е.П.Савельева, поэта и историка донского казачества.

Семейное захоронение Кунаковых представляет собой тоже памятник из лабрадорита черного цвета в виде дерева с обрубленными ветвями, только обвитого цепью с якорем и установленного на массивном прямоугольном основании. В могиле 3 захоронения: матери, М.Ф.Кунаковой (1841–1909), ее сына, Г.Ф.Кунакова (1860–1907) и невестки, С.А.Кунаковой (1883–1904). Это семья с дворянскими корнями, по мужской линии – Георгиевских кавалеров. Семейный памятник долгое время был в полуразрушенном состоянии: верхняя часть в виде дерева многие годы лежала на земле рядом с основанием, но благодаря организованному станичным атаманом А.П.Денисовым субботнику был восстановлен в наше время.

Могила кадета Л.Дукмасова сильно пострадала от времени: от памятника осталось только одно прямоугольное основание из чёрного лабрадорита с надписью. Из надписи можно узнать, что Леонид умер в возрасте 17 лет от шрапнельной раны, полученной на полях сражений Первой мировой войны на позиции «Осташин–Бояры». Сегодня

---

¹ Жена сотника.

«Осташин» (правильно «Асташин») и «Бояры» – наименования населенных пунктов Гродненской области Белоруссии. Представители мужской линии семьи Дукмасовых — Георгиевские кавалеры.

Выше указаны наиболее известные и изученные исторические захоронения Старого кладбища. Часть каменных надгробий внешне сохранилась, но без опознавательных надписей, что затрудняет их идентификацию. Впрочем, учителям-краеведам и их юным воспитанникам из хутора Гапкина удалось в процессе исследования установить предполагаемое захоронение есаула Куканова². На нескольких десятках надгробных плит из песчаника хорошо сохранились надписи, они ждут изучения и восстановления, поскольку разрушаются под воздействием временных и природных факторов.

В современных социально-экономических условиях масштабная помощь государства в реконструкции кладбищенских мемориалов практически невозможна, а в массовом сознании обывателей не заложена потребность в сохранении историко-культурных ценностей. На наш взгляд, решение проблем по сохранению исторических некрополей – это личные и общественные инициативы активистов с использованием возможностей и ресурсов общественных организаций с привлечением муниципальных служб, предпринимателей, фермеров и т.п.

Личные инициативы в Константиновске имеют давнюю историю. Так, по свидетельству жительницы Константиновска Л.Г.Онуфриенко, после освобождения Константиновского района от немецко-фашистских захватчиков в конце зимы 1943 г. один из местных жителей собрал 9 мальчишек и девчонок (среди которых была и Людмила в возрасте 12 лет) для захоронения погибших советских солдат. Подростки вырыли на кладбище 4 могилы и похоронили в них несколько десятков окоченевших трупов погибших воинов. Имена погибших воинов и факт наличия у них опознавательных документов Людмиле не известны. После войны, вернувшись на родину, Людмила Григорьевна навестила братские могилы. В ее отсутствие за ними ухаживали работники военкомата и местные жители. Однако вместо четырёх могил уцелело лишь 3, и то через одну уже была протоптана тропа (но памятник еще стоял), а четвёртая исчезла под свалкой мусора. Вместе с сыном и соседкой Н.И.Шкрядо Людмила Григорьевна взяла под опеку сохранившиеся братские могилы.

---

² Костромин А.П. Судьба дочери есаула Куканова //Одиннадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А.Кошманова. Ростов н/Д., 2019. С. 152.

В канун 65-летия Великой Победы районная газета «Донские огни» опубликовала заметку Н.Сухоруковой о полузабытых городом братских могилах. Эта публикация не оставила равнодушным В.А.Градобоева — предпринимателя, краеведа, много лет занимающегося военной историей родного края, ныне командира поискового отряда «Донской». Вместе с автором письма он отыскал 2 стальных памятника цилиндрической формы с заострёнными верхушками с надписью на табличках «Братская», истлевшие остатки деревянного креста, обозначавшего третье захоронение. Четвертое захоронение найти не удалось ввиду отсутствия памятного знака³. А в 2010–2011 гг. В.А.Градобоев установил на трёх братских могилах новые мраморные памятники вместо старых.

В 2015 г. бойцами поискового отряда «Донской» был обновлён памятник местному легендарному хирургу, Заслуженному врачу РСФСР Д.С.Линникову. Во время оккупации п. Константиновского с июля 1942 г. по январь 1943 г. Д.С.Линников, рискуя собственной жизнью, лечил тяжелораненых бойцов Красной Армии, а после войны продолжил самоотверженную заботу о жизни и здоровье людей.

В 1970–1980-х гг. инициативу по уходу за старыми памятниками и могилами проявляла преподаватель педагогического училища М.И.Старовойтова. Несмотря на соответствующие тому времени идеологические установки, она со студентами ухаживала за могилами Ф.П.Крюкова и кадета Дукмасова, объясняя студентам, что Дукмасов — их ровесник, защищавший Родину в Первую мировую войну. Теперь заботу о захоронениях взяли на себя работники районной библиотеки и студенты педагогического колледжа.

Проблемы сохранения исторической памяти и, в частности, мемориалов Старого кладбища, не остаются вне зоны внимания общественных организаций. В Константиновске действуют 3 официальные общественные организации, имеющие непосредственное отношение к истории края: клуб «Константиновский краевед», поисковый отряд «Донской» и городское казачье общество «Станица Константиновская». Кроме того, существуют неформальные объединения ветеранов службы различных родов войск: пограничников, десантников, моряков, разведчиков и др. И хотя у всех этих объединений разные цели и задачи,

---

³ Золотарёва М. На братских могилах не ставят крестов //Наше время. 2010, 7 декабря. С. 3.

есть общий вектор – сохранение исторической памяти и традиций. А это позволяет использовать «ведомственные» интересы указанных сообществ для решения проблем изучения и сохранения исторического некрополя города. Так, например, казачье общество шефствует над захоронениями (старыми и новыми) тех, кто имел отношение к истории и современному возрождению казачества; поисковый отряд курирует воинские захоронения и т.д. В состав указанных сообществ, как правило, входят уже зрелые, состоявшиеся в профессиональном плане люди. Среди них есть и предприниматели, и фермеры, и руководители различных организаций и предприятий и др. А среди жителей города и района, не входящих в какие-либо сообщества, есть сочувствующие тем или другим: одни готовы помогать только казакам, другие – поисковикам, а третьи поддерживают любую инициативу, связанную с изучением и сохранением истории родного края.

Кроме того, могут быть использованы определённые, хотя и ограниченные возможности Центров занятости населения (ЦЗН), Комитета по молодёжной политике при районной администрации, образовательных и культурных учреждений. Так, к примеру, в ЦЗН существует программа организации временного трудоустройства несовершеннолетних граждан, которая реализуется по договорам между службой занятости населения и работодателями. Виды работ, которые предлагаются подросткам, могут иметь патриотическую направленность. Так, в 2015 и 2017 гг. В.А.Градобоев, как индивидуальный предприниматель, принимал подростков на временные работы: ребята занимались благоустройством территории, прилегающей к захоронениям воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны (памятники на них ранее были установлены силами бойцов поискового отряда).

Комитет по молодёжной политике периодически организует добровольческие акции по уходу за памятниками и воинскими захоронениями. Одна из акций получила название «Операция звёздочка»: ребята должны были на Старом городском кладбище находить памятники со звёздочками и обновлять их при необходимости. Материалы – кисти, краску – выделяли местные предприниматели.

Возможны и другие формы и способы решения проблем сохранения исторических некрополей. Но в любом случае, кто-то должен инициировать эту деятельность. На наш взгляд, по праву и по степени осознания важности этих проблем эту работу должны осуществлять краеведы.

Старинное Успенское (Коломенское) кладбище Великих Лук (Псковская обл.): проблемы изучения и сохранения

Древний русский город Великие Луки живописно раскинулся на берегах р. Ловать, имеющей несколько притоков. Один из них — небольшая речка Коломенка. Согласно преданию, свое название она получила в конце XV в., когда стрельцы из подмосковного г. Коломны прибыли сюда восстанавливать в очередной раз разоренные литовцами Луки. Они и назвали безымянную речушку в честь своего родного города. За Коломенкой и поныне находятся остатки старинного Успенского кладбища, называемого в обиходе Коломенским¹.

Историю кладбища в тесной взаимосвязи с историей Успенской церкви впервые написал ее настоятель Иван Михайлович Пульхеров, оставивший заметный след в истории Великих Лук и Псковской губернии, он был известен и за ее пределами. И.М.Пульхеров является одним из родоначальников великолукского краеведения. Он занимался историей великолукских церквей и монастырей, собирал местный фольклор, опубликовал несколько произведений по результатам своих исследований, он — автор ряда историко-краеведческих работ².

Применительно к истории Коломенского кладбища нас больше интересует его работа «Великолукская Успенская кладбищенская церковь и ее приход» (1879 г.). В ней автор дает краткий очерк возникновения и развития кладбища, а также перечисляет находящиеся здесь известные могилы.

---

¹ Орлов В.В. История Успенского (Коломенского) кладбища Великих Лук //Десятые Всероссийские краеведческие чтения (Москва-Верея (Московская обл.) — Великие Луки (Псковская обл.), 13–17 мая 2016 г.) /Отв. ред. В.Ф.Козлов, сост. А.Г.Смирнова. М., 2017. С. 652–656.

² Подробнее см.: Белоков Д.А. Из истории краеведения: И.М.Пульхеров — священник, просветитель, краевед //Віцебскі край: матэрыялы II Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 385-годдзю выхаду ў свет «Буквара» Спірыдона Собаля, 24 лістапада 2016 г., Віцебск. Мінск, 2017. Т. 2. С. 28–32.

Краткая история кладбища такова. Во исполнение специального указа Сената с 1771 г. в городах Российской Империи вместо приходских кладбищ создавалось единое городское кладбище, на котором и разрешалось хоронить умерших. Так в г. Великие Луки было организовано два городских кладбища: Введенское (не сохранилось) и Коломенское. Коломенское кладбище было вторым общегородским местом захоронения усопших. Открыто в 1774 г. на бывшей пустоши Душегреине. На кладбище стояла выстроенная в 1795 г. каменная церковь Успения Пресвятой Богородицы. Предшественницами храма были деревянные церкви, которые сгорели.

Помимо церкви, в ограде Коломенского кладбища была ещё и часовня Преподобного Нила Столобенского. Кладбище к середине XIX в. опоясывала покрытая тесом каменная ограда, в которой имелось двое ворот. На Коломенском кладбище хоронили дворян, купцов и мещан. Здесь покоятся представители многих известных великолукских фамилий: Корвин-Круковские, Новские, Горбуновы, Державины, Кужелевы. На Коломенском кладбище похоронена родная тётя С.В.Ковалевской. Здесь же во время Отечественной войны 1812 года и Первой мировой хоронили русских солдат, умерших от ран в великолукских госпиталях, в частности, участников Брусиловского прорыва. В 1814 г. были захоронены умершие в плену французы.

О.П.Шишкина, автор «Заметок и воспоминаний русской путешественницы» середины XIX в. так описывала Успенское кладбище: «Тут хоронят в роще между кедрами, липами и клёнами. Не видывала места более приличного для кладбища. Должно быть, отрадно приходиться сюда молиться об усопших родных и друзьях и нельзя опасаться, что прахом их зараженный воздух сократит жизнь тех, кто часто посещают могилы их»³.

До наших дней на Коломенском кладбище сохранились памятник на могиле героя войны 1812 года генерала А.В.Несторовского, надгробие статского советника В.П.Богданова и ещё несколько разбросанных по всему кладбищу и поломанных могильных камней. В годы Великой Отечественной войны Коломенское кладбище стало местом массового расстрела великолукских подпольщиков. Здесь же они и были первоначально захоронены. Затем их прах был перенесен

---

³ Шишкина О.П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. СПб., 1848.

на воинское братское мемориальное кладбище, а на месте расстрела в 1997 г. был установлен памятный знак.

В настоящий момент Коломенское кладбище занимает всего лишь треть того участка земли, что был выделен под него первоначально. Большая часть старинного кладбища была уничтожена в 1950-е гг. Сровненные с землёй могилы в наши дни находятся под постройками городской тюрьмы.

В 1983 г. отделом архитектуры г. Великие Луки был выполнен проект благоустройства кладбища. Но реализован он не был. Уменьшение территории происходило за счет строительства тюрьмы (СИЗО), а также ЛТП. Последнее уменьшение территории произошло после 1983 г. за счет расширения участка ЛТП.

В 1988 г. горисполком принял решение о ликвидации Коломенского кладбища с организацией на месте кладбища сквера. Ответственность города, городское отделение ВООПИиК выступили с рядом статей в газете «Великолукская правда» о необходимости сохранения Успенского (Коломенского) кладбища как исторического памятника и о необходимости его благоустройства. 17 октября 1991 г. Исполком горсовета принял решение «О сохранении Коломенского кладбища как памятника истории города и места захоронения воинов и жителей города, погибших во время Великой Отечественной войны».

В 1991 г. на основании заявки Горупркомхоза и решения Горисполкома Великих Лук был создан проект благоустройства. При проектировании использовались материалы, предоставленные городским отделением ВООПИиК (письма, фотографии, статьи в газете «Великолукская правда»), нереализованный проект благоустройства бывшего «Коломенского кладбища» 1983 г., инженерно-строительные изыскания, выполненные в 1992 г. М.П. «Приоритет» г. Великие Луки.

Было разработано два варианта эскиза генплана и основные направления по принятию принципиальных моментов и основных видов работ по благоустройству, которые и были рассмотрены на расширенном заседании Президиума ВООПИиК.

По варианту №1 предусматривалось отчуждение от ЛТП части территорий между ограждениями, со сносом кирпичного забора, то есть с увеличением площади кладбища, и возвращением ранее захваченных земель.

По варианту №2 закреплялась территория кладбища, сложившаяся на начало 1992 г. Решение согласовано Комитетом по земель-

ным ресурсам и землеустройству, главным архитектором города и Горупркомхозом.

По результатам рассмотрения предпроектных предложений были приняты следующие положения: 1. Именован объект как благоустройство Успенского (Коломенского) кладбища в г. Великие Луки; 2. Принять за основу эскиз генплана по варианту №2; 3. Предусмотреть: организацию мемориальной (памятной) зоны с включением в нее памятника Несторовскому; сохранение намогильных памятников; установка памятных знаков о захоронениях участников Великой Отечественной войны, неизвестным мирянам города, чьи надгробные знаки сохранились и находятся под охраной отделения ВООПИиК; 4. Выполнить ограждение территории кладбища с устройством главного входа и входных калиток; 5. Благоустроить проезд и пешеходные аллеи и дорожки. Осветить и озеленить территорию, убрав выбракованные деревья и кустарники, произвести дополнительные посадки и устройство газонов; 6. Выполнить благоустройство прилегающей к кладбищу территории вдоль ул. Горлицкой и объездной дороги с устройством газонов, тротуаров, стоянки машин.

Принятые положения были взяты за основу при разработке проектной документации. 23 февраля 1994 г. на расширенном заседании президиума ВООПИиК с участием заместителя главы администрации Ю.Б.Ханина, главного архитектора города А.А.Сваричевского, представителя от Горупркомхоза проектные решения были рассмотрены и одобрены⁴. Однако, как и прежде, проект реализован не был.

В 2016 г. Великие Луки отметили 850-летие своего первого летописного упоминания. Юбилей стал важным событием в жизни города, способствовал усилению внимания к проблемам сохранения и популяризации культурного наследия, как со стороны общественности, так и органов власти. По инициативе краеведов, Общественного совета по вопросам историко-культурного наследия, Комитета культуры Администрации г. Великие Луки был инициирован вопрос о придании Коломенскому кладбищу статуса объекта культурного наследия. Государственный комитет Псковской области по охране объектов культурного наследия выступил заказчиком государственной экспертизы. Она была проведена в 2016 г. экспертом в сфере историко-культурной экспертизы С.Е.Шунгиной.

---

⁴ Проект благоустройства Успенского (Коломенского) кладбища. Великие Луки, 1994.

В ходе экспертизы было установлено, что объект представляет историческую ценность как объект культурного наследия регионального значения, как место упокоения не только известных жителей Великих Лук, но и русских и советских воинов, участвовавших в войне 1812 года, Первой мировой войне, Великой Отечественной войне. Эксперт посчитал обоснованным включение выявленного объекта культурного наследия «Коломенское (Успенское) кладбище» 1774–1958 гг., расположенного по адресу: Псковская область, г. Великие Луки, ул. Горицкая, 8, в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Рекомендуемая категория историко-культурного значения — региональная. Вид объекта — достопримечательное место (памятное место)⁵.

Приказ Государственного комитета Псковской области по охране объектов культурного наследия от 28.02.2017 г. «О включении выявленного объекта культурного наследия «Коломенское (Успенское) кладбище», 1774–1958 гг., (Псковская область, г. Великие Луки, ул. Горицкая, 8) в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждении границы и режима использования территории» определил современный статус кладбища⁶.

Коломенское (Успенское) кладбище является уникальным и единственным на территории современных Великих Лук старинным кладбищем, насчитывающим более чем двухвековую историю.

На территории Коломенского (Успенского) кладбища нашли свой последний приют представители многих великолукских фамилий, как дворянских, так и купеческих, и мещанских, а также воины как минимум трех войн (Отечественной войны 1812 года, Первой мировой и Великой Отечественной войн).

---

⁵ Акт историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Коломенское (Успенское) кладбище» 1774 г., расположенного по адресу: Псковская область, г. Великие Луки, ул. Горицкая, 8.

⁶ Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации //Официальный сайт Минкультуры РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: opendata.mkrf.ru, свободный.

Смоленское Братское кладбище — утраченный некрополь Первой мировой войны (документальная летопись 1914–1918 гг.)

В Первую мировую войну, в которую Российская империя вступила во второй половине июля 1914 г., Смоленской губернии выпала нелегкая доля, фактически она являлась прифронтовой зоной Западного фронта. Это обстоятельство наложило на Смоленщину особый отпечаток: через нее шли эшелоны с ранеными и больными, военнопленными, проходили потоки беженцев с оккупированных территорий.

Первые раненые появились уже в начале августа 1914 г. За месяц в Смоленске было подготовлено 5 лазаретов. Раненых и больных с поездов снимали члены и уполномоченные Комитета помощи больным и раненым воинам, при участии дежурного на перевязочном пункте медицинского персонала и по соглашению с начальником эшелона. Снимали лишь в тяжелых случаях, требующих спешного оперативного вмешательства, или уроженцев Смоленщины. Разрешение на госпитализацию раненых указанных категорий было получено телеграммой 9 августа от председателя Полоцкой эвакуационной комиссии полковника Абрамовича. Массовый прием начался лишь с октября месяца. На 1 ноября 1914 г. в Смоленске было подготовлено к приему раненых и больных 17 лазаретов с 2259 койками¹.

Несмотря на профессиональный и самоотверженный труд медицинского персонала, избежать летальных исходов не представлялось возможным. О первых случаях смерти в лазаретах публиковалась информация в газете «Смоленский вестник»: «Вчера [22 августа] в лазарете Временного комитета скончался от ран рядовой Зиновий

---

¹ Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. Вып. 1. Ноябрь 1914 г. /Смоленский губернский комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Смоленск, [Б.г.]. С. 12, 18.

Юржик². В 12 ч. дня покойный был перенесен в Нижнюю Благовещенскую церковь. Сегодня после обедни вынос на военное кладбище (на Покровке)». «Вчера [3 сентября] в лазарете Временного комитета скончался от ран рядовой Фил. Долголуков. Вынос сегодня из Нижне-Благовещенской церкви на военное кладбище после обедни»³ и др.

С 9 августа 1914 г. по 1 января 1915 г. в Смоленске в госпиталях от ран и болезней умерло 74 нижних чина. Уже во второй половине сентября 1914 г. Смоленский губернский комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам просит городскую управу обратиться в Думу с ходатайством об отводе небольшого участка городской земли близ больничного кладбища для погребения умирающих в лазаретах⁴.

Примерно в этот же период — в сентябре 1914 г. — «в заботах об увековечении памяти жертв войны Александровский комитет [о раненых] представил на высочайшее благоволение пожелания свои о том, чтобы умирающие воины были хоронены в каждом городе лишь на определенном кладбище и в одном месте. Впоследствии такие места могут быть обсажены деревьями, обнесены решеткой и будут представлять особые братские кладбища, напоминающие будущим поколениям о жертвах Великой Европейской войны. Ввиду этого Александровский комитет о раненых выражает пожелание, чтобы земские, городские и общественные учреждения оказали содействие устройству братских кладбищ и сооружению в церквях досок и различных памятников на местах родины убитых воинов. Эти пожелания Александровского комитета 19 сентября были удостоены высочайшего одобрения»⁵. Одобренное Николаем II положение Александровского комитета 10 октября за №49/10529 было разослано министром

---

² В метрической книге Благовещенской церкви Смоленска указано: «Рядовой 120 Серпуховского пехотного полка Зиновий Юржик». См.: Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 48. Оп. 4. Д. 951. Л. 349об.

³ Разные известия //Смоленский вестник (СВ). 1914. №193, 23 августа. С. 2; Разные известия //Там же. №205, 4 сентября. С. 2.

⁴ Городские дела //Там же. №222, 21 сентября. С. 2.

⁵ Увековечение памяти павших воинов //Там же. №236, 5 октября. С. 2.

внутренних дел губернаторам, а из их канцелярий поступило в земские и городские органы власти⁶.

К осени 1914 г. братские военные захоронения были основаны в Риге и Петрограде, а в 1915–1916 гг. — в Москве, Киеве, Курске, Пскове, Тамбове. Специальные участки для мемориальных захоронений отводились в уездных городах Волынской, Екатеринославской, Рязанской, Тульской Черниговской и других губерний⁷.

В Смоленске вопрос об отводе особого кладбища для погребения умерших воинов впервые был озвучен на собрании Городской думы 11 ноября 1914 г. Окончательно его рассмотрели на заседании 9 декабря, на котором официально утвердили место по Рославльскому шоссе. Фактически, оно было отведено ранее, так как на указанном месте к этой дате уже было захоронено 18 воинов⁸. На заседании рассмотрели и одобрили вопросы, связанные с созданием и благоустройством Братского кладбища и сооружением на нем часовни или храма-памятника: «1) открыть прием пожертвований на построение часовни-памятника при кладбище; 2) возбудить ходатайство о разрешении сбора пожертвований по губернии; 3) ассигновать 300 руб. на устройство кладбища; 4) поручить управе организовать управление кладбищем, пригласив в состав этой организации Н.Г.Левицкого и А.А.Шебловинского».

---

⁶ См., например: Доклад управы №92 чрезвычайному Дорогобужскому уездному земскому собранию. Об увековечении памяти воинов, павших на поле брани и от полученных ран в текущей войне //Журналы и доклады 50-го очередного Дорогобужского уездного земского собрания (с 3 по 8 ноября 1914 года) и чрезвычайных 3 мая и 7 августа 1914 года. Витебск, 1915. С. 317–318; [Копия циркуляра министра внутренних дел по вопросу об ознаменовании памяти жертв войны в местах их вечного упокоения и родины] //Журналы чрезвычайного и 50-го очередного Вяземского уездного земского собрания. За 1914 г. Вязьма, 1915. С. 289–290.

⁷ Братское кладбище в Москве, 1915–1924. Некрополь: именные списки: словарь-справочник: в 2 т. Т. 1 (А–Л) /Подгот. Н.Л.Зубова, М.В.Катагощина. М., 2013. С. 3.

⁸ Одно из первых погребений на территории будущего Братского кладбища — умершего 7 ноября от огнестрельной раны, полученной в бою под г. Августовом 22 октября, Ильи Степановича Кузе(и)ванова — было совершено 9 ноября 1914 г.. Первоначально в метрических книгах смоленских храмов место захоронения указывалось: «на военном лазаретском кладбище», «на Рославльском военном кладбище».

Предложение обратиться ко всем местным лазаретам с просьбой оказать помощь (хотя бы в размере 50 руб.) на вышеуказанные цели было отклонено, так как «лазареты содержатся в большей части на пожертвованные суммы или специальные ассигнования, что поставит их администрацию в затруднение»⁹. Из-за большого числа погребений уже 22 июля 1915 г. Комитет по заведыванию Братским кладбищем обратился в Городскую думу «с ходатайством о прирезке к Братскому кладбищу части свободной выгонной земли до 50 саж[еней]. В глубину и длиною по ширине всего кладбища. Указанная земля не представляет для города надобности — покрыта она зарослями и кочками. При существующем сочувствии военного ведомства в деле благоустройства кладбища земляные работы будут сделаны трудами воинских частей»¹⁰.

На заседании 11 ноября 1914 г. Смоленское уездное земское собрание по предложению Александровского комитета о раненых приняло решение, о необходимости принять участие совместно с городской администрацией в устройстве особых кладбищ для умерших от ран воинов и в увековечении их памяти, для чего ассигновать нужную сумму из запасного капитала.

В начале 1915 г. смоленский губернатор Б.А.Булгаков ходатайствовал перед Министерством внутренних дел и перед Святейшим Синодом о разрешении открыть сбор пожертвований в пределах Смоленской губернии на сооружение храма-часовни на Братском кладбище¹¹. Необходимые разрешения были получены в середине лета 1915 г. 31 июля Смоленская городская управа разослала отношения по всем уездным земским управам губернии с просьбой оказать посильную помощь в сборе средств на возведение храма-часовни¹². Одновременно

---

⁹ Из зала городской Думы. (Заседание 9 декабря) //СВ. 1914. №303, 11 декабря. С. 2; По ходатайству Смоленской городской Думы об ассигновании на сооружение часовни-памятника на Братском кладбище в г. Смоленске //Журналы LI очередного Смоленского губернского земского собрания заседаний: 24–26 февр[аля] и 1–4 марта 1916 г. с приложениями. Смоленск, 1916. С. 5–8. [По разным вопросам].

¹⁰ В Комитете Братского кладбища //СВ. 1915. №199, 25 июля. С. 2.

¹¹ В целях увековечения памяти Первой мировой войны на Смоленщине Смоленская губернская земская управа в апреле 1915 г. выступила с инициативой, а затем и приступила к созданию Архива-музея Первой мировой войны.

¹² ГАСО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 88.

проводился сбор пожертвований от частных лиц, учреждений, по подписным листам, а 14 сентября 1916 г. (в день праздника Воздвижения за всенощной и литургией) в церквах Смоленской епархии состоялся кружечный сбор. Первые пожертвования по подписному листу поступили 17 августа¹³, о чем писала газета «Смоленский вестник», которая также собирала средства по подписному листу. Сбор пожертвований шел на протяжении 1915 и 1916 гг. с разным успехом, к 1 января 1917 г. было собрано 8377 руб. 67 коп.¹⁴ К сожалению, последующие события 1917 г. не позволили довести начатое дело до конца.

Несмотря на регулярные захоронения («почти ежедневно бывает 2–3 погребения, а было даже и 7 погребений»¹⁵ — по сведениям на июль 1915 г), в любое время года, в любую погоду территория кладбища представляла довольно ухоженную зону: «Кладбище занимает ровную площадь, окопано канавой и обнесено изгородью, имеет удобный подъезд, имеется сторожка, содержится в порядке и при незначительных затратах может быть еще более улучшено. По своему положению удобное в том отношении, что все лазареты, за исключением двух, находятся в верхней части города»¹⁶.

Состояние кладбища регулярно контролировалось представителями лазаретов и Комитетом по заведыванию Братским кладбищем. Первые проверяли правильность установки на могилах крестов с табличками со сведениями о захороненном и, из какого лазарета он поступил. В Смоленске и Смоленском уезде за период с 1 августа 1914 г. по 1 августа 1915 г. в земских больницах умерло 303 нижних воинских чина и других лиц казенных ведомств¹⁷. Расходы на их погребение (материалы для гроба, на его изготовление, на выкапывание могилы, на свечи и ладан, на отпевание, на холст для рубашки и покрывало с шитьем и прочее) составили 878 руб. 72 коп. (то есть 2 руб. 90 коп.

---

¹³ Пожертвование //СВ. 1915. №225, 20 августа. С. 2.

¹⁴ Разные известия //Там же. 1917. №24, 26 января. С. 3.

¹⁵ В Комитете Братского кладбища //Там же. 1915. №199, 25 июля. С. 2.

¹⁶ По ходатайству Смоленской городской Думы об ассигновании на сооружение часовни-памятника... С. 5–8.

¹⁷ Обобщенные сведения приводятся по двум больницам: Смоленская губернская земская соматическая больница и Гедеоновская психиатрическая больница Смоленского губернского земства. В психиатрической больнице умерло 186 человек, из них: 6 — военного ведомства, 180 — гражданского.

на одного усопшего). Стоимость изготовления и установки одного намогильного креста (включали в себя: материал, краска, работа, постанова) равнялась 1 руб. 50 коп.¹⁸ Таким образом, погребение одного человека и установка намогильного креста обходились в 4 руб. 40 коп.

Комитет по заведыванию Братским кладбищем отвечал за общее состояние кладбища, 22 июля 1915 г. он сообщал: «Комитет осмотрел работы на кладбище и нашел, что работы по благоустройству кладбища делаются весьма расчетливо и согласно указаниям Комитета. Посадка насаждений, окраска ограды, крестов, некоторые земляные работы и проч[ие] работы могут быть выполнены в ближайшее время и так, как это намечено Комитетом»¹⁹.

Говоря о деятельности Комитета по заведыванию Братским кладбищем, нельзя не назвать людей, входивших в его состав в разное время: купец, гласный Смоленской городской думы, член совета Смоленского купеческого банка, член попечительского совета торговой школы Смоленского купеческого общества, зам. члена Смоленского губернского присутствия по делам страхования рабочих И.М.Богданов, секретарь Смоленской городской управы П.Ф.Гильберт, городской архитектор, гражданский инженер, член Смоленского городского по Государственному налогу с недвижимого имущества присутствия, сверхштатный член Смоленского отделения епархиального училищного совета Н.В.Запутряев, надворный советник, член-оценщик Смоленского отделения Государственного земельного банка Н.Г.Левицкий, статский советник, гласный Смоленской городской думы, преподаватель Смоленской мужской гимназии и 1-й Мариинской женской гимназии, член Смоленского городского комитета попечительства о народной трезвости, председатель Смоленского церковно-певческого благотворительного общества П.П.Любимов, купец, гласный Смоленской городской думы, почетный попечитель 3-го Высшего начального училища П.П.Мачульский, председатель Комитета (с сентября 1916 г.), коллежский советник, член Смоленской городской управы, гласный Смоленской городской думы, ветеринарный врач В.К.Подвицкий, законоучитель Смоленской 2-й женской гимназии прот. В.Сеньковский, П.П.Соболевский, директор Смоленского городского общественного Пестрикова и Ланина Банка Н.С.Троицкий и секретарь Комитета

¹⁸ ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 61 (1915 г.). Л. 77, 78.

¹⁹ В Комитете Братского кладбища... С. 2.

(с сентября 1916 г.), делопроизводитель Смоленского пожарного общества А.А.Шебловинский.

В настоящее время до нас дошли сведения о деятельности в Комитете лишь одного из них — П.П.Любимова. Зато это не строки казенного отчета, а живые воспоминания: «Служа живым, Павел Петрович не забывал и мертвых героев. Уголок их вечного покоя, Братское кладбище, находил в нем рассудительного и зоркого хозяина. Помню, как он волновался, когда на кладбище, в силу какого-то междуведомственного трения, воцарилась, было, мерзость запустения.

— Наш долг, наша обязанность охранять их покой — они умерли за Родину, а мы бросили их где-то на краю города, натыкали тощих елочек, — наступал он после одной из своих прогулок на кладбище на члена управы, заведующего последним, — там должны быть цветы, деревья, чтобы горожане ходили туда, как на прогулку.

— Помилуйте, Павел Петрович, мы не виноваты, нам людей не дают, средств, — пробовал оправдаться член управы.

— Глупости, сады убирать, дерн резать есть люди, а туда нет.

А когда, наконец, трения уладились, образовался попечительный Комитет, и кладбище было приведено в порядок, Павел Петрович успокоился и мечтал лишь о том, чтобы построить часовню.

— Церковку небольшую, но хорошую, светлую»²⁰.

Отдельно хочется упомянуть хотя и не члена Комитета, но человека, сделавшего для кладбища очень многое — хирурга и зав. госпиталем №1 Петроградской общины св. Елизаветы Российского общества Красного Креста, состоявшей под попечительством ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны — П.А.Розова²¹, нашедшего упокоение на этом кладбище 4 декабря 1916 г. (умер

---

²⁰ *Петров Г.* Над свежей могилой. (Из воспоминаний о Павле Петровиче Любимове) //СВ. 1917. №9, 11 января. С. 4.

²¹ Сын священника Владимирской губернии. На 1 декабря 1916 г. имел возраст 58 лет. В 1884 г. окончил Военно-медицинскую академию, где длительное время работал ассистентом академической хирургической клиники. В качестве хирурга принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. До начала Первой мировой войны П.А.Розов жил в Санкт-Петербурге, где состоял старшим врачом Елизаветинской общины сестер милосердия Красного Креста, «главным врачом одного из крупных заводов», консультантом-хирургом Георгиевской общины сестер милосердия Красного Креста и многих других лечебных заведений. В столице, как хирург, он пользовался известностью.

1 декабря). В некрологе о нем указано: «В последнее время покойный интересовался Братским кладбищем, где погребены солдаты — его любимцы серые герои, и его последнею волею было, в случае смерти, быть погребенным рядом с солдатами, на этом же кладбище. Летом к предстоящему крестному ходу на Братское кладбище он напечатал в «Смоленском вестнике» горячее воззвание к смолянам не забывать этого кладбища»²². После смерти П.А.Розова смоляне получили телеграммы с соболезнованиями от председателя Государственной Думы М.В.Родзянко и его супруги, а также от великой княгини Елизаветы Федоровны, некрологи в связи с его кончиной были опубликованы в центральной прессе.

Не оставляла своим вниманием Братское кладбище и Смоленская духовная консистория. Кроме согласования места расположения вновь создаваемого кладбища («не имеется ли вблизи его недостойных святыни мест»), сбора пожертвований, 18 марта 1916 г. Консistorией в «Смоленских епархиальных ведомостях» было опубликовано отношение №3797, содержащее резолюцию Николая II на доклад Александровского комитета о раненых, в которой говорилось: «чтобы духовенство епархии приняло возможные по местным условиям меры к увековечению памяти жертв» войны, а «градским, кроме того — озаботиться устройством братских кладбищ. О сделанном по сему предмету духовенством благочинные по истечению года имеют донести консистории»²³.

В 1916 г. впервые на Братском кладбище в Смоленске состоялись торжественные службы. 1 мая из кафедрального собора на кладбище был совершен крестный ход. По описанию очевидца, в нем приняли участие епископ Феодосий, местное духовенство, певчие, представители военной и гражданской власти, пожарные общества и многотысячная толпа народа. «Вместе с духовенством молился и народ». После завершения службы «часть народа рассыпалась по кладбищу, и вскоре на многих надмогильных крестах запестрели живые цветы и венки из

²² Кононов М. Памяти Петра Алексеевича Розова. (Из письма в редакцию) //СВ. 1916. №321, 5 декабря. С. 4.

²³ Братское кладбище //СВ. 1915. №108, 23 апреля. С. 2; Дьяконов В., Карташев В., Мокржицкий. От Смоленской духовной консистории. Отношение, от 18 марта с.г. за №3797 //Смоленские епархиальные ведомости. 1916. №6. Официальный отдел, 16–31 марта. С. 122–123.

живых цветов»²⁴. 29 августа²⁵ 1916 г. на Братском кладбище, в день поминовения павших в бою воинов, была совершена вселенская панихида «по усопшим вождям и воинам и всем живот свой положившим за Веру, Царя и Отечество». Панихиду совершал ректор духовной семинарии архимандрит Дамиан при участии смоленского градского благочинного и гарнизонного благочинного, а также многих священников, обслуживающих лазареты. Кроме официальных лиц здесь присутствовали многие военные, персонал лазаретов и госпиталей с воинами, находящимися на излечении, а также большое количество местного населения. Добровольно пел хор из главного интендантского управления Минского военного округа²⁶.

В настоящее время выявлены сведения о 782 погребенных на смоленском Братском кладбище в период с 1914 по 1918 г. Здесь нашли своё упокоение не только военные, но и представители рабочих дружин, врачи (3 человека), санитары (5 человек) и одна сестра милосердия. В основном это уроженцы других частей Российской империи, начиная с западных губерний (Варшавской, Радомской, Сувалкской и др.) и заканчивая восточными Пермской губернией, Забайкальской, Семиреченской областями и другими, вместе с тем встречаются и смоляне — 37 человек.

С прискорбием приходится отмечать, что значительную часть погребенных на Братском кладбище нижних чинов составляли молодые люди в возрасте от 19 до 25 лет. В большинстве случаев это крестьяне, реже казаки (14 записей) и мещане (известно лишь 8 записей).

Положением Александровского комитета о раненых отдельно оговаривалось, что: «Братские кладбища могут быть открыты для погребения воинов русской армии нехристианских вероисповеданий». Установить вероисповедание всех захороненных на смоленском

---

²⁴ Крестный ход на Братское кладбище //СВ. 1916. №114, 2 мая. С. 1.

²⁵ В день поминовения павших в бою воинов, 29 августа, «вселенская панихида по усопшим вождям и воинам и всем живот свой положившим за Веру, Царя и Отечество» состоялась не только в Смоленске. Публикация в газете «Смоленский вестник» представляет нам сведения об общей молитве на братских могилах в Нижнем Новгороде, с участием местного духовенства, войск, учащихся и жителей города. См.: Панихида на Братском кладбище //Там же. №229, 31 августа. С. 2.

²⁶ На Братском кладбище //Там же.

Братском кладбище нам не удалось. Укажем только, что погребено было не менее 47 человек римско-католического вероисповедания, 17 — лютеранского и 460 — православного. Умерших военнослужащих евреев хоронили на Еврейском кладбище Смоленска.

Документально подтвержденных сведений о захоронениях магометан и представителей иных вероисповеданий нами не обнаружено, хотя имена некоторых не исключают их мусульманские корни (Изатула Мустафин, Гурем Османов, Шапари Шафтулин и др.).

Не осталось смоленское Братское кладбище и без примечательных личностей. Здесь нашли свое упокоение: прапорщик, руководитель Организационного Совета Украинского общества в Смоленске И.Ф.Видиборцев, захоронен 8 мая 1917 г. (умер 4 мая); генерал-лейтенант Юлий-Николай Максимилианович фон-Кубе²⁷, предан земле 21 апреля 1917 г. (умер 16 апреля); освобожденный политический заключенный В.К.Меликянц (в других публикациях — В.Меликьян), захоронен 12 марта 1917 г. (умер 9 марта); уже названный ранее П.А.Розов; подполковник 116-го этапа Западного фронта В.Н.Хвостов, нашел свое упокоение на кладбище 10 ноября 1916 г. (умер 6 ноября); представители известных дворянских родов: Н.Вериго, погребен 24 ноября 1915 г. (умер 23 ноября) и барон П.Ф.Фитингоф-Шель, захоронен 9 февраля 1917 г. (умер 7 февраля).

Захоронение этих личностей и тот факт, что на Братском кладбище хоронили тела убитых на фронте и доставленных в Смоленск, говорят о большом общественном значении этого городского кладбища.

В 1915 г. на нем массово стали хоронить гражданских лиц Смоленской губернии, беженцев, а также их детей. Сведения о них неодно-

---

²⁷ Ю.-Н.М. фон-Кубе, 1854 г.р. В службе с 1871 г. Образование домашнее, Тверское кавалерийское юнкерское училище. Офицер 13-го драгунского полка. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., после войны около трех лет состоял на болгарской службе, затем — по Отдельному корпусу жандармов: с 1898 г. — командир 4-го полевого жандармского эскадрона; с 1902 г. — командир 6-го гусарского полка, с 1908 г. — командир 1-й бригады 6-й кавалерийской дивизии (подполковник с 1894 г., полковник с 1899 г., генерал-майор с 1907 г.). 20 мая 1913 г. уволен в отставку с правом в генерал-лейтенанты, 15 ноября 1914 г. определен на службу с тем же чином — состоял для особых поручений 5-го класса сверх штата при Главном управлении государственного коннозаводства, летом 1916 г. командировался для наблюдения за отделением конского запаса Минского военного округа.

кратно встречаются в записях метрических книг смоленских храмов²⁸. Отдельно упомянем погребения 14 младенцев «из приюта “Смоленского бюро беженцев в доме Зольба”»²⁹.

Некрополь Братского кладбища составлен на основе двух источников. Во-первых, это газетные материалы. В газете «Смоленский вестник» публиковались списки под общим названием «Безвестные герои» (единственный раз 28 апреля 1916 г. название было изменено на «Незаметные герои»). Первый документ был напечатан 4 августа 1915 г., он начинается со строк: «На смоленском Братском кладбище до сего времени погребено до 200 человек безвестных героев, погибших от ран, полученных в боях с врагом. Редакция постепенно опубликует имена всех погребенных на кладбище»³⁰, последний раз в 1915 г. список был напечатан 29 ноября, всего в этот год опубликовано 40 списков (несколько из них частично или полностью дублируются). В Смоленске в настоящее время отсутствуют подшивки газеты «Смоленский вестник» за 1916 и 1917 гг., поэтому, возможно, удалось выявить за эти годы не все списки: за 1916 г. — 14 и за 1917 г. — 1. Некрологов и извещений о погребении на кладбище выявлено 26 по шести персоналиям. Второй источник — записи в третьей части метрических книг православных храмов Смоленска (Ф. 48), Смоленской евангельско-лютеранской церкви (Ф. 204. Оп. 1. Д. 13) и Римско-католического костела (Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4).

Не все персоналии, указанные в публикациях «Смоленского вестника», нам удалось обнаружить в метрических книгах, что можно объяснить отсутствием архивных документов по некоторым храмам за интересующий нас период. В то же время и газета публиковала неполные списки умерших.

Сведения, представленные в газете, довольно скупы: фамилия, имя, отчество, откуда родом, в единичных случаях звание и возраст.

---

²⁸ См., например: Иван Фомин (умер 24.02.1916 от рака, погребен 26.02.1916), 75 лет, крестьянин Смоленской губ. Ельнинского у. Ивонинской вол. //ГАСО. Ф. 48. Оп. 4. Д. 954 (Верхне-Николаевский храм). Л. 669об.–770; Пашко Иван Григорьев (умер 29.11.1916 от паралича сердца, погребен 1.12.1916), 77 лет крестьянин-беженец Гродненской губ. Пружанского у. Михайловской вол. дер. Замшовичи // Там же. Д. 954 (Казанский храм). Л. 537об.–541.

²⁹ См., например: Там же. Д. 953. Л. 389об.–390.

³⁰ Безвестные герои //СВ. 1915. №209, 4 августа. С. 2.

В метрических записях, кроме выше названной информации, почти всегда содержатся данные: дата и причина смерти, дата погребения, воинское формирование, возраст, вероисповедание. Иногда информация, указанная в этих двух источниках, имеет разночтения. Всего место рождения не установлено у 49 человек.

Из собранного материала, очевидно, что часть раненых поступала в госпитали и лазареты с документами, удостоверяющими их личность, место службы и призыва, место и время получения раны или заболевания (на их основе заполнялся «Билет, выдаваемый эвакуированному нижнему чину при поступлении в лечебное заведение»), но незначительная часть не имела подобных документов. Сведения о них записывались непосредственно со слов («будучи без сознания, подробных сведений о себе не дал», «место рождения неизвестно, скончался, не назвав местожительства»³¹ и т.п.). По этой причине значится трое неизвестных героев: «Неговорящий — умер от газового флегмона, сведений о его звании добыть не удалось». «Неизвестный, прибывший в лазарет в бессознательном состоянии», «остался неизвестным какое он носил имя, какой части войск и какой губернии»³².

На территории Смоленской губернии присутствовали военнопленные, и выполнявшие трудовые повинности³³, и находящиеся на излечении в госпиталях. Часть из них осталась на Смоленской земле навечно. Вероятно, одними из первых военнопленных, умерших в Смоленске, были германские солдаты: Ф.Гофман из Данцига, скончался 14 августа 1914 г. от огнестрельного ранения в Смоленской губернской земской больнице (погребен 18 августа «на больничном кладбище»), и В.Лэдэ, умерший 29 августа 1914 г. от ран (погребен 31 августа «как инословный» на Немецком кладбище)³⁴.

Управляющий делами Александровского комитета о раненых извещал, что: «Воинов же неприятельских армий на Братских кладби-

³¹ Безвестные герои //СВ. 1915. №229, 24 августа. С. 2; №240, 4 сентября. С. 2; ГАСО. Ф. 48. Оп. 4. Д. 940. Л. 272об.–273об.

³² Безвестные герои //СВ. 1915. №216, 11 августа. С. 2; №274, 8 октября. С. 2; ГАСО. Ф. 48. Оп. 4. Д. 953. Л. 462об.–463.

³³ По сведениям на 15 декабря 1916 г. в пределах Смоленской губернии на работах находилось 4264 военнопленных.

³⁴ ГАСО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4. Л. 738; Ф. 48. Оп. 4. Д. 951. Л. 349об.–350.

щах погребать не следует»³⁵. Но не бывает правил без исключений, на смоленском Братском кладбище было захоронено не менее пяти военнопленных.

С сожалением приходится констатировать, что в настоящее время Братское кладбище Смоленска, сохранив свое название, полностью утратило все захоронения эпохи Первой мировой войны. Также исчезла из общественного сознания историческая память о его первоначальном предназначении.

---

³⁵ Погребение пленных //СВ. 1915. №50, 21 февраля. С. 2.

Информационный потенциал мониторинга сельских кладбищ Омской области (1995–2017 гг.)

С 1993 г. в Омском государственном университете действует межведомственная группа по изучению этнографо-археологических комплексов народов Западной Сибири. Сама идея этой работы представлялась как последовательное сопоставление этнографических и археологических материалов, собранных по специально разработанным программам, для реконструкции реалий жизни сибирских народов на такую историческую глубину, насколько позволят имеющиеся источники.

Погребальный обряд всегда был значимой для археологии и этнографии темой, но подходы к его изучению были разными. Археологи в основном имели дело с погребальными памятниками, представленными самими погребениями и культовыми комплексами. Этнографы в основном собирали и исследовали устный материал, посвященный обрядовой стороне погребально-поминального цикла при минимальном внимании к материальной стороне этого обряда. Поставленная задача сопоставления материалов была решена в основном за счет изменения программ их сбора. Походы на кладбище, измерения размеров могил и типология намогильных сооружений дали результаты, превосходящие первоначальные ожидания.

Первым системно изученным кладбищем стал некрополь с. Бергамак Муромцевского района Омской области. Само село является одним из первых земледельческих поселений Омского Прииртышья, не имевшим иных функций. Оно было основано в 1668 г. как крестьянская слобода. Численность населения достигла своего пика в 1920-х гг. и составляла около 1700 человек. В связи с длительной, по сибирским меркам, историей поселения были предприняты исследования истории кладбища. Учитывая, что археологических материалов по старинным кладбищам не было, а местные предания, дошедшие до наших дней, достаточно многочисленны, была выработана методика их изучения и поиска доказательств собранных фактов. Материалы, полученные в результате обследования Бергамакского кладбища, после

систематизации позволили судить о планиграфии могильника, основываясь на понятии «родовые участки погребений». Эта работа велась на основе изучения генеалогии местных жителей и установления родственных связей между ними. Типологический анализ надмогильных сооружений проводился с учетом времени изготовления надмогильных памятников. Это, в свою очередь, дало материал о развитии приемов ухода за местами погребения, принятыми в XX — начале XXI в.

Наименее изученным из всех оказался вопрос о том, какие формы могильных ям и внутримогильных сооружений были характерны ранее. Материалы по погребальному обряду русских собирались традиционными для отечественной этнографии методами.

Мониторинг кладбища с. Бергамак начался в 1995 г. и проводился с периодичностью один раз в 5 лет до 2010 г. Последние наблюдения на этом кладбище проведены в 2017 г. В то же время были собраны аналогичные материалы по погребальному обряду в разных районах Западной Сибири: в Новосибирской, Омской, Тюменской областях, и проведена инструментальная съемка еще ряда кладбищ Омской области: в с. Могильно-Посельском и д. Могильно-Старожильской Большереченского района, с. Усть-Тара Тарского района и с. Кейзес Седельниковского района. В настоящее время можно подвести итоги этой работы.

В результате изучения внутримогильных конструкций, прежде всего, были описаны сами эти конструкции. В с. Бергамак в основном при рытье могилы оставляли земляные «плечики» на такой высоте, чтобы в образовавшуюся нишу можно было установить гроб. На плечики укладывали ранее заготовленные деревянные плахи, которые становились верхним перекрытием погребальной камеры или, как это называется в Бергамаке, «полатей»¹. При сопоставлении этих материалов и сведений, собранных в других местах Омского Прииртышья, была установлена типология внутримогильных конструкций у русских сибиряков: 1. «Полати», «плечики» или «голбчик»² — деревянное перекрытие нижней части могилы, в которой устанавливается гроб.

---

¹ *Бережнова М.Л.* Погребальный обряд русских старожилов Среднего Прииртышья // *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума.* Новосибирск, 1997. Т. 2: Культура тарских татар. С. 167.

² *Минин А.В.* Устройство и оформление могил на кладбищах русских Среднего Прииртышья // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Одесса; Омск, 2007. С. 303–304.

В Томской области такое перекрытие, также называемое «полотьями», устраивают на специальных столбах, которые врывают в землю по углам dna могильной ямы³. В с. Кабырдак Тюкалинского района Омской области сооружают не только перекрытие над гробом, но и делают помост на дне могилы. Вся эта конструкция целиком называется «голубцом»⁴. 2. «Подкопы» или «прикопы» — это ниша в одной из боковых стенок могилы. Эта конструкция также позволяет не забрасывать гроб землей при закапывании могильной ямы⁵. 3. «Жерди» — зарытые в могилу деревянные жерди, на которых на кладбище несли гроб⁶.

Всем этим конструкциям в дальнейшем были найдены аналоги в научной литературе. При этом авторы большей части публикаций чаще всего выражали мысль о том, что строительство внутримогильных сооружений у русского и украинского православного населения — это казус, который объясняли инокультурным влиянием, прежде всего, разных народов мусульманского вероисповедания. Однако как материалы полевых исследований, так и данные, имеющиеся в научной литературе, свидетельствуют о том, что строительство в могильной яме внутренних конструкций является широко распространенной в географическом, историческом и социальном плане традицией русских и украинцев.

Что касается изучения намогильных сооружений, то по материалам, собранным на различных кладбищах русских сибиряков, была разработана их типология с учетом времени бытования различных памятников. Наиболее интересным было изучение вопроса о памятниках, в народе называющихся «домик». Внешне они представляют собой разные по высоте деревянные сооружения с двухскатной крышей. Внутри них или рядом со стенкой устанавливался поминальный крест. Нами было выяснено, что это одна из самых архаичных форм

---

³ Бардина П.Е. Материалы о похоронно-поминальном обряде русского населения Среднего Приобья в конце XIX — первой четверти XX в. //Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 174.

⁴ Минин А.В. Указ. соч. С. 304.

⁵ Никифорова И.А. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья по данным этнографии //Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 105.

⁶ Бережнова М.Л., Назаров В.В. Восточнославянские элементы в погребальном обряде русских сибиряков //Интеграция археологических и... С. 269–270.

намогильных сооружений, дошедших до наших дней. Сведения о существовании таких сооружений были впервые собраны в 1995 г. во время изучения кладбища с. Бергамак, однако там домик не сохранился. Подобные сооружения были обнаружены в Омской области позже: в 1999 г. на кладбищах деревень Ушаково и Чинянино Муромцевского района — относительно недавней по времени постройки, и в 2005 г. в с. Атирка Тарского района — старинные.

Из четырех «домиков», исследованных на кладбище с. Атирки, хорошо сохранились только 2, один из них старинной постройки. Его высота всего 34 см при ширине 80 см и длине 190 см. Когда-то стенки домика были окрашены масляной краской коричневого цвета, скаты крыши полностью поросли мхом. Место установки креста было зафиксировано на примере одного из плохо сохранившихся сооружений: он выступал из крыши, его перекладины были частично утрачены, высота столба-основания составляла 150 см. К кресту прикреплен плохо сохранившийся киот, в верхней части которого сохранилась металлическая пластина с надписью «Отъ жены дорого ... незаб ... мужу Ивану ... Горчакову ... 1914 (?) году ... 1909 (?) дня...». По рассказам жителей деревни, таких «домиков» на кладбище было больше, но со временем они развалились и их остатки вынесли за пределы кладбища.

Описания подобных сооружений на кладбищах русского населения в Тулуновском уезде Иркутской губернии есть в статье Г.С.Виноградова⁷: «Холмик могильный скрыт под деревянным полом. Вместо него возвышается памятник, как его обыкновенно называют, или гобец, иначе гобчик, как называют старики». Далее в этой статье указывается, что «прежде, полстолетия назад (ориентировочно, в 1870-х гг. — М.Б.), гобцы были почти такою же принадлежностью могилы, как крест». Провести сравнение памятников, найденных в начале 2000-х гг. в сельской местности Западной Сибири, и памятников, располагавшихся на территории современной Иркутской области, позволяет материал работы А.Молотилова, который описал голбец (голубец) как деревянный памятник на могиле в виде тесового ящика

---

⁷ Виноградов Г.С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири //Сборник трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского университета. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 328–344.

с четырех- или двухскатной тесовой крышей и с крестом на ней⁸. Эти памятники он видел на территории современной Новосибирской области в начале 1910-х гг.

Таким образом, исследования на Атирском кладбище позволили убедиться в существовании старинных намогильных сооружений — «голбцов», подтвердить мнение Г.С.Виноградова о том, что такие сооружения были распространены на рубеже XIX–XX вв. и встречались массово. В процессе дальнейшей исследовательской работы материалы, аналогичные сибирским, были найдены в трудах по Европейской России.

Для исследования родовых участков на кладбище были изучены планы кладбища с. Бергамак за 1995, 2000, 2005 и 2010 гг., что позволило проследить динамику формирования родовых участков. Дополнительные сведения были получены при беседах с жителями села, объясняющих действия родственников умерших при выборе места захоронения. Эти исследования позволили также отметить противоречия, существующие между декларируемыми нормами и практическими действиями бергамакцев.

На план кладбища 2005 г. нанесено 543 разных объекта. Это могилы, часто с табличками на памятниках, за ними ухаживают родственники. Довольно много могильных холмов без памятников, но вполне ухоженных — обложенных дерном, с выполотой вокруг травой, с цветами и другими предметами, которые приносят родственники в поминальные дни. В разной степени сохранности находятся холмы, оставшиеся без ухода. Часто они могут быть описаны и нанесены на план, поскольку еще прощупываются, но уже не заметны, если не искать их специально. Высота таких холмов — 5–10 см, границы размыты. Как правило, они находятся в траве или под кустами. Встречаются также и провалы.

Из общего числа были атрибутированы 256 могил, имелись памятники с табличками, содержащими сведения о 265 похороненных. Таким образом, только о 47% могил на кладбище Бергамака известно, кто в них похоронен. Некоторые из захоронений очень старые, но за ними до сих пор ухаживают родственники, и надписи на памятниках сохранены.

---

⁸ *Молотилев А.* Говор русского старожилого населения северной Барабы (Канского уезда Томской губернии): материалы для сибирской диалектологии //Труды Томского Общества изучения Сибири. Томск, 1912. Т. 2. Вып. 1. С. 140.

Атрибутированные могилы являются маркерами родовых захоронений. В идеале, который часто декларируется, все представители семейного клана должны быть похоронены рядом. На кладбище с. Бергамак этому принципу соответствует только родовой участок Арсентьевы. Все 12 атрибутированных могил расположены рядом, причем самые старые захоронения датируются еще 1950-ми гг. В 1976 г. в селе проживало 5 семей Арсентьевых, родство между которыми было довольно отдаленным: главы семей середины XX в. были уже, как минимум, троюродными братьями⁹. Из генеалогических сведений, собранных у представителей этой семьи, следует, что Арсентьевы жили в Бергамаке уже в 1870-е гг. (что, однако, не подтверждается первичными переписными листами переписи 1897 г., в которых ни одного Арсентьева не зарегистрировано). И, тем не менее, родовой участок Арсентьевых функционирует до сих пор, захоронения производились на нем и в начале 2000-х гг.

Чаще большие (многочленные) семьи имеют не одно, а несколько мест для захоронений. Например, могилы семей Михайловых расположены на трех разных участках кладбища. По хозяйственным книгам за 1976–1978 гг. в селе было 15 семей Михайловых, в которых насчитывалось 37 человек. Только 5 семей состояли из родителей с детьми. Остальные 10 семей — это или пожилые семейные пары (4 семьи), или живущие отдельно пожилые люди. В 2005 г. на кладбище на памятниках были указаны имена 15 человек, известные по 1976 г. Самая ранняя из атрибутированных могил принадлежит М.И.Михайлову, умершему в 1977 г.

Могилы Михайловых расположены довольно далеко друг от друга. На одном участке похоронены И.Т.Михайлов (1933–1979), его жена и 3 сына. Могилы И.Т.Михайлова и его сына Ивана (1963–1987) оформлены как парное захоронение с одним холмом. Далее в ряд в отдельном расположенных погребениях похоронены остальные члены семьи, умершие в 1993, 1995 и 2003 гг. После отлучки в Бергамак вернулся брат И.Т.Михайлова — А.Т.Михайлов (1926–1996). Однако его могила расположена далеко от захоронений членов семьи брата.

---

⁹ Здесь и далее генеалогические сведения приводятся по материалам, хранящимся в архиве Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского. Ф. I. Д. 93-4, 93-8.

Второй участок находится в центре кладбища. Здесь расположено 5 атрибутированных могил Михайловых. В центре этого семейного захоронения яз могилы: супругов Ивана Ильича (1923–1987) и Ирины Павловны (1924–1997) Михайловых и их племянника Леонида Николаевича (1962–2000). В 2 м южнее к юго-западу похоронен брат Ивана Ильича и отец Леонида — Н.И.Михайлов (1936–2001). В 5 м к северо-востоку расположена могила С.И.Михайлова (1935–1996).

На третьем участке захоронений Михайловых сосредоточены могилы семьи Михаила Ивановича (1896–1977). Здесь похоронен он сам, его жена Ульяна Михайловна (1899–1979), их сын Виктор (1930–2003) и его жена Анна Григорьевна (1930–1985), а также внук Леонид Викторович (1953–1982). Первыми, в 1977 и 1979 гг., умерли дед и бабушка. Но их могилы отстоят довольно далеко друг от друга — на 10 м. Могила Михаила Ивановича самая северная на этом участке, а Ульяны Михайловны — левая в ряду из трех могил. Рядом с ней похоронен внук Леонид, а правая могила принадлежит матери Леонида и невестке Ульяны Анне. Рядом с матерью, женой и сыном похоронен Виктор Михайлович — его могила находится в западине, видимо, на месте старинного погребения.

Несмотря на то, что все Михайловы — родственники, потомки переселенца из Рязанской губернии И.М.Михайлова, единого могильника у них не сложилось. Участниками экспедиции 1995 г. были записаны 3 генеалогии отдельных ветвей этой семьи — Е.М.Страминой, в девичестве Михайловой, И.П.Михайловой (Елисеевой) и А.Т.Михайлова. Из рассказов этих людей становится ясно, что родство они считают только по прямой линии от родителей (отца и матери) к детям, а боковые линии (дядья и тетки) не учитывают. Соответственно родственные связи не поддерживаются. Это хорошо видно и по кладбищу. Например, И.И.Михайлов (1907 — до 1976 г.) и М.И.Михайлов (1896–1977) — родные братья. Однако их могилы и захоронения членов их семей находятся в разных местах кладбища. Можно связать локализацию их родовых участков с происхождением жен. Могила Сергея Ивановича отнесена нами ко второму участку. Но прямым родством братья Иван и Николай Ильичи и Сергей Иванович не связаны. Зато могила Сергея Ивановича, сына Ивана Ивановича, и, как можно предположить, тут же похороненных родителей, находится рядом с родовым участком Созонтовых. Из генеалогии А.И.Пеньковой,

родной сестры Сергея Ивановича, следует, что их мать Т.Н.Михайлова (1904–1982) была в девичестве Созонтовой.

Этот принцип учета и доминирования во многих случаях родства по женской линии можно проследить и на примере формирования семейного захоронения Федоровых-Яковлевых. Последний из похороненных на этом участке — П.И.Яковлев — умер в 1970 г. А в 1941 г. умерли его мать А.В.Яковлева и сестра П.И.Фомина. Скорее всего, первой из них умерла мать. Вскоре умерла ее замужняя дочь, видимо, раньше мужа. Поэтому ее подхоронили к матери. Умершего в 1950 г. сына П.И.Яковлева похоронили рядом с бабушкой, так как родители в это время были еще живы. И, наконец, когда умер сам П.И.Яковлев, то его похоронили рядом с сыном, матерью и сестрой на семейном участке.

Детские смерти сильно влияют на формирование могильников прежде всего тем, что и сейчас бывают случаи, когда дети умирают раньше других членов семьи, и их могилы становятся началом семейных захоронений. Бывает, что детей хоронят со старшими родственниками: бабушками и дедушками, а сейчас даже прабабушками и прадедушками. Например, маленькую девочку Машу Кабакову в 1986 г. похоронили рядом с ее прадедом П.П.Жарковым, умершим в 1972 г. Затем на этом же участке в 1988 г. похоронили ее прабабушку У.С.Жаркову и позже всех, в 1991 г., — ее деда Б.В.Кабакова, который Жарковым приходился зятем. Очевидно, что в такой ситуации последовательного формирования семейных захоронений по мужской линии не происходит.

Итак, стремление родственников хоронить членов одной семьи или родственного клана рядом приводит к формированию родовых участков. Отметим, что в последние годы изменился состав жителей Бергамака. Вновь приехавшие семьи, теряя родных, начали «осваивать» местное кладбище. Поскольку старожилы не одобряют вторжений на места своих родовых захоронений, то на кладбище Бергамака стали формироваться новые участки.

Планы кладбища позволяют привести графическое доказательство этого. В ходе исследования готовый план был разбит сеткой на условные участки, каждый из которых получил условный номер. Первоначально (в 1995 г.) наибольшая плотность захоронений была характерна для центральных участков. Однако в годы мониторинга кладбища захоронения часто происходят в тех местах, которые не

были востребованы раньше. В одном из секторов сложилась особенная ситуация: из 43 расположенных здесь объектов 24 появились за период мониторинга кладбища, то есть позже 1995 г. Очевидно, что это новый участок кладбища, так как здесь очень мало холмов, западина — одна, по ее характеру ясно, что на этом участке вырезали дерн. Зато из 43 объектов сектора — 36 атрибутированных могил. Надписи на них свидетельствуют, что захоронения на этом участке начались в 1960-х гг. и сначала были очень редкими: известна одна могила 1963 г. и еще одна — 1976 г. Захоронений 1980-х гг. на этом участке 9, 1990-х гг. — 15, в 2000-х гг. здесь похоронили еще 8 человек.

Если рассмотреть фамильный состав похороненных здесь бергамцев, то в 36 атрибутированных могилах похоронены представители 25 фамилий, 14 из которых принадлежат семьям, которые появились в Бергамаке только в XX в. Можно считать, что на этом участке кладбища похоронено много «случайных» людей. Например, семья Тобаевых приехала и уехала из села, но потеряла здесь дочь. В то же время многие люди, приехавшие в село относительно недавно, закрепились на этой земле, стали своими. У них появились свои родовые участки на кладбище. Например, уже четверо Пузыревых похоронены на местном кладбище, все рядом. Между тем в 1976 г. в селе была только одна семья с такой фамилией, в которой росли 9 детей.

Есть на кладбище сектора, где особенно наглядно видно, как разрастаются родовые участки. Примером могут служить 2 могилы: Е.И.Земляковой (1884–1974) и ее сына с памятником, но без таблички. Местные жители рассказывали, что «баба Дуня приехала в село как война началась. А сын у нее вроде дурак был, с головой что-то. Тут она прижилась, да никуда больше не поехала. Так и жили». Не сохранилось сведений о том, кто ухаживал или поддерживал контакты с этой семьей, хоронил Е.И.Землякову, ухаживал за могилами, которые существуют по сей день. Судя по собранным сведениям, родных в селе у них не было. В конце XX в. участок, где похоронены Е.И.Землякова с сыном, стали использовать для захоронений. К 2010-м гг. на нем насчитывалось более 10 захоронений, атрибутированы из них были только 2: О.Е.Дмитриевой (1912–2002) и М.Н.Дмитриева (1978–2004). Известно, что в 1976 г. в Бергамаке жила одна семья Дмитриевых, местных корней у нее не было. Тогда в ней было 4 человека: супруги Яков Михайлович (род. в 1919 г.) и Ольга Ефимовна, их сын Николай (род. в 1955 г.) и сноха Татьяна (род. в 1956 г.). Родственники

Дмитриевых стремятся утвердить за собой этот участок, что следует из числа установленных здесь столов и скамеек.

Завершая рассмотрение вопроса о родовых участках на кладбище Бергамака, отметим, что обычно декларируется правило, которое гласит: члены одной семьи должны быть похоронены рядом. Сыновья должны «лежать» рядом с родителями, жены — рядом с мужьями. Однако эти принципы не всегда могут быть реализованы; утверждение о формировании родовых участков по отцовской линии зачастую оказывается лишь словами. Очередность смерти отдельных членов семьи, интенсивность родственных отношений — все это влияет на принятие решения о месте захоронения людей и является реальными, действенными факторами формирования семейных захоронений. Соотношение же родовых участков и создает в конечном счете ту планиграфию могильника, которую наблюдает исследователь.

Приведенные материалы показывают информативные возможности анализа так называемых «материальных» компонентов обряда. С привлечением сравнительных материалов, данных генеалогии и истории поселения сведения, собранные на кладбищах, позволяют судить о разных аспектах прошлой и современной жизни сельских поселений, восстанавливать отдельные факты местной истории и истории отдельных семей. Известно, что для проведения краеведческих исследований, особенно связанных с селом, очень трудно подобрать источники. Материалы изучения кладбищ могут оказать в этом существенную помощь.

Опыт полевых исследований кладбищ Омской области (конец XX — начало XXI в.)*

Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского (МАЭ ОмГУ) хранит в фонде I «Материалы этнографических экспедиций и практик», он является одним из крупнейших собраний сведений о народах Западной Сибири и Алтая. За 45-летнюю историю было накоплено около 700 дел, содержащих полевые материалы, в основном по татарам, русским, немцам, латышам, эстонцам, казахам, украинцам; менее 10 дел посвящено истории и культуре чувашей, селькупов, шорцев, телеутов, челканцев, манси¹.

Систематические этнографические исследования погребально-поминальной обрядности русских в Среднем Прииртышье проводятся, начиная с 1978 г.² Как правило, полевые исследования организовывал ОмГУ, с 1993 г. в экспедициях активно участвуют отряды Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (с 2006 г. — это Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН) и Сибирского филиала Российского института культурологии (с 2014 г. — это Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва). Следует отметить, что в 1970–1980-е гг. сборы по погребальному и поминальному обряду и кладбищам составляют крайне малую долю от общего количества. Так, в материалах за 1978 г.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-09-00487 «Деревня традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири».

¹ Тихомирова М.Н. Характеристика документов фонда I МАЭ ОмГУ: тематическая карточка // Омские научные чтения [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 11–16 декабря 2017 г.). Омск, 2017. С. 246.

² МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 15-1.

лишь 2 карточки из 172 посвящены погребальному обряду. В экспедициях тех лет не была отработана методика сбора материала по погребально-поминальной обрядности и кладбищам: в беседах зачастую не отражены важные элементы обряда, работы на кладбищах фактически не велись. Ситуация меняется в 1990-х гг. с началом комплексного исследования погребального обряда в рамках этнографо-археологических комплексов. Первые исследования непосредственно кладбищ Омской области встречаются в архивных материалах 1993 г. по изучению этнической истории, культуры и быта немецкого населения с. Поповка Азовского района и татарского населения д. Инцисс Муромцевского района.

С применением инструментальной съемки (буссоли и теодолита) на кладбище с. Поповка было выявлено, что располагалось оно на расстоянии 1 км к северо-западу от села. В юго-восточной части отдельным рядом выделены детские могилы, могилы взрослых расположены в 5 рядов. Такие объекты, как памятники, оградки, могильные насыпи фиксировались посредством описания и зарисовок³.

При изучении кладбища д. Инцисс производилась подробная фиксация всех надмогильных сооружений: объекты наносились на план и нумеровались⁴. Некоторые могилы получили отдельное описание в карточках. Большая часть надмогильных ограждений выполнена из дерева. У сибирских татар по традиции не устанавливают оградки и памятники из металла и камня, также не принято навещать могилы после захоронения: «как сгнивает покойник, одновременно должен сгнить сруб»⁵. Столбы квадратные в сечении со стесанными гранями, навершие на столбах в виде двух усеченных пирамид, соединенных большими основаниями. Во внутренней полости сруба располагается надмогильный холм. С западной части надмогильного холма воткнут шест с полумесяцем и посажен куст черемухи. Стоит отметить, что не на всех конструкциях были зафиксированы полумесяцы, встречаются ограды и надмогильные сооружения из металла⁶.

---

³ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 83-2. К. 83, 86.

⁴ Там же. Д. 84-6. К. 542.

⁵ Там же. Д. 165-4. Л. 408.

⁶ Там же. Д. 84-6. К. 542–700, 821–823.

В 1993–1995 гг. было составлено описание погребального обряда и кладбищ куста татарских населённых пунктов⁷.

Среди русских первым этнографо-археологическому исследованию подверглось кладбище с. Бергамак Муромцевского района⁸. Часть материалов представляет собой инструментальный план действующего кладбища. Для каждого захоронения указан тип намогильного сооружения. На кладбище замерялись и описывались могильные холмы, намогильные сооружения и ограды, выявлялись и описывались остатки прежних захоронений. Соотнесение плана кладбища и собранных в селе генеалогий позволили выделить старые участки кладбища, определить его исторический центр. При составлении плана кладбища было выявлено 79 заброшенных могил. Большая часть расположена в северной части кладбища, причем захоронения велись рядами, ориентированными с запада на восток. Исходя из рассказов информаторов, можно предположить, что данные могильные холмы являются частью кержацкого кладбища, существовавшего в селе еще в первой трети XX в.⁹ В 2000, 2005 и 2010 гг. был осуществлён мониторинг кладбища, с внесением изменений в план, а также собраны новые полевые материалы по теме.

В целом, начиная с конца 1990-х гг., появляется интерес к русской погребально-поминальной обрядности, объём сборов о ней значительно возрастает.

Исследования этнографо-археологических комплексов задали новый стандарт для сбора материалов о кладбищах и погребальном обряде. Помимо описания намогильных сооружений и планиграфии, в круг вопросов вошло описание устройства могильной камеры,

⁷ Бережнова М.Л., Богомолов В.Б., Кадырова Л.М. Три года работы Западно-Сибирской комплексной археолого-этнографической экспедиции (1993–1995 гг.): Этнографические материалы и проблемы совмещения их с археологическими источниками // Вестник Омского университета. 1997. №1. С. 62–65.

⁸ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 93-1; Там же. Д. 93-2; Там же. Д. 93-4; Бережнова М.Л., Минин А.В. Кладбище села Бергамак: опыт мониторинга (Ч. II. Планиграфия погребального комплекса) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 11. Омск, 2009. С. 248–272.

⁹ Бережнова М.Л. Русское кладбище как этнографический источник // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1995. Ч. II. С. 45.

материалов и техник изготовления гробов, обычаев, связанных с выкапыванием могил и доставкой тел умерших на место захоронения¹⁰.

Среди восточнославянского населения в XX в. было широко распространено изготовление «полатей»/«голбчика»¹¹. Это установленный на деревянных столбиках или земляных уступах деревянный настил над гробом: «Досками перекрывают — голубец, сейчас уже не перекрывают — к чему лишнее?»¹². Этот элемент обряда, весьма распространенный в XX в., в настоящее время почти не встречается. В одних случаях это объясняется тем, что предназначение полатей заключается в предохранении гроба от гниения, но в итоге могила проваливается одновременно и ещё сильнее; в других — соображениями простоты и экономичности, особенно если могилу копают не соседи и друзья, а сотрудники ритуальных служб. Изменения в обществе и экономике формируют современные нормы обряда, в которых невозможно сохранить устоявшиеся традиции.

У сибирских татар также присутствует своеобразное устройство внутримогильных камер. Принято делать перекрытие могилы жердями под углом около 45° по отношению к дну могилы. В одних случаях это делается в обычной могиле с прямыми стенками¹³, в других — в стенке могилы выкапывают боковую нишу по ширине тела¹⁴, в третьих — могилу копают с уступами (ступеньками), причём мужчинам делают с одной ступенькой («ляхэт»), а женщинам с двумя¹⁵. Перекрытие под углом делается для того, чтобы покойный на посмертном допросе у Бога, мог встать на колени. В отличие от восточнославянского населения, у татар принцип перекрытия могил сохраняется, однако наблюдаются послабления в строгости исполнения обряда. Так,

---

¹⁰ *Бережнова М.Л.* Внутримогильные конструкции в погребальном обряде русских //Интеграция археологических и... Новосибирск; Омск, 2008. С. 179–183; МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 111-3. Л. 59; Д. 89-1. Л. 51.

¹¹ Некоторые экспедиционные материалы не были сданы в архив, в таких случаях они обозначаются как Материалы этнографической экспедиции ОмГУ (МЭЭ ОмГУ), указывается год экспедиции, номер полевой описи (ПО) и листа в описи (Л). МЭЭ ОмГУ 2018 г. ПО. №17. Л. 28.

¹² Там же. 2015 г. ПО. №8. Л. 29об.

¹³ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 90-7. Л. 183.

¹⁴ Там же. Д. 94-3. Л. 82.

¹⁵ Там же. Д. 90-7. Л. 180.

в 1994 г. в д. Берняжка Большереченского района было чёткое половое разделение по числу ступеней в могиле, а в 2018 г. местный житель поясняет: «в могиле две ступеньки, могли одну сделать... Женщины, как похоронили, — могут зайти, раньше вообще запрещали»¹⁶. Таким образом, сглаживаются различия в погребении мужчин и женщин, а также ослабляется запрет на посещение женщинами кладбищ.

Могилы мусульман на христианских кладбищах выделяет, помимо отсутствия крестов и зачастую наличия столба с полумесяцем, ориентация могилы относительно соседних. Дело в том, что покойник в могильной камере укладывается перпендикулярно возводимому на поверхности сооружению. Например, сибирские татары в д. Чеплярово Большереченского района кладут тело умершего головой на запад, а в с. Бергамак — головой на восток¹⁷. Таким образом, сама могила ориентируется по линии север–юг, а не запад–восток, как у христиан.

Ещё заметнее выделяются погребения немцев. Если у русских крест или памятник ставится в ногах, то у немцев — в головах, и на кладбищах со смешанным населением зачастую соседние могилы оказываются ориентированы в прямо противоположные стороны. Кроме того, немцы реже устанавливают кресты, отдавая предпочтения каменным памятникам, иногда надписи на них делаются на немецком языке. Специфичный тип намогильных памятников был зафиксирован на кладбище с. Большие Уки. Здесь похоронены переселенцы из хутора Каутс Ивано-Франковского района (в настоящее время хутор не существует). На могилах Райдеров, Франков, Гартов и Фуксов установлены резные памятники, напоминающие формой верхнюю часть человеческого тела от пояса, называемые местными жителями «головы»¹⁸.

Как выше отмечалось, на русских кладбищах можно выделить родовые участки, формируемые группами погребений родственников. Аналогичный материал имеется по татарским кладбищам. Так, на кладбище д. Чеплярово выделяются 6 крупных участков семей Танатаровых, Речаповых, Раинбагиных, Багаутдиновых, Тухтаметовых и Ахметовых¹⁹. Однако в современных условиях ввиду ограниченного места на кладбищах, а также сложности родственных связей в небольших

¹⁶ МЭЭ ОмГУ 2018 г. ПО. №17. Л. 20об.

¹⁷ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 94-3. Л. 90.

¹⁸ МЭЭ ОмГУ 2015 г. ПО. №8. Л. 1об.

¹⁹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 94-3. Л. 79.

населенных пунктах происходит нарушение родовых участков. У сибирских татар уже в 1994 г. в д. Берняжка наблюдается частичное перекрытие родовым участком Сафаралеевых участков семей Князевых и Суюнцевых²⁰. Старые структуры отмирают, возрастает роль личного выбора, происходит большое число смешанных браков.

Кроме того, немалую роль в редукции многих элементов погребального обряда прошлого и формировании некоторых новых тенденций играют ритуальные конторы, в свою очередь наследующие комбинатам бытового обслуживания (КБО), артелям и стройчастям при совхозах. Начиная с 1970-х гг. все больше элементов обряда переходит от родственников, соседей и друзей наемным профессионалам. Самостоятельное изготовление гробов, надгробных сооружений и оград в единичных случаях фиксируется до сих пор, но, как правило, этим занимаются специалисты. Несение гроба на полотенцах или плечах заменяется машиной ритуальной службы. Таким образом, с течением времени в подготовке к смерти и участии близких в обряде погребения главное место начинает занимать финансовый вопрос.

Современные тенденции воплощаются не только в развитии технологий. Так, возростание роли Дня Победы в культуре россиян, привело к появлению традиции повязывать георгиевские ленты на кресты и надгробные памятники. В 2017 г. в с. Глуховка Калачинского района было зафиксировано небольшое число лент, в 2018 г. на кладбищах с. Новологиново и д. Шуево Большереченского района, лент было значительно больше.

Полевые работы по изучению кладбищ городов Омской области начинаются с 2008 г. и продолжаются до сих пор. В поле зрения исследователей попали только ныне действующие кладбища Омска, Тары и Калачинска, либо те, на которых возможно подхоронение.

На сегодняшний день в Омске 20 кладбищ, половина из которых действует. Среди действующих кладбищ 2 являются конфессиональными — Ново-еврейское и Мусульманское. По названиям кладбищ Омска можно судить о том, где они расположены относительно центра

---

²⁰ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 90-7. Л. 1.

города, например, Северо-Восточное, а также о времени их появления — Старо- или Ново-Кировское²¹.

В Таре и Калачинске существуют по два кладбища (старое, открытое только для подхоронения, и новое), причем довольно больших по площади, и проблем с нехваткой места местные жители не испытывают.

Старое тарское кладбище находится на южной окраине города, в районе объездной дороги. Северная часть кладбища находится в лесу, а та, что примыкает к объездной дороге, — на открытой местности. Открыто в 1940-е гг. Его площадь составляет 20 га, и на данный момент новые захоронения здесь не осуществляются. Для них в Таре есть новое Городское кладбище. Оно располагается на восточной окраине города, вблизи федеральной трассы Р-392. Кладбище находится на открытой местности, и имеет большие пространства для новых захоронений.

Все кладбища в Калачинске находятся в ведении органов местного самоуправления. Старое кладбище находится в северо-западной части города по ул. Омская, 97. Первые захоронения появились здесь в 1943 г. Тогда в братской могиле были похоронены летчики, погибшие в авиакатастрофе в окрестностях Калачинска. Они выполняли секретное задание по перегону американских самолетов на трассе Аляска–Сибирь. А в июне того же года в эту могилу был захоронен еще один летчик, который погиб при заходе на посадку на аэродроме Калачинска. В память о них на кладбище установлен мемориал²². Это кладбище уже закрыто для новых захоронений. Для них существует новое кладбище, расположенное на 6-м км автодороги Калачинск–Оконешниково.

В сельской местности на кладбищах тоже встречаются памятники, которые сами местные жители считают достопримечательностями. В д. Николаевка Москаленского района есть «могила

---

²¹ Гизиева К.Ю. Планиграфия городских кладбищ Тоболо-Иртышского региона //Аношинские чтения: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции (р. п. Большеречье Омской области, 12–13 октября 2016 г.). Омск, 2017. С. 43.

²² Старое кладбище, г. Калачинск //Изготовление памятников.ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izgotovleniepamyatnikov.ru/kladbishe/staroe-kalachinsk-omskobl> (дата обращения: 19.05.2019).

атамана» — резной намогильный каменный памятник, фигурной формы, более характерной для города с надписью «Здесь покоится полковник Сибир. каз. вой. Семен Егорович Путилов и жена Феодосия Ивановна». На кладбище с. Новологиново Большереченского района имеются «камни» (невысокие резные надгробия из мрамора) и металлические кресты сложной, нехарактерной для данной местности формы. При Новологиновской церкви было небольшое кладбище. На могилах священников стояли камни и один резной металлический крест. Когда церковь в 1974 г. сгорела, всё это перенесли на общее кладбище и расположили в разных его частях.

В некоторых случаях намогильные сооружения сел и деревень следуют городской моде. Так, на кладбищах с. Бергамак и д. Шуево Большереченского района были зафиксированы характерные для города намогильные памятники в виде металлических тумб прямоугольного сечения с утолщениям в форме усеченных пирамид. Из города на сельские кладбища пришли искусственные цветы, штампованные рушники и ленты, мраморные плиты с фотопечатью и поэтическими эпитафиями и многое др.

Методика изучения современных городских кладбищ, как и в конце XX в., включает описание их внешних границ, расположение, размеры, особенности конструкции намогильных сооружений. Однако сейчас для составления плана кладбища совершенно не обязательно применять инструментальную съемку с помощью буссоли или теодолита, достаточно обратиться к современным поисково-информационным картографическим службам — Google или Яндекс.Карты. Данные сервисы дают информацию о расположении кладбища относительно города, местности, на которой оно находится (рельеф) и его размерах.

Если в сельской местности формирование родовых участков нарушается благодаря сложности семейно-брачных связей, восприятию отдельных участков кладбища как более престижных и росту роли личных предпочтений, то в городском обряде законы делают невозможным сохранение традиционного порядка захоронения. После принятия законов, регламентирующих порядок предоставления земельных участков на городских кладбищах для семейных захоронений, исследователям становится все труднее проследить традицию формирования родовых участков. Федеральный закон от 12.01.1996 N 8-ФЗ (ред. от 23.05.2018) «О погребении и похоронном деле» гаран-

тирует каждому человеку погребение с учетом его волеизъявления. Исполнение волеизъявления умершего о погребении с ранее умершими родственниками гарантируется, но только при наличии свободного участка земли площадью до 5 м². Отказ на подхоронение можно получить и при отсутствии необходимого расстояния между могилами: по длинным сторонам — не менее 1 м, по коротким — не менее 0,5 м.

С апреля 2012 г. в Омске начала действовать бесплатная услуга по предоставлению земли от 7,5 до 16 м² для формирования родового участка. Площадь зависит от числа человек в семейном захоронении. Если планируются захоронение более пяти человек, то обязательным условием является строительство склепа. Правила предусматривают обязательное огораживание участка и содержание его в удовлетворительном санитарном состоянии. По словам начальника отдела коммунально-бытового хозяйства департамента городского хозяйства Омска Д.Дервянченко, при отсутствии ухода за местом захоронения в течение 10 лет участок признается неухоженным, а еще через пять лет — бесхозным. Хотя нормативными актами не предусматривается процедура принудительного изъятия земли, предназначенной для родового захоронения²³.

Основной полевой материал, собранный в ходе этнографических экспедиций на кладбищах Омска, Тары и Калачинска, посвящен особенностям конструкции надмогильных сооружений всех групп русского населения, включая потомков поздних переселенцев украинского и белорусского происхождения.

Сбор информации о существующих сейчас и ранее надмогильных сооружениях позволил осуществить попытку их типологизации по форме и материалу памятника.

Взяв за основу типологии форму памятника, можно выделить следующие виды: крест — основной символ христианства. В наши дни надмогильные сооружения в форме креста или его изображение на памятнике широко распространены в русском погребальном обряде; стела — каменная, мраморная или гранитная плита с высеченными на ней текстами или изображениями; обелиск — сужающийся кверху

---

²³ Цивилизованный подход. Семейное захоронение — новое в организации кладбищ //Аргументы и факты — Омск. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.omsk.aif.ru/society/civilizovannyy_podhod_semeynoe_zahoronenie_-_novo_v_organizacii_kladbishch (дата обращения: 21.05.2019).

монумент, в большинстве случаев квадратный в сечении; поминальные камни — валуны, закрепленные на могильном холме, сейчас обычно имеют нанесенные на них тексты или изображения; сооружения сложных архитектурных форм — вид памятника, структура которого включает ряд архитектурных элементов (например, трехчастный обелиск); головной портрет — фрагмент лица человека, высеченный в камне или отлитый из металла; бюст — скульптурное изображение, где фигуры выступают не более чем наполовину своего объема; монумент — скульптура крупных форм, обычно в полный рост, создающая ощущение величественности и значительности; мемориальные комплексы — комплекс, установленный на могиле в память умершего, совокупность связанных между собой объектов, которые составляют единое целое.

Также критерием типологизации может выступать материал памятника. При этом не определяется порода дерева, характер металла (железный, стальной и проч.) и технология изготовления (кованый, сварной и т.д.). В разряд каменных памятников включаются те, для изготовления которых были использованы материалы, имитирующие камень (бетон, мраморная крошка и проч.).

Материал во многом определяет форму сооружения: если используется дерево, то в наши дни памятник будет изготовлен в виде креста. Формы крестов очень разнообразны, хотя Русская Православная Церковь рекомендует устанавливать кресты «правильной» формы. Крест — единственная форма намогильного памятника, без существенных изменений сохраняющаяся на протяжении веков до настоящего времени²⁴. Кроме того, деревянный крест часто играет роль временного сооружения, который ставят при захоронении, а спустя некоторое время устанавливается металлический или какой-то другой памятник. В конце XIX — начале XX в. кресты начинают клепать и ковать из железа, а в наше время эти конструкции варят из металла. Использование этого материала объясняют в основном практически соображениями: «А какая разница, из чего крест? Металлический дольше стоит»²⁵.

---

²⁴ Толстой Н.И. Антропорфные надгробия // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 206.

²⁵ МЭЭ ОмГУ 2008 г. ПО. 2. Л. 15.

Использование камня дает гораздо большую свободу для фантазии заказчика и мастера. Именно этот материал способен в течение десятков лет сохранять свое первоначальное состояние. Многие памятники начала XX в. — из природного камня. Каменные памятники XIX в. имеют самую разную форму: от известных обелисков до могильных плит. Намогильные каменные памятники часто имели сложную архитектурную форму. В середине — второй половине XX в. каменные памятники стали имитировать, используя доступные материалы того времени: бетон или смесь бетона с каменной крошкой.

Все виды намогильных сооружений можно соотнести с хронологическими рамками и модными тенденциями. Похоронная мода последних лет — черные каменные полированные памятники с выгравированными фотографиями (часто в полный рост). Если в советское время памятники ставили «как у всех», то теперь заказчику предлагают на выбор десятки моделей.

Еще одна особенность нынешних памятников: часто фотографии на них — не только в рост, но и натурального размера. На кладбище возникает ощущение, что на тебя со всех сторон смотрят десятки людей. Еще одно отличие от прежней эпохи: портрет теперь не прикрепляется, а гравировается прямо на камне. Усопшие взирают на нас с памятников такими, какими были при жизни: в любимых платьях с декольте на вечеринках, хохочущие на отдыхе, играющие на музыкальных инструментах. А еще — с вещами, любимыми при жизни: мобильными телефонами, автомобилями, мягкими игрушками. Часто на обратной стороне памятника помещают и дорогие покойному пейзажи.

Подводя итоги, следует отметить ряд аспектов. Во-первых, погребально-поминальная обрядность и, соответственно, вид и принципы работы кладбищ, традиции их посещения и уход за могилами не являются чем-то статичным, неизменяемым со временем. Во-вторых, в контактных зонах с разноэтническим населением, отступление от традиций происходит чаще и воспринимается населением проще. В-третьих, современные технологии, изменения в законодательстве, СМИ оказывают непосредственное влияние на редукцию одних элементов погребальной практики и распространение других.

III. ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ, ВОЗРОЖДЕНИЯ

Черкизовское кладбище в Москве

Проблемы изучения, сохранения и музеефикации Ваганьковского кладбища

Более четверти века прошло с момента проведения научно-практических конференций по московскому некрополю и публикации их материалов. Многое изменилось с тех пор, что-то осталось неизменным как могилы на кладбищах, что-то ждет своего решения.

Например, до сих пор идут парламентские дебаты по ФЗ-8 — «Закону о погребении в РФ». Пока все труженики похоронной отрасли живут по редакции этого закона от 1996 г. К сожалению, в законопроекте ничего не говорится о возможности установления для исторических кладбищ статуса музея-заповедника.

В том же 1996 г., собственно, проходила последняя по времени конференция, касавшаяся проблем московского некрополя. Будем надеяться, что нынешняя научная встреча некрополистов будет способствовать, в том числе, и обновлению законодательной базы похоронной отрасли, необходимость в котором давно назрела.

Задача данной статьи — краткий анализ практических мероприятий в области музейной работы на исторических кладбищах Москвы, и, в первую очередь, на Ваганьковском некрополе, где милостью Божией мы совершаем свое пастырское служение почти 20 лет и об ином служении и не помышляем.

В начале 1990-х гг., в то время, когда проходили первые некрополистические конференции, о вопросе сохранения памятников говорилось много, но не делалось практически совсем ничего. Ваганьково тогда представляло собой ночное обиталище бомжей, во множестве наводнявших столицу. Сюда они приходили через многочисленные зияющие дыры в ограде, или со стороны Белорусской железной дороги, где и вовсе существовала протоптанная тропинка от станции «Беговая». Охранник был только один, он сидел на своем посту у центральных ворот и следил только за пропуском автотранспорта. Фактически охраны не было, и патрулирование кладбища не осуществлялось. Бомжи бродили по некрополю в поисках оставленных рюмок с водкой и закуски, здесь же они и ночевали в теплое время года. Наблюдались многочисленные акты вандализма, когда ради добычи цветного

металла осквернялись памятники на могилах известных людей. Так, неоднократно исчезал бронзовый барельеф у памятника певцу В.Мигуле, потом его несколько раз восстанавливали, до сих пор без медных струн стоит памятник арфистке М.Гореловой.

Помимо бродяг, на Ваганьково обитали стаи агрессивных бродячих собак, под основаниями памятников кишели полчища крыс.

Несмотря на это, уже в те времена Ваганьково, наряду с Новодевичьим некрополем, активно использовалось в качестве туристического объекта. Предприимчивые бизнесмены организовывали групповые автобусные экскурсии по Москве с посещением именно этих двух знаковых мест. Зазывали через громкоговорители приглашали всех желающих у столичных вокзалов и на центральных площадях на трехчасовую автобусную прогулку по Москве с посещением двух кладбищ. Предложение неизменно пользовалось спросом. Трудно сказать точно, сколько таких организованных групп посещало ежедневно Ваганьково — ориентировочно не менее десятка автобусов. На экскурсионном маршруте осматривались наиболее известные объекты кладбища (могилы В.Высоцкого, С.Есенина, А.Миронова). Продолжительность прогулки не превышала 45 мин.

Около 15 лет назад данная практика полностью прекратилась. Очевидно, это было вызвано целым рядом причин, носящих административно-хозяйственный характер, но никак не связанных с уменьшением интереса публики к мемориальным некрополям, который неизменно остается стабильно высоким.

Идея возобновления постоянных организованных экскурсий на мемориальных кладбищах все время «витала в воздухе». Фактическую потребность в гидах для приходящих на кладбища туристов всегда по мере сил удовлетворяли так называемые «черные экскурсоводы». Несколько знатоков-любителей некрополя регулярно «дежурили» у могил Есенина и Высоцкого, и, заметив пришедших сюда, интересующихся памятниками граждан, начинали рассказывать о подробностях жизни здесь погребенных. Затем предлагается осмотр других достопримечательностей кладбища. Так начиналась импровизированная экскурсия, в заключение которой гид просил поблагодарить его за труды. Название «черных» эти экскурсоводы получили вследствие того, что не платили никаких налогов от своей трудовой деятельности, и, с точки зрения современного законодательства, осуществляли ее незаконно. Иногда наблюдались попытки пресечь эту деятельность со стороны

руководства кладбищ, вплоть до запрета на вход. Автор был знаком со многими из таких экскурсоводов. Их квалификация в отношении знания объектов и темы в целом колебалась от очень высокой (профессиональные историки) до крайне низкой (шарлатаны). К сожалению, в последнее время преобладали именно последние.

Как историк Ваганьковского кладбища автор всегда ратовал за организацию профессионального экскурсионного обслуживания входящих сюда посетителей. Вместе с единомышленниками мы прилагали усилия по подготовке квалифицированных кадров экскурсоводов, выработке методик, маршрутов, формированию «портфеля экскурсовода». Немалую помощь в этом нам оказывали специалисты из Ассоциации гидов и экскурсоводов Москвы, в частности, В.И.Круглова. Реализация в жизнь проекта по организации регулярной экскурсионной работы на Ваганьково несколько лет назад, к сожалению, фактически не была осуществлена. Причин тому было несколько, но главная — в отсутствии должного финансирования со стороны ГУП «Ритуал». Вся рекламная деятельность заключалась в размещении одного информационного поста на сайте «Ритуала», при том, что люди на этот сайт заходят, разумеется, совершенно по иным вопросам. Тем не менее, небольшие группы какое-то время все же формировались, и экскурсии проводились. Сколь-нибудь значимой коммерческой прибыли данная деятельность не приносила и поэтому вскоре заглохла.

Тем временем более расторопные предприниматели организовали проведение групповых экскурсий на Ваганьково, размещая предложения на специализированных сайтах, посвященных тематическим московским экскурсиям. И в последние годы на кладбище регулярно приходят полноценные по числу экскурсантов (20–30 и более человек) группы, осматривающие с гидом памятники Ваганьковского некрополя.

По благословию отца настоятеля нашего храма Воскресения Словущего, последние 5 лет автор тоже проводит регулярные паломнические экскурсии на Ваганьково. Но вследствие недостаточной информации (объявление на стенде в храме) их посещаемость низкая. Несмотря на то, что эти экскурсии носят паломнический характер (основные объекты показа — места погребений православных праведников), экскурсанты также знакомятся с историей возникновения и развития Ваганьковского кладбища и других исторических некрополей Москвы, осматривают архитектурные объекты на кладбище

и надгробия на могилах выдающихся сынов и дочерей Отечества, здесь погребенных.

Значимые изменения в экскурсионном обслуживании посетителей мемориальных некрополей Москвы стали происходить буквально этой весной. Очевидно, в руководстве «Ритуала» или в Департаменте потребительского рынка Правительства Москвы (в подчинении которого находится «Ритуал») было принято решение о развитии экскурсионной деятельности на мемориальных кладбищах. Официальной информации по этому вопросу мы пока не обнаружили. Инициатива, несомненно, полезная. Как бы там ни было, в начале марта 2019 г. на центральной площади Ваганьковского кладбища начали монтировать большую стационарную палатку черного цвета с надписью «Экскурсии» и логотипом «Ритуала». Появились человек 10 сотрудников с соответствующими бейджами, в специально сшитой для них серой униформе с надписью «экскурсовод». По просьбе новых экскурсоводов, автор провел для них мастер-класс экскурсии по Ваганьково. Будем надеяться, что данное начинание принесет свои достойные плоды.

Хотелось бы, чтобы это сооружение, так смело вторгшееся в сложившийся архитектурный ансамбль кладбища, стало не только местом получения коммерческой прибыли за услуги по оказанию экскурсионного обслуживания населения, но и превратилось бы в центр по научно обоснованной музеефикационной работе на мемориальном некрополе. Ведь подобная деятельность имеет целый ряд направлений и не ограничивается стандартным рассказом о главных достоинствах памятников, к которым, несомненно, относятся и мемориальные кладбища. Здесь могла бы сосредоточиться работа по научному изучению и сохранению нашего некрополя при постоянном взаимодействии с профильными организациями. Залог успеха этого дела — квалифицированный персонал, увлеченные некрополистическим трудом люди. Много, конечно, будет зависеть от непосредственного руководства и тех целей и задач, которые будут поставлены во главу угла. У нас, мы полагаем, есть возможность помочь вновь созданному центру в реализации этих начинаний.

Термин «музеефикация» определяет деятельность, направленную на активное включение памятника в культурную жизнь путём его приспособления для размещения музейной институции.

Процесс музеефикации предполагает работы по следующим направлениям: научное исследование памятника; консервация

и реставрация, деятельность по воссозданию его утраченных компонентов; популяризация памятника посредством экскурсионной работы, распространения информации о нем имеющимися средствами (СМИ, Интернет, печатная, сувенирная продукция).

По всем направлениям в отношении музеефикации некрополей можно говорить об огромном нереализованном поле деятельности, и особенно — в отношении научного изучения некрополя, пожалуй, это самый неисследованный материк. Ведь за каждой надписью на памятнике скрывается личность человека. Но и сами некрополи в их историческом развитии таят в себе массу неразгаданных тайн. Посвятив свой научный интерес вопросам некрополистики, автор понимает, что прикоснулся только к самой вершине этого удивительного и прекрасного айсберга. Было бы замечательно, если в штате формируемой экскурсионной службы кладбища появился бы научный сотрудник, занимающийся исключительно изучением истории некрополя — ученый хранитель музея-кладбища.

Что касается деятельности по сохранению, реставрации и воссозданию исторических некрополей, то перед обществом стоит множество нерешенных пока задач, связанных, в том числе, с законодательным творчеством. Понятия «мемориальное кладбище», «бесхозное захоронение», технология повторного использования места погребения — все эти вопросы требуют своего решения, но пока в готовящемся к принятию ФЗ-8 не находят его.

Работы по реставрации и сохранению могил и надгробных сооружений на бюджетные средства проводятся, но не достаточными, как представляется, темпами. Обратимся конкретно к Ваганьковскому некрополю. 3 года назад по инициативе и на средства Департамента культурного наследия г. Москвы были проведены реставрационные работы по ряду надмогильных сооружений — всего около 20 объектов. При их выборе, по всей видимости, в первую очередь, учитывался архитектурно-исторический статус. Так, работы были проведены на нескольких безымянных белокаменных саркофагах, которые по своему архитектурному исполнению могут быть отнесены к концу XVIII — началу XIX в. Белый камень легко поддается эрозии, и надгробные надписи на них стали давно нечитаемыми. Но теперь эти безымянные сооружения являют нам надгробный стиль давно прошедшей эпохи в обновленном виде. Также обновлен был прекрасный памятник с цветной иконой на могиле прот. Иоанна Приклонского (1823–1898),

очевидно, тоже по соображениям архитектурной значимости. Но для людей Церкви это участие светской власти в сохранении памятника духовному лицу имело символическое и благотворное значение. Множество надгробий духовенства было уничтожено или осквернено в богоборческие времена, теперь мы возлагаем надежды на то, что ситуация кардинально переменится.

Было совершено обновление известных каждому некрополисту памятников на могиле семейства булочников Филипповых. Что любопытно, реставрации подверглись не только надмогильные сооружения, но и склепы с гробами. В ходе работ каменные своды склепов были первоначально расчищены и в них были вмонтированы вентиляционные продухи. Затем своды вновь покрыли грунтом, а площадку замостили брусчаткой. Теперь здесь мы наблюдаем свежие алюминиевые «грибочки» продухов. Любопытно было бы почитать технологическое обоснование для данных работ.

Было отреставрировано и несколько памятников на могилах известных людей. Прекрасно, что город позаботился о проведении реставрационных работ на этих памятниках. Но, в целом, такой объем реставрации, конечно, недостаточен, если учесть, что только на Ваганьковском кладбище находятся несколько сотен могил, зафиксированных как официальные объекты культурного наследия, а сколько еще в этот список стоило бы включить! Кстати, это тоже важное поле деятельности для всех некрополистов. С нашей точки зрения, фиксации и охране должны быть подвергнуты все сохранившиеся здесь объекты, возраст которых превышает 100 лет, их следовало бы внести в отдельный реестр.

Да, благотворные изменения в работе кладбищенского хозяйства на мемориальных кладбищах столицы очевидны: порядок, чистота, регулярное патрулирование, содержание инженерной инфраструктуры, выпилка аварийных деревьев. Но отношение к проведению реставрационных работ на исторических памятниках оставляет желать лучшего. Но это прерогатива не обслуживающего кладбища ГБУ «Ритуал», а Департамента культурного наследия и других профильных ведомств. И медлить здесь нельзя, ведь многие памятники находятся в плачевном состоянии и могут быть утрачены.

Печальным символом поверхностного подхода к этой работе является знаменитая часовня-усыпальница М.Вешняковой — «самый загадочный объект Ваганькова», как мы называем ее на своих

экскурсиях. Часовня расположена непосредственно на центральной площади кладбища. По своей архитектурной стилистике она может быть отнесена к XIX в. Однако еще в 1990-е гг. на ее фасаде можно было прочитать надгробную надпись: «Мария Васильевна Вешнякова 1706 год» (фотография памятника сохранилась). Кем была эта женщина, выяснить не удастся. Загадочность памятника, как вы понимаете в том, что общественные кладбища были организованы в Москве только в 1771 г. в связи с карантинными мероприятиями для предотвращения распространения эпидемии чумы. Данное же захоронение на 65 лет старше самого кладбища.

Нами высказано предположение, что данная часовня могла быть возведена в 1820-е гг., когда здесь велось активное строительство, финансируемое Департаментом московской полиции под руководством архитекторов А.Григорьева и А.Элькинского, и тогда сформировался современный архитектурный ансамбль кладбища. Полагаем, что усыпальницу устроили на месте уцелевшего захоронения представительницы Ваганьковской слободы, располагавшейся здесь вместе с Потешным Государевым двором в конце XVII в. и давшей свое имя кладбищу. Так вот, последние годы этот архитектурный памятник упрятан в некий «саркофаг» из поликарбоната, надпись на котором все это время указывает, что в нем якобы проводятся охранно-восстановительные работы. Для всех очевидно, что никакие работы здесь не ведутся, и сквозь прозрачные стены видно, как часовня продолжает разрушаться.

Задача некрополистической общественности — сбор материалов о памятниках культурного наследия на наших исторических некрополях, нуждающихся в постановке на охрану, и инициирование реальной реставрационной работы на них. Естественно, задача эта может быть решена только в деятельном взаимодействии с департаментами культурного наследия, потребительского рынка («Ритуал» ведет учет и инвентаризацию всех мест захоронения, но это закрытая база служебного пользования) и другими заинтересованными учреждениями.

В отношении пункта третьего из числа озвученных нами направлений музеефикационной работы на кладбище, то есть популяризации их посредством распространения информации разными способами, приходится констатировать явную нехватку популярных путеводителей по историческим кладбищам (даже в сравнении с периодом 1990-х гг.).

Сейчас турист, пришедший на Ваганьковское кладбище, сможет довольствоваться только крайне ограниченным ассортиментом подобной продукции в церковной лавке. Это изданные автором брошюра А.А.Солодовникова «Ваганьковские светильники» (работа была написана духовным поэтом в 1966 г., тогда вышла «самиздатом») и собственная книжка «Ваганьковское кладбище. За Христа пострадавшие» (В предисловии дан краткий экскурс по истории кладбища, основная часть посвящена лицам, расстрелянным за свою принадлежность к Церкви и погребенным здесь в период 1926–1936 гг.). В лавке можно найти иконы Ваганьковских новомучеников и магнитики с фотографией нашего храма.

Пока еще не заработал удивительный черный павильон на центральной площади Ваганьковского кладбища, желающих принять участие в экскурсии сотрудники приглашают в здание магазина ритуальных принадлежностей справа от входа (сейчас здесь предлагают исключительно памятники). Здесь, в выделенном для экскурсоводов помещении, можно приобрести, помимо тех же осуществленных автором изданий, книги и сувениры (преимущественно значки), связанные с самыми известными персоналиями, погребенными на кладбище. Всё то, что организаторы смогли найти на рынке Москвы. Общих путеводителей по кладбищу, а тем паче научных исследований по некрополю.

При этом интерес к путеводителям по историческим некрополям очевиден. Написанная нами книга «Священное Ваганьково» тиражом в 6000 экз. давно разошлась, хотя и имела специфическое духовное содержание, теперь это библиографическая редкость. Рассказывая об этом, автор, конечно, должен укорять, прежде всего, себя за малопродуктивность. Переиздавать «Священное Ваганьково» в прежнем виде не имеет смысла, ибо открылось много дополнений и уточнений к материалу, а подготовка нового издания идет очень медленными темпами в связи с занятостью автора. Когда книга только готовилась, автор был диаконом и учился в Академии (это была его диссертация), теперь как у священника у него прибавилось пастырских трудов. Но по мере сил подготовка нового издания все же ведется.

Примерно до 2010 г. основным местом распространения продукции для туристов, посещающих Ваганьковский некрополь, была палатка «Высоцкий» на ул. Большаяй Декабрьской перед пешеходным переходом к кладбищу. Основным товаром, реализуемым здесь, были,

конечно, аудиозаписи знаменитого барда, фотографии, книги о нем, но была и продукция, относящаяся к кладбищу и некрополеведению. После смерти владельца предприятия эта единственная и столь необходимая туристам точка прекратила свое существование. И снова остается надеяться, что в устанавливаемой на центральной площади Ваганьковского кладбища палатке «Ритуала» будет налажена реализация весьма востребованной здесь информационной и сувенирной продукции, но сначала её надо достойным образом изготовить.

Прежде всего, объективно ощущается необходимость в карте-схеме Ваганькова с указанием расположения захоронений известных лиц. Добротная полноценная карта-путеводитель по Ваганькову выходила в 1990 г. (кооператив «Картограф») тиражом 30 тыс. (формат примерно А-2). В 2007 г. «Ритуал» издал карту-путеводитель форматом А-3, но кажется, до туристов она не дошла и была использована только на представительские нужды в связи с небольшим тиражом. Равно как и шикарный альбом «Ваганьково», выпущенный тем же «Ритуалом» в том же году тиражом 2500 шт.

В прошлое ушли 50000 экз. книги «Ваганьково» нашего незабвенного М.Д.Артамонова, 10000 экз. его же «Московского некрополя» — фундаментального обзора захоронений на исторических московских кладбищах. Это все 1990-е гг., тогда же впервые издали «Очерки истории московских кладбищ» А.Т.Саладина (рукопись 1918 г.), путеводитель А.Никульского «Ваганьковское мемориальное кладбище» (5000 экз.), небольшая брошюра В.Т.Старцева «Ваганьковский некрополь» разошлась 100-тысячным тиражом.

В настоящее время таких тиражей уже не сыщешь. Распространяемые сейчас через книжные магазины издания В.Ф.Лапы «Некрополь Ваганьково», А.Волкова «Тайный код столичных кладбищ», Ю.Рябинина «Мистика московских кладбищ» и другие выходят тиражами 1–2 тыс. экз. и поэтому стоят немалых денег.

Организация грамотной музейной работы на исторических кладбищах могла бы принести пользу авторам, издателям и распространителям печатной и сувенирной продукции. Да, конечно, много информации теперь появилось в Интернете, но она довольно разрозненная и несистематизированная. В воздухе давно носится идея создания интерактивного приложения-путеводителя по кладбищам. Так, чтобы любой человек, скачав на свой смартфон приложение, мог найти по геолокации интересующее его место захоронения, без

труда обнаружить его на кладбище и получить здесь же исчерпывающую информацию о погребенном, а также сам смог бы размещать геопозицию и информацию о почивающем на кладбище человеке, например, своем родственнике. И такой ресурс появился, но, мягко говоря, со своими недостатками. Один предприимчивый молодой человек из Новосибирска создал прототип такого сайта под наименованием «Ритуальный портал»¹. Наполненность данного портала и имеющийся в нем инструментарий оставляют желать лучшего. Но его хозяин позаботился о «главном» — он запатентовал свою идею, получив Авторское свидетельство. И теперь, если кто-то пожелает создать подобное интерактивное приложение, окажется нарушителем патентного права со всеми вытекающими последствиями. Хотя, конечно, подобные технологии давно работают в государственных ритуальных службах, в том числе и в ГБУ «Ритуал», но рассчитаны они, как мы уже указывали, к сожалению, только на внутреннее служебное пользование.

В открытом режиме подобный ресурс был запущен специализированным управлением Новосибирска. С ним автор знакомился там в сентябре 2018 г. на Первом всероссийском форуме работников похоронной отрасли, который проходил в городской мэрии. Вообще Новосибирск можно назвать «столицей похоронного дела» страны. Именно здесь появляются и находят свое развитие многие полезные начинания в этой сфере, которые в дальнейшем осваиваются в других регионах. Во многом такой статус город приобрел благодаря многолетней деятельности удивительного творческого человека — С.Б.Якушина — создателя первого в России частного крематория и единственного в стране Музея похоронной культуры. У музея есть свой сайт в Интернете² — «Музей смерти». Всем, кто сможет побывать в этом замечательном городе на Оби, обязательно стоит увидеть и музей. Вполне понятно, что кого-то некоторые экспонаты и сувениры, представленные здесь, могут шокировать, равно как и некоторые креативные идеи самого С.Б.Якушина, но зачастую это происходит от табуированного отношения к смерти, существующего в современном обществе потребления. Такое отношение совершенно противоречит христианскому памятованию о смерти: «помни последняя твоя и во век не согрешишь», а также благоговейному почитанию тел усопших и мест их

---

¹ <https://geo.ritual-portal.ru>.

² <https://musei-smerti.ru>.

захоронений. Якушину удалось сплотить вокруг своей личности команду творческих и увлеченных своим делом людей. Помимо завода специализированных изделий и крематория, помимо музея, есть еще журнал «Похоронный дом» со статьями по самым разным направлениям данной тематики. Регулярно, уже более четверти века, эта команда организует выставки для профессионалов похоронной отрасли, обычно две в год — региональную в областных центрах и международную осенью в Москве на ВВЦ. Здесь встречаются и общаются государственные, общественные, религиозные деятели и, конечно, представители профильного бизнеса. Последние годы автор направляется на эти мероприятия с приветственными посланиями от Священноначалия Русской Церкви, а также входит в состав жюри конкурса Выставки. Стали появляться здесь и некрополисты — на Московской выставке заработал стенд известного нам «Общества некрополистов». Но представителей научной некрополистики — работников музеев, институтов, архивов и библиотек, облеченных учеными степенями, пока нет. А жаль!

Это отступление от основной темы сделано с целью наметить для нас перспективу и возможности полезного сотрудничества с представителями похоронного бизнеса и специализированными муниципальными службами для решения таких вопросов, как музеефикация, изучение и охрана отечественного некрополя. Ученое сообщество не должно обособляться от работающих «на земле» профессионалов и говорить, о том, что все плохо, и никто кроме нас, ученых, не обеспокоен состоянием старинных погостов. Нет, есть люди готовые оказать помощь и потрудиться на этой ниве, которые ждут от нас конкретных предложений. И задача ученых-некрополистов — показать этим людям фронт работ и следить за грамотностью их выполнения. Кстати, спонсора для издания своей книги о Ваганьковских новомучениках автор нашел именно на этой выставке (компания «Ермис»).

Любопытно, что единственный, насколько нам известно, подобного профиля Муниципальный историко-архитектурный и ландшафтный музей «Тульский некрополь» был создан в России в 1998 г. духовным лицом. Это произошло по инициативе тульского краеведа прот. Р.Лозинского (†1994). Им было сформировано отношение к старинному кладбищу как к средоточию духовной и материальной культуры. Под его руководством в конце 1980-х гг. в городе образовалось общественное движение с названием, давшим впоследствии название

музею. Деятельность движения была направлена на спасение и изучение старинных кладбищ. Очевидно, что именно Церковь Христова во все времена своего существования внимательно относилась к погребению усопших и сохранению мест их погребений. Мы взираем на тело человека как на храм Божий (1 Кор. 3, 16) и помним слова Спасителя: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20, 38). Места погребений всегда рассматривались как священные и неприкосновенные территории. При основании кладбища совершался особый молитвенный чин, в котором для некрополя испрашивался свой ангел-хранитель, место на веки выводилось из хозяйственного оборота и становилось «священной землей».

Отношение христианина к телам почивших собратьев и местам их захоронений напрямую связано с почитанием святых мощей. Кстати, сам термин «мощи» используется в Требнике по отношению к мертвому телу любого христианина³. Как драгоценное сокровище покойного, обмыв и одев в лучшие одежды, укладывали в гроб — подобие шкатулки для драгоценностей, и скрывали на кладбище, это слово однокоренное слову «клад». Здесь ему суждено покоиться до всеобщего воскресенья.

Тела прославленных праведников иногда извлекают из земли (но не всегда, бывают «мощи под спудом», сокрытые под землей) и помещают в украшенные сосуды — «раки». Испокон веков в места, где сохраняются мощи святых, совершались многочисленные паломничества. Верующие понимают, что святому можно молиться везде и всегда, но в местах, где почивают их останки, происходит особенная встреча, иногда сопровождающаяся очевидными чудесами.

Также православные регулярно навещают своих близких, почивающих на погостах, украшают и заботятся о могилках, молятся здесь, понимая, что здесь они также таинственно соприкасаются с бессмертными личностями ушедших в мир иной.

Исходя из этого, вполне очевидно, что идея музеефикации кладбищ, то есть превращение их в охраняемое и изучаемое место организованного паломничества, не только не противоречит православному пониманию таких мест, но логично вытекает из него. Вековыми примерами такой, если угодно, «музеефикации» можно считать некро-

---

³ См., например: Требник издательства Московской Патриархии. М., 2010. С. 164.

поли Киево-Печерской Лавры и Псково-Печерского монастыря, где почивают мощи как прославленных, так и не прославленных святых, существуют указатели и организованы паломнические экскурсии.

Боязнь посещения кладбищ и даже разговоров о них, привнесена в наше общество атеистическим периодом и приумножена наступившим периодом потребления. Когда все устремления человека сосредоточены только на этой временной жизни, страшно задуматься, увидев на древней могиле эпитафию: «Мы были такими как вы, вы будете такими как мы»!

Пробудить человека от этой потребительской спячки способны наши совместные усилия по сохранению, изучению, популяризации и музеефикации наших кладбищ.

Исторический некрополь московского района «Преображенское» и прилегающих к нему территорий: история, изучение и современное состояние

На сегодняшний день все большую актуальность приобретает проблема изучения, сохранения, мемориализации и возрождения исторических некрополей. В связи с этим кладбище следует рассматривать не только как место захоронения, но и как объект культурного наследия, который одновременно несет в себе определенную часть информации, полезной для исследователя, а иногда является едва ли не единственным существующим источником в его работе.

К сожалению, сегодня мы часто сталкиваемся с очень узким пониманием у людей собственно назначения кладбища, в сознании многих оно воспринимается только лишь как место скорби, печали, напоминающее им о потере своих близких. Безусловно, так оно и есть, но порой стоит задуматься о том, что кладбище — это место захоронения не одного конкретного человека, а многих людей, среди которых могут быть видные представители нашей истории и культуры. Утратив частично или полностью места упокоения этих людей, предав забвению их имена, мы навсегда потеряем связь с историей, традициями, культурой предшествующих поколений. Печально, но факт, что именно так сегодня и происходит, многие захоронения или даже целые исторические кладбища мы уже безвозвратно потеряли, другие же можем потерять, если ничего не будем делать для их сохранения. Проблема «исторический некрополь» носит не только научный характер, но также является стороной нравственной культуры каждого человека. Только вместе, сообща мы можем что-то сделать в деле охраны и сохранения нашего исторического наследия, конкретно исторического некрополя.

В статье речь пойдет о четырех исторических некрополях: Преображенском, Черкизовском, Богородском и Семеновском, расположенных на территориях одноименных городских районов Восточного округа Москвы (все эти территории в той или иной степени тяготеют

к историческому ядру — бывшему с. Преображенскому). На примере этих кладбищ, мы постараемся подтвердить вышесказанные слова.

Сегодня существуют и являются городскими и действующими кладбищами закрытого типа Преображенское, Черкизовское и Богородское. В отличие от них Семеновский некрополь утрачен. Рассматриваемые территории изначально складывались как древние поселения или слободы на окраинах города, каждое из которых имело свои особенности и характерные черты. То же самое можно сказать и об исторических некрополях, которые по сути своей были сельскими, но по-разному формировались и имели различное происхождение и назначение.

Начать наше знакомство хотелось бы с Преображенского некрополя. Надо сказать, что так или иначе Преображенское кладбище в отличие от Черкизовского и Богородского всегда находилось в поле зрения историков, москвоведов, краеведов: П.В.Синицына, В.А.Снегирева, М.И.Чуванова, А.Т.Саладина и др. Сегодня некрополь фундаментально описан и по нему даже разработана экскурсия В.Ф.Козловым¹. В связи с этим мы не будем подробно останавливаться на описании самого некрополя, а в целом охарактеризуем Преображенское кладбище, его особенности и те проблемы, которые сегодня здесь существуют.

По отношению к соседним территориям Преображенское всегда играло главенствующую роль как царская вотчина, известная еще со времен царствования Алексея Михайловича. История возникновения и бытования Преображенского кладбища существенно отличается от остальных рассматриваемых некрополей.

В 1771 г. в Москве свирепствовала эпидемия чумы, в связи с чем в Преображенском появилось кладбище, которое сразу приобрело особое значение, став общероссийским центром старообрядцев-беспоповцев (таким же образом в это же время возникло Рогожское кладбище — еще один центр старообрядчества в Москве). Основателем кладбища был И.А.Ковылин (1731–1809), впоследствии он же стал настоятелем Общины. Земля под Преображенское кладбище была выделена за Камер-Коллежским валом из прежних владений

---

¹ См., например: *Козлов В.Ф.* Москва старообрядческая: История. Культура. Святые. М., 2011; *Он же.* Московский Преображенский монастырь — духовный центр старообрядцев-беспоповцев: Путеводитель. М., 2019 и др.

с. Черкизова. Естественной границей с юга был Хапиловский пруд, вырытый в 1710 г., а с севера — Стромьинская дорога. Постепенно Преображенское кладбище превратилось в целый поселок, где жили члены старообрядческой федосеевской общины. Непосредственно архитектурный ансамбль кладбища складывался 27 лет (с 1784 по 1811 г.). С 1809 г. кладбище получило статус «Преображенского богаделенного дома» с предоставлением ему прав частного благотворительного заведения. Был утвержден «Устав Богаделенного дома на Преображенском кладбище» (окончательно был доработан лишь к 1877 г.).

В рамках статьи нет возможности подробно говорить об истории Преображенского кладбища. Приведем лишь самые краткие сведения и остановимся непосредственно на характеристике самого некрополя. Попастъ на кладбище можно через ворота, к которым ведет Ковылинский пер., получивший свое название в 1922 г. (случай почти беспрецедентный). По левой стороне переулка расположена территория бывшей женской половины кладбища, ныне федосеевская старообрядческая община, большую часть которой занимает хорошо известный москвичам Преображенский рынок. Правая же сторона — бывшая мужская половина федосеевцев, в середине XIX — начале XX в. принадлежавшая Никольскому единоверческому монастырю (сегодня здесь находится община поморцев, приход Московской Патриархии). Площадь кладбища 16,5 га, сегодня оно считается одним из престижных кладбищ Москвы. В 2005 г. Преображенское кладбище было благоустроено.

Интересно его описание, сделанное писателем, краеведом А.Т.Саладиным еще в 1917 г.: «Кладбище распланировано длинными продольными березовыми аллеями, поперечных дорожек нет, да они и не нужны, так как могилы расположены по две в ряд и каждая выходит на одну из продольных дорожек. Это — очень удобная и редкая в Москве распланировка кладбищ... Надгробные памятники здесь все скромны и однотипны, в форме обычных старообрядческих гробниц или восьмиконечных крестов»².

Конечно же, сегодня старообрядческий некрополь существенно отличается от кладбища начала XX в.: здесь стали хоронить представителей всех религий, многие староверческие могилы и фамильные участки исчезли или заняты новыми могилами. Новые захоронения

---

² Саладин А.Т. Очерки истории московских кладбищ. М., 1996. С. 49–50.

появились здесь и в 2000-е гг., и продолжают появляться, что существенно изменяет первоначальный ансамбль кладбища, нарушает его историческую планировку. Например, много вопросов вызывает расположение захоронений непосредственно на главной аллее с правой стороны, ведущей к Никольской часовне (1805 г.), из-за чего аллея превратилась в узенький проход между могилами. Возникают трудности и при передвижении по некоторым участкам кладбища, когда практически невозможно подойти к старым захоронениям, находящимся в центральной части отдельного участка, поскольку существующие когда-то тропинки сегодня, плотно прилегая друг к другу, занимают различные могилы более позднего времени. Но все эти проблемы, скорей организационного характера, ничуть не умаляют значение Преображенского кладбища как культурного наследия нашей страны и как интереснейшего источника для исследователей.

Самые старые захоронения здесь относятся к концу XVIII — началу XIX в., к сожалению, почти не сохранились большие старообрядческие семейные захоронения этого периода. А вот большая часть исторических надгробий середины XIX в. сохранилась. Наибольший интерес для исследователя представляет старая часть кладбища: здесь можно встретить семейные участки старообрядцев-беспоповцев Лениновых, Жуковых, Любушкиных, Гусаревых, Хлебниковых, Мараевых, Гучковых, Морозовых, Горбуновых и многих др. Особого внимания также заслуживают захоронения попечителей Преображенского богаделенного дома: Е.А.Щербакова (†1913), Г.С.Прозорова (†1832), А.Н.Никифорова (†1850), Н.В.Кочегарова (†1892), и наставника Дома Л.И.Осипова (†1825), много сделавших для процветания федосеевской общины. Недалеко от входа, с правой стороны, сразу же обращает на себя внимание недавно отреставрированная часовня на месте захоронения известного деятеля Общины М.П.Сергеева (†1908). Ну и, конечно, нельзя пройти мимо скромного каменного надгробия в виде саркофага за ажурной металлической оградой за Никольской часовней. Надпись на памятнике гласит: «Под сим камнем погребено тело попечителя и учредителя Преображенского Богаделенного дома Московского купца Ильи Алексеевича Ковылина скончавшегося в 1809 г. августа в 21 день пополудни в 2 часу на 78 году от рождения его». У могилы Ковылина находится небольшая чугунная часовня Креста Господня.

Историкам, москвоведом, особенно усадебоведам, хорошо известно, что на Преображенское кладбище после закрытия близлежащего

Семеновского кладбища был перенесен прах В.В.Згуры (1903–1927) — создателя Общества изучения русской усадьбы. К сожалению, памятник, поставленный ему друзьями, не сохранился, но могила существует и по сей день (участок №12), рядом установлена памятная доска.

В отношении Преображенского кладбища, следует отметить еще одну его особенность — это самое большое воинское кладбище Москвы: значительную часть территории занимают братские захоронения периода Великой Отечественной войны (более 10 тыс. воинов), есть здесь и захоронения воинов Кронштадтского восстания 1921 г., а также единственный в Москве памятник погибшим в советско-финскую войну 1939–1940 гг. Таким образом, Преображенское кладбище — хранитель памяти о многих ярких представителях нашей богатейшей истории и культуры XVIII–XX вв. и о важнейших событиях прошлого.

Недалеко от Преображенского кладбища расположен по-своему не менее интересный Черкизовский некрополь бывшего с. Черкизово (древнейшей части нынешнего Преображенского) — самый маленький (площадь 0,41 га) и один из старейших из сохранившихся в Москве, сформировавшийся вокруг храма Ильи Пророка (1690 г.), известного еще с XIV в., когда он был деревянным. По мнению историков, уже тогда здесь были первые захоронения, однако из существующих надгробий самые ранние датируются серединой XIX в.

Сразу при входе в южные ворота храма с правой стороны за оградой стоит шатровая сень, под которой находится могила известного московского юридического, местночтимого святого И.Я.Корейши (1783–1861), в одной ограде с ним покоится диакон Никифор, клирик Ильинского храма, муж племянницы Корейши. Вот как в свое время описал могилу И.Я.Корейши А.Т.Саладин: «Здесь два креста под защитной кровлей, на опрятных, покрытых живыми цветами холмиках. Литая дощечка на простом желтом кресте показывает, что здесь погребен “Иван Яковлевич Корейша, родился 1783 г. 8 сент., скончался 1861 г. 6 сент. в Московской Преображенской больнице”»³. Вообще на Черкизовском кладбище можно встретить большое число захоронений местного духовенства: прот. И.А.Суворовский (1859–1920), митрофорный прот. А.В.Глушаков (1923–1994), митрофорный прот. Н.В.Дмитриев (1930–2009), иерей И.И.Знаменский (†1874), протодиакон А.Н.Левшинский (?), монахиня Зиновия (1870–1940);

---

³ Саладин А.Т. Указ. соч. С. 47.

а также могилы настоятелей и священнослужителей храмов близлежащих или в соседних районах и даже других городов: настоятель Введенского храма прот. Д.И.Цветков (1855–1939), свящ. собора Богоявления в Елохове прот. П.И.Голубев (1867–1943), свящ. Покровской церкви г. Саратова прот. П.М.Руднев (1828–1889). По поводу Д.И.Цветкова возник вопрос: какой Введенский храм имеется ввиду? Сначала предположили, что речь идет о самом близком по местоположению храме Введения во храм Пресвятой Богородицы в Черкизове (1913–1934 гг.), но благодаря архивным документам⁴ удалось установить, что прот. Д.И.Цветков был настоятелем Введенской церкви в Семеновской слободе (находилась на Введенской площ. (площ. Журавлева), ныне утрачена). Совсем рядом с могилой Корейши привлекает внимание другое захоронение также почитаемой схимонахини Иулиании (1861–1946), очень важно, что при реставрации могилы был сохранен старый крест с небольшой иконой Пресвятой Богородицы и дощечка со стихами из старинного духовного канта «Праздник». Долгое время на кладбище возле храма сохранялся крест с могилы известного в Москве и почитаемого прот. В.Амфитеатрова (†1908), похороненного на Ваганьковском кладбище⁵. Историк Ваганьковского кладбища, свящ. С.Матюшин в своей книге «Священное Ваганьково» приводит такую историю: «После одного из особо торжественных дней поминовения батюшки крест снова был сломан. Его обнаружили... около железнодорожного полотна, в мусорной куче... духовная дочь отца Валентина Наталья Васильевна Ширяева увидела во сне батюшку, который указал ей, где находится крест. Она отыскала его и впоследствии установила над могилой своего сына, похороненного возле храма святого пророка Илии в Черкизове. Сейчас этот крест находится в храме Благовещения Богородицы в Петровском парке»⁶.

Несмотря на то, что кладбище маленькое, оно необычайно информативно и представляет большой интерес для исследователей. По-

⁴ Список священно-церковнослужителей Московской епархии, награжденных за труды по епархиальному ведомству ко Дню Святой Пасхи 1919 года //ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 306. Л. 1об.

⁵ Веков связующая нить. Храм святого пророка Божия Илии в Черкизове — Обитель святителей Московских /Авт.-сост. С.Малхазов, О.Полушкина, Н.Тагирова. М., 2013. С. 170.

⁶ Матюшин С., свящ. Священное Ваганьково. М, 2008. С. 134.

мимо значительного числа захоронений священства, здесь также нашли упокоение ученые, деятели искусства и культуры, местные жители, есть много семейных захоронений, например: И.А.Соколова (1827–1885/1895?⁷), московской купчихи Н.П.Соколовой (урожд. Зонтовой) (1830–1892), крестьян господина Васильчикова д. Малова (Малого) Муравьева Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии П.И.Зонтова (1802–1857) и Д.С.Зонтовой (1804–1853) и др.

К сожалению, на кладбище имеются и безымянные могилы людей, чьи имена установить будет не так просто, а может быть и невозможно. Но есть и такие, которые иногда с трудом, но можно прочитать, например: могилы московского цехового У.М.Михайлова (†1893), рязанской мещанки Н.И.Борисовой (1828–1901) и др. Есть несколько особенных и интересных памятников с сохранившимися клеймами мастерских, где их изготавливали: «В.А.Ивановъ /бывш. Синицынъ /Москва Мясниц.», встречаются и старые надгробия, вторично использованные уже в советское время с вновь выбитыми именами и фамилиями, на некоторых из них можно найти остатки прежних надписей, но чаще они утрачены. Несколько памятников имеют не часто встречающиеся трогательные подписи, например: «Въ память тети отъ любящей племянницы».

Как и многие другие исторические некрополи, Черкизовское кладбище нуждается в защите и сохранении постепенно исчезающих захоронений, особенно старых. Проходя между могилами более позднего времени, нет-нет, да и наткнешься, в буквальном смысле этого слова, на саркофаги и памятники середины XIX — начала XX в. И вот тут перед нами предстает весьма печальная картина: большинство надгробий просто валяются, заросшие мхом, имеют различные повреждения или замазаны краской, хорошо, если сохранились надписи и эпитафии, и их с трудом, но все-таки можно прочитать. Глядя на все это, на ум приходит фраза: «Отношение к мертвым всегда показывает и лицо живых»⁸. Оставляет желать лучшего и та часть кладбища, которая находится с левой стороны от южных ворот храма: заросли (иногда

---

⁷ Дата смерти плохо читается.

⁸ Шмидт С. О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана): Материалы научно-практической конференции. М., 1991. С. 11.

выше человеческого роста) мешают не только подойти к памятнику, но иногда даже и увидеть его.

Несмотря на то, что сегодня на кладбище все же сохранились многие старинные надгробия, некрополь продолжает больше напоминать сельский погост, нежели столичное кладбище.

Еще одно кладбище — Богородское — также является одним из старейших в Москве и ведет свою историю с середины XVIII в. О Богородском кладбище нет вообще никакой информации в историографии (возможно, кто-то и занимается изучением этого некрополя, но публикаций, во всяком случае, нет). До начала XX в. кладбище было сельским и имело локальное значение, поэтому мы тут не встретим захоронений известных людей, дорогих надгробий в отличие от других столичных некрополей. Тем не менее, и этот некрополь интересен и информативен. При входе на кладбище сразу замечаешь впереди, с левой стороны от входа каменную часовню в русском стиле, напоминающую древние новгородские усыпальницы, поставленную в 1908 г. по завещанию прот. А.Т.Колычева (1837–1907) над его могилой. Благодинный округа Московского уезда о. Александр был первым настоятелем церкви Спаса Преображения в Богородском. За 16 лет служения он сделал очень многое. До сих пор к могиле о. Александра приходят поклониться православные верующие, поминая его добрым словом. В 1938 г. часовня была закрыта и разорена, к счастью, в 2000 г. ее восстановили не без помощи и поддержки настоятеля Преображенского храма о. Д.Круглика. Позади часовни расположен еще один участок с захоронениями священнослужителей (по-видимому, трех), которые в разные годы были настоятелями храма. Здесь похоронены: третий настоятель Преображенского храма прот. А.И.Добросердов (1872–1949), о. С.Касаткин (1869–1953), кому поставлен третий памятник неизвестно, поскольку полностью отсутствует надпись на нем, хотя все памятники в хорошем состоянии. Есть описание похорон о. Алексия Добросердова: «Хоронило батюшку все Богородское. Гроб несли на плечах от храма до кладбища. Люди заполнили Большую Богородскую улицу так, что пришлось перекрывать движение и останавливать трамваи. У кладбищенских ворот похоронную процессию встречало духовенство с иконами»⁹. Недалеко от

⁹ Храм преображения господня в Богородском: история и современность. М., 2007. С. 70.

часовни можно увидеть еще одно захоронение священнослужителя протодьякона А.Ф.Преображенского (1896–1956). Помимо могил местного священства, на Богородском кладбище есть захоронения деятелей культуры, фронтовиков, местных жителей, довольно много детских, юношеских могил. Также как на Преображенском и Черкизовском кладбищах, здесь сохранились некоторые памятники и саркофаги XIX — начала XX в., например И.А.Артемьева (1829–1883) и И.Я.Платонова (1852–1901). Правда, состояние большинства из них весьма плачевное: некоторые плиты и саркофаги замазаны, повалены (некоторые уже вросли в землю), частично или полностью разбиты, заросли мхом и т.д. Нередки старые памятники с надписями, выбитыми в советское время, когда их использовали для новых чужих захоронений, на многих невозможно восстановить надписи или можно это сделать только фрагментарно. Также очень часто на могиле встречается лишь табличка с именем умершего, а иногда и вообще, идя по тропинке, можно наткнуться на холмик, который слегка выдается из земли, но уже никак и нечем не обозначен. Большинство старинных оград на семейных захоронениях изломаны и покорежены, кресты на памятниках и кресты на могилах часто сбиты, покосились или поломаны (даже на захоронениях второй половины XX в.). К сожалению, мы часто забываем или вообще не думаем о том, что «...забота о могилах предков — один из элементов культуры любого народа, показатель его духовного здоровья»¹⁰.

Интересно, что сохранились (были нами выявлены) два подлинных надгробия на могилах крестьян с Богородского: К.А.Кулакова (1843–1887) и П.И.Кулаковой с дочерью А.И.Ажненковой. Возможно, крестьяне Кулаковы были родственниками, хотя надгробия находятся в разных местах (кстати, надгробие К.А.Кулакова повалено и лежит на земле между другими могилами, и непонятно, оно упало там, где было поставлено, или перенесено сюда из другого места кладбища). Интересно еще и то, что, судя по надписи на памятнике (без указания дат и, похоже, сделанной единовременно), П.И.Кулаковой было 33 года, а ее дочери А.И.Ажненковой — 21 год. Как это объяснить?

Видимо, в силу того, что кладбище было сельским, окраинным здесь встречается много типовых приземистых, простых геометрических форм памятников (прямоугольные, скошенные прямоугольники)

---

¹⁰ Артамонов М.Д. Московский Некрополь. М., 1995. С. 3.

советского времени (примерно до 1960-х гг. включительно), материалом которых служил кирпич, обмазанный цементом и главным достоинством которых, по-видимому, являлась дешевизна. Среди старых памятников есть несколько дорогих, и даже на одном из них сохранилось клеймо мастера: «Петрова /Москва. Мясниц. 23». Но, вообще, памятников с клеймами, кроме этого, нам обнаружить не удалось.

Обращают на себя внимание несколько необычных и интересных захоронений и памятников: один старый жестяной, весь уже подпорченный коррозией, сложной формы (может, стилизованный крест, может что-то, очертаниями очень отдаленно напоминающее памятники времен модерна) с венчающим жестяным же крестом, с пустым отверстием для фотографии (или иконы ?) и отверстием-дырой внизу, возможно здесь была табличка с надписью; на другом памятнике — общей современной темного камня плите на могиле К.П.Матюшкина (1913–1949) и Г.Н.Куклина (1934–2008), изображен храм Ильи Пророка в Черкизове, возможно, кто-то из них был связан с этим храмом или с местностью; еще на одном памятнике такая надпись: «Здесь покоятся младенцы: /Маня 7 м. и Коля 2 м. /Вуколовы», но не понятно когда они умерли. Привлекает своей стилистикой архитектура еще одного памятника, вполне характерного по форме для XIX в., но с изображением якоря — на месте семейного захоронения С.Д. и Ф.М.Казаковых и их детей Евдокима и Ирины. Интерес также представляет аккуратный и ухоженный небольшого размера памятник — колонна с завершением-конусом из черного камня с надписью «Калужской губ. /Роман [неразб.]иминевич /Фоминь /сконч. 8 октября /1918 г. 44 л.». Необычен по форме и еще один памятник — очень маленькая и аккуратная колонна (цилиндр) розовато-серого камня с выбитой крупной надписью (занимает почти всю колонну): «Дедянин /К.Д. /1907–1949 /от /сына и жены». Отметим также небольшие надгробия в форме аналога — не так редко встречающаяся форма надмогильного памятника на захоронениях второй половины XIX в., однако на Богородском кладбище нами пока было выявлено лишь 2 таких памятника.

Таким образом, мы видим, что Богородский некрополь, несмотря на свои небольшие размеры (2 га), имеет довольно много интересных, (даже необычных) памятников, которые особенно нуждаются в изучении, сохранении и возрождении.

Сегодняшнее состояние некрополя, особенно старой его части, оставляет желать лучшего. Известно, что в 1980-е гг. существовали

планы сноса кладбища, оно было закрыто для захоронений. Но планы реализованы не были, и кладбище вновь стало действующим (помимо подзахоронений в семейные могилы существует отдельный, стилистически сильно отличающийся от всего остального, новый участок). В Интернете можно найти сведения, что в 2008 г. кладбище было отреставрировано, однако за исключением часовни и ряда могил, в том числе священнических, в целом вид некрополя не ассоциируется с недавней реставрацией.

Последний некрополь, которому мы уделим внимание — утраченное Семеновское кладбище, особенно важна его военная составляющая. Архивные документы, хранящиеся в ЦГА г. Москвы, содержат сведения по истории этого кладбища, о его расширении и благоустройстве, о правилах захоронений и примерной численности погребенных в разные годы, а также о закрытии кладбища и его последующей ликвидации.

Семеновское кладбище было одним из самых больших в Москве, оно располагалось в одноименном подмосковном селе, за Семеновской заставой Камер-Коллежского вала, за перекрестком современных улиц Большой Семеновской и Семеновского вала, у начала Измайловского шоссе. До 1657 г. село называлось Введенским по церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, именно к этому храму был приписан небольшой сельский погост. Но в отличие от Черкизовского и Богородского кладбищ Семеновское довольно быстро превратилось в городское в силу сложившихся обстоятельств. Самое старое захоронение относилось к 1641 г. Известно, что при храме, были похоронены родители кн. А.Д. Меншикова, а уже позже непосредственно на Семеновском кладбище и две его дочери — Наталья и Екатерина. Еще одной особенностью кладбища являлось то, что оно было единственным «нечумным» в кольце кладбищ за Камер-Коллежским валом. В 1855 г. кладбище обрело собственный храм Воскресения Словущего (в начале 1990-х гг. восстановлен из руин, ныне действует, является Патриаршим подворьем).

В начале XX в. Семеновское кладбище представляло собой большой парк «...с красивыми густыми аллеями, шпалерами подстриженного кустарника, из-за которого крестов почти не видно. Первая половина кладбища, где в густоте шпалер скрываются даже большие памятники, не похожа ни на одно из московских кладбищ. Могилы здесь не теснятся друг к другу, а свободно располагаются на

обширных площадях, как клумбы на газонах. В конце кладбища шпалеры кустарника исчезают, и простые деревянные кресты утопают там в высокой душистой траве. Старые березы и сосны дают густую тень, разливающую приятную прохладу по всему кладбищу» (это описание А.Т.Саладина)¹¹.

Семеновское кладбище формировалось в течение более чем ста лет, оно было обширно и, как и всякий городской некрополь, включало захоронения представителей разных городских сословий. Находясь за городской чертой, оно не носило элитарного характера, большинство захоронений здесь принадлежало семьям дворян, чиновников, мещан, купцов, крестьян — жителей Семеновского и близлежащих окрестностей; были и участки с бесплатными захоронениями. На Семеновском кладбище в разное время были похоронены: поэт А.И.Полежаев (1805–1838); участник Кавказской войны генерал-лейтенант Н.К.Цеймерн (1800–1875); начальник артиллерии Московского военного округа генерал-лейтенант К.В.Сикстель (1826–1899); участник Крымской и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал от инфантерии В.К.Жерве (1833–1900); антиквар, москвовед, автор книг по истории Преображенского П.В.Синицын (?)-1904); поэт, прозаик, краевед И.А.Белоусов (1863–1930). Ближе к храму располагался некрополь священнослужителей, включавший ряд исторически значимых захоронений. Так, рядом с храмом Воскресения Христова были похоронены: ктитор, на средства которого строился храм — купец М.Н.Мушников; первый настоятель храма прот. А.Сергиевский (1802–1877) и его сын Н.Сергиевский (1827–1892) — протопресвитер Успенского собора в Кремле, настоятель университетского храма св. Татианы и профессор богословия, логики и психологии Московского университета; о. К.Остроумов (1827–1899) — основатель первого в Москве общества трезвости; архиепископ Енисейский и Красноярский Мелхиседек (Паевский) (1879–1931).

Важным отличием Семеновского некрополя от других сельских кладбищ, была его особая роль, связанная с функцией главного воинского кладбища столицы и отчасти страны (в том числе и первого некрополя Первой мировой войны — до появления в 1915 г. уникального мемориального комплекса Братского кладбища в районе современных метро «Сокол» и Песчаных улиц). Эта особая роль кладбища определилась

---

¹¹ Саладин А.Т. Указ. соч. С. 65.

с самого начала его существования: в связи с расположением поблизости от первого Московского военного госпиталя (в Лефортово). Семеновское кладбище в XVIII — начале XX в. было непосредственным местом массовых захоронений нижних чинов российской армии, умиравших в госпитале. Воинские погребения здесь были связаны фактически со всеми событиями военной истории России указанного периода: Отечественной войной 1812 года, Русско-турецкими, Русско-японской войнами, с Первой мировой войной и другими военными конфликтами за два с лишним столетия. «Что-то особенно грустное охватывает на этом кладбище, где все могилы, как солдаты в строю, вытянулись стройными рядами, где все кресты сделаны по одной форме и даже надписи на них все одного образца... Здесь нет цветов, не видно посетителей, да мало кто и подозревает о существовании этого кладбища, устроенного в поле, примкнувшего одною стороною к стене Семеновского кладбища, а с другой едва отделенного от пустырей и свалок проволочной изгородью»¹².

Кладбище делилось на разряды, самым массовым был 7-й разряд, где как раз и находились все воинские захоронения (помимо Госпиталя, и из различных военных и богоугодных заведений Москвы). В силу массовости воинских захоронений кладбище периодически расширялось в своих границах, и в конечном итоге заняло очень значительную территорию: «И растет с каждым годом рать наскоро сколоченных солдатской же рукой четырехконечных крестов со скатными кровельками. В особенности увеличился этот рост во время войны, со второй половины 1914 года. Могилы роются одна за другою в последовательном порядке, почему даты на крестах получаются хронологически правильными. Эта наглядная картограмма нарисована уже почти до конца кладбищенской черты, и скоро придется искать нового места»¹³.

К сожалению, судьба не пощадила этот уникальный, единственный в своем роде исторический некрополь воинской славы России. В 1931 г. кладбище было закрыто, а уже с 1934 г. началось его постепенное уничтожение: прямо по кладбищу прошел Семеновский пр., разделивший его на две неравные части: на одной части был разбит парк, а большую, часть, включавшую и бывшее военное кладбище, за-

---

¹² Саладин А.Т. Указ. соч. С. 68.

¹³ Там же.

нял завод «Салют», по окончании Великой Отечественной войны кладбище просто исчезло.

Так, в связи с массовым уничтожением исторических кладбищ в 1920–1930-е гг. на сегодняшний день в Москве не сохранилось ни одного исторического военного некрополя.

Почти исключительный случай то, что до сих пор на территории большого мегаполиса часть утраченного некрополя не застроена и не занята учреждениями городской инфраструктуры (здесь находился сквер, с недавних пор — парк «Семеновский», что предоставляет редкую возможность для осуществления в той или иной форме мемориализации данной территории. В 2009 г. была образована особая группа (по инициативе сотрудника Научно-методического центра ГВКГ им. акад. Н.Н.Бурденко М.Б.Овчинниковой и предпринимателя Г.А.Медведева), в которую в том числе вошли специалисты-краеведы В.Ф.Козлов, А.Г.Смирнова, К.А.Смирнова, представлявшие отделение краеведения и историко-культурного туризма Историко-архивного института РГГУ (до 2016 г.; ныне — сотрудники Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия), Московское краеведческое общество и Союз краеведов России¹⁴. В ЦГА г. Москвы А.Г.Смирновой и К.А.Смирновой были выявлены документы по истории Семеновского некрополя, составлена историческая справка, подготовлена публикация¹⁵. Начиная с 2011 г. по настоящее время удалось провести ряд публичных мероприятий, официальных встреч с администрациями соответствующих управ Восточного административного округа, с представителями Московской городской думы. На месте бывшего некрополя установлены информационный щит и памятный камень (активисты добились прекращения землеустроительных и благоустроительных работ в сквере, нарушивших захоронения и повредивших находившиеся в земле надгробия). На сегодняшний день есть результаты научной экспертизы (безвозмездной) И.К.Русаконского для придания территории статуса достопримечательного места, есть разработанные (безвозмездно) концепция

¹⁴ Подробнее о работе инициативной группы см. в статье А.Г. Смирновой, опубликованной в этом же разделе сборника.

¹⁵ См.: *Медведев Г.А., Смирнова А.Г.* Московское Семеновское кладбище — памятник воинской славы России //Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. М., 2011. С. 255–268.

и проект будущего Мемориала. Инициатива его создания в принципе получила поддержку у Мэра Москвы и Городской думы, ее поддерживает ряд федеральных министерств (Министерство обороны, МВД, Министерство культуры), общественные организации, Русская Православная Церковь (есть благословение Святейшего Патриарха Кирилла). Однако до окончательного решения вопроса дело еще не дошло, как это ни печально (и одновременно — ни удивительно). Работа в этом направлении продолжается.

Подводя итог всему сказанному, следует обратить внимание на то, что вышеперечисленные исторические некрополи (за исключением Преображенского) малоизучены, нет специальных исследовательских работ, посвященных им, в литературе и в Интернете встречаются лишь краткие упоминания или отдельные сведения о них. Очень важно изучать, охранять исторические некрополи и сохранившиеся на них старые памятники как объекты истории и культуры. Фиксировать и искать сведения по этим памятникам, разными способами популяризировать исторические некрополи.

Изучение исторических некрополей необходимо само по себе, эта часть культурного наследия нуждается и в исследованиях, и в охране, и в мемориализации. Также и в рамках комплексного краеведческого изучения отдельных исторических территорий тема местного некрополя как неотъемлемой составляющей историко-культурной среды является одной из важнейших. Работы здесь хватит всем, и научному сообществу, и общественности, и всем тем, кто не равнодушен к истории и будущему своей Малой и Большой Родины. «Кладбища ожидают своего исследователя, для него там будет большая и благодарная работа. Хотелось бы, чтобы поскорее явился такой исследователь, пока не погубило обреченное гибели»¹⁶.

---

¹⁶ Саладин А.Т. Указ. соч. С. 8.

Лазаревское и Семеновское кладбища — два утраченных исторических некрополя Москвы: история, опыт изучения, проблемы мемориализации

Проблемы сохранения и возрождения исторического некрополя в Москве, популяризации его наследия являются сегодня исключительно актуальными. «Время и люди создают, но они же и уничтожают некрополь как вещественную память о наших предках — так кратко можно охарактеризовать судьбы некрополя на протяжении восьми с половиной веков истории Москвы» — эти слова были сказаны в 1991 г. Л.В.Ивановой (1928–1999)¹, которая была в числе тех, кто в 1990-е гг. возрождал и развивал в краеведческом контексте тему исторического некрополя. К сожалению, как известно, отечественный и непосредственно московский некрополь в предшествующие периоды, особенно в советское время, понес очень значительные утраты. Ныне в Москве не существуют не только отдельные исторические захоронения, но и целые кладбища, с течением времени по небрежению и равнодушию постепенно приходившие в заброшенное состояние, а в годы советской власти просто уничтоженные по идеологическим, в первую очередь, и не только причинам. В число этих уничтоженных (или как принято чаще аккуратно выражаться, «утраченных») некрополей входят и два московских городских кладбища: Лазаревское и Семеновское, каждое из которых было по-своему уникальным.

В данной статье мы вкратце осветим историю возникновения и развития обоих некрополей, укажем на их особенности и значение в истории и культуре Москвы, рассмотрим накопленный к сегодняшнему дню опыт их изучения и попытки сохранить и возродить о них память. Человеку несведущему может показаться, что в отличие от других памятников (архитектурных, живописных, письменных и проч.)

---

¹ *Иванова Л.В.* История изучения московского некрополя //Московский некрополь. История, археология, искусство, охрана: Мат-лы науч.-практ. конференции. М., 1991. С.34.

задача не просто изучения, но именно восстановления, регенерации утраченного некрополя, хотя бы закрепления памяти о нем в современной историко-культурной среде города не совсем понятна. Однако, как справедливо заметил первый председатель Союза краеведов России (СКР), академик РАО С.О.Шмидт (1922–2013), «Проблема “исторический некрополь” не может ограничиваться задачами научного характера. Это — сфера нравственной культуры. И забвение уважения к ушедшим из жизни и местам их упокоения не может не тревожить тех, кто думает о будущем нашего общества, о возрождении нашего духа»². Московский (и шире отечественный) исторический некрополь — это часть национального культурного наследия, это богатейший источник сведений о нашем прошлом и о наших предках, утрата, тем более, осознанное уничтожение исторических кладбищ, полностью или частично, наносит непоправимый ущерб нашей истории, культуре, нравственности.

И Лазаревское³, и Семеновское⁴ кладбища объединяет общая печальная судьба исторических некрополей Москвы, оба они возникли и развивались как городские, и в этом смысле в их истории много общего, однако оба некрополя отличаются значительным своеобразием, и каждый из них занимает свое особое место среди прочих исторических кладбищ столицы. Так, Лазаревское кладбище являлось первым городским гражданским некрополем Москвы, а Семеновское — первым московским воинским некрополем (помимо функции городского гражданского кладбища).

Лазаревское (Лазарево) кладбище возникло в середине XVIII в. волею императрицы Елизаветы Петровны и было уничтожено

---

² Шмидт С.О. Послесловие // Саладин А.Т. Очерки истории московских кладбищ. М., 1996. С. 293.

³ Подробнее см.: Смирнова А.Г. Лазаревское кладбище. Из истории первого городского некрополя Москвы //Московский журнал. История государства Российского. 2017, декабрь. №12(324). С. 16–38.

⁴ См.: Медведев Г.А., Смирнова А.Г. Московское Семеновское кладбище — памятник воинской славы России //Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. М., 2011. С. 255–268. Статья была написана и опубликована в рамках заказной работы в связи с попытками меморализовать незастроенную часть бывшего Семеновского некрополя. Нами совместно с К.А.Смирновой в ЦГА г. Москвы были выявлены сведения, касающиеся истории Семеновского кладбища в XVIII–XIX вв.

в 1930-е гг. Будучи первым по времени образования, оно в числе других (Миусского, Пятницкого, Дорогомиловского, Ваганьковского, Семеновского, Калитниковского) выполняло общегородскую функцию. Это кладбище, одно из немногих, имело подробное историческое описание почти за полтора столетия существования (до 1890-х гг.), его автор — настоятель кладбищенского храма Сошествия Святого Духа священник В.Остроухов⁵. После него подробно Лазаревским некрополем никто не занимался, поэтому история кладбища после 1890-х гг., зафиксирована лишь фрагментарно. Некоторые материалы о Лазаревском кладбище в первые два десятилетия советской власти, в том числе и касающиеся его закрытия, хранятся в архивах.

Как мы уже упоминали, Лазаревское кладбище было первым московским городским гражданским некрополем — и в этом его основная ценность для специалиста. А с точки зрения историко-художественного (надгробия и памятники) или историко-мемориального (персоналии) факторов, этот некрополь занимает более скромное место, нежели, например, монастырские кладбища Даниловское, Новодевичье, Донское.

Лазаревское кладбище располагалось на исторической московской окраине у Марьиной Рощи за Переяславской слободой, за Крестовской заставой, правее Троицкой дороги (ныне ул. Проспект Мира и Ярославское шоссе), возле небольшой Марьиной деревушки, где существовала и Марьиная Роща. Московвед С.М.Любецкий, в 1877 г. писал, что Марьиная Роща «в старинные времена... была очень густа, местами даже непроходима; по преданию, в ней водились дикие звери и недобрые люди», что здесь была царская охота (земли являлись царской вотчиной), а во время «троицких походов царей на богомолье к преп. Сергию в Марьиной роще было первое становище...»⁶. Сегодня память о кладбище хранит возрожденный кладбищенский храм Сошествия Святого Духа (XVIII в.), и от бывшей кладбищенской территории остается незастроенной еще небольшая часть, которую занимает

⁵ *Остроухов В., свящ.* Московское Лазарево кладбище. Историческое исследование, составленное на основании имеющихся в кладбищенской церкви разных документов. М., 1893.

⁶ *Любецкий С.М.* Московские окрестности ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде для выбора дач и гулянья. М., 2006. С. 41.

парк «Фестивальный». Бывший окраинный район уже давно примыкает к городскому центру, плотно застроен, через него проходят крупные городские магистрали. Нет на карте Москвы и самой Марьиной Рощи (именем которой москвичи традиционно называли и большой городской район), память о ней хранят названия нескольких улиц и проездов в прилегающих кварталах.

Лазаревское городское кладбище сформировалось на месте более раннего некрополя «на убогих домах» (на «Новых убогих домах»)⁷. Божедомское кладбище, предшественник Лазаревского, возникло при Анне Иоанновне — его сюда перенесли со старого места, где существовал до сер. XVIII в. Крестовоздвиженский мужской монастырь с кладбищем — «Старые убогие дома» (в районе современной Суворовской пл.). С естественным ростом Москвы бывшие пригороды становились городскими территориями, божедомские кладбища и покойницкие амбары оказывались среди жилых владений, выделенные под них территории требовали расширения. Ситуацию с внутригородскими кладбищами, как известно, государство пыталось урегулировать еще с первой четверти XVIII в. Так, Петр I 10 октября 1723 г. дал именной указ Св. Синоду «О непогребении мертвых кроме знатных персон, внутрь городов и об отвозе оных в монастыри и к приходским церквам за город»⁸. Не было исключением и старое монастырское Крестовоздвиженское кладбище. Его перенесли в поле на выгонные

---

⁷ Понятие «на Божиих домах», «на убогих домах», «на могильцах» прочно вошло в наименования православных храмов и в городскую топонимику (ул. Божедомка в Москве, например). Еще во второй половине XVII в. для захоронений во время моровых поветрий, а также для погребения умерших в Москве, но не имевших здесь постоянного проживания и не являвшихся прихожанами московских храмов, нищих и «недостаточных» людей, неопознанных трупов при приходских церквах на окраинах Москвы стали выделять специальные места, «убогие (Божии) дома», и ставить соответствующие постройки — амбары (бараки, сараи), для временного пребывания тел умерших. Хоронили таких покойников за незначительную плату или же бесплатно (в общей могиле). При этом существовала традиция жертвовать на такие захоронения и устраивать общественное гуляние-поминание в Семик перед Троицей.

⁸ Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 7. №4322. С. 130. Окончательно, как известно, хоронить на приходских кладбищах в черте города прекратили лишь в конце XVIII в. после московской чумы.

государевы земли у Марьиной рощи, где поставили новый амбар убогого дома (по-прежнему под юрисдикцией монастыря). В правление Елизаветы Петровны амбар на «Новых убогих домах» перестроили — 22 мая 1744 г. Сенат распорядился: «...Вышеписанный для погребения мертвых тел амбар ныне построить и впредь починивать Московской Губернской Канцелярии, из неокладных доходов той (Московской — А.С.) губернии»⁹.

Следующий шаг в процессе превращения бежедомского кладбища у Марьиной рощи в общегородское был сделан в конце 1740-х гг. 2 июля 1748 г. Елизаветой Петровной был дан указ Сенату «Об отводе в Москве за Мещанской слободой места на поле для кладбища»¹⁰, в этом же указе говорилось, что кладбищенскую церковь императрица поставит на собственные средства. Учредили Комитет по устройству нового кладбища. Наиболее подходящим посчитали именно место у Марьиной рощи, где уже стоял амбар убогого дома. По сведениям москвовед И.К.Кондратьева (конец XIX в.), предлагалось и другое место по соседству — у церкви Трифона в Напрудной слободе, но Св.Синод это предложение отклонил¹¹.

Кладбищенская церковь во имя св. праведного Лазаря Четверодневного (по которой кладбище стало именоваться Лазаревским) была поставлена к 1 июня, а освящена 21 декабря 1750 г.¹² Интересно, что С.М.Любецкий пишет о существовании деревянной церкви с 1749 г. и переводе к ней кладбища от Крестовоздвиженского храма только в 1771 г.¹³, а А.Т.Саладин указывает на 1758 г. как на время, когда «открылось на окраине Москвы, в Марьиной роще первое московское общественное кладбище для бедных — Лазаревское»¹⁴. Очевидно, что эти сведения неточны, и организацию первого московского общегородского кладбища и по законодательству, и фактически стоит относить к 1740-м гг., что соответствует и сведениям В.Остроухова

⁹ ПСЗ... Т. 12. №8946. С. 115.

¹⁰ Там же. №9512. С. 875.

¹¹ Кондратьев И.К. *Седая старина Москвы*. М., 1997. С. 454.

¹² Остроухов В., *свящ.* Указ. соч. С. 12.

¹³ См.: Любецкий С.М. Указ. соч. С. 41.

¹⁴ См.: Саладин А.Т. Указ. соч. С. 7.

(также подтвержденным законодательством и документами церковного архива).

Первый деревянный кладбищенский храм был разобран в 1800 г., но в это время уже существовала каменная церковь во имя Сошествия Св. Духа (1780-е гг.), поставленная на средства купца, благотворителя Л.И.Долгова (1722–1783), чьи родственники покоились на Лазаревском кладбище. После смерти Л.И.Долгова строительство храма продолжили его наследники.

Лазаревское кладбище сохраняло свои «божедомские» функции до 1763 г., когда указом Св. Синода от 29 апреля амбар для хранения тел до погребения был ликвидирован, а подобная практика захоронений на Лазаревском кладбище прекращена: «Лежащая в Москве, близ Марьиной роши, в убогом доме, в вырытой яме мертвые тела... по отпетии обычного надгробного пения, в землю зарыть, и впредь привозимыя из разных присутственных мест тела, по отправлении же пения, погребать в то же самое время на коште тех мест, откуда привозимы будут»¹⁵.

В XIX в. в кладбищенском деле и, соответственно, в устройстве Лазаревского кладбища произошел ряд изменений. По указу Св. Синода от 14 июля 1841 г.¹⁶ захоронения на кладбищах должны были систематизироваться по разрядам в строгом иерархическом порядке. На городских кладбищах предусматривалось бесплатное погребение в 6-м разряде для чиновников, и в 7-м — для всех остальных: право на «безвозмездное погребение» имели «крестьяне и дворовые люди, проживающие в столицах по паспортам мастеровые работники и фабричные, все снискивающие себе пропитание поденною работою, также нижние воинские, как служащие, так и отставные чины, нижние служители казенных мест, а равно и бедные отставные чиновники и прочие тому подобные лица» и их семейства¹⁷. На практике беднейших горожан, крестьян, умиравших в больницах для чернорабочих, нередко хоронили в общих могилах — были такие могилы и на Лазаревском кладбище.

По сведениям В.Остроухова, с 1824 г. на Лазаревском кладбище была «начата строгая отчетность по могильному делу», по Положению 1841 г. кладбище разделили на соответствующие разряды. Причт

---

¹⁵ Цит. по: *Остроухов В., свящ.* Указ. соч. С. 11.

¹⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 196. Оп. 3. Ед.хр. 548.

¹⁷ Там же.

Святодуховского храма исправно выполнял «прямые обязанности по кладбищу», поскольку никакие иные обязанности на нем не лежали — «при Лазаревом кладбище прихода не имеется»¹⁸.

Как городское кладбище Лазаревское довольно интенсивно заполнялось захоронениями людей разных сословий и разного положения и достатка. Средние цифры захоронений в год в период 1824–1857 гг. составляли от 550–850¹⁹ (увеличение числа покойников происходило в годы эпидемий «или тифа, или холеры, или скарлатины и дифтерита или, наконец, двух-трех эпидемий вместе»²⁰). А с конца 1840-х гг. число погребенных за год все чаще превышает цифру в 1 тыс. чел., в 1866 г. достигает 2340 и далее вплоть до 1890-х гг. в целом возрастает, в одни годы превышая 2 тыс., в другие — приближаясь к этой цифре²¹. К 1840-м гг. земли уже не хватало, особенно для бесплатных общих могил. Вопрос о расширении кладбищенской территории рассматривался еще в 1815 г. общегородской «Комиссией для строений Москвы»²². Но сложность его урегулирования была связана с интересами владельцев соседних, прилегающих к кладбищу земельных участков, что не позволило решить дело до 1850-х гг.

В конце 1860-х гг. причт Лазаревского кладбища пытался прекратить захоронения в общих могилах: в связи с объемами такие могилы (в каждой по 30–50 гробов в несколько ярусов) заполнялись в течение нескольких дней и даже недели, соответственно на протяжении этого времени стояли открытыми. Но соответствующие ходатайства к духовной и светской власти тогда остались без результата. Лишь после холеры 1870–1872 г. захоронения в общих могилах «погребаемых на казенный счет умерших в больницах бедных людей» были переведены с Лазаревского на Ваганьковское кладбище²³. В 1884 г. московским генерал-губернатором кн. В.А.Долгоруковым по соображениям санитарным был поднят вопрос о прекращении захоронений в старой части кладбища, («чтобы на старом Лазаревском кладбище погребение умерших было

¹⁸ *Остроухов В., свящ.* Указ. соч. С. 93.

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Там же. С. 106.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 48.

²³ Там же. С. 107.

прекращено окончательно»²⁴). Духовное ведомство инициативу одобрило. Но это вызвало протесты и ходатайства кладбищенского причта и владельцев семейных участков, указывавших, что в старой части еще достаточно места для захоронений. В результате категорического запрещения не последовало. Однако в 1889 г. настоятель Святодуховского храма сообщал, что все же с 1884 г. «старое кладбище... закрыто вследствие переполнения покойниками, что можно сказать, впрочем, об одной половине старого кладбища; на другой же половине беспрепятственно можно было бы хоронить в течение, по крайней мере, десяти лет»²⁵.

В последней четверти XIX в. причту Лазаревского кладбища пришлось напрямую столкнуться с проблемой охраны кладбища и его памятников от внешних посягательств. Местоположение на городской окраине у зеленого массива Марьиной Рощи, на первый взгляд, было весьма удачно для кладбища. Однако на деле для причта Святодуховского храма это вылилось в «головную боль» — «ибо Лазаревское кладбище... — самое несчастное, так как окружено почти со всех сторон строениями с ремесленным населением», которое, как писал В.Остроухов, безобразничает на кладбище, «разбивая нередко кресты, решетки и памятники из-за одного необузданного желания ломать и сокрушать»²⁶. Дело в том, что благочестивая еще средневековая традиция поминальных гуляний на Семик к концу XIX в. превратилась из поминального обряда-гуляния в разгульный «обряд»-развлечение и не только в роще, но и на самом кладбище. Если прежде, по описанию С.М.Любецкого, к Марьиной роще и на кладбище в Троицкую субботу, на седмичную неделю и по праздничным дням приходили поминать своих покойников родственники, «чинили им поминания, состоявшие в том, что обделяли нищую братию полушкой, пили вино, ели блины, кутью, христо-воскресные яйца; иные пили чай на могильных плитах...»²⁷, то к 1870-м гг., уже по свидетельству Остроухова, «до самой ночи простой народ водил хороводы с песнями и игрою на гармониках, потом разбрелся по роще и кладбищу отдельными группами и парами. Пьяные мужчины и женщины допускали различные, часто возмутительные, бесчинства на клад-

---

²⁴ Остроухов В., *свящ.* Указ. соч. С. 75.

²⁵ Там же. С. 90.

²⁶ Там же. С. 92–93.

²⁷ Любецкий С.М. Указ. соч. С. 42.

бище: ломали могильные кресты, повреждали памятники...»²⁸, мешали заупокойным службам и т.д. К тому же у рощи были открыты 3 трактира, один из них — прямо у кладбища²⁹. Потребовались многолетние усилия настоятеля Святодуховского храма, чтобы добиться прекращения безобразий. Единственный выход виделся в обнесении кладбища стеной и удалении с его территории «всех праздношатающих и подозрительных личностей». Как раз в 1880–1890-е гг. епархиальные власти разработали и провели ряд мероприятий по благоустройству городских православных кладбищ, включая ограждение кладбищенских участков рвами и заборами, вменили в обязанности кладбищенскому причту надзор за чистотой и сохранностью могильных памятников, наблюдение за «благоповедением могилокопателей и гуляющих по кладбищу»³⁰. И на Лазаревском кладбище покой водворился только после обнесения его стеной (не только в рамках общих усилий по благоустройству кладбищ, но и с учетом особого местоположения некрополя). Каменная стена в сажень высоты и около 2-х верст протяженностью была поставлена в 1889 г.³¹ (это была одна из первых оград на городских кладбищах Москвы).

В конце XIX — начале XX в. старый некрополь уже полностью находился в черте города: с 3-х сторон жилая застройка, линия Московско-Виндавской (ныне Рижской) железной дороги (лишь с ее стороны оставалась незастроенная земля, прилегавшая к Виндавскому вокзалу у Крестовской заставы³²).

Как городское окраинное кладбище Лазаревское имело весьма скромный доход — к 1890-м гг. до 4 200 руб. в год («за вырытые и занятые покойниками могилы»; «за откупленные вперед места для могил»; «за право ставить на могилах памятники»; «за наем церковной гостиницы при погребениях для приготовления поминовенных обедов»; «за аренду от могильщика»)³³. И можно предположить, что несмотря на радение настоятелей кладбищенского храма достаточных средств на благоустройство и благоуукрашение кладбища не было. К тому же упомянутое

²⁸ Остроухов В., свящ. Указ. соч. С. 70.

²⁹ Любецкий С.М. Указ. соч. С. 43.

³⁰ Остроухов В., свящ. Указ. соч. С. 72.

³¹ Там же. С. 94–95.

³² Саладин А.Т. Указ. соч. С. 10.

³³ Остроухов В., свящ. Указ. соч. С. 91.

выше отношение к кладбищу со стороны окрестного населения также не лучшим образом влияло на его состояние. В 1909 г. современник (известный журналист А.А.Ростиславов) увидел на кладбище «мерзость запустения»: «...Паровозные свистки постоянно нарушают тишину. И только старинные березы склонились над многочисленными памятниками конца XVIII — начала XIX вв. с столь характерными каменными саркофагами, урнами, склоненными задрапированными фигурами и прочее, увы, беспощадно истребляемыми. Говорят, уничтожено уже до тысячи памятников... Да и уцелевшие, занимающие большую часть около церкви, — в самом печальном виде и полном пренебрежении...»³⁴. В 1910-х гг. А.Т.Саладин в своем очерке о Лазаревском кладбище нарисовал картину (100 лет назад!), очень хорошо знакомую современным исследователям кладбищ (казалось бы характерную лишь для нашего времени — после всех печальных коллизий с уничтожением исторических некрополей, с воспитанием общего нигилистического настроения по отношению к прошлому, к памятникам, к могилам предков). Свидетельствуя о запущенности кладбища, Саладин не без ноток романтизма писал: «...Кладбище покрылось буйной растительностью. Трава — выше пояса — скрывает даже высокие гробницы, и к некоторым могилам можно подойти только с трудом, обжигаясь о крапиву. Вековые березы, липы и тополя, а больше ветлы, дают густую тень. Пни исчезнувших великанов в несколько обхватов, седой мох на стволах старых берез, полусумрак аллей — все это создает из старого “буйвища” своеобразный уголок, не лишенный привлекательности...»³⁵.

Мы уже отмечали, что в историко-художественном плане Лазаревское кладбище уступало некоторым другим московским некрополям. Благодаря В.Остроухову мы знаем списки похороненных и списки вкладчиков, «постоянно посещающих Лазаревское кладбище для поминовения своих родных»: здесь покоились дворяне, чиновники, купцы, купеческие вдовы, потомственные почетные граждане, крестьяне, духовенство, военные, профессора Московского университета, ученые-медики³⁶, люди искусства и др. Среди известных —

---

³⁴ Ростиславов А.А. Московское Лазарево кладбище //Старые годы. СПб., 1909. Январь.

³⁵ Саладин А.Т. Указ. соч. С. 10.

³⁶ Подробнее см.: Коростелев Н.Б., Недоступ А.В. Тихий уголок Марьиной роши //Московский журнал. 2002. №10. С. 14–17.

захоронения благотворителей и вкладчиков храма и кладбища Долговых, архитектора Е.С.Назарова, представителей родов Кольчевых, Голицыных, Оболенских (родовые усыпальницы), родственников святителя Игнатия Брянчанинова³⁷, проф. медицинского факультета Московского университета С.Г.Зыбелина (1735–1802), проф. медицины М.П.Черинова (1838–1905), драматических и оперных актеров: С.Н.Сандунова (1756–1820; родовое захоронение), В.В.Бороздиной (1828–1866), Ф.П.Вязовского (1854–1904), Н.М.Никифорова (1805–1881), Л.Д.Донского (1857/1858–1917), поэтов и переводчиков Ф.Б.Миллера (1818–1881), Е.И.Кострова (1755–1796), проф. живописи В.М.Васнецова (1848–1926), акад. живописи К.В.Лебедева (1853–1916), композитора Л.Д.Малашкина (1842–1902), основателя и председателя Московского архитектурного общества Н.В.Никитина (1828–1923), М.Ф.Достоевской (1800–1837) — матери писателя, М.В.Белинской (1812–1890) — жены критика и др.

Среди особо дорогих могил для церковных краеведов и москвоведов была могила протоиерея Н.А.Скворцова (1861–1917) — последнего до революции настоятеля Святодуховского храма на Лазаревском кладбище, и его супруги. Церковно-общественный деятель, церковный историк, москвовед, председатель Церковно-археологического отдела Общества любителей духовного просвещения, отец Николай Скворцов настоятельствовавал на Лазаревском кладбище с 1914 г. В трагическом для нашей истории 1917 г. в ночь с 14 на 15 июня (по ст. стилю) он и его супруга матушка Евгения (урожд. Пятикрестовская) были убиты грабителями в своем доме при кладбище, это событие потрясло москвичей. Захоронение четы Скворцовых с надгробным памятником (от благодарных прихожан) находилось у южной стены Святодуховского храма.

На Лазаревском кладбище был похоронен неоднократно упоминавшейся нами историк и москвовед С.М.Любецкий (1809–1881). Из последних по времени захоронений особо следует сказать о могиле известного московского батюшки, подвижника, настоятеля храма св. Николая в Клённиках на Маросейке, протоиерея Алексия Мечёва (1859–1922), ныне причисленного к лику святых.

---

³⁷ См.: Страничка общины храма сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище г. Москвы: История //Храм сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище гор. Москвы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://na-lazarevskom.ru/khram-na-lazarevskom-kladb/istorija/>, свободный.

По значимым захоронениям назывались кладбищенские дорожки: Сандуновская, Новосильцовская, Федосеевская, Остроуховская, Тихомировская, Хомяковская, Васнецовская, Морозовская, Глазуновская, Куманинская, дорожки Н.М.Никифорова, С.М.Любецкого, М.Ф.Достоевской и проч.

Из надгробных памятников Лазаревского некрополя современники особо выделяли мавзолей М.Р.Хлебникова со скульптурной группой конца XVIII в.³⁸, памятник на могиле Н.П.Новосильцевой³⁹, родовой некрополь Сандуновых⁴⁰, памятник на могиле Е.Абуховой (на месте старого деревянного храма Праведного Лазаря)⁴¹. У А.Т.Саладина есть описание еще ряда интересных исторических надгробных памятников и эпитафий⁴².

Благодаря В.Остроухову знаем мы и об основных типах надгробных памятников Лазаревского кладбища⁴³: «большие надгробные плиты, закругленные сверху и украшенные иногда по краям виньетками...», надгробия-саркофаги, часто с резьбой (и те, и другие с надписями на церковно-славянском языке — самые старые на кладбище), саркофаги без резьбы из гладкого камня с гражданским шрифтом (с конца XVIII в.), памятники XIX в. разнообразной формы со сложной символикой: «...в виде часовен, башенок, усеченных конусов, цилиндров, четырехгранных и многогранных призм, некоторые представляют соединение куба с конусом, цилиндром или усеченной пирамидой, или цилиндра, имеющего посередине куб... Почти все они имеют в основании квадратную плиту и цоколь», памятники в виде гладких плит, гробниц, полукруга или усеченной пирамиды с большим крестом, урны, вазы с небольшими крестами, памятники в виде аналоя с покровом с кистями и с лежащими крестом и Евангелием, глыбы натурального камня с рамкой для надписи с мраморными или чугунными крестами. «Бедный и средний класс народа предпочитает ставить на

---

³⁸ См.: Ростиславов А.А. Указ. соч. С. 36–37; Шамурин Ю. Московские кладбища // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 8. М., 1911. С. 117.

³⁹ Ростиславов А.А. Указ. соч. С. 37; Шамурин Ю. Указ. соч. С. 117–118; Саладин А.Т. Указ. соч. С. 11.

⁴⁰ Саладин А.Т. Указ. соч. С. 15–16.

⁴¹ Ростиславов А.А. Указ. соч. С. 38.

⁴² Саладин А.Т. Указ. соч. С. 16–18.

⁴³ См.: Остроухов В., *свящ.* Указ. соч. С. 123–126.

своих могилах деревянные и цинковые кресты или полагать простые плиты».

После революции попытка закрыть Лазаревское кладбище была предпринята уже в апреле 1919 г.: сотрудники Москоммунхоза в рапорте писали, что «холмы на старых могилах обвалились... Дорожки и старые могилы содержатся очень плохо... Условия почвенные на кладбище таковы, что продолжать на нем погребение умерших невозможно⁴⁴, и кладбище следует закрыть»⁴⁵. Но в 1920-е гг. хоронить здесь продолжали. Например, с 1 октября 1927 г. по 30 марта 1928 г. (всего за полгода) здесь было погребено 1125 человек⁴⁶. Как исторический Лазаревский некрополь привлек внимание членов комиссии «Старая Москва» (ее Кладбищенской комиссии) и Общества изучения Московской губернии, а также созданного в 1927 г. межведомственного Комитета по охране могил выдающихся деятелей на кладбищах Москвы и Московской губернии⁴⁷. Список значимых захоронений, составленный тогда краеведами по Лазаревскому кладбищу, был опубликован Л.В.Ивановой в 1996 г. (переиздан в 2012 г.), он включает 25 захоронений⁴⁸.

Краеведам в 1920-е гг. состояние Лазаревского кладбища внушало тревогу, председатель «Старой Москвы» П.Н.Миллер писал: «...на Лазаревском кладбище устроили, так сказать, “свою банду” бандиты, которые мало того, что имели там пребывание, прятали там

⁴⁴ Здесь речь шла о том, что при рытье могил они быстро заполняются водой. Интересно, что на это же обстоятельство указывал в 1884 г. московский генерал-губернатор, желая запретить захоронения в старой части кладбища. В. Остроухов по этому поводу тогда отметил, что влажный грунт на Лазаревском кладбище есть лишь в одном месте площадью не больше десятины; при этом общая площадь некрополя составляла более 20 десятин (*Остроухов В., свящ. Указ. соч. С. 75, 90*).

⁴⁵ Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

⁴⁶ Там же. Оп. 8. Д. 652. Л. 44.

⁴⁷ *Миллер П.Н.* Комитет по охране могил выдающихся деятелей //Московский краевед (МК). 1927. Вып. 2. С. 88–90. Подробнее об этом см.: *Козлов В.Ф.* Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920–1930-е гг.) //Московский некрополь... С. 51–52.; *Иванова Л.В.* Общество «Старая Москва» и его борьба за московский некрополь //Людмила Васильевна Иванова — краевед, москвовед, усадебовед. М., 2012. С. 210.

⁴⁸ См.: *Иванова Л.В.* Общество «Старая Москва» ... С. 223.

в склепах награбленное имущество, и только после долгих и усиленных трудов милиции удалось ликвидировать эту банду»⁴⁹. То же самое отмечал председатель Кладбищенской комиссии Б.С.Пушкин 9 июня 1927 г.⁵⁰, эта ситуация обсуждалась и на заседаниях ОИМГ осенью 1928 г.: кладбище, окруженное городскими районами, соседствующее с двумя больницами и железнодорожными складами, является и проходной территорией, и местом соблазнительным «для воров, которые и сами скрывались в густых зарослях кладбища и в них же прятали награбленное»⁵¹.

Созданные под эгидой краеведческого общества комиссии по благоустройству кладбищ, в том числе и Лазаревского, кроме непосредственно благоустройства, проводили фотофиксацию захоронений, выявляли значимые могилы, составляли планы некрополей. Такой план по Лазаревскому кладбищу свидетельствует, что в последние годы своего существования кладбище имело 12 больших участков с внутренними участками. На план нанесен «Список выдающихся лиц, погребенных на Лазаревом кладбище» — 32 фамилии, и указаны «Могилы и памятники художественного, бытового и исторического значения».

Те же общественные кладбищенские комиссии фактически осуществляли финансирование всех работ по благоустройству кладбищ, ремонту, содержанию сторожей, служащих (эту функцию на них возложило государство!), пытаясь добывать средства хозяйственной деятельностью и «торговыми операциями». Однако, разумеется, это было для них тяжким бременем. К концу 1920-х гг. для благоустройства кладбищ и сохранения значимых могил кладбищенские комиссии участвовали в продаже крестов, памятников, решеток. Торговая деятельность Комиссии по благоустройству Лазаревского кладбища контролировалась и направлялась «Торговой частью Ваганьковского кладбища»⁵², откуда поступали на Лазаревское для продажи соответствующие предметы. Ваганьковским же кладбищем для Лазаревского

---

⁴⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 177. Оп. 1. К. 31. Ед. хр. 20. Л. 3–4.

⁵⁰ Там же. Ед. хр. 2.

⁵¹ Отчет о деятельности О-ва изучения Московской губернии с 1/1 — 1928 г. по 1/1 — 1929 г. //МК. 1929. Вып. 1(9). С. 48.

⁵² ОР РГБ. Ф. 177. Оп. 1. К. 6. Ед.хр. 28. Л. 3.

устанавливались и продажные цены⁵³. Между прочим, на заседании Ревизионной комиссии ОИМГ 10 июля 1929 г. (по Лазаревскому и Ваганьковскому кладбищам) было принято общее решение: «...Просить Правление (ОИМГ — А.С.) установить минимальную накидку (наценку — А.С.) на гражданские памятники, пересмотреть основную их калькуляцию в целях их популяризации, сохраняя в то же время, заготовку крестов»⁵⁴. В архивных документах фигурируют три вида «товара»: кресты, памятники и цементные гробницы»⁵⁵. Вообще же, получать прибыли и добывать, таким образом, средства на благоустройство и содержание некрополя (некоторые средства «на организационные и прочие расходы» для Лазаревского кладбища отчислялись Ваганьковским) не удавалось: налоги, содержание служащих, оплата провоза продаваемых предметов, — все это приводило к убыточному балансу.

Усилия краеведов Лазаревский некрополь (хотя бы частично) не спасли. В 1932 г. был закрыт Святодуховский храм⁵⁶. Вопрос «о закрытии Лазаревского кладбища для земельных погребений» был решен на заседании Президиума Горисполкома Моссовета 21 февраля 1932 г. (еще ранее, 28 января, соответствующее решение принял Дзержинский райсовет)⁵⁷. Через год, 26 февраля 1933 г., тот же орган постановил гранит и бутовый камень с Лазаревского кладбища (как и с некоторых других) передать «строительству 2-го Крематория и Центрального городского морга»⁵⁸. О дальнейшем процессе уничтожения некрополя свидетельствует, например, протокол от 27 июня 1934 г. о незаконных действиях ст. инспектора Треста зелстроительства (озеленительного

⁵³ ОР РГБ. Ф. 177. Оп.1. К. 6. Ед. хр. 28. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Л. 1об.

⁵⁵ Там же. Л. 3.

⁵⁶ Последний кладбищенский настоятель протоиерей Иоанн Смирнов и диакон Федор Смирнов были расстреляны на Бутовском полигоне в 1937 г. См.: *Коростелев Н.Б., Недоступ А.В.* Указ. соч. С. 12.

⁵⁷ Центральный государственный архив (ЦГА) г. Москвы. Ф. 150. Оп. 1. Д. 158. Автор благодарит В.Ф. Козлова за консультативную помощь в разработке истории кладбища в советский период.

⁵⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 150. Оп.1. Д. 158. Л. 112об.

учреждения), который выдал разрешения на вырубку 252 деревьев и кустарников на бывшем Лазаревском кладбище⁵⁹.

От первого городского некрополя Москвы сохранилось лишь несколько перенесенных захоронений (В.М.Васнецова и св. Алексия Мечёва — на Введенском кладбище, Н.А.Скворцова и его жены — на Ваганьковском кладбище), ряд более или менее полных фрагментов надмогильных сооружений (находятся возле Святодуховского храма), 1 уцелевший и вновь установленный старый памятник — М.Ф.Достоевской (2017 г.). Крест и гранитная плита отмечают место могилы С.Г.Зыбелина (установлены в 2001 г.)⁶⁰. Рядом с храмом сооружена памятная часовня в честь Владимирской иконы Божией Матери.

С памятью о другом городском историческом кладбище Москвы — Семеновском — дело обстоит еще хуже. В наследство от прошлого, в том числе и от советской эпохи, нам досталось уважительное отношение к героям Отечественной войны 1812 года, почитание памяти погибших воинов Великой Отечественной войны — их имена (известные и неизвестные) и ратные подвиги для нас святы. Государство и общество здесь едины, и общественные инициативы увековечения их памяти, широкого поискового движения сегодня имеют огромное значение. Но в наследство от того же советского прошлого нам досталось и «незнание», и даже неуважение «империалистической», а на самом деле Второй Отечественной (!) — Первой мировой войны (единственное мемориальное кладбище которой в Москве — Братское, было уничтожено), и не слишком большой интерес к ряду других войн, в которых участвовала русская армия в XVIII — начале XX в. Не умоля никоим образом значения двух Отечественных войн, все же стоит помнить о защитниках Отечества всех времен, ибо их ратный подвиг не менее велик, их память не менее значима для ныне живущих, даже если это не осознается (к сожалению) на уровне массового сознания. Сегодня немного выправляется ситуация с отношением к Первой мировой войне и ее памятникам, благодаря общественной инициативе появились мемориальные сооружения на месте уничтоженного Братского кладбища (в районе станции метро «Сокол» и Песчаных улиц), краеведами разрабатывается его история.

---

⁵⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 150. Оп.1. Д. 158. Л. 287.

⁶⁰ Коростелев Н.Б., Недоступ А.В. Указ. соч. С. 15–17.

В 2000-х гг. опять же благодаря общественности зазвучала тема **Семеновского воинского некрополя**. В отличие от Лазаревского кладбища Семеновское, к сожалению, не имеет своего описания, и в поисках информации (за исключением общих сведений в ряде работ — и дореволюционных, и современных, — посвященных близлежащему Преображенскому и его округе) специалисту следует обращаться к архивным материалам. В отличие от Братского воинского кладбища, Семеновский некрополь не был мемориальным и формировался в течение долгого исторического периода сначала при храме, затем как городское кладбище. Однако по ряду причин именно на Семеновском кладбище был создан некрополь воинов русской армии, объединивший сразу несколько эпох военной истории России. Да и в мирный период защитники Отечества, ветераны, призываемые в военных богадельнях Москвы, свой последний приют находили именно здесь. В этом и заключалась уникальность городского Семеновского кладбища.

Село Семеновское (Введенское) на востоке Москвы, у р. Яузы (ныне — территории, прилегающие к Семеновской пл.) известно с XVII в. как царская вотчина, в конце столетия здесь была образована Солдатская слобода, где разместился Семеновский потешный полк Петра I, ставший впоследствии первым полком регулярной русской армии и ядром гвардии (наряду с Преображенским). Подгородное село граничило с царскими же вотчинами Преображенским, Измайловым, с местностью Благуша и возникшим на рубеже XVII–XVIII вв. Лефортовым. Недалеко лежали царское село Покровское-Рубцово и Немецкая слобода. О деревянном Введенском храме XVII в., при котором был сельский погост, известно, что он сгорел в первой трети XVIII в., и новый каменный храм выстроили уже в некотором отдалении (современная пл. Журавлева; не сохранился). Местоположение Семеновского определило и судьбу его сельского кладбища. Когда после чумы 1771 г. за городской чертой Москвы (за Камер-Коллежским валом) были созданы городские кладбища, этот статус получило и уже существовавшее Семеновское кладбище. А возникновение на нем воинского некрополя связано с близким соседством Московского военного госпиталя в Лефортово — основанного Петром I в 1706 г. На Семеновском кладбище стали хоронить нижних чинов, умиравших в госпитале. После Отечественной войны 1812 года для таких захоронений был впервые выделен специальный участок, а последние воинские

захоронения связаны с Первой мировой войной (вплоть до 1915 г. — до создания мемориального Братского кладбища).

Семеновское, как и Лазаревское кладбище, находясь на городской окраине, было местом упокоения людей разных сословий, по преимуществу, простых московских обывателей, и точно также оно не прославилось известными могилами или выдающимися в художественном отношении памятниками (хотя и с ним связан целый ряд погребений людей почитаемых и оставивших свой след в земной жизни — об этом скажем ниже). Семеновское кладбище развивалось, устраивалось и благоустраивалось, как и прочие московские городские кладбища (в общих чертах направления этого развития мы уже описали в отношении Лазаревского кладбища). После Положения 1841 г. и оно было разделено на 7 разрядов с бесплатными 6-м и 7-м. Все воинские захоронения осуществлялись в 7-м разряде (в нем также хоронили покойников из различных военных и богоугодных заведений Москвы), который, судя по документам, был самым насыщенным по числу могил. Это заставляло местных священников периодически ходатайствовать перед московскими властями о расширении кладбища: «по многочисленности безмездно погребаемых покойников, особливо привозимых из Военного госпиталя, Карабинерного полка, Кадетских корпусов, также из Екатерининской, Преображенской и Мещанской богаделен и из других казенных заведений»⁶¹. Расширение кладбища за счет прилегающих к нему участков частных и казенных владений происходило в 1849⁶², 1854⁶³, 1859⁶⁴, 1874⁶⁵, 1888 г. (устройство военного кладбища)⁶⁶.

По архивным госпитальным документам можно представить масштабы воинских захоронений. Так, в 1860 г. было погребено около 500 человек⁶⁷, в 1865 г. — 724⁶⁸. За 1880-е гг. нами не обнаружено точных цифр военных захоронений, но есть сведения об общем числе

---

⁶¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 54. Оп. 14. Д. 69. Л. 1.

⁶² Там же. Д. 69.

⁶³ Там же. Ф.179. Оп. 52. Д. 1525. Л. 20об.

⁶⁴ Там же. Ф.16. Оп. 16. Д. 17; Ф. 179. Оп. 52. Д. 1525. Л. 20об.

⁶⁵ Там же. Ф. 179. Оп. 52. Д. 1525. Л. 20об., 29.

⁶⁶ Там же. Оп. 21. Д. 934.

⁶⁷ Там же. Ф.16. Оп. 24. Д. 4802.

⁶⁸ Там же. Д. 1021. Л. 2.

погребаемых ежегодно в 7-м разряде: в 1882 г. — 1821 человек, в 1883 г. — 1308 человек, в 1884 г. — 1366 человек, в 1885 г. — 1898 человек, в 1886 г. — 1647 человек⁶⁹, в 1887 г. — 1131 человек⁷⁰. О значительной доле военных захоронений в 1860–1880-е гг. мы можем судить, исходя из средних показателей (за год) смертности нижних чинов в одном только Московском военном госпитале (напомним, он был хоть и основным, но не единственным военным учреждением, хоронившим покойников на Семеновском кладбище): во второй половине 1860-х гг. — около 850 человек⁷¹, в 1880-е гг. — около 330 человек⁷².

Задача установления имен погребенных на исторических (в особенности уже не существующих) кладбищах всегда очень непроста. Если речь не идет об известных личностях, она может быть и невыполнимой. Конечно, розыск людей, чьи предки были захоронены на Семеновском кладбище, выявление из их числа потомков военных, тех, кто был связан с Московским военным госпиталем, может дать очень интересные результаты (эта работа и ведется ныне координатором инициативной группы по мемориализации бывшего Семеновского кладбища сотрудником Методического центра ГВКГ им. Н.Н.Бурденко М.Б.Овчинниковой). Однако выявленные нами на этом этапе работы архивные документы позволяют перечислить воинские формирования и подразделения, чьих военнослужащих хоронили на Семеновском кладбище: полки Сводный казачий⁷³, 25-й, 26-й, 29-й Егерские, Второй учебный Карабинерский, Ярославский, Рязанский, Рязский, Владимирский, Суздальский, Тульский пехотные, Ингерманландский гусарский, Конно-Егерский, Кавалергардский, гр. Сакена, 13-й Артиллерийской бригады. Погребали на Семеновском кладбище также унтер-офицеров, пожарных служителей и градских стражей Московской полиции; служащих Московского жандармского дивизиона, Московского Комиссариатского, Московского провиантского и Московского артиллерийского депо, Первого и Второго военно-рабочих батальонов, Московского кадетского корпуса, III отделения Путей сообщения, Лабораторной №5 роты, подвижных инвалидных рот и полурот 37-й,

⁶⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 52. Д. 1525. Л. 25.

⁷⁰ Там же. Д. 1464. Л. 82об.

⁷¹ Там же. Ф. 16. Оп. 24. Д. 1021. Л. 4об.

⁷² Там же. Ф. 179. Оп. 21. Д. 934. Л.24об.

⁷³ Там же. Ф. 16. Оп. 24. Д. 4802. Л. 2об.

38-й и 39-й, инвалидов команд Московской, Бронницкой, Подольской, Звенигородской, Рузской, Коломенской, Верейской, Сергеевской этапной, Команды мастеровых. С захоронениями на Семеновском кладбище связаны, помимо Московского военного госпиталя, Московская медико-хирургическая академия, Императорский московский университет⁷⁴. Здесь похоронены военные Гренадерского корпуса, Подвижной инвалидной роты №51, Дворцовой инвалидной роты №4, Подвижного запасного №16 парка, Ставропольской комиссариатской команды, Московского училища военного ведомства, Второго учебного стрелкового батальона, Музыкантской роты при Московском училище, Клинской инвалидной команды и др.⁷⁵

Как видно, Семеновский воинский некрополь был связан с массовыми воинскими захоронениями не только Москвы и Московской губернии, но и других губерний России. Эта дополнительная историческая «специализация» Семеновского общегородского кладбища была учтена, когда впервые в конце 1880-х гг. возникла идея устройства специальных воинских кладбищ, в том числе и в Москве. В основе этой идеи лежал нравственный аспект, осознание высшей и городской властью необходимости особого подхода к проблеме захоронений «честных слуг Государя и Отечества».

В 1887 г. император Александр III дал словесное одобрение инициативе Главного штаба Санкт-Петербургского военного округа относительно «устройства военных кладбищ и упорядочения похорон умерших нижних чинов»⁷⁶. В связи с этим командование войсками Московского военного округа распорядилось создать специальную Комиссию по устройству в Москве военных кладбищ⁷⁷. В распорядительном документе выражалась уверенность, «что администрация города Москвы, отнесется вполне сочувственно к означенному вопросу, имеющему весьма важное нравственное значение» и содержалось обращение к Московской городской управе с предложением о безвозмездном выделении участков земли под 2 военных кладбища: «в 5 десятин, рядом с Ваганьковским кладбищем, другого в две десятины, в виде

⁷⁴ ЦГА г. Москвы. Оп. 7. Д. 977. Л. 472–488.

⁷⁵ Там же. Оп. 24. Д. 4802. Л. 2об., 5об., 8об., 11об.

⁷⁶ Там же. Ф. 179. Оп. 21. Д. 934. Л. 1–1об.

⁷⁷ Там же. Л. 16.

прирезка к имеющему вид треугольника Семеновскому кладбищу, для приведения его к фигуре прямоугольника»⁷⁸.

В 1888 г. Московская городская дума впервые обсуждала вопрос об устройстве специальных военных кладбищ в Москве. Изначально Комиссия по устройству военных кладбищ рассматривала именно вариант двух таких кладбищ (в Ваганьково и Семеновском⁷⁹). Но, в конце концов, выбор был сделан в пользу одного Семеновского⁸⁰. Роль сыграли и уже традиционная связь кладбища с Военным госпиталем, на долю которого приходилось ежегодно 95% от всех смертей нижних военных чинов в Москве⁸¹ (Госпиталь был главным и фактически единственным военно-медицинским учреждением, обслуживающим Москву и соседние губернии), и территориальная близость кладбища к госпиталю, и, собственно, уже сама существующая практика воинских захоронений здесь⁸². По решению Городской думы под новое военное кладбище выделялся дополнительно участок земли, прилегающий к существующей кладбищенской территории⁸³, размером в 3 десятины 553 сажени⁸⁴.

Таким образом, у общегородского кладбища, где наряду с прочими захоронениями уже традиционно существовал воинский некрополь, теперь было решено устроить отдельное военное кладбище.

11 февраля 1888 г. Комиссия, обращаясь к Московскому городскому голове, указывала, что «Семеновское кладбище предназначается для погребения нижних чинов военно-окружных и местных военных Управлений, состоящих из 10 отдельных учреждений, и воинских чинов других частей войск Московского военного округа, находящихся

⁷⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 934. Л. 1–1об.

⁷⁹ Там же. Л. 29–29об.

⁸⁰ Там же. Л. 26.

⁸¹ Там же. Л. 25.

⁸² Регламент похорон был следующим: первоначально гроб с телом умершего находился в госпитальной часовне, откуда покойника доставляли с соответствующим ритуалом в полковую церковь для отпевания, а затем уже перевозили на кладбище. Все ритуальные похоронные принадлежности, а также специальные дроги для перевозки покойных, приобретенные за счет воинских частей, должны были храниться в госпитале. См.: Там же. Л. 30–30об.

⁸³ Там же. Л. 28.

⁸⁴ Там же. Оп. 52. Д. 1464. Л. 55об.

на излечении в военном госпитале..., каждая часть войск и каждое Управление должны иметь свой отдельный участок, находящийся на их попечении...»⁸⁵.

В документах мы можем найти описание тех принципов, на которых предполагалось устроить военное кладбище — явление новое в традиционной практике похоронного дела: «... устройство военных кладбищ будет произведено совсем не на тех основаниях, на которых существуют теперь городские кладбища; заведовать ими будет военное ведомство, которое наверно не будет смотреть на них как на доходную статью, хотя бы и благотворительного учреждения, а это даст возможность завести благоустройство на кладбище. Различие между порядками содержания кладбищ православных городских и такого же военного в значительной степени должны помочь городу в его ходатайствах об упорядочении городских кладбищ»⁸⁶. По правилам, установленным Комиссией, на военном кладбище разрешалось также безвозмездное погребение офицеров, в случае желания последних⁸⁷.

О том, что к началу 1890-х гг. Семеновское военное кладбище уже существовало, косвенно свидетельствует факт установления ограды на Семеновском общегородском кладбище (летом 1890 г., тогда же, когда получило ограждение и Лазаревское кладбище). В документах указывается, что у Семеновского кладбища «с передней стороны устроена каменная ограда с железными решетками; с двух сторон поставлен деревянный забор в каменных столбах, а остальная четвертая сторона, примыкающая к кладбищу Военного ведомства, обнесена так называемой колючей изгородью»⁸⁸.

С началом Первой мировой войны захоронения погибших, тех, кто умер в Московском военном госпитале, осуществлялись на Семеновском военном кладбище (как известно, первые погребения на мемориальном Братском кладбище состоялись 15 февраля 1915 г.) А.Т.Саладин, поместивший в своей рукописи описание обоих

---

⁸⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 934. Л.7–7об.

⁸⁶ Там же. Л. 25.

⁸⁷ Там же. Л. 29об.

⁸⁸ Там же. Д. 909. Л. 39об. Об ограде Семеновского кладбища находим сведения и у В.Остроухова: «Семеновское кладбище было ограждено деревянным забором между каменными столбами, на что израсходовано было около 9 000 рубл.» (См.: *Остроухов В. Указ. соч. С. 94*)

Семеновских кладбищ, в отношении Военного отмечал, что особенно разрастаться захоронения начали здесь со второй половины 1914 г.: «Могилы роются одна за другою в последовательном порядке, почему даты на крестах получаются хронологически правильными. Эта наглядная картограмма нарисована уже почти до конца кладбищенской черты, и скоро придется искать нового места»⁸⁹.

Что касается городского кладбища, то и здесь, как мы уже упоминали выше, были могилы людей небезызвестных: военных — генерал-лейтенанта Н.К.Цеймерна (1800–1875), генерал-лейтенанта К.В.Сикстеля (1826–1899), начальника артиллерии Московского военного округа; генерала от инфантерии В.К.Жерве (1833–1900), участника Крымской и Русско-турецкой войн; ктитора Воскресенского кладбищенского храма купца М.Н.Мушникова; поэта А.И.Полежаева (1804–1838); церковно- и священнослужителей — первого настоятеля Воскресенского кладбищенского храма протоиерея А.Сергиевского (1802–1877), протопресвитера кремлевского Успенского собора Н.Сергиевского (1827–1892), настоятеля университетского храма св. Татианы проф. К.Остроумова (1827–1899). Из самых последних захоронений следует отметить могилы архиепископа Енисейского и Красноярского Мельхиседека (Паевского; 1879–1931) и архиепископа Калужского и Боровского Сильвестра (Братановского; 1871–1932), до своего последнего служения бывшего настоятелем Херсонесского Владимирского монастыря в Крыму, затем настоятелем московского Спасо-Андроникова монастыря, викарным епископом Севастопольским и исполняющим обязанности владыки Таврической епархии (1915–1917 гг.).

Были на Семеновском кладбище похоронены и люди, известные своей краеведческой деятельностью, внесшие вклад в изучение Москвы: москвовед, автор книги «Преображенское и окружающие его места...» П.В.Синицын (†1904), усадьбовед, организатор и первый председатель Общества изучения русской усадьбы В.В.Згура (1923–1927; перезахоронен на Преображенском кладбище), поэт и писатель, москвовед, член «Старой Москвы», автор книги «Ушедшая Москва» И.А.Белосов (1863–1930).

Семеновское кладбище (и общегородское, и военное), как и Лазаревское стало жертвой негилистической государственной идеологии и политики. Соображения исторической, мемориальной ценности некрополей в 1920-е, и особенно в 1930-е гг., никакой роли не играли.

⁸⁹ Саладин А.Т. Указ. соч. С. 68.

Кладбище закрыли в 1931 г.⁹⁰ По ходатайству местных властей в начале 1934 г. Моссовет принял решение о досрочной ликвидации части (4,2 га) бывшего Семеновского кладбища, мотивируя это «государственной необходимостью» в связи с прирезкой земель к территории завода №24 («Салют»). В 1935 г. территория кладбища от Похоронного треста была передана Тресту зеленого строительства Сталинского района Москвы (могилы еще сохранялись — их было указано содержать в порядке), в сентябре 1936 г. еще 5, 5 га выделялось заводу №24 под строительство и опытную станцию, при этом было намечено уничтожение 610 деревьев⁹¹.

Окончательное уничтожение как такового бывшего Семеновского общегородского и военного кладбища пришлось на конец 1930-х — 1940-е гг., некрополь церковно- и священнослужителей, находивший непосредственно вблизи храма Воскресения Словущего, исчез в 1960-е гг.

С Семеновским кладбищем связан важный прецедент общественной инициативы мемориализации сохранившейся незастроенной небольшой части бывшей кладбищенской территории. В 2009 г. По инициативе сотрудника Научно-методического центра ГВКГ им. Н.Н.Бурденко (бывшего Московского военного госпиталя) М.Б.Овчинниковой и предпринимателя Г.А.Медведева была начата работа по изучению Семеновского воинского некрополя. Образовалась инициативная группа, к сотрудничеству, в том числе, были приглашены специалисты-краеведы Отделения краеведения и историко-культурного туризма Историко-архивного института РГГУ (отделение ликвидировано в 2016 г.), Московского краеведческого общества (МКО) и СКР (В.Ф.Козлов, А.Г.Смирнова, К.А.Смирнова). В результате архивной работы в ЦГА г. Москвы был выявлен комплекс различных документов по истории Семеновского некрополя и Московского военного госпиталя, составлена историческая справка⁹². Это послу-

---

⁹⁰ Интересно, однако, что архиепископ Сильвестр (Братановский) был похоронен на Семеновском кладбище в 1932 г.

⁹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 150. Оп. 1. Д. 366. Л. 66.

⁹² Исследовательский материал был озвучен: А.Г.Смирновой на II Московских региональных военно-краеведческих чтениях в 2010 г., на Пятых всероссийских краеведческих чтениях в 2011 г. (Г.А.Медведев), появилась совместная публикация, упоминавшаяся выше.

жило основой официальных писем и обращений в местные управы Восточного административного округа (ВАО), в Московскую городскую думу, в результате которых состоялся ряд официальных встреч и совещаний. В 2011 г. на участке бывшего кладбища с городским сквером (участок прилегает к Воскресенскому храму) проводилось благоустройство с земляными работами, в результате были вскрыты захоронения, нарушены могилы. Инициативная группа добилась остановки этих работ. В том же году активисты в сквере установили информационный щит и памятный камень. На безвозмездной основе были разработаны принципы научно-художественной концепции будущего Мемориала. Не сразу, но все же было найдено понимание у причта Воскресенского храма. Инициатива по мемориализации бывшего воинского Семеновского некрополя (с сохранением парковой зоны и установкой мемориальных знаков) в целом получила поддержку Городской думы, Мэр Москвы дал поручение Префектуре ВАО начать процесс мемориализации. Параллельно предпринимались попытки придать территории охраняемый статус достопримечательного места. Известным реставратором И.К.Русакомским в 2012 г. безвозмездно была проведена соответствующая научная экспертиза. Однако в отличие от дел неблагих, дела благие делаются не быстро. Сегодня идею создания Мемориала поддерживают Министерство обороны РФ, МВД РФ, Министерство культуры РФ, СКР, МКО общественные организации потомков участников войн и др. В 2017 г. во время чина Великого освящения храма Воскресения Христова на Семеновском кладбище Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл благословил создание памятного Мемориала в границах Семеновского парка. Нужны ли после этого еще какие-то «резолуции» и разрешения?! Нужны. МКО и инициативной группой в Городскую думу направлено очередное письмо (на месте исторического некрополя устанавливаются спортивные площадки). Реальная надежда все же есть. Ждем ответа.

Проблемы изучения и регенерации уничтоженного некрополя московского Скорбященского монастыря

Скорбященский монастырь — это самый поздний из московских монастырей по времени возникновения. Что касается истории монастыря, его архитектурного ансамбля, то сохранилось достаточное число архивных документов, которые позволяют восстановить его утраченный облик, в отношении же монастырского некрополя ситуация иная: визуальных источников мало, полностью отсутствуют чертежи и планы территории.

Исследователь московских кладбищ А.Т.Саладин в 1916 г. отмечал, что «Кладбище Скорбященского монастыря уже довольно населено», ученый предполагал, что «в будущем веке оно (кладбище — *В.П., Д.Ж.*) будет так же ценно для наших потомков, как мы ценим кладбище Донского монастыря с его надгробиями конца XVIII и начала XIX века»¹.

К сожалению, история распорядилась иначе. По Постановлению Президиума Моссовета от 7 августа 1930 г. начался снос всех монастырских храмов (кроме собора) и уничтожение кладбища. Последние могильные плиты были убраны с территории бывшего монастыря (нынешнего Новослободского парка) в 1970-х гг.

Проблема изучения и регенерации уничтоженного некрополя московского Скорбященского монастыря актуальна и по настоящее время. Современные технологии дополненной реальности VR/AR и видео 360градусов открывают совсем иной ракурс представления уничтоженных памятников историко-культурного наследия, позволяя воссоздать утраченную реальность облика Скорбященского монастыря и его некрополя на территории современного Новослободского парка, наполнить ее историческим содержанием, создав музей под открытым небом. Эти технологии являются лишь одним из инструментов регенерации уничтоженного некрополя, наряду с установкой памятных досок, созданием арт-объектов и руин на территории парка.

---

¹ Саладин А.Т. Очерки истории московских кладбищ. М., 1997. С. 259.

Для начала рассмотрим кратко историю возникновения Скорбященского монастыря и его некрополя.

В конце XVIII в. в местности Новое Сущево на месте будущего монастыря находилось имение Вадковских, которое и дало название Вадковскому пер. В 1820-е гг. это имение было куплено тайной советницей Н.В.Шепелевой, урожденной Энгельгардт (1761–1834). После смерти Шепелевой усадьба перешла к ее племяннику кн. В.С.Голицыну (1794–1861). Он был композитором, музыкантом, поэтом, в его московском доме существовал литературно-музыкальный салон. Хозяин этого салона был знаком со многими выдающимися писателями: А.С.Пушкиным, П.А.Вяземским, М.Ю.Лермонтовым, Н.В.Гоголем и др.² Позже имение перешло к его сыну кн. С.В.Голицыну (1823–1879). В 1850-е гг. его сестра княжна А.В.Голицына (1830–1900) купила у него это имение. В 1856 г. во время Крымской войны княжна попросила для своей матери княгини П.Н.Голицыной (1798–1881) учредить в усадьбе домовую церковь во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость». Этот храм, освященный митрополитом Филаретом 29 (18) октября 1856 г., стал первым храмом будущего монастыря.

В 1861 г. после смерти отца по совету митрополита Филарета княжна А.Голицына решила при домовой церкви организовать приют для иногородних монахинь-сборщиц подаяний. В 1865 г. землю и дом она передала в дар Русской Православной Церкви.

В августе 1889 г. княжна обратилась к Епархиальному начальству с просьбой о переводе приюта в ранг женского общежительного монастыря с наименованием его во имя богородичной иконы «Всех Скорбящих Радость». В 1893 г. был подписан указ московской Духовной консистории об открытии кладбища при монастыре.

К 1917 г. на территории Скорбященского монастыря существовало 5 храмов: Всемиловитового Спаса (1894 г.), Архангела Рафаила (1900 г.), Трех Вселенских Святителей (1910 г.), Тихвинской Богоматери (1901 г.) и домовая церковь во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» (1856 г.). Здесь также располагались келейные корпуса, здания трапезной, Филаретовской больницы, церковно-приходская школа, 3-е Московское епархиальное женское училище, Высшие Женские богословско-педагогические курсы (современное здание МВД по Новослободской ул., д. 60), а также ряд хозяйственных построек (сторожка, конюшня, коровник, амбары, сараи и т.п.). Монастырь становился все больше:

² Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 607.

в 1915 г. в обители и на монастырском хуторе было 265 монахинь и послушниц.

Обратимся к описанию облика памятников некрополя. Среди них было много ценных в художественном отношении. В 1916 г. тот же А.Т.Саладин отмечал: «Из художественных надгробий обращают внимание прекрасные скульптуры белого мрамора: на могиле младенца Игоря Шаляпина (ум. 1903), у церкви налево сидящий на земле ангел с поднесенными к губкам пальцем, как бы приглашающий не нарушать тишину этого места; на могиле Е.А.Балихиной (ум. 1906 г.), около первой часовни направо — небольшая женская фигура, сидящая у креста в глубокой задумчивости, и на могиле А. и В.Слесаревых (ум. 1912 г.), за второй часовней направо, почти в конце кладбища — закутанная в покрывало женщина, с отчаянием схватившаяся за голову. Как грандиозный богатый памятник надо отметить часовню-усыпальницу Зубаловых, близ кладбищенской часовни. Это обширный и высокий павильон розовато-серого гранита, украшенный барельефом Георгия Победоносца и бронзовой статуей Богоматери»³.

Представляет интерес социальный состав погребенных в Скорбященском некрополе: дворяне — 33%; духовенство — 5%; купцы — 20%; мещане — 20%; крестьяне — 12%. В отличие от старых московских монастырских кладбищ здесь захоронения дворян составляют только одну треть от числа похороненных. Тут были погребены представители древних дворянских родов: Голицыных, Шаховских, Нарышкиных, Римских-Корсаковых. Рядом с богатыми семейными захоронениями Зубаловых, Бутенопов, Второвых, Обуховых находились совсем скромные могилы представителей мещанского и крестьянского сословий.

Здесь были захоронены видные военачальники: А.В.Бартоломей, В.П.Голосов, гр. А.А.Кёллер, К.Н.Светлицкий и др.; участники Русско-японской и Первой мировой войн; известные архитекторы: Ф.Ф.Горностаев, В.Г.Сретенский, И.Ф.Червенко и др.; профессора Московского и прочих университетов, Петровской земледельческой академии⁴: Н.Ю.Зограф, Н.М.Лисовский, А.А.Маклаков, М.К.Турский; знаменитый адвокат Ф.Н.Плевако; артисты московских театров и цирка,

---

³ Саладин А.Т. Указ. соч. С. 264–265.

⁴ В разное время это учебное заведение именовалось: Петровской земледельческой школой или академией, Петровским сельскохозяйственным институтом, в советское время — Тимирязевской сельскохозяйственной академией.

в том числе М.Н.Ольгина, А.Л.Дуров и их родственники; писатель, литературный и театральный критик Ю.Н.Говорухо-Отрок; редакторы популярных московских газетных изданий: «Московских ведомостей» В.А.Грингмут и «Московского листка» Н.И.Пастухов и многие другие, сыгравшие немалую роль в жизни Отечества.

С апреля 1893 г. по ноябрь 1918 г. на территории монастыря было погребено 1800 чел. В 1918 г. монастырь был упразднён, но захоронения продолжались и после его закрытия, по 1922 г. К 1923 г. на территории некрополя, вероятно, насчитывалось около 2,5 тыс. погребенных. Монахини остались на месте, под руководством игуменьи Нины (Волковой) они организовали в обители швейную артель и продолжали ухаживать за могилами.

В 1922 г. в монастыре расквартировали кавалерийские части (однако ещё в 1924 г. здесь оставалось жить до 60 монахинь). Согласно акту от 21 мая 1926 г. кладбище находилось без всякого надзора со стороны городских властей, были опрокинуты и полуразрушены многие памятники, а также разграблены и осквернены 3 склепа: Обуховых, Зубаловых и Красильщиковых, из которых были выброшены вон останки погребенных⁵. Монахини Скорбященского монастыря и местные жители организовали общество по сохранению монастырского кладбища, которое было ликвидировано в 1929 г. 7 августа 1930 г. Президиум Моссовета принял постановление, которым санкционировался снос всех монастырских храмов, кроме собора. Монахини вскоре были репрессированы, некоторые расстреляны. В 1930-е гг. некрополь был уничтожен, не сохранилось ни одного надгробия.

Первым был снесен в 1930-е гг. кладбищенский храм Трех Вселенских Святителей. Его сохранившаяся цокольная часть во время войны использовалась как бомбоубежище, которое позже, в 1970-е гг., было закрыто и заброшено. В 1950-е гг. вместе с усадебным домом исчезли храмы Всех Скорбящих Радость и Тихвинский. Из зданий монастыря уцелел обезглавленный собор, часовня монахини Рафаилы, трапезный корпус, перестроенное здание монастырской женской гимназии. Трапезный корпус после передачи Православной Церкви в 1990-х гг. был приспособлен под храм. Осенью 2019 г. местному приходу передан собор Всемилоственного Спаса.

В связи с обнаружением в июле 2018 г. при производстве земляных работ в парке «Новослободский» подклета кладбищенского храма Трех Святителей (ранее на этом месте была установлена сцена для

---

⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 457. Л. 3.

проведения праздничных мероприятий в Новослободском парке⁶), который согласно Акту государственной историко-культурной экспертизы от 17.07.2018 г. был признан объектом археологического наследия, и последовавших затем археологических работ, позволивших обрести также и место престола храма с закладным камнем, приход храма Всемилостивого Спаса обратился с ходатайством о признании обретенного подклета объектом культурного наследия и об организации в нем после окончания раскопок и ремонта музея церковной археологии. Эта идея была поддержана Департаментом культурного наследия г. Москвы приказом от 01.08.2018 г. «О включении выявленного объекта археологического наследия «Остатки подземных конструкций церкви Трёх Святителей монастыря Всех Скорбящих Радости 1895–1910 гг.» в перечень выявленных объектов культурного наследия Москвы и об утверждении границ его территории». Мосгорнаследие и префектура ЦАО, соответственно, приняли решение о переносе сцены с фундамента храма, а на повестку дня встал вопрос музеефикации подвальных сводов храма Трёх Святителей с расположением внутри них историко-краеведческого музея. Экспонатами музейного пространства могут стать найденные одновременно с подклетом храма надгробный крест конца XIX — начала XX в., фрагменты мозаики⁷ и другие артефакты.

Музеефикация подземных конструкций церкви Трёх Святителей, позволит создать новую архитектурную доминанту Новослободского парка в виде современного арт-объекта «Руина», что может стать грамотным архитектурным решением задачи современной музеефикации исторического пространства. Подобные объекты нередко встречаются в исторических (дворцовых и усадебных) парках XVIII–XIX вв.

В связи со всеми этими событиями актуализируется вопрос создания историко-культурного пространства на территории Новослободского парка и наполнения его реконструкцией исторического прошлого. Проведение работ по музеефикации объектов Скорбященского

---

⁶ Костарнова Н., Кузьмин Д. Фонтан и сцена вместо храмов — как уничтожают археологическое наследие. 11 августа 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/fontan-i-stsena-vmesto-hramov-kak-unichtozhayut-arheologicheskoe-nasledie>, свободный.

⁷ Мраморный крест рубежа XIX–XX веков найден в Новослободском парке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://stroj.mos.ru/city_news/mramornyi-kriest-rubiezha-xix-xx-viekov-naidien-v-novoslobodskom-parka?from=cl, свободный.

монастыря и его некрополя является только одним из направлений на пути изучения и регенерации их облика.

Ко второму направлению работы можно отнести внедрение технологий 3D моделирования, дополненной реальности VR/AR и видео 360 градусов в качестве визуального инструмента репрезентации исторического прошлого Скорбященского монастыря. Вариантов репрезентации с использованием данных технологий может быть много, в результате можно создать цифровые экспонаты музея или объекты экскурсионной программы по территории Новослободского парка. Дадим описание возможных методических подходов и после рассмотрим подробнее пару примеров их разработки: 3D реконструкция монастыря — видеоролик или интерактивная программа (может стать одним из экспонатов музея); Окно в прошлое. Создание видео 360 на основе 3D реконструкции Скорбященского монастыря с нескольких показательных точек обзора. Речь идет о создании контента с дополненной реальностью по территории Новослободского парка в качестве приложения для экскурсоводов и туристов. Встав в определенную показательную точку обзора по QR коду, посетители через сайт музея, или заранее скачав видео, смогут на экране планшета или мобильного телефона увидеть облик территории монастыря начала XX в., заглянув с помощью современных цифровых технологий в прошлое; Создание сценариев 3-мерных композиций встреч с историческими личностями, связанными с монастырем и его некрополем, знакомство с событиями на территории усадьбы Голицыных и позже Скорбященского монастыря.

Перейдем к этапам работы. Начнем с 3D реконструкции территории монастыря Всех Скорбящих Радости и некрополя в начале XX в.⁸ Важно отметить, что 3D технологии не стоят на месте, за последние

⁸ Подробнее об этой работе см.: *Жеребятъев Д.И.* Методы трёхмерного компьютерного моделирования в задачах исторической реконструкции монастырских комплексов Москвы. М., 2014. 200 с.; *Простов В.А., Жеребятъев Д.И.* Формирование источникового комплекса для построения виртуальной интерактивной реконструкции Скорбященского монастыря //Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей. Вып. 6. СПб., 2011. С. 192–215; *Жеребятъев Д.И.* Опыт построения виртуальной интерактивной реконструкции Московского женского монастыря Всех скорбящих радости 1909 г. //XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 2. М., 2012. С. 230–235; *Он же.* Виртуальная реконструкция монастырского комплекса: источники, методы, результаты //Вестник Московского университета. 2012. №6. С. 47–60. (Серия 8: История).

пару лет значительно выросло качество визуализации. Очень большое значение для достижения эффекта присутствия у зрителя имеет фотореализм отображаемой 3D модели. Предыдущая программа визуализации результатов Unity 3D уже значительно уступает по качеству реалистичности современным программным средам, таким как рендер VRAY, Corona Render, Lumion 8, Twinmotion 2019, Unreal Engine, Unity 2019 и др. Наиболее простыми и удобными инструментами для работы являются программы Lumion 8 и Twinmotion 2019. Однако хотя Lumion 8 и обладает большим фотореализмом графики, но она не имеет встроенную функцию рендера видео 360 градусов, которая необходима для экскурсий по территории музея. Кроме того, программа визуализации должна быть достаточно легкой в обращении, чтобы сотрудники музея могли при необходимости самостоятельно сделать видео 360 градусов или видео с 3D экскурсией по необходимому маршруту. В связи с этим выбор пал на бесплатную программу 3D визуализации Twinmotion 2019 и 3D редактор SketchUp.

Первым этапом работы стала сборка 3D сцены. Созданные ранее 3D модели строений Скорбященского монастыря были заново размещены в программной среде Twinmotion 2019 на плане монастыря 1910 г. Результаты новых археологических исследований и последние материалы архивного поиска В.А.Простова позволили значительно расширить небольшой перечень исторических источников, содержащих информацию об облике некрополя, что, в свою очередь, помогло более детально уточнить облик притворов кладбищенского храма Трёх Святителей и отдельных частей здания трапезной, реконструировать вид надгробия В.А.Грингмута.

Одним из важных этапов работы по 3D реконструкции облика монастыря и некрополя стал этап сборки всей сцены в программе SketchUp. Планы монастыря разных периодов его существования зафиксировали пространственное положение каждого из монастырских зданий. Строения некрополя, к сожалению, почти не обозначены на планах XIX–XX вв., за исключением кладбищенского храма Трёх Святителей, храма Тихвинской иконы Божией Матери, здания двухэтажных монашеских келий и кладбищенской сторожки. Для локализации надгробных памятников, склепов и часовен, которые не были отмечены на плане, была использована технология Match photo программы SketchUp для анализа пространства и размеров на фотографиях некрополя. Алгоритм программы работает корректно при наличии хотя бы не-

скольких объектов на фотографии, размеры которых известны, и их возможно пространственно локализовать. Работа была начата с оценки размеров надгробия В.А.Грингмута и соседних надгробий, располагавшихся в районе храма Трёх Святителей. Благодаря сохранившимся подробным чертежам храма с обозначением масштаба удалось, исходя из размеров частей храма и выставив необходимый ракурс на фотографии с помощью горизонталей в программе, с помощью алгоритма Match photo на фотографии сделать замеры всех объектов, расположенных рядом с храмом. Проведя подобные расчёты по нескольким фотографиям, на которых видна другая сторона храма и надгробия, мы установили расстояния между надгробными памятниками и их размеры.

По надгробию философа А.Н.Федорова была проведена аналогичная работа анализа пространства, в результате которой удалось уточнить место предположительного захоронения. Ранее оно было нанесено на реконструированный план монастыря 1910 г. ошибочно. На фотографии могилы философа А.Н.Федорова на заднем плане частично запечатлены двухэтажное здание монашеских келий и участок монастырской стены. Не имея точных сведений, о том, какой фасад келий был обращен к ул. Тихвинской (тот, что на фотографии, или боковой), в программе SketchUp мы производили расчёты. Сначала здание келий ставилось боковым фасадом к улице, далее расставлялись модели надгробий, включая надгробие А.Н.Федорова. Затем полученный вид сверялся с фотографией, локализованной в алгоритме Match photo. В этом случае реконструкция точки съёмки показывала, что надгробие находится рядом с центральной дорогой к храму Трёх Святителей, идущей от кладбищенских ворот, однако кресты на надгробиях смотрели совсем не в сторону востока, что довольно странно. Повернув здание келий как на фотографии в начале XX в. фасадом в сторону некрополя, а боковой стороной к центральной дороге к храму Трёх Святителей и разместив иначе надгробия в соответствии с фотографией, мы получили другое место расположение надгробий, в котором кресты смотрели в нужную сторону. Подобный алгоритм работы позволил пространственно локализовать ряд надгробий и часовен на территории некрополя.

В ходе работы были созданы типовые 3D модели надгробий. Они были размещены на общей сцене в тех местах некрополя, по которым отсутствуют фотографии. Таким образом, удалось заново собрать 3D сцену территории Скорбященского монастыря в программе SketchUp

и после пообъектно перенести ее в Twinmotion 2019. В новой программной среде мы смогли лучше проработать виртуальный облик монастырского парка, некрополя, наполнив их растительностью, птицами и насекомыми. Также были добавлены живые стаффажи монахинь.

Рассмотрев этап работы по 3D реконструкции монастыря и некрополя, перейдем к описанию работы по созданию видео 360. С учетом современного состояния Новослободского парка и плана 1910 г. были выбраны и сохранены в программе Twinmotion 2019 показательные точки обзора, с которых пользователь мог, стоя в парке, увидеть сохранившиеся фрагменты исторических зданий и это же место на исторической 3D реконструкции с помощью видео 360. После в программе был поставлен этап рендера видео ролика с настройками 360, длительности 30 сек. в формате 4k в mp4⁹. На данный этап времени было сделано 4 видеоролика в формате 360 градусов¹⁰. Для увеличения продолжительности видеоролика была использована программа Adobe Premier. Полученный файл импортировался в программу и после повторялся несколько раз до длительности 1,5 мин., затем накладывался звук окружающей среды. Итоговый файл сохранялся в формате mp4 кодеком H264 в исходном разрешении. Для того чтобы мобильные устройства и планшеты воспроизводили файл как видео 360 необходимо файлу добавить метаданные. Нами была использована программа

---

⁹ Поставить рендер на большое время не позволяют технические возможности используемого нами компьютера. При нынешних параметрах ноутбук с параметрами i7, 16 Гб ОЗУ, GeForce GTX 950m делает рендер в указанных параметрах в течение 34 ч. Поскольку камера находится в статичном положении, оживает только окружающий фон: в виде природы, стаффажей, облаков, птиц и т.п., небольшого промежутка времени достаточно, чтобы создать эффект присутствия.

¹⁰ Парк монастыря Всех скорбящих радости нач. XX в. точка 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/5VQaOM5OtMg> (дата обращения: 28.05.2019); Парк монастыря Всех скорбящих радости нач XX в. точка 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/0ilWBwrtgsw> (дата обращения: 28.05.2019); Парк монастыря Всех скорбящих радости нач XX в. точка 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://youtu.be/czXoa0kt_DY (дата обращения: 28.05.2019); Парк монастыря Всех скорбящих радости нач XX в. точка 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/vCfhJA7oFPQ> (дата обращения: 28.05.2019).

Spatial Media Metadata Injector, предложенная компанией Youtube. После обработки файлы загружаются на сайт Youtube.

Чтобы посетители парка и экскурсоводы могли открыть нужное видео 360 в необходимой точке просмотра на мобильном устройстве, потребуется заранее подготовить QR коды на каждое видео. Сгенерировать QR код на видео с Youtube можно с помощью Интернет-ресурса онлайн генератора QR кодов¹¹. В результате получается QR код в виде картинки, который можно распечатать и разместить в парке на специальных досках или раздать посетителям музея. С помощью приложения на планшете или телефоне по QR коду телефон открывает необходимую ссылку и запускает приложение Youtube, в котором воспроизводится видео 360. При наличии акселерометра в планшете или в мобильном устройстве, устройство просмотра реагирует на поворот и так же меняет ракурс просмотра. Такая технология демонстрации может быть очень удобной при просмотре видео 360 в очках в рамках экскурсии по территории Новослободского парка. Появляется некая иная дополненная реальность, которая существует параллельно как исчезнувшее историческое прошлое, как утраченный облик Скорбященского монастыря¹².

Несмотря на то, что уже сделано в рамках реконструкции облика Скорбященского монастыря и его кладбища, проблема изучения и регенерации уничтоженного монастырского некрополя актуальна и в настоящее время. Технологические и методические приёмы работы с историческими источниками, инструменты визуализации и репрезентации исторического прошлого в дальнейшем будут ещё совершенствоваться. Следовательно, созданная дополненная реальность утраченного облика Скорбященского монастыря и его некрополя со временем должна становиться реалистичнее, исторически достовернее и доступнее для посетителей Новослободского парка.

---

¹¹ Онлайн QR код генератор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://qr-code-generator.online> (дата обращения: 28.05.2019).

¹² Монастырь Всех скорбящих радости и окно в прошлое начала XX века. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/AGuxmJtArw8> (дата обращения: 28.05.2019).

Археологическое изучение некрополей Подмосковья в 1990–2010-е гг.

Археологическое изучение подмосковных некрополей берет начало еще в первой половине XIX в., когда любители старины производили первые раскопки славянских курганов. Среди этих работ выделяются тщательностью исследования и подробностью публикации раскопки А.Д.Черткова в Звенигородском уезде в 1838 и 1845 гг.¹ В 1864–1866 гг. провел крупные раскопки в нескольких уездах Московской губернии антрополог А.П.Богданов. Он изучил около 200 курганных захоронений и на основании полученных материалов (правда, не сразу) пришел к выводу о славянской принадлежности этих памятников. Однако для археологии результаты раскопок Богданова дали мало: полевая документация не сохранилась, находки не были описаны, коллекции не систематизированы².

В XX в. раскопки подмосковных курганов велись широко, и на основании полученных данных была создана картина заселения Московского края славянами, изучены материальная и духовная культура местного населения домонгольского времени³.

Раскопки курганов ведутся и по настоящее время (чаще всего не в научных, а в охранных целях). Результаты этих исследований дополняют известную картину ранней истории Подмосковья. Например, в 2004 г. А.В.Алексеевым был раскопан курганный могильник конца X — первой половины XI в. у д. Хотяжи в Одинцовском районе. В этом курганном некрополе, помимо человеческих захоронений, было обнаружено погребение коня (автор связывает это с коренным

---

¹ *Формозов А.А.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007. С. 37–145.

² *Богданов А.П.* Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. М., 1867; *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 64–75.

³ См.: *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М., 1930; *Розенфельд Р.Л., Юшко А.А.* Список археологических памятников Московской области. М., 1973; *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки. М., 1981; *Юшко А.А.* Московская земля IX–XIV вв. М., 1991 и др.

местным населением, имевшим балтское происхождение. Возможно, это — известное по летописям племя голядь). Также в могильнике обнаружены предметы скандинавского импорта — подвески, одна из которых изображает фантастического зверя. Эти находки уникальны для Московского региона⁴.

Изучение курганных некрополей Подмосковья является классическим направлением исследований в славяно-русской археологии. В целом ясна общая картина распространения этих памятников, известны их типология и конструктивные особенности, основные черты погребального обряда (на ранних памятниках кремация, с XII в. — ингумация). Хорошо изучен и классифицирован погребальный инвентарь (оружие, инструменты, украшения, реже — предметы личного благочестия). В XIV в. курганный обряд постепенно сходит на нет, что традиционно связывается с влиянием христианства.

Некрополи следующего исторического периода — грунтовые кладбища XIV–XVII вв., исследованы хуже. Отчасти это связано с тем, что грунтовые могильники не выделяются на местности. Поэтому чаще всего их изучали вместе с селищами, или во время спасательных работ.

Сельские кладбища XIV–XVII вв. исследовали в основном С.З.Чернов и А.В.Алексеев. География этих работ весьма ограничена (в особенности по сравнению с масштабными раскопками курганов по всей Московской области). С.З.Чернов работал на северо-востоке Подмосковья, на территории Радонежского удела (Сергиево-Посадский район), а А.В.Алексеев — на западе, на Звенигородской земле (Одинцовский район). Несмотря на то, что данные исследования велись на ограниченной территории, ученым удалось совершить важные открытия, касающиеся принципов организации средневековых некрополей, погребального обряда и надгробных сооружений.

С.З.Чернов выявил и описал такой тип памятников как валунные надгробия, которые отмечают могилы XIV–XV вв. и предшествуют

---

⁴ Алексеев А.В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи //Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2004. С. 177–192.

более известным белокаменным плитам⁵. Согласно наблюдениям С.З.Чернова, валунные надгробия появляются в Подмосковье в XIV в., а после XVI в. не встречаются. Погребения под валунными надгробиями также исследовала А.А.Юшко⁶. А в 2015 г. опубликована монография А.Г.Авдеева, посвященная этому виду надгробных памятников⁷.

Другой вывод С.З.Чернова, сделанный на материале исследования некрополей на северо-востоке Московской земли, касается основных принципов взаиморасположения кладбищ и жилой застройки. Автор пишет: «Как свидетельствуют археологические данные, «селения мертвых» выносились на возвышенные места, за пределы поселений. Причем пространства к востоку от некрополей оставались свободными от застройки. В этих чертах погребального обряда появилось стремление, свойственное каноническим установлениям раннемосковской эпохи, строго следовать учению Св. Писания о воскресении мертвых»⁸.

А.В.Алексеев изучил церковные и монастырские погосты XV–XVII вв. Звенигородской округи (в том числе некрополь Введенского монастыря, погибшего в Смутное время, погост на Николиной Горе — на его месте в XX в. оказалась дача О.Ю.Шмидта, и др.)⁹. Обнаруженные исследователем скопления нательных металлических крестов и других предметов личного благочестия позволяют сделать важный вывод об особенностях средневекового погребального обряда: «Предметы личного благочестия, о которых идет речь, в свое время были сняты с отпеваемых в храме покойников. В гроб с телом эти вещи не укладывали, а после погребения, скорее всего, оставляли на могиле, либо подвязывали к деревянным кладбищенским крестам. Не исключено, что крупные литые крестики или

---

⁵ Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества //Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. М., 1991. С. 76–80.

⁶ Юшко А.А. Указ. соч. С. 168–169.

⁷ Авдеев А.Г. Валунные надгробия Верхневолжья (Конец XV — вторая треть XVIII в.): Вопросы генезиса, бытования и источниковедения. М., 2015.

⁸ Чернов С.З. Указ. соч. С. 93.

⁹ Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М.; Звенигород, 2008. С. 25–31, 160–168.

иконки врезались в те же надгробные кресты или сооружения типа столбцов-гольцов, которые хорошо известны этнографам на Русском Севере»¹⁰.

Другим открытием, сделанным А.В.Алексеевым, является выявление нового типа надгробных памятников — белокаменных крестов с геометрическим орнаментом. Ранее такие памятники были описаны, но А.В.Алексеев и С.В.Кузьменко впервые выделили их в отдельную категорию и составили каталог известных находок. Авторы датируют этот редкий вид надгробий последней четвертью XV — первой половиной XVI в.¹¹

А.В.Алексеевым в Звенигороде и около него также изучены погребения Новейшего времени. Это — склепы священника Н.И.Фивейского (†1891) на кладбище церкви Вознесения Господня в Звенигороде и епископов Никодима (Белокурова) Дмитровского (†1877) и Василия Можайского (†1915) в Рождественском соборе Саввино-Сторожевского монастыря¹².

А.В.Алексеев и его соратники в деле сохранения древностей Звенигородской земли не ограничиваются только исследованием некрополей, ими созданы лапидарии в Государственном музее-заповеднике А.С.Пушкина в усадьбе Вяземы и рядом с Успенским собором на Городке. Сюда свозятся надгробные памятники эпохи Средневековья и Нового времени, извлеченные в ходе археологических работ, а также спасенные от возможного разрушения на заброшенных старинных некрополях¹³.

---

¹⁰ Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли... С. 12.

¹¹ Алексеев А.В., Кузьменко С.В. «Московские» каменные кресты XV–XVI веков с геометрическим декором. Каталог памятников // Археология Подмосковья... Вып. 14. М., 2018. С. 307–329.

¹² Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли... С. 241–249; *Он же*. Археологическое исследование склепов с погребениями епископов Никодима и Василия в Саввино-Сторожевском монастыре // Вторая ежегодная конференция «Археология и общество». Археология исторических монастырских некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления. М., 2015. С. 45–47.

¹³ Звенигородский некрополь. Исторические кладбища города и округа / Авт.-сост. А.В.Алексеев. Звенигород, 2013. С. 25.

Также сельские погосты эпохи Средних веков и памятники на них исследовались без применения археологической методики раскопок. Надгробия описывались археологами, эпиграфистами, краеведами¹⁴.

Активная работа по описанию кладбищ ведется участниками проекта «Домодедовский некрополь» в Домодедовском городском округе. Краеведы обследовали 91 кладбище, на которых выявлено не менее 793 каменных надгробий XVI — начала XX в. (в том числе 48 надгробий XVI — начала XVIII в. на кладбище с. Лобаново, из них на 34-х сохранились эпитафии). Усилиями домодедовских краеведов и прихода церкви св. Никиты Мученика в с. Никитское создан лапидарий, включающий более 80 памятников (сюда также перенесены памятники с соседних уничтоженных кладбищ)¹⁵.

Из городских некрополей периода Средневековья, изученных в Подмосковье в рассматриваемый период, следует отметить масштабные работы под руководством А.В.Энговатовой в Дмитровском кремле в 2001–2003 гг. На площади около 920 м² были исследованы 3 кладбища с погребениями XII–XVIII вв. (всего — 674 погребения). Обнаруженный инвентарь представлен украшениями и златотканной одеждой древнерусского времени, металлическими фрагментами одежды и нательными крестами (последняя категория находок относится к XVIII в.). Интересные выводы сделаны по итогам антропологического исследования захоронений: выявлены семейные группы (по ДНК), изучены травмы погребенных (например, на лицевых частях черепа обнаружены частые травмы, что автор раскопок считает следствием кулачных боев), стрессы

---

¹⁴ См., например: *Вишневецкий В.И.* Древний Радонеж (по материалам археологических раскопок 1980-х годов) //Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. М., 1995. С. 12–30; *Он же.* Средневековые надгробия XVII века Дмитровского погоста Серебожского стана Александровского уезда Владимирской губернии (у д. Кузьмино Сергиево-Посадского района Московской области) //Художественное наследие Владимирского края. История и культура. Материалы IV межрегиональной научной конференции. Александров, 2012. С. 55–64; *Он же.* Средневековые белокаменные надгробия кладбища села Воскресенского дворцовой волости Черноголовль (Ногинского района Московской области) //Археология Подмосковья... Вып. 14. М., 2018. С. 330–342; *Компанец С.Е.* Комплекс намогильных белокаменных крестов и плит погоста Рогачёво //Вопросы эпиграфики. Вып. 8. М., 2015. С. 225–252 и др.

¹⁵ *Низамутдинов К.* Белокаменный подмосковный некрополь //Подмосковный летописец: историко-краеведческий альманах. Вып. 1 (59). М., 2019. С. 42–49.

(недостаток витаминов и микроэлементов, инфекции), демография, антропологические типы (выявлено южноевропейское (южнославянское) и восточнофиннское влияния). Несколько погребенных по антропологическим особенностям были отнесены к военно-служилому сословию¹⁶.

Следующая категория некрополей является наиболее изученной и интересной для осмысления погребального обряда и процессов коммеморации и мемориализации. Это — монастырские кладбища. На Московской земле в Средние века существовали статусные некрополи знаменитых монастырей (Троице-Сергиев, Иосифо-Волоцкий, Воскресенский Ново-Иерусалимский), а также погосты менее известных, мелких обитателей.

Лучше всего изучен некрополь Троице-Сергиева монастыря (Лавры), из которого происходит самая обширная в Подмоскovie коллекция белокаменных надгробий, хранящаяся в собрании Сергиево-Посадского музея-заповедника. Находки средневековых надгробий в Троице-Сергиевой Лавре известны с XIX в.¹⁷ Со времени учреждения здесь музея надгробия, которые находили при строительных работах, поступали в его коллекцию и выставлялись в экспозиции. Коллекция средневековых надгробий XV — начала XVIII в. из некрополя Троице-Сергиева монастыря насчитывает более 500 экз. (как целых, так и фрагментов)¹⁸.

Систематическая публикация текстов надгробных надписей началась еще в середине XX в.¹⁹; в последние годы археологиче-

¹⁶ Энговатова А.В. Средневековые городские некрополи на территории Дмитровского кремля // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 219. М., 2005. С. 148–158.

¹⁷ См.: Смирнов С.К. Древние надгробные надписи, открытые в Троице-Сергиевой Лавре // Труды I Археологического съезда в Москве 1869 г. Т. II. М., 1871. С. 417–424.

¹⁸ Вишневский В.И. Женский средневековый некрополь Троице-Сергиева монастыря // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы X международной конференции 26–27 октября 2016 г. Сергиев Посад, 2018. С. 92.

¹⁹ Николаева Т.В. Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Вып. 2. Загорск, 1958. С. 92–106; Она же. О некоторых надгробиях XV–XVII вв. из Загорского музея-заповедника // Советская археология. 1958. №3. С. 170–179; Она же. Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. 1966. Вып. VI. С. 207–256; Бушуев А.Е. Надгробия Яновых из некрополя Троице-Сергиева монастыря // Сергиево-Посадский музей-заповедник... С. 31–37 и др.

ским изучением некрополя и публикацией материалов занимается В.И.Вишнеvский²⁰. Им выявлена практика создания отметок «о занятом месте», ранее известная по упоминаниям в духовных грамотах знатных лиц XVI–XVII вв. Надгробия с такими пометами были обнаружены только в Троице-Сергиевом монастыре²¹. Исследователь дополнил известные сведения о декоративном оформлении надгробий и технологии изготовления надписей²². Большое значение для изучения генезиса и формуляра средневековых эпитафий имеет открытие и публикация

²⁰ Вишнеvский В.И. Новые находки средневековых надгробий некрополя Троице-Сергиева монастыря //Труды по истории Троице-Сергиевой лавры. М., 1998. Он же. О некоторых особенностях средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря (По материалам археологических исследований 2001 г.) //Троице-Сергиева лавра в истории, культуре... Материалы III Международной конференции. 25–27 сентября 2002 г. Сергиев Посад, 2004. С. 97–110; Он же. Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре //Археология Подмосковья... Вып. 1. С. 375–386; Он же. Некрополь Троице-Сергиевой лавры. Открытия последних десятилетий XX века //Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1 /Сост. Л.А.Беляев. М., 2006. С. 130–175; Он же. Об одном типе надписей на надгробиях Троице-Сергиева монастыря //Там же. С. 280–285; Он же. Средневековые надписи-граффити на надгробиях Троице-Сергиева монастыря //Троице-Сергиева лавра в истории, культуре... Материалы IV Международной конференции. 29 сентября — 1 октября 2004 г. М., 2007. С. 69–80; Он же. Белокаменные надгробия иноков у Успенского собора Троице-Сергиева монастыря XVI–XVII вв. (по итогам археологических работ 1985–2011 гг.) //Троице-Сергиева лавра в истории, культуре... Материалы VIII Международной конференции. 3–5 октября 2012 г. Сергиев Посад, 2013. С. 176–182; Он же. Редкие виды орнамента на средневековых белокаменных надгробиях из Троице-Сергиева монастыря и их датировка //Троице-Сергиева лавра в истории, культуре... //Троице-Сергиева лавра в истории, культуре... Материалы VII Международной конференции. 23–25 сентября 2010 г. Сергиев Посад, 2012. С. 139–149; Вишнеvский В.И., Энговатова А.В. Некрополь князей Оболенских в Троице-Сергиевом монастыре //Археология Подмосковья... Вып. 7. М., 2011. С. 278–289; Вишнеvский В.И. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология //Археология Подмосковья... Вып. 9. М., 2013. С. 125–139 и др.

²¹ Вишнеvский В.И. Об одном типе надписей на надгробиях Троице-Сергиева монастыря... С. 280–285.

²² Вишнеvский В.И. Редкие виды орнамента... С. 139–149; Он же. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря... С. 125–139; Он же. Оборонные надписи на надгробиях Троице-Сергиева монастыря //Вопросы эпиграфики... С. 314–329.

В.И.Вишневым наиболее раннего из датированных белокаменных надгробий — надгробия дьяка Василия Беды (†1480)²³. Для изучения практики бытования средневекового некрополя важным представляется исследование родовых участков знатных боярских родов на некрополе Троице-Сергиева монастыря (Плещеевы, Басмановы, князя Оболенские, князя Ростовские и др.). В ряде случаев изучение не только плит, но и самих погребений дает интересные сведения о событиях социально-политической истории. Например, у костяка в погребении боярина И.А.Бутурлина (†1575) были обнаружены рассеченные шейные позвонки. Синодик опальных свидетельствует, что И.А.Бутурлина казнили вместе с сыном и дочерью. Таким образом, археология подтверждает сведения синодика и свидетельствует, что опальных во времени Ивана Грозного могли хоронить на родовых кладбищах²⁴.

Благодаря исследованиям В.И.Вишневого существенно дополнился список лиц, погребенных в Троице-Сергиевом монастыре, в том числе женщин и монахов, что дает ценную биографическую и генеалогическую информацию. Исследователь отмечает: «Надписи найденных надгробий свидетельствуют, что большинство (60%) погребенных не упомянуты в монастырских вкладных книгах. Поэтому эпиграфические сведения являются важным дополнительным источником по изучению некрополя Троицкого монастыря, в том числе женского»²⁵.

С 2003 г. некрополь Троице-Сергиева монастыря изучался экспедициями Института археологии РАН (А.В.Энговатова, А.Л.Высоцкий, С.З.Чернов). Были исследованы средневековые погребения и захоронения Нового и Новейшего времени. Так, в 2003 г. обнаружены склепы и захоронения второй половины XIX в., принадлежавшие представителям знатных дворянских фамилий (графы Мусины-Пушкины,

²³ Вишневецкий В.И. О некоторых особенностях средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря... С. 99–101.

²⁴ Энговатова А.В., Вишневецкий В.И. Новые памятники средневекового некрополя Троице-Сергиева монастыря (материалы археологических наблюдений 2007 г.) //Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре... Материалы VI международной конференции. 29–31 октября 2008 г. Тез. докл. VII международной конференции 23–25 сентября 2010 г. Сергиев Посад, 2010. С. 158; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 544.

²⁵ Вишневецкий В.И. Женский средневековый некрополь Троице-Сергиева монастыря... С. 101.

В.А.Олсуфьев, А.В.Задонский, В.А.Балабин и др.)²⁶. В 2009 г. у церкви Сошествия Святого Духа найдено погребение архиепископа Вологодского и Тотемского Никона (Рождественского) (†1918) и установлено место истинного погребения архимандрита Леонида (Кавелина) (†1891). Над этими погребениями, а также над захоронением архимандрита Афанасия по окончании работ установлены надмогильные памятники²⁷. В том же году в ходе работ по укреплению основания Успенского собора сотрудниками Подмосковной экспедиции Института археологии РАН были найдены останки настоятеля Лавры, основателя Троицкой семинарии архимандрита Кирилла (Флоринского) (†1744)²⁸.

Значительные работы развернулись в Лавре в 2014 г., когда было исследовано кладбище Московской духовной академии. Ряд захоронений определили без вскрытия могил (погребения известных ученых Е.Е.Голубинского, А.В.Горского, С.К.Смирнова), другие захоронения вскрыты и идентифицированы по инвентарю, антропологическим особенностям, методике фотосовмещения (погребения профессоров Д.Ф.Голубинского, П.И.Горского-Платонова, П.С.Казанского, студентов В.Д.Головина, Д.А.Любимова, священника Ф.П.Филатова и др.)²⁹. Эти работы имеют большое значение для разработки и апробации методов персональной идентификации захоронений, а также комплексного исследования поздних некрополей в целом.

---

²⁶ Энговатова А.В., Богатенков Д.В. Исследования некрополя XIX в. у храма Смоленской иконы Божией Матери в Троице-Сергиевой лавре в 2003 году // *Археология Подмосковья...* Вып. 1. С. 361–374.

²⁷ Энговатова А.В., Добровольская М.В., Медникова М.Б. История идентификации архиепископа Никона Рождественского в процессе археологических раскопок у церкви Сошествия Святого Духа в Троице-Сергиевой лавре // *Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи: Материалы научной конференции*. М., 2016. С. 240–243.

²⁸ Энговатова А.В., Васильева Е.Е., Цветкова Н.Н. Исследование захоронения архимандрита Кирилла (Флоринского) в Троице-Сергиевой лавре (†9 (20) января 1744 г.) // *Жизнь в Российской империи. Материалы международной научной конференции*. Москва, 31 октября — 1 ноября 2018 г. М., 2018. С. 121–123.

²⁹ Энговатова А.В., Васильева Е.Е., Добровольская М.В. Археологические исследования некрополя Московской Духовной академии // *Вторая ежегодная конференция «Археология и общество»...* С. 13–20; Энговатова А.В., Медникова М.Б., Добровольская М.В. История идентификации ректоров, преподавателей и студентов Московской духовной академии при раскопках Академического некрополя // *Средневековая личность в письменных и археологических источниках...* С. 234–240.

Поиск чтимых захоронений в Троице-Сергиевой Лавре осуществлялся и ранее. В 1996 г. у северо-западного угла церкви Сошествия Святого Духа на апостолов по благословению священноархимандрита Лавры Патриарха Московского и всея Руси Алексия II проводились археологические работы с целью обретения мощей преподобного Максима Грека (руководитель С.А.Беляев). Первоначально был обнаружен фундамент «палатки» над захоронением святого, а 1 июля сами мощи, которые 4 июля перенесли в церковь Сошествия Святого Духа на апостолов³⁰.

Некрополь Иосифо-Волоцкого монастыря исследовался в меньших масштабах, однако его изучение также дало важные научные результаты. Археологические работы в монастыре проводились в 2001, 2009 и 2013 гг. под руководством С.З.Чернова. Был изучен некрополь в пределах Успенского собора монастыря, включающий в себя захоронения, совершенные в прежнем соборе XV в., а также за стенами как старого, так и нового соборов. Некрополь этой обители хорошо известен по монастырской документации XVI в., в первую очередь, по Обиходнику Евфимия Туркова 1581/1582 г., являющемуся своеобразным синодиком-путеводителем по кладбищу. Сопоставление данных этого источника с результатами археологических исследований позволило реконструировать структуру средневекового монастырского кладбища, восстановить расположение и порядок семейных захоронений за алтарем собора, атрибутировать раскрытые погребения³¹.

³⁰ Беляев С.А. Отчет о проведении в июне-июле 1996 года работ в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре по обретению святых мощей преподобного Максима Грека. СПб., 2007. С. 27–33.

³¹ Чернов С.З. Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря в свете археологических исследований 2001 г. Старый и новый приделы //Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель: Материалы научной конференции, посвященной пятилетию обретения мощей преподобного Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма — Успенского собора — и 80-летию со дня рождения митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. М., 2008. С. 269–314; *Он же*. Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря в свете археологических исследований 2001 г. Погребения «за церковью» и «за старым приделом» //Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Материалы научно-практической конференции, посвященной 530-летию основания Иосифо-Волоцкого монастыря и 20-летию возрождения в нем монашеской жизни. Вып. II. М., 2013. С. 393–437; *Он же*. Некрополь Успенского собора 1484 г. в Иосифо-Волоцком монастыре: новые исследования 2013 года //Подмосковный летописец. Вып. 3 (45). 2015. С. 52–57.

30 октября 2001 г. произошло значимое для обители событие: в процессе археологических работ были обретыены мощи преподобного Иосифа Волоцкого. Останки были исследованы антропологами, выполнена пластическая реконструкция внешнего облика по черепу святого. В костях скелета обнаружено содержание частиц титана, меди и железа, что свидетельствует о ношении вериг. Анализ сохранившихся вериг преподобного стал дополнительным аргументом в пользу принадлежности обнаруженных останков преподобному Иосифу Волоцкому³².

Другое захоронение, обнаруженное в соборе, принадлежало царевичу Федору Долголядскому, крещенному Чингисиду, родственнику князей Волоцких. Его погребение после перезахоронения пользуется почитанием в Иосифо-Волоцком монастыре; составлено жизнеописание царевича, более похожее на житие³³.

Крупные археологические работы также проводились в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, где располагался некрополь XVII — начала XX в. (его реконструкция предпринята Г.М.Зеленской и А.В.Святославским)³⁴. Раскопки велись в 2009–2017 гг. под руководством Л.А.Беляева. В ходе археологических работ погребения старались не вскрывать. Однако при прокладке коммуникаций некоторые могилы пришлось по техническим причинам вскрыть. После окончания исследования останки преданы земле на том же месте с совершением заупокойной службы. Были изучены захоронения известных лиц, погребения, сопровождавшиеся эпитафиями, а также безымянные склепы и могилы, не известные по описям и не отмеченные памятниками. Погребения эти находились в соборе, монастырских храмах, под колокольней и на открытом пространстве. Были изучены захоронения сподвижника патриарха Никона И.К.Шушерина (†1693) с сыном

³² Звягин В.Н. Опыт медико-криминалистического исследования церковных захоронений //Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей /Под ред. А.К.Станюковича. Звенигород, 2003. С. 196–201; *Монахиня Иосифа (Егасова)*. Дневник очевидца от обретения святых мощей преподобного Иосифа до открытия их для поклонения. 2001–2003 гг. М., 2015. С. 75–77.

³³ *Монахиня Иосифа (Егасова)*. Жизнеописание царевича Феодора Долгорядского. М., 2015.

³⁴ Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима: Историко-семиотическое исследование. М., 2006.

Михаилом, игуменов Варсонофия (†1680), Германа I (†1682) и других исторических лиц³⁵.

В 2016 г. обнаружен склеп рубежа XVII–XVIII вв., который внутри выложили рельефными терракотовыми (не поливными) изразцами с растительным орнаментом. Предположительно, здесь могла быть погребена Д.М.Нащокина (†1718). Возможно, изразцы должны были представить в склепе образ «райского сада». В любом случае, эта находка уникальна — нигде ранее подобное украшение склепов не встречалось³⁶.

Особое внимание было уделено главной могиле Ново-Иерусалимского монастыря — погребению патриарха Никона в придельной церкви св. Иоанна Предтечи, под Голгофой, в месте, избранном самим патриархом для упокоения. Было изучено устройство гробницы (в частности, выяснилось, что саркофаг и надгробие выполнены из природного гипса (алебаstra), а не из обычного известняка). Однако погребения в саркофаге не оказалось — его вскрыли и разграбили в 1930-е гг.³⁷

Помимо захоронений, в процессе археологического изучения Ново-Иерусалимского монастыря найдены надгробия, их фрагменты (в том числе первоначального надгробия патриарха Никона), а также части эпитафического проскинитария (своеобразного каменного путевода на стенах собора)³⁸.

В Подмоскowie также проводилось археологическое и эпитафическое изучение некрополей и мемориальных памятников в других, менее значимых монастырях (Николо-Угрешский, Можайский Лужецкий, Борисоглебский в Дмитрове, Троицкий Белопесочский

---

³⁵ Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению. Реставрация 2009–2015 годов / [Науч. ред. Л.А.Беляев, И.Л.Бусева-Давыдова]. М., 2016. С. 106, 108, 110–113.

³⁶ Беляев Л.А., Глазунова О.Н. Завершающие работы в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре на реке Истре // Археологические открытия. 2016 год / Отв. ред. Н.В.Лопатин. М., 2018. С. 87.

³⁷ Беляев Л.А., Капитонова А.М. Погребение патриарха Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре: исследования 2012 г. // Российская археология. 2013. №4. С. 99–108; Алексеев А.С., Завьялов С.М. Алебастровый саркофаг патриарха Никона: состав и возможные источники // Там же. С. 109–112.

³⁸ Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря... С. 252–254.

и др.)³⁹. Полученные результаты дают интересный материал для изучения погребального обряда, эпиграфики, антропологии и демографии людей эпохи Средневековья. В рядовых монастырях — аскетичный погребальный обряд, надгробия и эпитафии отмечают небольшое число захоронений. На этих некрополях интерес представляют захоронения местных подвижников (например, преподобных Ферапонта Можайского (†1426) и Пимена Угрешского (†1880))⁴⁰, в остальном результаты археологического изучения представлены рядовыми находками.

Данный обзор далеко не полон, но, как можно видеть, некрополи Подмосковья, изученные археологическими методами, весьма разнообразны. Полученные результаты касаются широкого круга проблем духовной и материальной культуры, социально-политической и повседневной истории. Публикаций по данной теме много, и значительное число рассеяно по малотиражным сборникам, в связи с чем было бы полезным составить библиографию изучения подмосковного некрополя по всем направлениям исследований (археология, эпиграфика, некрополистика, краеведение).

---

³⁹ Фролов М.В. Белокаменные надгробия XVI–XVII вв. из Борисоглебского монастыря в г. Дмитрове // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2001. №3 (5). С. 18–20; Шамин С.М. Надгробия Троицкого Белопесочного монастыря // *Русское средневековое надгробие...* С. 187–194; Чернов С.З., Гончарова, Н.Н., Лебедева Е.Ю. Некрополь Николо-Угрешского монастыря по данным археологических раскопок Никольского собора в 2004 г. // *Московская Русь: проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Леонида Андреевича Беляева: (сборник статей)*. М., 2008. С. 152–205; Балашов А.Ю. Редкие могильные плиты XVII века из Лужецкого монастыря Можайска // *Археология Подмосковья...* Вып. 7. С. 324–330 и др.

⁴⁰ Звягин В.Н. Указ. соч. С. 178–182.

*М.С.Дроздов (Черноголовка, Московская обл.),
Е.Н.Маслов (Ногинск, Московская обл.)*

Проект «Богородский некрополь»

15 лет назад задумали мы «тотальное» исследование-описание кладбищ бывшего Богородского уезда (в нашей терминологии — Богородского края). По плану-минимуму мы хотели объехать все сохранившиеся кладбища этой части Подмосковья, дать хотя бы самые краткие им характеристики, по программе-максимум предполагалось подробное исследование, с фотографиями и планами, а кроме того — описание кладбищ уже несуществующих.

За эти годы, действительно, мы посетили много десятков погостов, о некоторых таких путешествиях рассказывали на нашем сайте «Богородск-Ногинск. Богородское краеведение» в соответствующем разделе (не менее 12 статей), о некоторых же имеются только рабочие записи. По мере возможности, нами составлялись краткие «некрополи» (списки) и родословия, не самые подробные, но вполне пригодные для работы, помогающие разобраться, кто погребен в Обухове, в Ногинске на старообрядческом и еврейском участках, в Черноголовке, Стромьни и пр. Но до настоящего времени не была предпринята попытка, хотя бы и частичная, систематизации и обобщения собранных материалов.

Богородский уезд — это ныне Ногинский, Щелковский, Павлово-Посадский, в значительной мере Орехово-Зуевский и отчасти Балашихинский и Раменский районы Московской области. На 1894 г. его площадь составляла 3,5 тыс. кв. верст, численность населения, без Богородска и Павловского Посада, — 196,1 тыс. человек¹. Уезд являлся одним из самых промышленно развитых во всей Российской империи.

На территории уезда в конце XIX в. насчитывалось 63 православных прихода (соответственно, как минимум, 63 кладбища), 3 действующих монастыря, несколько бывших монастырей. А еще — многочисленные старообрядческие погосты в Гуслице. Некрополь Богородского края сравнительно неплохо был представлен в «Русском провинциаль-

---

¹ *Скибневский А.И.* Очерк движения населения Богородского уезда Московской губернии за десятилетие с 1885 г. по 1894 г. М., 1899.

ном некрополе² вел. кн. Николая Михайловича — в основном дворянами и церковными лицами.

Как показало время, поставленная нами задача полного описания богородских «мертвых городов» в силу своей грандиозности пока еще не выполнена до конца. Тем не менее, объем накопленного материала таков, что имеет смысл предварительно опубликовать его по районам. В статье нами дан обзор некрополей, расположенных ныне на территории Ногинского района, как бы «центрального» во всем Богородском крае. Начнем с районного (и уездного) центра — Богородска-Ногинска, потом перечислим погосты южной и северной частей района, из-за малого объема публикации сосредоточив особое внимание только на некоторых кладбищах.

Первым богородским некрополистом и одним из первых краеведов надо считать знаменитого русского мыслителя — Н.Ф.Федорова (1829–1903). С 1858 по 1864 г. он преподавал историю и географию в училищах Богородска и часть уроков проводил на местном Тихвинском кладбище. Он относился к некрополям как общему памятнику или музею предыдущих поколений, он хотел сделать кладбища центрами общественной жизни, мечтал «перенести школы к могилам отцов». К сожалению, в XX в. чаще осуществлялось другое его пророчество — о нравственном одичании, о «превращении кладбищ в гульбища», а «сынов человеческих» в «блудных сынов, пирующих на могилах отцов».

Еще в 1767 г. на месте деревянного Никольского ямщицкого храма была построена Божоявленская каменная церковь, ставшая после перестройки городским собором. Скорее всего, здесь же находилось и небольшое кладбище. Позднее погост в 2,7 га устроили за городским валом, который проходил всего в 4-х кварталах от центральной рыночной площади. В 1846–1857 гг. там возвели кладбищенскую Тихвинскую церковь. В «Русском провинциальном некрополе» указаны личности, захороненные на этом кладбище, среди них: богородский исправник П.С.Вяземский (1811–1861); богородские купцы О.Ф.Елагин (1815–1898) с женой Александрой Ивановной (†1882), И.Ф.Елагин (1820–1884), П.Ф.Елагин (1822–1891); прот. Д.И.Иеропольский (†1895).

---

² *Николай Михайлович, вел. кн. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. / [Сост. В.В.Шереметевский]. М., 1914.*

В начале 1930-х гг. храм был закрыт и разорен. В нем сначала устроили клуб, затем кинотеатр, потом школу киномехаников. Тихвинское кладбище превратили в танцплощадку, а памятники сгребли в яму. В 2000-е гг. после восстановления храма была сделана попытка восстановления «некрополя в миниатюре» вблизи алтаря. Первый извлеченный из ямы на территории Ново-Ногинской фабрики памятник был с плохо сохранившейся надписью Его принадлежность А.Ф.Елагину установили только по дате смерти. Кстати, на новой надписи он неправильно назван ктитором Тихвинской церкви (надо — Богоявленского собора). Из ямы было изъято еще несколько памятников. В настоящее время установлено около 20 надгробий, в том числе — статского советника и кавалера архангельского, богородского купеческого сына Р.Е.Санина, богородского купца Ф.А.Яковлева. Имеется и памятник родителям патриарха Пимена, но это новодел. На самом деле, здесь была захоронена только его мать, отец — скорее всего, на Глуховском или на городском кладбище за железной дорогой.

Тихвинский некрополь довольно быстро «наполнился», поэтому в конце XIX в. было устроено большое Тихвинское загородное кладбище на выезде из города в сторону Успенска, «за ЖД переездом». На нем были запланированы участки: православный, еврейский, старообрядческий. Территория, застроенная сейчас и называемая «На живых и мертвых», была основным местом захоронения горожан с конца XIX в. и почти до войны. По-видимому, именно здесь был похоронен в 1913 г. бывший городской голова и управляющий морозовскими фабриками в Глухове А.Ф.Детинов. После войны могилы сровняли, а многочисленные гранитные и мраморные памятники утилизировали. Осталась только могила революционера А.Климова (1891–1913). В начале ул. Ревсобраний еще видны остатки некоторых надгробий. На одном, некогда шикарном, можно с трудом разобрать фамилию Кабановой (†1908).

Как всегда, были проблемы со старообрядческими похоронами. 12 сентября 1895 г. благочинный свящ. К.Голубев пишет городскому старосте М.О.Сопову о том, как разрешился вопрос о захоронении старообрядцев: «...Московское Губернское Правление... предписало Богородскому уездному исправнику допустить к погребению умерших с фабрики К° Богородско-Глуховской мануфактуры как православных, так и старообрядцев на предназначенном для сего участке земли, но с тем, чтобы старообрядческое кладбище было отделено от православного

стеною или рвом и имело отдельный вход... В настоящее время все условия, выше прописанные, исполнены и 10 сентября кладбище освящено; умершие на фабрике... теперь будут погребаться на своем местном кладбище, а не на Богородском»³. Погребали староверов, однако, и на загородном Тихвинском кладбище, где из-за малости старообрядческого участка все время стоял вопрос о его расширении.

Упомянутое в письме «местное» кладбище Богородско-Глуховской мануфактуры — это нынешнее Ногинское городское кладбище №1. Оно начало действовать реально с 1895 г., и там, действительно, довольно большой участок принадлежал старообрядцам. Нами он обследован, создан письменный перечень-«некрополь»⁴. В самом центре кладбища находится еврейский участок, список захоронений которого также опубликован⁵. Значителен мусульманский («татарский») участок. Два участка отведены военным: солдатам, умершим от ран в ногинских госпиталях, и Героям Советского Союза и офицерам (на части бывшего старообрядческого погоста). На обширном братском военном (госпитальном) участке совсем недавно состоялось торжественное захоронение В.Вольнова, одного из ногинских ополченцев, в 1941 г. добровольно 17-летним вступившего в 7-ю Краснопресненскую дивизию московского ополчения и погибшего, защищая Москву еще на подступах к Вязьме.

В целом на Ногинском кладбище №1 (его теперь называют «Старым») похоронено очень значительное число и городских знаменитостей, и рядовых рабочих, своим трудом создававших когда-то промышленную мощь Отечества. Назовем довольно произвольно несколько фамилий: Это первый в районе Герой соцтруда Л.И.Ананьева, директор ГХБК А.С.Соболев, краевед П.В.Дорофеев, поэт Е.Глазков, актер Ю.Стокосов, знаменитый хирург Г.В.Хандриков, детский врач Е.В.Лескин, велогонщик И.Н.Лепетов. Из более старых сохранилось частично надгробие няни, вырастившей детей А.И.Морозова, руководи-

---

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 1113. Оп. 2. Д. 47. Л. 4—4об.

⁴ Дроздов М.С., Маслов Е.Н. Богородско-Глуховский старообрядческий некрополь // Старообрядчество: история, культура, современность: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. Москва, 13–15 ноября 2007 г. Т. I. М., 2007. С. 144–153.

⁵ Маслов Е.Н. Еврейский некрополь Глуховского кладбища. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/lyudi/20140323.html>, свободный.

теля морозовского хора П.В.Цветкова, свящ. Д.М.Протасова. Главбух Богородско-Глуховской мануфактуры Власов построил здесь на могиле своей жены часовню, превращенную ныне в кладбищенскую церковь.

На старом кладбище хоронить уже почти негде, а потому было открыто «Новое» или кладбище №2 на 6 га земли (выезд из Ногинска в сторону Ямкина). К сожалению, Новое кладбище представляет собой далеко не лучшую картину, тем не менее, оно чрезвычайно быстро заполняется. От Старого его отделяет небольшая полоса леса: они, видимо, скоро сольются.

Ранее было кладбище и на другой окраине нынешнего Ногинска — в бывшем с. Успенском, в красивой сосновой роще, на отшибе от храма Успения Божией Матери, около которого тоже, естественно, захоронения имелись. Теперь Успенский погост обозначает только поминальный деревянный высокий резной крест, да редкие обломки надгробий.

Переходим к краткому описанию ряда некрополей, что находятся южнее центра Ногинска-Богородска.

Обуховская подгородная мещанская слобода стала так именоваться после ликвидации местного порохового завода, который вместе с Успенским пороховым заводом был одним из основных арсеналов России. Пороховые мельницы появились здесь в 1708 г., а возможно, и раньше. В XIX в. пороховое производство (Беренсы) сменяется на текстильное (Тюляевы и Бруновы).

О местном кладбище или погосте Петра и Павла первые упоминания относятся к XVI в. Погост расположен в очень живописном месте на берегу Клязьмы рядом с сосновой рощей. Каменный храм святых апостолов Петра и Павла построен в 1817 г., а в 1845 г. значительно расширен. После 1937 г. храм был закрыт, в 1989 г. передан верующим. Самым уважаемым из петропавловских священников был о. Николай Ансеров, умерший в 1908 г. в возрасте 75 лет, прослужив в «Петропавловской при реке Клязьме церкви» 33 года. Он похоронен в притворе этой церкви, что отмечено в «Русском провинциальном некрополе».

Мы обследовали «Сосновый бор» 16 июня 2007 г. Сразу бросилось в глаза, что обуховский некрополь сохранился, на удивление, очень неплохо в сравнении с другими, нами обследованными в Ногинском районе. Мы надеялись найти здесь следы наиболее известных дореволюционных семей Обухова, к которым, несомненно, относятся упоминавшиеся нами Беренсы, Тюляевы и Бруновы. Наши надежды

оправдались только частично: сохранился большой участок Бруновых. Тем не менее, погост Петра и Павла донес до наших дней память о многих замечательных людях, местных жителях и уроженцах. Некоторые замечания на этот счет мы дали в нашем перечне зафиксированных захоронений⁶. Здесь отметим только два из них. Это могила родоначальника знаменитых фабрикантов Поляковых (фабрики в Щелкове и Знаменском-Губайлове — ныне в черте Красногорска) Якова Прохоровича (1795–1857) и его жены. И единственное на кладбище дворянское (с некоторой, надо сказать, долей вероятности) захоронение «поручицы» В.А.Разумовской (1820–1855). Известны также могилы ногинского краеведа Е.А.Андрианова и местных старожилов Лаптевых.

В 1838 г. тщанием участников Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенанта Иловайского и генерал-адъютанта Сипягина в Иванисово на месте деревянного храма была построена каменная церковь в честь Казанской иконы Божией Матери с приделами во имя Архистратига Михаила и пророка Илии. В советское время храм почти не закрывался (кроме периода 1937–1944 гг.). Мы исследовали кладбище в Иванисово в апреле 2006 г.⁷ В церковной ограде здесь тесно от могил, но что характерно, фактически нет старых памятников — ни возле самой церкви, где похоронены священники ее, ни в отдаленности. Вот только единственный, наверное, небольшой, белого камня, саркофаг: «Раб Божий Андрей Матвеевич Дергачев, родился в 1837 г., умер в 1906 г.». Похоже, и все. И еще перед храмом сохранилась деревянная неброская часовенка с изображением Михаила Архангела — память о древнем Михайло-Архангельском погосте.

Основное кладбище (около 10 га) находится вне церковной ограды по соседству с железной дорогой. Никаких древностей и здесь практически нет, только 2–3 саркофага. Большинство могил или, точнее, памятников, еще точнее — надписей — после 1970-х гг., нарастая к нашему времени.

---

⁶ Дроздов М., Маслов Е. Погост Петра и Павла. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/necro/4.html>, свободный. Для полноты понимания истории этой местности нами были составлены краткие родословия Беренсов, обуховских Бруновых, Тюляевых и Поляковых.

⁷ Дроздов М., Маслов Е. Наши путешествия. Первая попытка этого года — апрель 2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/necro/1.html>, свободный.

Приведем теперь перечень других «южных» кладбищ, на которых мы не нашли старых захоронений и памятников или которые не были нами сколько-нибудь внимательно осмотрены (и исследование их впереди): Балобаново (краснокирпичная Троицкая церковь редкого «закавказского» типа», 1903 г., архитектор Т.И.Семёнов; кладбище в удалении 350 м от храма); Родинки (бывший храм Воскресения Словоущего, 1763–1769 гг., используется под жилье, от кладбища не осталось и следа); Старая Купавна (при Троицкой церкви 1751 г. хоронили мастеров и рабочих знаменитой Купавинской мануфактуры, захоронения не сохранились; в городе есть два новых кладбища); Бисерово (Богоявленский храм 1814 г., кладбище нами практически не исследовано); Кудиново (центр кирпичной промышленности, Покровской церкви помогали фабриканты Жоховы, похороненные здесь); Электроугли (в городе 2 кладбища: старое Троицкое и Бочевинка; похоронены знаменитые жители С.К.Боголюбов, Н.Н.Саксонов и др.); Ивашево-Ратманово (Троицкий храм 1810–1815 гг., остатки усадьбы, старый некрополь утрачен); Богородское кладбище (основано в 1998 г., в 2000–2001 гг. захоронены останки 266 неопознанных военнослужащих, погибших в Чечне).

В северной части района сейчас 9 действующих храмов и 1 монастырь, и, соответственно, 10 действующих кладбищ.

На месте слияния рек Шерна и Клязьма в с. Богослово находится храм Успения Пресвятой Богородицы. Кладбище, постепенно расширяющееся, расположено вокруг церкви, оно хорошо просматривается с Горьковского шоссе. Здесь довольно много старых памятников. Сохранилось даже упоминание об обнаружении могильного камня с датой погребения 1548 г. У северной стены храма частично уцелел родовой участок фабрикантов Мироновых, владевших шерстяными и полушерстяными фабриками в соседней д. Большое Буньково. Из этой деревни, составлявшей основную часть Богословского прихода, происходят и предки знаменитых художников С. и К.Коровиных, очень вероятно, что кто-то из них упокоился на приходском кладбище. Здесь, в Богослове, также хоронили рабочих и служащих Караваяевской бумажной фабрики.

Каменная церковь Рождества Христова в Ямкине построена в 1826 г. Трапезная с приделами пристроена в 1892 г. на средства московского купца Ф.Н.Самойлова. У алтаря в 1906 г. предан земле прот. М.Архангельский, 40 с лишним лет служивший в храме.

На прицерковном кладбище похоронены: другой настоятель этого храма — о. Александр Петропавловский, молзинские предприниматели Куприяновы и Зыковы, отец крупного благотворителя, упомянутого купца Ф.Н.Самойлова (1817–1895). На его деньги было построено многое в Москве, Берлюках, Ямкине. Надгробие его матери И.И.Самойловой, урожденной Залогойной (1796–1818), сохранилось на участке, где ранее стояла деревянная церковь Всех Святых.

Прихожанами храма были жители с. Ямкино, деревень Соколово, Починки, Молзино, Жилино. Знаменитый штурман А.В.Беляков навещал на этом кладбище могилу отца — учителя, краеведа, метеоролога, Героя труда, жившего в Починках — В.Г.Белякова (1876–1963).

В с. Воскресенское 2 храма — деревянный Вознесенский (1707 г.) и каменный Покровский (1833–1848 гг.). Рядом с деревянной церковью находятся надгробные плиты XVI–XVII вв., найденные в начале 2000-х гг. в ходе реконструкции храма, при замене венцов. Камни для надгробий, брались, вероятно, из местных каменоломен. Воскресенское было весьма зажиточным селом, и крестьяне вполне могли позволить себе каменные памятники.

В ограде каменного храма — захоронения XIX–XX вв. В частности, здесь стоят надгробные памятники сельским фабрикантам Белкиным (попечителей церкви) из Дядькина. Воскресенский погост стал местом последнего отдохновения для местных церковнослужителей, для молочницы семьи патриарха Пимена, а также для некой Е.В.Коляченковой (†1890), судя по памятнику, весьма богатой женщины. Здесь есть современные захоронения известного актера, шоумена, спортсмена, президента Федерации силового экстрима В.Турчинского (1963–2009), криминального авторитета Фрола (С.Фролова), которого в начале января 1994 г. хоронили 1,5 тыс. человек. Ну, а в большинстве своем лежат здесь — простые крестьяне и рабочие окрестных фабрик.

В Берлюковском монастыре (Свято-Николаевская Берлюковская пустынь) были погребены многие достойные люди. Мы обследовали в свое время кладбище за монастырем (включая бывшую «подземную церковь»), бывший Иоанно-Предтеченский скит, где была могила схимонаха Макария (Ермолаева) и других монахов, и где теперь современные захоронения местных жителей. Мы фотофиксировали некоторые сохранившиеся, но снесенные с могил памятники внутри монастыря, изучали «Русский провинциальный некрополь», но здесь мы

в основном опираемся на сведения современного историка монастыря А.Н.Панина⁸.

На территории пустыни на месте Никольского храма, выстроенного иеросхимонахом Варлаамом, был впоследствии возведен каменный Троицкий храм. Вначале все погребения производились вокруг него, позднее появились могилы и около храма Христа Спасителя, здесь, например, находилась могила Т.Кузнецовой, исцелившейся в 1829 г. от чудотворного образа Спасителя.

В монастыре были погребены 4 настоятеля: иеромонах Иоасаф (†1794), иеромонах Николай (†1806), архимандрит Венедикт (†1855) и игумен Адриан (†1902). Здесь лежат участники Отечественной войны 1812 года: 3 генерал-майора — П.И.Демидов (†1818), С.Е.Ляпунов (†1848) и участвовавший еще и в Русско-турецкой войне Г.В.Высотский (†1905), а также предводитель Богородского дворянства (в 1820–1825 гг.) А.М.Рахманов. Среди погребенных — предводитель дворянства в 1873–1875 гг. В.Г.Высотский с супругой Елизаветой Сергеевной, дочерью графа С.М.Каменского, жертвователи монастыря: представители династии Соловьевых, фабриканты лучшего в России бархата, а также почетный гражданин и владелец меднолатунного завода на р. Воре И.А.Савельев (†1852). В пустыни находили свой последний приют владельцы окрестных поместий, как, например, супруга действительного статского советника Е.С.Люминарского Александра Ивановна (1795–1853); известные люди уезда: коллежский советник и кавалер И.Т.Евреинов, служивший 38 лет уездным исправником; председатель уездного суда, титулярный советник и кавалер Т.И.Покосовский. На сегодняшний день обнаружено несколько надгробных памятников монастырского некрополя: почетной гражданки Н.И.Жеребиной (1815–1860); действительной статской советницы Н.М.Новиковой (†1820); Л.С.Мамыкиной (†1901); надворного советника И.А.Матвеева (†1829).

Село Ивановское, «Ермаково тож» названо так по бывшей тут церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи. Каменная церковь (Рождества Иоанна Предтечи) возведена в 1902 г. Владельцами села и усадьбы были Яниши, потом Вокачи, потом Лубно-Герцыки. На сельском кладбище имеется несколько каменных надгробий-саркофагов, каменный четырехконечный крест, гранитный памятник местному

⁸ Панин А.Н. Монастырский некрополь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.berluki.ru/монастырский-некрополь>, свободный.

священнику. Нами найдено надгробие управляющего именьями генерал-майора и кавалера Николая Ивановича Янышева, однако, имя самого управляющего прочесть пока не удалось. Имеются указания, что здесь похоронены родственники фабрикантов Хомяковых. В неизвестном сейчас месте лежит А.Д.Соницева (†1943), в течение многих лет заведовавшая Ивановской школой. В «Русском провинциальном некрополе» указано, что здесь похоронен и умерший 7 марта 1893 г. 31-летний Г.Ф.Секретарев. Секретаревы — потомки секретаря Потёмкина и Екатерины II, один из них — основатель знаменитого в свое время театра «Секретаревка». Они были в родстве с Барышниковыми, хозяевами усадьбы Сукманиха, расположенной не так далеко от Ивановского, а В.А.Вокач, по-видимому, и была женой Г.Ф.Секретарева.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в с. Стромьинь закрыта в 1960 г., открыта в 1988 г. В Стромьинский приход входили селения Ботово, Стояново, Шастово, Старки, Беседы, Черново, Дуброво, Щекавцево. В Стромьини было 2 кладбища — одно при храме, второе — на месте бывшего Успенского Дубенского монастыря, что на стромьини. На первом хоронили священно- и церковнослужителей, состоятельных (судя по сохранившимся саркофагам) прихожан, некоторых особых лиц. Сохранилось и поддерживается захоронение девицы Мавры, «открывательницы» чудотворной Кипрской (стромьинской) иконы Божией Матери, исцелившейся от нее в 1841 г. Из особых лиц стоит назвать дядю, пусть и не совсем законного, но именно дядю по отцу Н.Н.Пушкиной (урожденной Гончаровой) — А.И.Мюнтеля (1788–1849). Во время Великой Отечественной войны здесь похоронен экипаж нашего разбившегося бомбардировщика.

Сейчас действует только второе, примерно в 1 км от первого, кладбище, сильно расширившееся в последнее время. На нем много могил с якорями на оградках, где похоронены морские офицеры. Немало и «сухопутных» военных захоронений. В старой части кладбища под сенью старых берез 2 могилки: Е.Н.Мартыновой и А.С.Юдкиной. Это они сохранили в лихолетье чудотворную Кипрскую икону Божией Матери. Около часовни, возведенной в 1870 г. над могилой С.Стромьинского, до недавнего времени лежала последняя из надгробных плит насельников Успенского монастыря — монаха Нила. А еще на этом военно-сельском погосте обращает на себя внимание скульптурный памятник мальчику Жене Табакову (2001–2008), погибшего при защите сестры от насильника. Посмертно он награждён орденом Мужества.

Село Ново-Сергиево у р. Шерны раньше именовалось Погостищем, затем Ново-Сергиевским погостом. В 1839–1845 гг. здесь построили каменную церковь Сергия Радонежского. Основными благотворителями и жертвователями церкви были шелковые фабриканты Федотовы. Их могилы сохранились на кладбище, но в весьма непрезентабельном виде. Упокоены здесь жители соседних деревень Ново, Зубцово, Боровково: крестьяне, ткачи, красильщики, мотальщики; предки знаменитого ногинского краеведа П.П.Копышева и он сам; родители известного ногинского художника С.Лапшина.

В начале XVII в. в дворцовой Куньей волости на погосте Муравьищи уже находился «исстари построенный» храм во имя пророка Илии. Рядом с Ильинским погостом на Муравьищах образовалась д. Мамонтово. Постепенно деревня слилась с погостом. По нашим данным, здесь похоронены жертвователи храма братья Казанцевы, семья самого значительного деревенского фабриканта М.Я.Белова и др.

Перечислим еще населенные пункты северной половины района, где есть или были сельские некрополи: Молзино (кладбище и храм существуют с начала 2000-х гг.), Жилино-Горки и Тимково (по некоторым сведениям, здесь были когда-то старообрядческие кладбища).

Вспомним также, что на бывшей территории Ногинского района находятся ныне самостоятельные административные единицы — Электросталь и Черноголовка (наукоград). Кратко скажем о кладбищах этих важных населенных пунктов Подмосковья (и не только Подмосковья).

В Электростали — городе, основанном в 1915–1916 гг., в настоящее время 3 кладбища: Тихая роща, Горьковское, Новое. Самое интересное, с точки зрения некрополистики, конечно, Старое (Горьковское) кладбище, где похоронены почетные горожане Электростали, а также жители, удостоенные званий Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда: И.В.Ялагин (1914–1968), С.И.Золотуха (1913–1990), Л.А.Дьяченко (1929–2002), Н.С.Загонов (1893–1971) и многие др. Особо отметим надгробья директора завода «Электросталь» М.Е.Корешкова (1905–1965) и знатного сталевара А.П.Журавлева (1905–1984). Здесь похоронены и дети из пионерлагеря «Орлёнок», утонувшие 10 июня 1960 г. на Луковом озере.

Черноголовское муниципальное кладбище находится в с. Макарово, раньше называвшемся Микульским (впервые упоминается в 1339 г.). При нем с 1520 г. был погост Никола на Пружках, названный

так по р. Пружонке. Ныне существующий Никольский храм построен в 1881–1888 гг. Во время обследования окрестностей села археологическим отрядом МГУ под руководством С.З.Чернова было выявлено поселение домонгольского периода. В 1990 г. мы проводили в Макарове совместно с С.З.Черновым археологическую разведку, на кладбище осматривали скрытые надгробия времен Ивана Грозного.

Макаровский погост — это, прежде всего, последний приют многих ученых, работавших в институтах Черноголовки. Назовем лишь основателя наукограда чл.-корр. РАН Ф.И.Дубовицкого, Героя Социалистического Труда, вице-президента РАН акад. Ю.А.Осипьяна, академиков А.И.Ларкина, А.К.Щеголева, А.Г.Мержанова, членов-корреспондентов Г.Б.Манелиса, В.В.Аристов, И.Я.Некрасова, лауреата Ленинской премии проф. В.Л.Броуде, трижды лауреата Сталинской премии активного участника Атомного проекта М.Я.Васильева.

Известный историк архитектуры С.Мержанов, посетивший Макарово, отмечал, что «этот некрополь поражает наведенным на нем порядком», и хвалил надгробья работы «архитектора-некрополиста» А.С.Дубовского.

Таков краткий обзор некрополей пока лишь некоторой, но важной части Богородского края. Осматривая православные кладбища, мы не увидели каких-то региональных особенностей захоронений вроде почти обязательных домиков-фонарей на могилах во Ржеве и т.п. Но зато старообрядческие кладбища довольно резко отличаются от обычных православных, к их описанию вернемся при обзоре гуслицких некрополей.

Нельзя все-таки не коснуться порядка, точнее — беспорядка, на наших кладбищах. Это, и привычные горы мусора, и общая запущенность мест погребения, и часто непотребное состояние поминальных крестов, и выброшенные за ненадобностью на кладбищенские свалки деревянные надгробные кресты, нередко с металлическими изображениями распятия Христа. Но цель нашего проекта все же краеведческая: еще больше, чем о порядке на кладбищах, мы жалеем о продолжающихся исчезновениях исторических могил и художественных памятников с древних богородских погостов (и, естественно, не только с них). Не сбережем этих страниц своей родной истории — так похороним и всю Русь. Не нами сказано.

Проект «Домодедовский некрополь»: от идеи к практическому воплощению

Выгодное расположение территории современного городского округа Домодедово на массивных залежах известняка с многочисленными выходами породы на поверхность по берегам рек Пахры и Рожай много веков подряд предопределяло выбор материала для изготовления надгробных памятников местными мастерами. Резчики создали немало красивых надгробий на могилы усопших жителей домодедовских сел. Некоторые дошли до наших дней. Без сомнения, исторический некрополь — объект памяти, совесть потомков, а сохранившиеся надгробия являются малыми архитектурными произведениями ушедших эпох. Надгробия как ценные памятники погребального и камнетесного дела несут в себе краеведческую информацию и увековечивают наших предков, живших сотни лет назад. Это те самые реальные отголоски прошлого, те материальные нити, что призваны поддерживать незримую, но осязаемую связь между предыдущими и нынешними поколениями людей. Изучение и сохранение старых некрополей есть важная задача для нас, потомков, продиктованная чувством сыновьяго долга, заботой о сбережении исторического наследия.

Проблемой сохранения и возрождения домодедовских исторических некрополей автор заинтересовался в 2008 г. В этот период был составлен перечень некрополей, начаты работы по исследованию сельских и приходских кладбищ с фотографированием сохранившихся надгробий и переписью имен погребенных всех без исключения словий. В общей сложности автору первоначально удалось провести исследование 6 церковных и сельских кладбищ, восстановить имена 30 помещиков и нескольких десятков крестьян.

Первые имена дала различная историко-краеведческая литература, но самый значительный вклад в исследование внес «Русский провинциальный некрополь»¹ вел. кн. Николая Михайловича. Это уникальное издание первоначально позволило восстановить имена

---

¹ *Николай Михайлович, вел. кн. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. /[Сост. В.В.Шереметевский]. М., 1914.*

20 погребенных на Домодедовской земле дворян-помещиков, а при внимательном изучении удалось выявить еще несколько исторических личностей.

В ходе восстановительных работ в Смоленском храме с. Константиново под горнем местом главного алтаря обнаружен кирпичный склеп размером 250x250 см и глубиной 200 см. Стена основания алтарной апсиды одновременно является его восточной стеной. Склеп перекрыт сомкнутым сводом, внутреннее пространство засыпано различным мусором, в том числе промышленными пластмассовыми отходами. Приход храма произвел расчистку склепа, но захоронения в нем не оказалось.

Смоленский храм всегда являлся владельческим храмом усадьбы «Константиново». С 1655 г. селом владел кн. Ю.И.Ромодановский. В 1670 г. им построен в селе каменный храм в честь Смоленской иконы Божией Матери². В XVIII–XIX вв. усадьба принадлежала Ромодановским, Головкиным, Татищевым, Похвисневым, Решетовым и Пржевальским³. В 1820–1825 гг. Смоленский храм был капитально перестроен. В 1930 г. он был закрыт. В середине XX в. в его стенах образована артель «Детский конструктор», а после — Константиновская фабрика пластмассовых игрушек (КФПИ) Управления художественных изделий и игрушек Исполкома Мособлсовета Министерства местной промышленности РСФСР, выпускавшая различный ассортимент игровых и сувенирных игрушек. Из продукции фабрики особую известность на просторах Советского Союза имела обширная серия «Город пробок» и весь ряд игрушек из синельной проволоки. После ликвидации фабрики в 2002 г. храм передан верующим капитально перестроенным и в сильно обезображенном виде.

Местные жители сообщили, что обнаруженный склеп засыпан во времена КФПИ, но имя погребенного на тот момент никто уже не помнил. Найденная в «Провинциальном некрополе» запись помогла раскрыть тайну: погребенным оказался действительный статский советник И.Ф.Похвиснев (Похвистнев), праправнук историка В.Н.Татищева по линии матери, сын поручика правителя Иркутского наместничества, действительного статского советника Ф.И.Похвиснева. В 1820 г.

---

² Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах. Пехрянская десятина. М., 1892. С. 38.

³ Цит. по: Чулков Н.А. Записки краеведа. Домодедово, 1996. С. 24.

после смерти деда по материнской линии Р.Е.Татищева унаследовал с. Константиново, где сразу же занялся капитальной перестройкой Смоленской церкви. С 1824 г. — камер-юнкер. В 1825 г., после окончания строительных работ, он подал прошение архиепископу Московскому и Коломенскому Филарету (Дроздову) об освящении Предтеченского придела Смоленской церкви⁴. В том же году основал в селе одну из первых на территории Московской губернии бумагопрядильных фабрик⁵. В 1826 г. построил в усадьбе одноэтажный каменный дом с мезонином, колонным портиком и висячим балконом⁶. До 1828 г. в чине надворного советника служил в канцелярии Мастерской Оружейной палаты⁷. С 1829 г. — коллежский советник при архиве этой канцелярии. Продукция Константиновской фабрики демонстрировалась на выставке произведений отечественной промышленности в 1833 г. в Санкт-Петербурге⁸. В 1833–1841 гг. Похвиснев служил старшим членом в Вотчинном департаменте. В 1837 г. — статский советник, камергер. В 1841–1845 гг. — за обер-прокурорским столом 7-го департамента Правительствующего Сената⁹. С 1830-х гг. и до самой смерти Похвиснев являлся бессменным членом Московского отдела Мануфактурного совета. В 1852 г. был произведен в действительные статские советники. Кавалер ордена св. Станислава 2-й ст. и св. Владимира 4-й ст., пожалован знаками отличия за 20 и 30 лет беспорочной службы. Владения Похвиснева занимали обширную территорию левобережья р. Рожай, включая д. Заболотье и с. Одинцово. Скончался 22 декабря 1853 г., погребен под алтарем Смоленской церкви¹⁰.

В середине XX в. склеп Похвиснева был разграблен. По воспоминаниям очевидца тех событий, в погребении находились останки

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 210. Д. 523. Л. 1.

⁵ Труфанова Т.Е. 170 лет Константиновской шерстопрядильной фабрике. Видное, 1995. С. 5.

⁶ Греч А.Н. Венок усадьбам //Памятники Отечества. М., 1995. Вып. 32. С. 185.

⁷ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. Ч. 1. СПб., 1828. С. 17, 85.

⁸ Указатель произведений отечественной промышленности, находящихся на выставке 1833 г. в Санкт-Петербурге. СПб., 1833. С. 99.

⁹ Адрес-календарь, или общий штат Российской империи. Ч. 1. СПб., 1845. С. 106.

¹⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 708.

3-х тел: мужского, женского и детского. Обобрав покойных, мародеры сложили останки в деревянный ящик и закопали на церковном кладбище. Предполагаемое место этого тайного захоронения сейчас занимают постройки бывшей фабрики КФПИ.

4 января 2019 г. в с. Константиново инициирована первая за столетие памятная панихида на годовщину смерти Похвиснева, в которой приняли участие прихожане храма, общественники, домодедовские краеведы. Собранные к этой дате некоторые биографические сведения об Иване Федоровиче во многом помогли раскрыть масштаб его незаурядной, но забытой личности.

Организованная в 2012 г. группа «Домодедовский некрополь», сформированная из присоединившихся к автору неравнодушных краеведов, продолжила работы по комплексному исследованию исторических кладбищ. За прошедшие годы группа исследовала 90 некрополей на территории городского округа. За время исследований возрождены имена 200 погребенных, в числе них — дворяне Глебовы, Головины, Полуектовы, Семеновы, Демидовы, Наумовы¹¹.

«Домодедовский некрополь» — исследовательский проект по изучению старинных кладбищ городского округа Домодедово и соседних территорий, как ценных памятников истории. Участники проекта занимаются переписью сохранившихся старинных надгробий и захоронений на сельских и церковных кладбищах, ведут сбор погребальных текстов, эпитафий и статистической информации по погостам, выявляют интересные и уникальные для округа надгробные памятники, изучают их орнаментальное и стилистическое оформление. В сферу интересов проекта также входят вопросы популяризации сведений об исторических кладбищах для привлечения внимания к проблеме их сохранения.

Осмотры местных кладбищ показали, что на большинстве церковных и сельских некрополей сохранилось 1–50 и более старинных надгробий. В общей сложности группой выявлено не менее 800 каменных надгробий XVI — начала XX в., среди них — 48 ранних (XVI–XVII вв.).

---

¹¹ См.: Шлёнсков В.М. Знать земли домодедовской // Домодедовская белокаменная сторона: Историко-краеведческий альманах. №3. Домодедово, 2018. С. 87–99.

Самая значительная находка сделана нами в 2014 г. На действующем кладбище с. Лобаново обнаружен комплекс Покровского погоста, насчитывающий несколько десятков намогильных плит XVI–XVIII вв., чудом сохранившихся после варварского сноса некрополя тяжелой техникой во время расчистки территории под новые захоронения в 2008 г.

Одно из ранних упоминаний «Покрова Пречистой Богородицы, что на погосте», как «Скулневского стана погост царя и великого князя на Северке усть Песочни», встречается в писцовой книге Коломенского уезда 1578 г. Данилы Житова и Федора Комынина¹².

Покровский погост до сноса являл собой уникальный образец нетронутого провинциального некрополя, где все намогильные памятники продолжали нести мемориальную функцию на своих захоронениях. Сейчас это — обильно заросший крапивой и кустами бузины пустырь, с трех сторон окруженный современными захоронениями, которые планомерно отвоевывают границы некрополя, все глубже вторгаясь на его территорию. А обилие костных фрагментов на земле наглядно демонстрирует деструктивное влияние действующего кладбища на исторический некрополь.

Вместе с тем, участники нашего проекта своими глазами увидели, как легко разрушается исторический некрополь. Приезжая в очередной раз на то или иное сельское кладбище, мы обнаруживали, что 1–2 надгробия, зафиксированные документально, утрачены. Захоронения на недействующих некрополях подвержены разорению мародерами. К примеру, во время очередного посещения заброшенного церковного кладбища бывшего Рождественского погоста в с. Растуново обнаружены раскопы на могилах. Рядом с одной из свежих ям стояла лопата. Не защищены некрополи от разорения и тяжелой техникой. Во время прокладки трубопровода по границе того же кладбища ковш экскаватора разрушил крайние захоронения. Погребенные перезахоронены не были, котлован засыпался вперемежку с костными останками. Именно в таких случаях становится особо ясно, насколько важна работа по изучению и защите исторических некрополей.

В 2018 г. к исследованию намогильных плит Покровского погоста присоединился коллектив проекта «Свод русских надписей» (научный руководитель — канд. ист. наук А.Г.Авдеев), во время которого «Лабора-

---

¹² Калачов Н.В. Писцовые книги XVI века. СПб., 1872. С. 449, 453.

торией RSSDA», реализующей техническую часть проекта, задокументировано 33 эпиграфических памятника Покровского погоста.

Исследователями также задокументированы ещё 10 обнаруженных группой «Домодедовский некрополь» намогильных плит: в домодедовских селах Данилово, Константиново, Кузовлево, Кузьминское, Шубино — по 1 шт.; в ступинском с. Мартыновское — 5 шт.

В рамках проекта «Домодедовский некрополь» с 2012 г. действует особая инициативная группа, которая занимается подъемом некоторых опрокинутых в советский период старинных надгробных камней и восстановлением могил, особенно в тех случаях, когда сохранилась правильно ориентированная по сторонам света плита-основание надгробия, и определение точного места захоронения не вызывает затруднений.

Группой возрождено уже два десятка захоронений периода Российской империи, преимущественно крестьянских. В ходе официальной переписи кладбищ городским комбинатом благоустройства, в чьем ведении до недавнего времени были все действующие некрополи городского округа, некоторые из поднятых камней, к нашему удивлению, получили номера захоронений. Это наглядно продемонстрировало эффективность работ по возрождению исторических захоронений.

К слову сказать, иногда и сами работники кладбищ способствуют возрождению старинных могил, как это произошло с дворянским белокаменным надгробием типа «колонна, перебитая кубом» в с. Кольчево. Камень поднят и установлен на родную плиту-основание во время благоустройства территории кладбища. К сожалению, определить принадлежность памятника не удалось: нанесенные во времена борьбы со старыми устоями глубокие зарубки топором безвозвратно уничтожили имя погребенного.

В 2012 г. объединением «Домодедовский некрополь» начато многолетнее исследование коллекции надгробных памятников церковного некрополя с. Никитское¹³, где до наших дней сохранилось более 80 надгробий, преимущественно саркофагов конца XIX — начала XX в. В ходе работ удалось восстановить имена 27 погребенных. Находка фрагмента белокаменной плиты со жгутовым орнаментом и датировка самых поздних захоронений позволили сделать вывод, что

---

¹³ Холмогоровы В. и Г. Указ. соч. С. 37.

церковный погост в с. Никитское именно на этом месте существовал не поздней XVI в. и до середины XX в.

Принимая во внимание значительное число сохранившихся после ликвидации церковного кладбища надгробий, было решено организовать из никитской коллекции свободную для посетителей музейную экспозицию под открытым небом. Приход Никитского храма, выражая желание в полной мере сохранить коллекцию для потомков, всецело поддержал идею. Осенью 2017 г. на территории бывшего приходского кладбища в с. Никитское состоялась торжественная закладка «Музейной экспозиции надгробий и предметов православной кладбищенской культуры». Кроме надгробий типа «саркофаг» в экспозиции представлены: «жертвенник», 3 «часовни», в том числе образец работы московской мастерской Павлова по обработке гранита и мрамора, и др.

Организованная экспозиция не имеет финансирования, все работы, включая использование тяжелой техники, проводятся на общественных началах, поэтому коллекция еще находится в самом начале своего становления. Но уже сейчас разрабатываются организационные вопросы административной части экспозиции, планируется экскурсионная деятельность с погружением в историю местности. В ближайшем будущем будет осуществлена реставрация экспонатов, расширена коллекция.

Примечателен самый богатый и массивный саркофаг из никитской коллекции. Корпус надгробия изготовлен из цельного блока известняка. Его длина по крышке составляет 1900 мм, по основанию — 1780 мм, а высота — 780 мм. В плане блок трапециевидный, сужающийся продольно и поперечно. Основание надгробия профилировано массивным, сильно выступающим цоколем с обратной выкружкой. Длинные боковые стороны надгробия щедро покрыты значительно приподнятым над плоскостью растительным орнаментом. В свободном от орнамента пространстве южной стороны, по центру, находится прямоугольное поле с текстом, обрамленное снизу карнизом с рядом листьев. На южной стороне текст: «подъ симъ камнемъ погребено тѣло раба / божіѣго сѣла никітскаго крестьянина / ИВАНА ЕГОРОВИЧА / ЮЧЕНКОВА / скончался 1865 года іюня 3 дня / житія его было 95 лѣтъ». На северной стороне текст: «подъ симъ камнемъ покоится прахъ рабы / Божій села никитскаго крестьянина / ивана егоровича жены / АГАФЬИ АРЕФЬЕВНЫ / скончалась 1858 года апреля 13 дня / житія ея было 72 года». Торцевая сторона изголовья оформлена

объемным венком виноградной лозы. В свободном от орнамента центральном пространстве изображен рельефный крест-Голгофа. Противоположная торцевая сторона надгробия украшена объемной рамкой с орнаментом из непрерывной линии лепестков. Завершается надгробие «крышкой гроба» в виде скоции, несущей верхнюю плоскость. Крышка имеет значительные повреждения.

Потомки Юченкова дополнили сведения о надгробии. Выяснилось, что камень на свои средства поставил «добрым родителям благодарный сын» З.И.Юченков (1801–1886). Камень изначально стоял на белокаменной плите-постаменте, в качестве подставок были использованы каменные шары. Сам З.И.Юченков похоронен в Москве, но могила не сохранилась.

По просьбе потомков саркофаг установлен на предполагаемое место захоронения Ивана Егоровича — у северной стены алтарной апсиды Никитского храма.

Еще одним любопытным образцом в экспозиции является надгробие в виде пня. Памятник обнаружен в 2014 г. в мусорной куче на западной окраине действующего кладбища бывшего Архангельского погоста, что на р. Рожая у д. Тургенево. Для сохранения он перевезен в Никитское. Камень выполнен из цельного куска известняка и стилистически представляет собой сухой пень со спиленными ветками. Удивительно, с какой точностью безымянному резчику удалось передать на таком мягком, хрупком материале ботанические особенности дерева, его структуру и фактуру поверхности. Некоторая простота надгробия говорит отнюдь не об отсутствии художественных навыков, а, скорее, о провинциальной самобытности камнетеса, которому, без сомнения, доводилось воочию любоваться лучшими образцами «пней». Опыта изготовления подобных камней он, видимо, не имел, но в это произведение вложил все мастерство, всю душу, словно делал его для себя. Общая высота памятника равна 1250 мм, высота основания от земли до начала непосредственно ствола составляет 360 мм. Широкие и узкие грани основания шириной 580 и 360 мм соответственно. Приближающееся к прямоугольной форме основание надгробия опутывают мощные корни дерева, объемно выступающие над поверхностью камня. Ствол дерева овального сечения постепенно сужается кверху: в самой широкой части над корнями он имеет обхват 1410 мм, в узкой части верхушки — 1100 мм. По стволу в случайном порядке разнесены 6 спилов веток, 4 из них диаметром 80 мм, оставшиеся —

70 и 85 мм. Высота срезов колеблется от 15 до 35 мм. В каждом из них изображена сердцевина, вокруг которой расходятся тонкие концентрические окружности, имитирующие годовые кольца. Надгробие венчал каменный крест, ныне утраченный. Вполне вероятно, что памятник являлся составным и должен был стоять на отдельном прямоугольном основании, которое также не сохранилось.

Примерно по центру композиции ствола, с отклонением вертикальной оси на 9 градусов, приподнята текстовая табличка 340x205 мм в виде раскрытого свитка. Вся поверхность таблички линейно затесана, она не содержит ни текста, ни его фрагментов. В каждом из ее четырех углов находится по глухому отверстию, в одном из них сохранился деревянный дюбель с латунным самонарезающим шурупом. По всей видимости, изначальный текст преднамеренно уничтожен, поверх была установлена соразмерная, судя по масштабу крепежа, металлическая табличка. Подобный пример вторичного использования старинных надгробий, особенно вертикальных, неоднократно нами наблюдался на различных сельских кладбищах во время экспедиций.

Пребывание памятника в мусорной куче, конечно же, не прошло для него бесследно: от длительного воздействия сырости верхушка раскололась на 2 крупных фрагмента. Фрагменты сохранены для последующей реставрации памятника. Для Домодедовского городского округа надгробие в виде сухого пня уникально, аналогов на территории выявить не удалось.

Непосредственно в собрании автора находится оригинал фотокарточки начала XX в. На ней изображены надгробные памятники семейного некрополя хирургической династии Миловидовых. Автор и место съемки, к сожалению, не известны. Особо привлекает внимание крайнее надгробие 1810 г., которое при внимательном изучении обнаруживает в себе еще один высокохудожественный образец надгробного памятника в виде одинокого сухого пня. Это образец составного памятника: основание надгробия изготовлено отдельным прямоугольным постаментом с фаской по верхним горизонтальным ребрам. На постаменте стоит ствол дерева со спиленными ветками, корни практически не представлены. Нижняя часть ствола несколько расширена, она стремится к прямоугольной форме и размерам постамента. Ровно по центру ствола расположена гипертрофированная, сильно выступающая прямоугольная табличка с текстом «МИЛОВИДОВ / ум. 1810 (1820?)». По центру ее верхней части изображена рельефная

головка шурупа, которым каменная доска как бы прикреплена к стволу. Надгробие венчает каменный крест в виде ствола дерева с двумя симметричными сучками. Его высота составляет $1/3$ от высоты надгробия без постамента, пропорциональное соотношение ширины вертикальной перекладины креста к ширине верхушки надгробия — $6/18$. Фотография ценна, прежде всего, тем, что она не только наглядно демонстрирует изначальный целостный вид одного из выразительных вариантов надгробия-пня на еще действующем захоронении, но дает понимание, как должен выглядеть венчающий крест, каковы его реальные пропорции и художественная стилистика.

Одна из прекрасных коллекций подобных надгробных памятников находится на Урале — на историческом, но заброшенном Уреньгинском кладбище г. Златоуста. Там можно и сейчас насчитать не менее 6 мраморных надгробий в виде одиноких пней. В том числе сохранился общий надгробный камень 1909 г. М.Т. и П.А.Варгановых с младенцами, а также симметричный памятник-«пень» титулярного советника А.Ф.Бринкер, скончавшегося в 1908 г.¹⁴

Значительно более сложное гранитное надгробие найдено несколько лет назад координатором нашего проекта К.Ю. Низамутдиновым на кладбище с. Хатунь Ступинского городского округа Московской области. Памятник выглядит настолько реалистично, что с расстояния его легко спутать с сушиной. Прямоугольное основание вырезано из единого блока вместе со стволом. Ствол по углам окружают небольшие пеньки опиленной поросли. Корни не изображены. Поверхности основного ствола и пеньков покрыты бороздами, изображающими трещины коры дерева, а фактуру коры прекрасно имитирует грубая поверхность гранита. Венчавший надгробие крест не сохранился. По центру композиции вырезана массивная, сильно выступающая над поверхностью ствола текстовая табличка в виде раскрытого свитка. Ее вертикальные кромки сколоты, из-за чего текст имеет некоторые утраты, которые, впрочем, не мешают его восприятию. Резанный вглубь текст сообщает, что под камнем погребены тела П.Я. Хрусталева-Булимова (7 января 1830 — 17 января 1898) и его супруги Матрены Алексеевны.

---

¹⁴ См.: Алексеев Е.П., Толкач В.Д. Златоустовский некрополь. Златоуст, 2005. С. 36.

Этот высокохудожественный памятник соответствует лучшим образцам стиля, имевшим самое широкое распространение опять же на Урале. Искусствовед Б.В.Павловский в середине XX в., вот так, ярко озвучил свои впечатления от подобных надгробных памятников: «Края надгробной мраморной плиты так заросли сухой желтой травой, что создается впечатление: это прямо из земли выросли небольшие пеньки, тесной семьей окружившие мощный срезанный ствол. Надгробие пронизано печалью об умершем. Корни пней обрезаны, земля не питает их больше живительными соками, жизнь отлетела от них. Умершие пни лесных великанов, когда-то полных жизни и весело шумевших на ветру, воспринимаются как поэтический символ ушедшей человеческой жизни. Следуя натуре, внимательно и точно передает мастер срезы пней, намечая на них слои и сердцевину, великолепно вырезает кору. Низ надгробия, поросший зеленоватым мхом, придает ему особый натуральный оттенок. Глядя на безжизненные останки мраморных деревьев, над которыми шумят могучие вечнозеленые уральские сосны, испытываешь грустное и в то же время светлое чувство, навеянное красотой окружающей природы. Вот почему эти надгробия не создают впечатления непреодолимого отчаяния, гнетущего страха перед смертью»¹⁵.

---

¹⁵ Павловский Б.В. Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953. С. 115.

IV. СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ (МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА)

*Участок с архиерейскими и священническими могилами
на Рогожском кладбище в Москве*

**О «безобразном и бессистемном
уничтожении памятников и могил»
на Рогожском старообрядческом кладбище
в первой половине 1930-х гг.**

(Публикация документов)

История старообрядчества теснейшим образом связана с кладбищами, почитанием могил предков, погребальной традицией. Существование современных духовных центров двух основных направлений в отечественном староверии напрямую связано с возникновением в 1771 г. на окраинах Москвы Рогожского и Преображенского кладбищ. Рядом с могилами староверов в конце XVIII — начале XIX в. были сооружены храмы и моленные, возникли старообрядческие поселения. Уже в начале XIX в. Рогожское и Преображенское кладбища представляли собой многолюдные поселения со своим особым укладом. Именно поэтому старообрядческая Москва так бережно и относилась к захоронениям своих единоверцев.

До 1917 г. Рогожский и Преображенский некрополи представляли собой образец благоустроенности и порядка. Кладбища эти находились в полном ведении староверческих общин, советы которых следили за производством там новых захоронений, чистотой и порядком. В общем, такая же картина была в канун революции 1917 г. и практически на всех 22-х кладбищах Москвы (14 городских и 8 монастырских). Все кладбища тогда находились в ведении религиозных организаций: у православных, протестантов и католиков, армян, магометан, иудеев, караимов. Конфессиональная, а не государственная принадлежность отечественных некрополей обеспечивала порядок, ухоженность и благообразный вид.

Ровно 100 лет назад ситуация в корне изменилась Новая атеистическая власть большевиков в порыве всеобщей национализации, желая всячески ослабить влияние и финансовую базу религиозных конфессий, 1 декабря 1918 г. принимает Декрет СНК о кладбищах и похоронах. По этому декрету все кладбища и морги, организация похорон поступали в ведение местных совдепов, для всех граждан

устанавливались одинаковые и бесплатные похороны. Религиозные организации были отстранены от управления кладбищами и похоронами, по декрету ни одно погребение не могло быть допущено без представления местного отделения ЗАГСа¹.

Во исполнение декрета местные органы власти стали создавать специальные подразделения. В Москве в начале 1919 г. в Моссовете был образован отдел погребально-санитарных мероприятий, который немедленно поставил вопрос о ликвидации кладбищ в центре Москвы, то есть монастырских².

Отстранение Церкви от кладбищенских дел привело вскоре к ужасающим последствиям. Кладбища стали превращаться в криминальные места, там жили бездомные, беспризорники, криминальные элементы. Сколоченные в преступные сообщества-банды они валили кресты, бесцельно разбивали надгробия, с целью поживиться раскапывали склепы, снимали и продавали решетки, другие металлические части могил. Не отставали в этом отношении и городские службы, принимавшие решения об утилизации «бесхозных» памятников, крестов, оград и балдахин. Современник (возможно, москвовед П.Н.Миллер) оставил нам такую запись о состоянии московского некрополя в первые послереволюционные годы: «Период всеобщей разрухи в стране больно ударил и по нашим кладбищам; сколько было растащено, сколько бессмысленно разбито и без пользы уничтожено; уничтожено или изуродовано много памятников, имеющих огромное художественное и бытовое значение»³.

К примеру, вот, что писали 9 августа 1920 г. в Моссовет старообрядцы Преображенского кладбища: «На самом кладбище — месте похорон умерших, посбиты мраморные кресты с памятников, некоторые памятники великолепной архитектурной работы полуразрушены и изуродованы, поломаны палисадники, разворованы медные иконы с крестов и памятников и произведены действия разного кощунственного

---

¹ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 4557. Оп. 1. Д. 48. Л. 16.

² Там же. Д. 50. Л. 3.

³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 177. К. 30. Д. 19. Л. 1об.

характера для мертвых и оскорбительного для живых характера. Поломаны и сожжены разные палисадные перегородки и заборы...»⁴.

В 1925 г. при комиссии «Старая Москва» по инициативе краеведов возникла кладбищенская комиссия, ставящая своей задачей фиксацию и охрану надгробных памятников историко-художественного значения. Через два года по инициативе Губмузея, Союза писателей и той же «Старой Москвы» был создан междуведомственный «Комитет по охране могил выдающихся деятелей на кладбищах Москвы и Московской губернии». Комитет сначала состоял при Обществе изучения Московской губернии (ОИМГ), а затем получил права юридического лица. Комитет проводил значительную работу по обследованию исторических кладбищ с целью учета, охраны могил и памятников⁵. Тем не менее, ситуация с историческим некрополем Москвы оставалась плачевной. По свидетельству председателя «Старой Москвы» П.Н.Миллера в 1926–1927 гг. «кладбища, без преувеличения сказать, находились в катастрофическом состоянии. Оград не было, сторожей, охраны тоже не было, вследствие чего все имущество кладбищ, как то: надгробия, решетки и вообще всякого рода металл, беспрепятственно и беспощадно расхищалось; через кладбища были проложены не только прохождение, но и проезжие дороги; дорожки кладбищ без ремонта совершенно испортились; захоронения стали производиться без всякого порядка, т.к. постепенно исчезла планировка кладбищ. Кроме того, на всех кладбищах, как уединенных местах, проявилось хулиганство...»⁶.

С конца 1927 г. при старых кладбищах с разрешения властей стали создаваться комиссии, содействующие благоустройству некрополей. Такие комиссии были учреждены на 9 московских кладбищах.

Несмотря на значительную работу всех этих организаций по благоустройству отдельных кладбищ и могил, переломить имеющуюся динамику уничтожения кладбищ не удалось. В конце сентября

⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 195.

⁵ *Иванова Л.В.* Общество «Старая Москва» и его борьба за московский некрополь // Людмила Васильевна Иванова — краевед, москвовед, усадебовед / Сост. В.Ф.Козлов, М.А.Полякова. М., 2012. С. 210–228; *Козлов В.Ф.* Московские некрополи и опыт краеведов 1920-х гг. // *Моя Москва: газета Московского фонда культуры.* 1990, июнь.

⁶ ОР РГБ. Ф. 177. К. 31. Д. 20. Л. 3–4.

1928 г. председатель ОИМГ С.Б.Веселовский жаловался в письме в Моссовет на то, что на кладбищах много «профессиональных воров, похищавших памятники, кресты, решетки, украшения и т.п.» и отмечал «многочисленность покраж, покушений на кражи... На кладбищах все остается по-прежнему: кражи, попойки, приставанья к женщинам, доходящие до покушений на изнасилование, бесцельное разрушение могил и могильных памятников, часто представляющих весьма большую художественную ценность...»⁷. На заседании Комитета по охране могил выдающихся деятелей 10 апреля 1929 г. П.Н.Миллер сообщал: «...что на монастырских кладбищах (Алексеевском, Покровском) спешно снимаются все решетки, не взирая на то, что некоторые из них представляют большой художественный интерес, а иные ограждают могилы выдающихся деятелей...»⁸. В сентябре 1929 г. член «Старой Москвы» Н.П.Чулков сообщал, что на старом Новодевичьем кладбище снесено много надгробий⁹.

Членами Комитета по охране могил выдающихся лиц в 1927–1929 гг. были составлены списки (по кладбищам) необходимых к охране могил и художественных памятников. Если по большинству кладбищ эти списки включали по несколько десятков имен, то по старообрядческим кладбищам их крайне мало. Так, по Рогожскому кладбищу список включал лишь 5 фамилий: епископ «Конон (К.Т.Дураков) — старообрядческий писатель», С.Т.Морозов — промышленник, М.Ф.Морозова — «благотворительница», К.Т.Солдатенков — «книгоиздатель», Шелапутин — «учредитель клиники, гимназии, реального училища и педагогического института». Еще меньше — 3-х захороненных — включал список по Преображенскому кладбищу: И.А.Ковылин — «общественный деятель, учредитель Преображенского Богаделенного Дома», Е.Ф.Гучков — «городской и земский деятель, Московский городской голова», Н.П.Шмит — «революционный деятель. Участник восстания 1905 г.»¹⁰. Заметим, что могилы и надгробия троих из 8 упомянутых выше старообрядческих деятелей были уничтожены через несколько лет.

---

⁷ ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 202. Л. 9.

⁸ ОР РГБ. Ф. 177. К. 31. Д. 6. Л. 30.

⁹ Там же. Л. 32–34.

¹⁰ Там же. К. 34. Д. 20. Л. 4.

Конец 1920-х — начало 1930-х гг. — наиболее разрушительный период для культурного наследия Москвы, в том числе и для ее исторических некрополей. Их разрушение приобрело невиданный масштаб, неуправляемый характер. К середине 1930 г. были ликвидированы все общественные комиссии по благоустройству кладбищ. Многие предприятия и организации безнаказанно вывозили надгробия и решетки для своих хозяйственных целей. В дело вынуждены были вмешаться городские власти. В 1932 г. Моссовет на заседаниях Президиума заслушал вопросы «об упорядочении реализации безнадзорных памятников и металлических оград с кладбищ г. Москвы», «об упорядочении похоронного дела в г. Москве», по которым были приняты соответствующие постановления¹¹. В 1933 г. была утверждена инструкция о порядке учета и реализации бесхозного имущества на кладбищах Москвы. Этими актами государство брало дело уничтожения кладбищ под свой полный контроль, главной целью при этом было упорядочение использования в народнохозяйственных целях каменных надгробий, металлических памятников и оград как строительного материала. Был определен круг учреждений и организаций, имевших право по нарядам Мосгорфинотдела официально вывозить кладбищенское имущество. Уничтожение некрополей из хаотического превратилось в плановое, руководимое государственными и городскими органами власти.

В конце 1920-х — 1930-е гг. были целиком или частично уничтожены по решению властей гражданские Братское, Дорогомиловское, Семеновское, Лазаревское кладбища, а также некрополи монастырей Чудова и Вознесенского, Алексеевского, Покровского, Спасо-Андроникова, Новоспасского, Новодевичьего, Всехсвятского, Симонова. Именно в это время в Москве были снесены такие замечательные историко-архитектурные памятники и ансамбли, как Сухарева башня, Триумфальные ворота, почти вся Китайгородская стена с башнями Воскресенской, Никольской, Ильинской, Многогранной, Варварской, храмы Николы Большой Крест, Успения на Покровке, Николы в Столпах, Казанский собор и еще многое др.

На фоне этой жуткой вакханалии, стиравшей бесследно века истории и славы Первопрестольной, почти незаметно уничтожались уникальные памятники Рогожского и Преображенского старообрядческих кладбищ. Москва в эти мрачные для наследия годы необычайно

---

¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 150. Оп. 1. Д. 158.

быстро росла, строилась, расширялись ее улицы, в камень одевались набережные. Строящемуся метрополитену требовались огромное количество строительного материала и облицовочного камня. «Жертвами» Метростроя стали десятки памятников. Ликвидируемые некрополи с их массивными гранитными и белокаменными надгробиями стали бесплатными государственными карьерами для добычи камня. Прямо на кладбищах или рядом появились места для резки надгробного камня на ступени, бордюры, облицовочные плиты.

Результатом этой деятельности государственных органов и учреждений стало исчезновение с исторических кладбищ огромного числа надгробных памятников с захоронений, в первую очередь, представителей российских сословий: дворянства, купечества, духовенства. В архивохранилищах: ГАРФ, ЦГАМО, ОР РГБ, хранится достаточное число документов, позволяющих восстановить эту некропольскую катастрофу на гражданских и монастырских кладбищах, но документов, свидетельствующих об обстоятельствах утраты в 1920–1930-е гг. великих могил старообрядцев на Преображенском и Рогожском кладбищах, нами пока выявлено в этих архивах очень мало. Возможно, это связано с тем, что эти кладбища в 1920-е гг., в отличие от других, какое-то время находились в ведении религиозных общин. Однако в конце 1920-х — начале 1930-х гг. положение старообрядческих общин стало критическим. На Преображенском кладбище из 10 моленных к 1930 г. было закрыто 7. Ходили слухи о предстоящем сносе некоторых старинных моленных, и известный реставратор П.Д.Барановский, опасаясь за «судьбу т. называемых белокаменных Львиных ворот», демонтировал их и вывез в музей «Коломенское». Видимо, тогда был уничтожен особо отмеченный Комитетом по охране могил выдающихся лиц памятник на могиле Е.Ф.Гучкова. Беда пришла и на Рогожское кладбище, где в 1929 г. власти ликвидировали Христорождественский собор, причем сначала хотели ликвидировать даже главный Покровский собор. По всей видимости, именно в начале 1930-х гг. и произошло разорение известных старообрядческих могил на Рогожском кладбище, и исчезли целые фамильные участки Бутиковых, Кузнецовых, Рябушинских, Солдатенковых, Шелапутиных и др. К сожалению, ни члены клира, ни прихожане кладбища не зафиксировали ни на бумаге, ни в фотографиях процесс утраты надгробий.

До настоящего времени не опубликованы и архивные документы учреждений и организаций, занимавшихся утилизацией надгробий.

Между тем, в архивах имеются материалы по этой теме. В ЦГАМО и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) нами обнаружены отдельные документы, свидетельствующие о том, как шла ликвидация надгробий в 1933–1934 гг. Автором ниже публикуются 7 документов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме, хранящихся в трех архивных делах: в ЦГАМО в фонде 4570 Комиссии по делам культов при Мособлисполкоме (оп.1) — в деле 56 («Переписка с Пролетарским райсоветом о немедленном прекращении разрушений и хищений на Рогожском кладбище», 1933 г.) и в деле 194 («Переписка с Пролетарским райсоветом об охране здания старообрядческой церкви [в Факельном пер.] как памятника старины», 1934 г.) и в ГАРФ в фонде 5263 Постоянной Комиссии по делам культов при Президиуме ВЦИК (оп.1) в деле 1150 («Переписка Культкомиссии с Президиумом ВЦИК, Мособлисполкомом и другими о закрытии церквей, регистрации служителей культа, колокольном звоне, кладбищах и др.»).

Документ, публикуемый под №1 (февраль 1933 г.), свидетельствует о том, что уже в начале 1930-х гг. церковное имущество Рогожского кладбища (в данном случае — колокол) государство смело использовало для своих нужд. Все остальные 6 публикуемых документов представляют переписку между различными органами власти, от союзных до районных (Комитет по делам культов при Президиуме ВЦИК, Мосгорисполком, Моссовет, Пролетарский райсовет Москвы), по вопросу о судьбе надгробий Рогожского кладбища.

Содержание публикуемых документов свидетельствует о некоем конфликте между органами власти и их подразделениями: Городским финансовым отделом и Московских дорожным отделом на почве использования надгробий в народнохозяйственных целях. Как видно, из переписки союзных и московских властей, Горфинотдел и Мосдоротдел, которым было разрешено использовать гранитные, мраморные и белокаменные надгробия для нужд городского хозяйства, в 1933 г. производили эту работу «безобразно», «не считаясь с возможностью своевременно использовать и вывезти с территории кладбища, сваливают и разбивают надгробия и памятники...» (документ №3).

Акт обследования состояния Морозовской усыпальницы от 29 июля 1933 г. рисует ужасающую картину: часовня Тимофея Морозова полуразрушена и используется как уборная, памятник Савве Морозову и еще 3 мраморных памятника усыпальницы разрушены, рядом с усыпальницей устроен проход, которым пользуется окрестное

население и рабочие завода, требующие сноса большинства морозовских памятников (документ №2).

Как видно из текстов последующих документов, городские власти тревожило отнюдь не катастрофическое состояние некрополя и утрата исторических надгробий, а только «беспорядочная реализация материалов, переданных Гордоротделу», бесцельное и нехозяйственное уничтожение ценного строительного (!) материала (документ 4). Из этого и последующего документов (№5) известно, на какие цели уходили надгробия известных старообрядцев — «для облицовки набережных», для нужд шахт №7 и 8 Метростроя.

Судя по всему, к лету 1934 г. удалось остановить «безобразное и бессистемное уничтожение памятников и могил» на Рогожском кладбище. Замоскворецкому похоронному тресту и финансовому отделу был предписано «все сваленные памятники в декадный срок установить на свои места» и запретить изъятие памятников с этого кладбища (документы №6–7).

Видимо, с июня 1934 г. была проведена регистрация могил и памятников кладбища и приостановлена машина разрушения, поглотившая значительное число историко-художественных надгробий людей, игравших ключевую роль в истории и судьбе российского и московского старообрядчества. Скорее всего, в этом нигилистическом угаре первой половины 1930-х гг. и были уничтожены великие могилы московского староверия, при этом и в последующие десятилетия утраты старых захоронений и надгробий продолжались.

Опубликованные документы свидетельствуют о том, что именно подведомственные московской власти государственные учреждения несут ответственность за полное или частичное уничтожение исторических некрополей, в том числе и старообрядческих. Именно в советский период Рогожское кладбище, отторгнутое от старообрядческой общины, в значительной степени потеряло свой самобытный вид и дух.

Увы, негативные процессы на кладбище продолжаются в виде появления прямо на старинных аллеях и дорожках новых помпезных, не имеющих никакой связи с традициями староверческой погребальной культуры захоронений и надмогильных памятников. Городские власти Москвы, в течение многих десятилетий закрывая храмы и молельные, отнимая у общины жилые, учебные и административные здания, разрушая некрополь, увозя в государственные хранилища собранные старообрядцами церковные ценности, рукописные и книжные

богатства, нанесли старообрядческому Рогожскому кладбищу колоссальный ущерб. Сегодня городские власти начинают осознавать ответственность города за совершенное, участвуют в реставрации и восстановлении старообрядческих храмов.

Представляется, что именно власть, виновная в уничтожении Рогожского некрополя, должна помочь хотя бы в частичной его регенерации, возвращении, насколько это возможно, его старообрядческого облика. Следует разрешать новые захоронения со староверческой надгробной символикой только членам Рогожской общины, запретить захоронения по краям старых аллей и дорожек, отреставрировать многие десятки фамильных участков, крестов, надгробий, кладбищенских решеток. Пока на средства государства в 2016–2017 гг. отреставрированы лишь несколько фамильных участков. Капля в море. Та же самая картина наблюдается и на старообрядческом Преображенском кладбище, где государство выделило деньги на реставрацию лишь двух памятников.

Кладбища всегда играли в истории и судьбе московского староверия ключевую роль, и восстановление, регенерация их — важнейший залог возрождения и Рогожского, и Преображенского исторических старообрядческих некрополей Москвы.

№1

1933 г., февраль

Отношение директора Электромашиностроительного завода «Динамо» ответственному секретарю Постоянной комиссии по делам культов при Президиуме ВЦИК Воробьеву о необходимости передачи для переплавки 16-тонного колокола с колокольни Рогожского кладбища¹²

На звонарне бывшей старообрядческой церкви, находящейся по шоссе Энтузиастов за заставой Ильича остается до настоящего времени неиспользованным колокол весом около 16 тонн.

Означенный колокол был предназначен для Московского Академического Большого Театра, но последним таковой до настоящего

---

¹² ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1150. Л. 102.

времени не забирается и уже начатые работы по снятию названного колокола со звонницы приостановлены, и колокол продолжает оставаться не снятым.

Имея в виду, что управляемый мною завод стоит перед полной угрозой срыва февральской программы из-за отсутствия цветных металлов для производства бронзовых отливок по целому ряду срочных и особо важных заказов (вкладыши бронзовые к электровозным моторам Сурамского перевала, вкладыши крановых моторов для заводов черной металлургии, бронзовых венцов для червяков электролебедок для оборудования судов и т.д.), настоящим прошу Вас пересмотреть вопрос о передаче означенного колокола Большому Академическому Театру и сделать Ваше распоряжение о назначении этого колокола нашему заводу для использования на производстве и тем самым предотвратить то тяжелое положение с выполнением февральской программы, которое создалось на заводе из-за полного отсутствия цветных металлов для бронзовых отливок.

О последних по настоящему ходатайству распоряжениях Ваших, просим Вас, поставить меня в известность.

Директор завода [подпись]

№2

1933 г., 29 июля

Акт, подписанный представителями Мосгорфинотдела (В.Висков), Пролетарского райфинотдела (В.Дудниченко), Рогожского кладбища (Бреева) о плохом состоянии надгробий Морозовской усыпальницы на Рогожском кладбище¹³

Нижеподписавшиеся представители Мосгорфинотдела Висков В., Пролетарского РФО (Райфинотдела — В.К.) — Дудниченко В. и Рогожского кладбища — Бреева ознакомились с состоянием надгробий могил захороненных бывших капиталистов-мануфактурщиков Морозовых, при этом установлено.

Названные надгробия в количестве 11 памятников находятся на отдельном участке, огражденном решеткой и под железной крышей. Участок примыкает к главному проходу кладбища, которым

---

¹³ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1150. Л. 166.

(проходом) пользуется окрестное население, главным образом, рабочие соседних заводов. Из числа указанных памятников один сооружен из мрамора в форме часовни — захоронены Савва и Тимофей Морозовы. В настоящее время памятник частично разрушен — снят верх и двери, внутренняя его часть используется под уборную, так что фактически этот памятник представляет из себя не памятник, а уборную общего пользования. Второй мраморный памятник формы креста с основанием также разрушен. Три мелких мраморных памятника сняты с места, частично разрушены и валяются на участке.

Имея ввиду, что названные памятники находятся в безнадзорном состоянии, центральный из них используется под уборную, что со стороны каждодневно проходящих мимо них рабочих поступают вполне основательные и справедливые нарекания на существование до сего времени этих памятников, принадлежащих капиталистам и охраняемых (памятников) государством, что регистрациях этих памятников производится родственниками Морозовых, живущих за границей через своих бывших служащих и, что, наконец, памятники не представляют никакой музейной или исторической ценности — памятники Морозовых, за исключением гранитных, как безнадзорных необходимо снести.

Представители Мосгорфинотдела Висков
Прол. РФО Дудниченко
Рогожского кладбища Бреева

№3

1933 г., 2 сентября

Отношение ответственного секретаря Постоянной комиссии по делам культов при Президиуме ВЦИК Воробьева в Президиум Моссовета о необходимости «срочно приостановить действия Горфинотдела и Мосдоротдела по сносу» надгробий на Рогожском старообрядческом кладбище¹⁴

Личным осмотром Рогожского кладбища в г. Москве установлено безобразное отношение со стороны Горфинотдела и Мосдоротдела,

---

¹⁴ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1150. Л. 163.

которые, не считаясь с возможностью своевременно использовать и вывезти с территории кладбища, сваливают и разбивают надгробия и памятники, чем вызывают вполне справедливые нарекания не только религиозных верующих, но и всех тех, кто хозяйски относится к имуществу Госфонда и необходимому культурному порядку.

Еще в 1932 г. Комиссия на эти безобразия обратила внимание, но они не только не прекращены, а получили большой размах.

Считая подобные явления далее нетерпимыми, Комиссия требует срочно приостановить действия Горфинотдела и Мосдоротдела по сносу и бесхозяйственному использованию ценнейшего имущества Госфонда; установить очередность и порядок использования памятников, надгробий и т.п.: привлечь виновных в замеченном безобразии к строжайшей ответственности и результаты подробно сообщить для доклада Президиуму ВЦИК.

№4

1933 г., 9 октября

Из отношения зам. председателя Горисполкома и Моссовета Бисярина председателю Пролетарского райсовета Ефремову о необходимости провести расследование, наложении соответствующего взыскания на виновных в «беспорядочной реализации материалов, переданных Гордоротделу» и о порядке вывоза памятников с территории Рогожского кладбища¹⁵

... Примите меры к вывозу в двухдекадный срок с территории Рогожского кладбища всех гранитных и мраморных памятников, переданных Госфондом Гордоротделу для облицовки набережных, и сложенного на территории кладбища бутового камня...

Не допускать разбития памятников на территории кладбища...

Зам. председателя Горисполкома и Моссовета Бисярин

---

¹⁵ ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 56. Л. 3.

№5

1934 г., 13 июня

Письмо и.о. Специнспекции Пролетарского района Разоренова секретарю Комиссии по делам культов Новикову о порядке сноса надмогильных памятников на Рогожском кладбище¹⁶

Произведенным расследованием установлено, что сломка памятников производится исключительно незарегистрированных и бесхозных.

Что же касается в части заявления о том, что в настоящее время работы по съемке оград и памятников производятся близ места захоронения, т.н. для старообрядческих священнослужителей, то расследованием подтвердилось — два памятника действительно были увезены с этой площадки представителем шахты №7 и 8 Метростроя гражданином Песиковым (Волхонка, д. №1).

Все незарегистрированные и бесхозны памятники вывозятся только лишь по нарядам Госфонда, утвержденным Комиссией по вопросам культа при Президиуме Мособлисполкома...

И.о. Специнспекции Пролетарского района Разоренов

№6

[1934 г.], 17 июня

Отношение секретаря Комиссии по делам культов при Президиуме Мособлисполкома Уполномоченному Моссовета по похоронным делам Нестеренко о необходимости прекращения уничтожения могил на Рогожском старообрядческом кладбище¹⁷

По прилагаемому отношению Пролетарского райсовета о регистрации могил и установлении охраны на Рогожском старообрядческом кладбище Комиссия по вопросам культа просит дать соответствующее распоряжение похоронному тресту Замоскворецкого района, а также устранить безобразное и бессистемное уничтожение памятников и могил на этом кладбище.

---

¹⁶ ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 194. Л. 8.

¹⁷ Там же. Д. 188. Л. 32.

№7

1934 г., 22 июня

Письмо Уполномоченного Моссовета по похоронным делам при Президиуме Моссовета Нестеренко Управляющему Замоскворецким похоронным трестом Бабушкину¹⁸

Предлагается Вам лично вместе с комендантом Рогожского кладбища и представителем староверческой общины взять на учет все памятники и могилы, находящиеся на территории Рогожского кладбища. К фактическому состоянию их составить список, занумеровать в общем порядке все могилы и памятники. Эти списки составить в четырех экземплярах, из них один отпечатанный экземпляр вывесить в конторе кладбища, другой — в Тресте, третий передать староверческой общине и четвертый предоставить мне.

Все сваленные памятники в декадный срок установить на свои места и впредь воспрещается производить изъятие каких-либо памятников или материалов с Рогожского кладбища.

Копию настоящего распоряжения направьте в Райфо Пролетарского райсовета и воспретите Инспектору Госфонда Райфинотдела брать на учет с Рогожского кладбища какие-либо памятники или материалы.

Исполнение сообщите не позднее 30 июня 1934 г.

Уполномоченный Моссовета по похоронным делам
при Президиуме Моссовета Нестеренко

---

¹⁸ ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 194. Л. 9.

К вопросу об изучении погребальной культуры старообрядцев в рамках некрополеведения¹

Работая многие годы в пространстве научно-практических конференций, посвященных истории и культуре старообрядчества, автор не мог не обратить внимание на то, что, когда заходит речь о некрополеведении, основное внимание докладчиков обращается на внешнюю сторону погребальной православной культуры. И, в общем-то, это вполне понятно.

Но есть еще одна сторона этого направления, без которого, увы, мы не до конца поймем некрополь, как источниковедческий феномен. Речь идет о сути погребения, что и обуславливает особенности того или иного захоронения и некрополя в целом.

IV конференция по проблемам некрополя посвящена памяти вел. кн. Николая Михайловича (1859–1919). Но в его годы эта сторона бытия ни у кого не вызывала никаких вопросов. Тогда все были «грамотны» в вопросах особенностей православного погребения. Сейчас же, в силу вполне понятных причин исторического характера, большинству наших современников не понятно, что лежит в основе этой погребальной культуры.

Необходимость прояснения указанных вопросов нами была осознана в процессе работы по описанию Ржевского старообрядческого некрополя. В израненном Великой Отечественной войной Ржеве сохранилось частично только лишь одно из нескольких старообрядческих кладбищ, включающее около 3500 захоронений XIX–XXI вв.

Важными предпосылками этой работы стало описание собрания старопечатных книг, рукописей, архива Ржевской старообрядческой общины. Было обращено внимание на то, что в записях на книгах, в метрических книгах (крещения, венчания, погребения), в так называемых «Списках прихожан Покровского храма» фигурирует

---

¹ Выражаем благодарность прот. Евгению Чунину, настоятелю Покровского храма г. Ржева, за подробные разъяснения, касающиеся чина погребения, бывшие полезными автору в процессе подготовки материала статьи.

множество одних и тех же имен, и фамилий — представителей ржевских старообрядческих семей Левтеевых, Цветковых, Немиловых, Самуйловых и др. Многие из них захоронены на указанном кладбище. Здесь же захоронены клирики ржевских храмов и моленных, а также воины Красной Армии, погибшие в период немецко-фашистской оккупации в ржевском концлагере, располагавшемся неподалеку от кладбища.

В рамках работ по изучению некрополя было проведено исследование источников погребальной культуры старообрядцев, в свою очередь, опиравшееся как на рукописные и печатные тексты, так и на личные наблюдения автора, на ответы, полученные от клириков старообрядческих храмов.

Некрополь (от греческого «некрос» — «мертвый» и «полис» — «город»; то есть «город мертвых») обычно воспринимается как совокупность захоронений, большое кладбище, историческое кладбище, на котором находятся захоронения выдающихся людей, как совокупность захоронений в каком-то определенном месте. По мнению одного из современных некрополеведов С.Ю.Шокарева², в определение некрополя может входить: 1. совокупность захоронений как в пределах одного кладбища, так и в масштабах города, области, государства; 2. сочетание захоронений и мемориальных памятников, рассматриваемых как произведения изобразительного искусства и литературы и как исторический источник; 3. сочетания захоронений (включая и места, где уничтожены мемориальные памятники) и комплекса источников по истории формирования и существования кладбищ, включая списки захоронений и литературу, посвященную данному вопросу. Некрополеведение, примыкая к источниковедению и краеведению, занимается изучением истории некрополей и достаточно широким спектром смежных проблем³.

В работах последних лет, посвященных проблемам исследования некрополей, отмечалась необходимость описания и исследования некрополей в комплексе с сохранившейся документацией, метрическими книгами, а также с источниками канонического, богослужеб-

---

² Шокарев С.Ю. Некрополь как исторический источник //Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения С.О.Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 21.

³ Там же. С. 21.

ного и этнографического характера⁴. В рамках проводимого исследования эта задача также является вполне актуальной.

В основе погребальной культуры старообрядцев лежат православный чин погребения, христианские традиции почитания усопших, а также забота и попечение о спасении душ покинувших этот мир христиан. Причем, в данном случае будет неправильно искать какие-то особые элементы культуры, традиции, свойственные или старообрядцам той или иной местности, или даже старообрядчеству в целом. Эта культура свойственна (точнее, была свойственна) всему православию с древнейших времен. А старообрядцы, не приняв церковных реформ патриарха Никона и последующих нововведений, сохранив чинопоследования и традиции православной (до раскольной) Церкви, явились наследниками культуры православия (в отличие от христиан, принявших эти церковные новшества). Термин «старообрядчество» — поздний, не отражает всей сути этого сложного явления.

Таким образом, погребальная культура старообрядцев является частью культуры православия, отражает православное мировоззрение, а если подойти к проблеме изучения старообрядческого некрополя, необходимо рассмотреть его и как часть более широкого понятия — погребальной культуры, и как некий продукт, сформированный усвоением этой культуры.

Возвращаясь к определению источников этой культуры, необходимо определить их круг, их генезис, а также то место, которое они занимают в рамках этой культуры.

При патриархе Никоне (1605–1681) начинаются церковные реформы, в процессе которых активно проводится исправление богослужебных

---

⁴ Волков В.В., Кондратьев О.А. Ржевский старообрядческий некрополь как источник генеалогической информации о ржевском старообрядчестве XIX–XX вв.: Проблемы изучения //Труды региональных конкурсов проектов в области фундаментальных и гуманитарных исследований. Тверь, 2010. С. 65–73; Шокарев С.Ю. Современные проблемы исследования столичных и провинциальных некрополей //Первые Всероссийские краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15–17 апреля 2007 г.). Посвящается 85-летию со дня рождения Сигурда Оттовича Шмидта. М., 2009. С. 149–152.

книг, в том числе и «Потребника»⁵. Однако с 1623 г. и до начала церковных реформ (1652 г.) в Москве было напечатано 8 изданий «Потребника», а также предпринята попытка разделить чинопоследования на иноческие и мирские, в результате чего в 1639 г. увидели свет «Потребник иноческий» и «Потребник мирской»⁶. Эти издания, а также чин погребения, входивший в их состав, послужили основой для воспроизведения их в рукописном виде и для последующей перепечатки в единоверческой и старообрядческих типографиях XIX–XX вв. В «Потребниках» четко прослеживается разница погребения мирян, младенцев, священников, иноков, включая архиереев.

Заупокойные каноны «За умерших», «За единоумершую», «За единоумершего» всегда входили в состав богослужебных «Псалтырей», как в XVII в., так и в поздних старообрядческих переизданиях. По этой книге всегда было принято молиться за упокой души усопших христиан⁷.

После 1905 г. у старообрядцев появилась возможность открывать свои типографии, где можно было печатать как «Потребники»⁸, так и отдельно чин погребения, или заупокойные каноны⁹.

---

⁵ Агеева Е.А. Требник 1658 г.: История издания // Труды ГИМ. Вып. 139: Патриарх Никон и его время: Сб. науч. трудов /Отв. ред. и сост. Е.М.Юхименко, М., 2004. С. 174–188; Сазонова Н.И. У истоков раскола Русской Церкви в XVII веке: Исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (1654–1666): На материалах Требника и Часослова. Томск, 2008; Костромин К., свящ. Смысловые разночтения в старообрядном и новообрядном чинах крещения в свете истории чинопоследования таинств // Старообрядчество: История, культура, современность: Мат-лы IX Междунар. науч. конф., В. Новгород, 30.09. — 2.10.2009. С. 321–330.

⁶ Подробнее о них см.: Зернова А.С. Книги кириллической печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. № 49, 52, 56, 97, 117, 131, 145, 146, 197, 234.

⁷ Вознесенский А.В. К истории славянской Псалтири: Московская традиция XVI–XVII вв.: Простая Псалтирь. М.; СПб., 2010.

⁸ Потребник. М.: Христианская тип. при Преображенском богаделенном доме, 1916. 770 л.

⁹ Среди многочисленных изданий различных типографий начала XX в. см.: Канон за единоумершую. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 28.07.1909. 20 л.; Три канона: за умерших, за единоумершего, за единоумершую. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 30.03.1911. 50 л.; Каноны за единоумершего и за умерших (общий). 1-е изд. М.: Христианская тип. при Преображенском богаделенном доме, 1908. 32 л.; Канон за единоумершую. Село Тушка: Христианская тип. на Вятке в селе Тушке, 1911. 16 л.

В книжном собрании Ржевской Покровской старообрядческой общины сохранилось 2 рукописи XIX — начала XX в.¹⁰, содержащие чин погребения, а также печатное издание 1910 г.¹¹, по которому в общине служат этот чин и в настоящее время.

Начиная с 1990-х гг. чинопоследование погребения издавалось неоднократно как старообрядцами, приемлющими священство, так и беспоповцами¹². Это и отдельные репринтные переиздания, как правило, представляющие собой фрагменты «Потребников»¹³, касающиеся погребения мирянам и священникам (по традиции без указания источника перепечатки), и вновь подготовленные и набранные церковно-славянским шрифтом отдельные издания и пособия по чинопоследованию¹⁴. «Чин панихиды» с указаниями о погребении мирянам был издан старообрядцами-поморцами в Риге в 1991 г., переиздан в Москве в 2002 г.¹⁵

Упомянутая выше книга «Псалтырь» содержит соответствующие заупокойные каноны, являющиеся, несомненно, частью чинопоследования. Однако чтение «Псалтыря» за упокой усопших с молением этих канонов — уже, скорее всего, традиция. Это — тот случай, когда из элементов чинопоследования традиция и выросла.

Одним из первых, кто стал изучать смысловую и символическую природу чинопоследования погребения, был выдающийся православный ученый, архиепископ Солунский (или, как его еще иногда именовали, Фессалоникийский) блаженный Симеон, живший в конце XIV — начале XV в. Его труды сохранились в рукописях, неоднократно

¹⁰ Чины погребения мирянам и младенцам. Сер. XIX в. 45 л. Инв. №389; Чин погребения мирянам и младенцам. Кон. XIX - нач. XX вв. 22 л. Инв. №454.

¹¹ Чин погребения священникам, мирянам и младенцам. М.: Старообрядческая книгопечатня, 1910. 72 л.

¹² В культуре старообрядчества принято такое грамматическое написание (*примеч. ред.*).

¹³ Чин погребения. [Б. м., Б. г.] [Верещагино, 2010]. Л. 218–257.

¹⁴ Чин погребения: Книга священнослужителя. Казань, 2010. 54 с. (27 л.); Чин погребения: Книга для певцов. Казань, 2011. 50 с. (25 л.).

¹⁵ Чин панихиды. М., 2002. 52 с.

издавались, имеют большую популярность¹⁶. Именно он, размышляя о таинствах, чинопоследованиях, обрядах, предметах богослужения и пытаясь осмыслить их христианскую символическую сущность, стал соотносить их с традицией.

В изданной Московской Патриархией РПЦ «Настольной книге священнослужителя» также изложено чинопоследование погребения¹⁷. Из текста видно малое различие последовательности и смысла погребения. Однако на практике в наши дни чин во всей полноте не соблюдается. Например, широко известны случаи «отпевания» не старообрядческими священниками людей никогда (или почти никогда) не посещавших храм и не бывавших на исповеди. Подобная практика в старообрядчестве невозможна.

Следует отметить, что чинопоследование погребения нами рассматривается в том виде, как оно сохранилось у старообрядцев, приемлющих священство.

Безпоповцы, несмотря на то, что сохранили древний чин, на практике вынуждены его сами реформировать, поскольку из-за отсутствия священнослужителей (священники, диаконы, епископы) они не имеют возможности осуществить древний церковный чин во всей его полноте¹⁸.

В последние десятилетия возросло число мирян, не читающих на церковно-славянском языке. Поэтому старообрядцами был издан ряд своеобразных справочников¹⁹ и пособий, позволяющих мирянам осмыслено войти в порядок чинопоследования, поясняющих смысл погребальных традиций и раскрывающих бессмысленность некоторых суеверий, не свойственных природе и значению данного чина.

---

¹⁶ Труды блаженного Симеона, архиеп. Фессалоникийского. М., 1916. См. также: Труды блаженного Симеона, архиеп. Фессалоникийского. [Репринт]. Новосибирск, 2009; Симеон Фессалоникийский. Сочинения. М., 1894. 466 л. [изд. единоверцев на церковно-славянском языке по рукописи из собрания А.И.Хлудова] //ОР ГИМ.

¹⁷ Настольная книга священнослужителя. М., 1983. Т. 4.

¹⁸ Приготовление к погребению /Под общ. ред. П.В.Половинкина. 2-е изд. Самара, 2004. С. 23–26.

¹⁹ Панихидник /Изд. Старообрядческой митрополии [Московской и всея Руси]. М., 1994; Чунин Е., прот. О христианском погребении //Покровский листок. 11.08.2010. С. 2–4. (Приложение к газете «Ржевские новости», 11.08.2010).

Основываясь на книгах, включающих тексты чинопоследования погребения, остановимся, условно говоря, на отдельных элементах его «состава и содержания».

Всякого христианина по его кончине, прежде всего, обмывают, облачают в новые погребальные одеяния: согласно древней традиции в белый саван, и полагают во гроб, сложив руки его на плечах так, как принято складывать их, когда подходят ко Святому Причастию (а не на животе). Затем гроб с усопшим приносят в храм, как правило, в тот, прихожанином которого умерший был при своей жизни. Это последнее пребывание умершего христианина в храме символизирует его переход от земной церкви к Церкви Небесной: именно из храма земного теперь душа его отправляется в Небесные Обители.

Церковное погребение принято совершать на третий день (считая день смерти первым днем). Как правило, погребение совершается в храме. Погребение — это церковное чинопоследование, направленное на попечение о душе умершего христианина. Неверно погребение считать «обрядом предания земле». Церковное погребение имеет своей целью заботу о прощении грехов и будущем воскресении человеческой души.

Чин погребения начинается чтением «трисвятаго» и 90-го псалма «Живыи в помощи Вышняго...». Затем диакон (или сам священник) с кадилом произносит Великую заупокойную ектению «Миром Господу помолимся...», на каждое из 12 прошений которой певцы воспевают однократное «Господи, помилуй». Затем следуют «непорочны» — 17-я кафизма, начинающаяся словами 118-го псалма «Блажени непорочнии в путь...». Эти первые слова по традиции торжественно запевают сам священник и начинают каждение гроба и всего храма. Певцы же продолжают воспевать последующие стихи этого псалма: «ходящий в законе Господни...» и т.д. Эти торжественные псалмы изображают жизнь праведного человека, ходившего в путях Господних, в соединении со смиренной просьбой принять раба заблудившегося, но не забывшего заповедей Господних.

После «непорочных» поются (или прочитываются) трогательные погребальные стихеры преп. Иоанна Дамаскина. Они изображают ничтожество и суетность земной жизни, исполненной скорби, тленность человека, который есть «земля и пепел», и молят об упокоении души христианина, возвращающегося в землю, откуда он и был взят.

Затем, после очередной ектении, торжественно воспеваются заупокойный кондак «Со святыми покой, Христе, душу усопшаго раба Твоего, идеже несть болезни, ни печали, ни въздыхания, но жизнь вечная», первые слова которого по традиции запеваает сам священник, и при этом троекратно кадит гроб. После этого читается икос «Сам еси искони бессмертен...». Затем читается отрывок из богослужебного «Апостола» — апостольское послание к солуняном (зачало 270) — о будущем воскресении и о том, что не стоит скорбеть над умершими, а после этого прочитываются слова из богослужебного «Евангелия» (от Иоанна зачало 16).

Далее поются похожие на рыдание стихеры о мимолетности земной жизни, и все призываются воздать усопшему последнее целование. Присутствующие за погребением — один за другим, начиная с мужчин, обходят гроб с левой стороны (по солнцу) и, подойдя ко гробу, прощаются с умершим: перекрестившись, целуют лежащие на груди умершего Крест или икону, венчик на лбу умершего и затем поклоняются усопшему до земли со словами: «Прости меня Христа ради, а тебя Господь простит» — что и являет собою главное содержание прощания с усопшим.

Затем священник — духовный отец покойного — прочитывает прощальную молитву (молитва эта читается не вслух) и, вписав имя покойного в свиток с ее текстом (так называемая «подорожная грамота»²⁰), а также и свое имя и священный сан и, расписавшись в этой грамоте, вкладывает ее в правую руку умершему. Основной смысл этой прощальной молитвы — даваемое духовным отцом свидетельство, что усопший получил прощение (разрешение) от всех тех грехов, в которых он согрешил в своей жизни, но ранее уже раскаивался в них, когда приходил на исповедь. Почему и подписывать подорожную грамоту должен не какой-либо иной священник, а именно духовный отец умершего христианина — свидетель духовной жизни и церковного покаяния этого человека.

Текст разрешительной молитвы ясно выражает главную идею христианского погребения: «Бог милосердый и многомилостивый...

---

²⁰ Более подробно этот вопрос рассмотрен в статье: *Волков В.В.* Подорожные грамоты и венчики — элемент погребальной культуры старообрядчества: Из собрания Ржевской Покровской старообрядческой общины // *Старообрядчество: История, культура, современность: Сб. статей и мат-лов.* М.; Боровск, 2019. Вып. 18 (в печати).

да простит тебе, чадо мое духовное (здесь вписывается имя умершего — *В.В.*), те грехи, которыми ты к Нему согрешил в этой жизни, и перед Ним исповедался мне, духовному своему отцу (здесь священник указывает свои имя и священный сан — *В.В.*); а если что забыл — да отпустит тебе и это...». Разрешительная молитва также означает, что усопший почил в мире с Церковью, а вкладывается она в руки умершего в свидетельство того, что он — истинный сын Святой Церкви, разрешенный от грехов властью пастырей Церкви по установлению Божию.

После этого священник, закрыв лицо покойника покрывалом (простым белым полотнищем), возливает на тело усопшего елей — символ нетления почивающих в Бозе. Затем читается «трисвятое», после чего воспеваются стихеры на провожание умершего: «Со духи праведными...», а затем диакон (или сам священник) с кадиллом сказывает сугубую заупокойную ектению «Помилуй нас, Боже...», на каждое из прошений которой певцы воспевают троекратное «Господи, помилуй», а на последнее — воспевают «Господи, помилуй» 40 раз.

После сего священник завершает чин погребения, прочитывая «отпуст», и прочитывает последнюю разрешительную молитву, а затем посыпает тело горстью земли в знак предания тела усопшего христианина земле, из которой он и был сотворен. В этой разрешительной молитве, читаемой над гробом умершего (или даже над самою могилой), покойному снова провозглашается прощение грехов.

Из текста разрешительной молитвы очевидно: священник, который совершает погребение, не кто иной, как духовный отец умершего христианина. Главнейшее условие здесь — опять же покаяние. Тот, кто в своей жизни хотя и согрешал, однако раскаивался в грехах и просил у Бога прощения, — только тот и получает желаемое прощение (окончательно — это совершается уже по смерти, в чине погребения, через молитвы своего духовного отца и всех христиан).

Иногда по древнему обычаю чтение разрешительной молитвы и посыпание тела усопшего землей совершается непосредственно на кладбище — после погружения гроба в могилу; поэтому в былые времена священники, как правило, старались провожать своих усопших до кладбища, и последнюю разрешительную молитву прочитывали непосредственно над свежей могилой. Для старообрядцев же это было до 1905 г. затруднительно, а порой и невозможно, по причине гонений и запрещения публичных шествий (в том числе и на кладбища).

Несколько слов о могиле христианина-старообрядца. Могила — это место будущего воскресения, и поэтому необходимо соблюдать ее в чистоте и порядке. Церковь украшает могильный холм Святым Крестом, поставленным над могилой или начертанным на надгробной плите. Крест на могиле необходимо ставить у ног покойного так, чтобы крест был обращен лицевой стороной к его лицу. Надо особо следить, чтобы крест на могиле не покосился, был всегда окрашен, чист и ухожен. Простой скромный крест из дерева, камня или металла более приличествует могиле христианина-старообрядца, нежели дорогие монументы и надгробия из гранита и мрамора. Допустимо поместить на надгробие фотографию или портрет покойного, однако она не должна занимать место на могильном кресте — там, где более уместно изображение Господа Иисуса. Если родственники хотят написать эпитафию, то лучше всего использовать для этого слова из Священного Писания или из известных молитв. В Ржеве до наших дней сохранился обычай рядом с Крестом устанавливать «фонарь» — сооружение размером не более 75х75х75 см, у которого передняя и две боковых стенки застеклены, а внутри — икона и перед нею лампада. На крыше «фонаря» установлен маленький восьмиконечный Крест. Как можно судить, по своей сути такой «фонарь» — это небольшая часовня. Есть предположение, что традиция устанавливать такие малые часовни в оградах своих усопших родственников идет с того времени, когда на старообрядческих кладбищах не было храмов, не было возможности публично совершать погребение с участием священников, совершать литии и другие поминовения. Но самим же родственникам не возбранялось зажечь лампаду рядом с могилой и помолиться.

Придя на кладбище, желательно зажечь перед крестом свечу или лампаду и совершить молитву. Когда есть возможность, желательно пригласить священника. Однако в его отсутствие родственники могут помолиться сами. Потом можно заняться приборкой могилы: скосить траву, посадить цветы; если нужно, покрасить ограду, крест.

Есть, пить (тем более алкогольные напитки) на кладбище, лить водку на могильный холм строго запрещается. Этим оскорбляется память почившего. Обычай оставлять на могиле рюмку водки и кусок хлеба якобы «для усопшего» является пережитком язычества и не должен соблюдаться в семьях христиан. Также не следует оставлять на могиле и любую другую пищу, лучше отдать ее нищим.

Как видно из приведенного выше краткого изложения чинопоследования погребения, главным предметом христианских молитв, заключенных в чине, является вовсе не попечение о мертвом теле. Наоборот, главнейшая сущность погребения — это молитвы о бессмертной душе христианина, о прощении его грехов, совершенных им в земной жизни, а также — и христианское назидание оставшимся в живых — родственникам и близким, что и их также ожидает смерть и разлучение от тела.

Кто-то, однако, может считать, что описанные понимание и практика совершения погребения присущи исключительно старообрядцам, а у новообрядцев существуют какие-то иные понимание и практика совершения погребения. Однако такое предположение неверно: все принципиальные узаконения, касающиеся условий и практики совершения чина погребения, и в новообрядной («Синодальной») Церкви остаются такими же — просто они там давно не соблюдаются в полной мере. В подтверждение этого достаточно упомянуть состоявшийся в 1666 г. Великий Московский Собор, утвердивший все основополагающие догматы «новой» Церкви (такие, как троеперстное крестное знамение — вместо бывшего до этого двуперстия, измененный Символ веры (без слова «Истиннаго» о Духе Святом) и др.). В 11-м деянии этого Собора особо оговаривается порядок совершения погребения умерших христиан, и там провозглашается следующее: «Аще же кто пребудет целый год без исповедания кроме путешествий и нужных случаев, а случится ему смертный час — и такова у церкви не погребати, и последования усопших христиан над таковым не пети: зане таковой, жив сый, удалил есть сам себе божественныя церкви»²¹. Чуть выше в упомянутом деянии говорится о необходимости всем христианам исповедоваться в каждый из четырех постов — четырежды в год.

Таким образом, очень важно отличать в погребальной культуре, что есть православное чинопоследование погребения, что есть погребальная и поминальная традиция; важно понимать их источники, истоки и их взаимосвязь.

---

²¹ Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 годов. 2-е изд. /Изд. Братства св. Петра Митрополита. М., 1893. Л. 50об.

Тураевское старообрядческое кладбище — исторический некрополь XVIII — начала XX в.

Деревня Тураево, теперь являющаяся частью г. Лыткарино, известна из письменных и картографических источников рубежа XVI–XVII вв., однако корнями своими она уходит в XIV в. — времена Дмитрия Донского и строительства белокаменного Кремля в Москве. На протяжении всей своей истории эта местность славится белокаменными промыслами, что стало основой благосостояния местных крестьян, испокон веков занимавшихся добычей белого камня. В 1580 г. район, куда входили Тураево и Мячково, был передан в ведение только что учрежденного Приказа каменных дел для разработки местных известняков и строительства в Москве Белого города. Административно деревня относилась к дворцовому с. Верхнее Мячково, являвшемуся центром белокаменных промыслов местности. В XVIII — начале XX в. село со всеми принадлежащими ему деревнями входило в состав Бронницкого уезда, исключая небольшой период в конце XVIII в., когда оно относилось к Никитскому уезду. Кроме того, жители Тураево принадлежали к приходу церкви Рождества Пресвятой Богородицы в с. Мячково. Этот храм известен еще в XV в. как деревянный, а уже, предположительно, с начала XVII в. как каменный¹. Об этом свидетельствовала надпись на часовне, располагавшейся на церковном кладбище, с датой постройки — 1624 г. В 1680 г. служивший при храме «поп Кирилл Иванов сказал: та де церковь каменная, строение государево старое»². Это неудивительно, так как согласно переписным книгам Московского уезда 1646 г. мы знаем, что «в селе живут каменщики, ломают государев белый камень и к Москве возят, а тягла никакого не тянут»³.

¹ Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVII ст. Вып. 8. Пехрянская десятина (Московского уезда). М., 1892. С. 19.

² Там же.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9809. Л. 53об.

«Всего в селе Верхнем Мячкове и в деревнях 52 двора каменщиков людей в них 105 человек»⁴. Среди принадлежащих селу деревень находится и «деревня Тураево а в ней каменщиков д[вор] Авдокимко Фомин з братом с Ондрюшкой д[вор] Данька Селиверстов д[вор] Данка Леонтъев д[вор] Ивашка Козмиреев з зятем с Ланькой Федоровым д[вор] Фетка Еуфимов с сыном с Ваской д[вор] Пронка Фантелеев д[вор] Якишко Петров з зятем с Ивашкой Титовским д[вор] Ивашко Игнатъев с братом с Ивашком Ивановым д[вор] Никитка Фантелеев д[вор] Антипка Г[уре]ев с сыном с Оской д[вор] Корнилко Иванов с сыном с Феткой да бобылей д[вор] Оска Исаев д[вор] Фетиска Ерофеев с сыном Ивашком д[вор] Никитка Иванов з племянником з Данилком Абрамовым»⁵. Таким образом, уже в середине XVII в. в Тураево существовало 14 дворов каменщиков.

Каменный промысел приносил местным жителям ощутимый доход, так как добываемый известняк являлся основным строительным материалом того времени (щебень, бут, каменные блоки). Использовался он и для производства извести, имевшей широкое применение при постройке зданий в качестве склеивающего раствора. Кроме известняка, добывался и другой, более прочный камень — песчаник, так называемый «Лыткаринский мрамор» или «дикарь», шедший на производство мельничных жерновов, славившихся на знаменитой Макарьевской ярмарке под Нижним Новгородом. Песчаник широко применялся при мощении улиц, в качестве бута, и при изготовлении надгробий.

Думается, что имея такое доходное дело, местные каменотесы могли себе позволить строительство белокаменного храма.

В 1778 г. известный историк Г.Ф.Миллер, возвращаясь из Коломны, «желая видеть находящуюся выше моста в версте ломку белаго камня, употребляемаго в Москве на строение, велел туда себя везти... Белой камень ломается по обоим берегам реки Москвы, при двух селах Верхняго и Нижняго Мячкова, коих жителей оной за свою собственность почитают, и никому иному добывать не позволяют. Потому называется и Мячковским. Село Верхнее Мячково лежит на левой стороне, а нижнее на правой, не на самих берегах, но в небольшой от оных отдаленности, один от другаго в виду. Камень сей от роду известных. Онаго добывать и тесать не трудно, в земле он несколько мякоч, а от воздуха крепнет.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9809. Л. 58об.

⁵ Там же. Л. 58–58об.

Верхнего слоя камень крепче нижнего, но розщипляется от воздуха и за тем в дело негоден. Он же желтоват, и известных частиц в нем мало. Из прямого белаго выходят большие камни на могилы, а употребляемые на строение бывают длиною в три четверти и шесть аршин, шириною и толщиною в четверть и в шесть вершков. Меньшие куски употребляются в бут и в известь. А известь жигают там на месте. Фигурных и окаменелых вещей в камне не сказывают. Для убегания помешательства в именах, напоминает, что есть и другое Мячково не в далном разстоянии от Коломны. Но при оном каменной ломки не имеется»⁶.

В 1767 г. храм был перестроен «с таковою же колокольнею»⁷. В 1847 г. в церкви была «перестроена трапеза... тщанием прихожан с помощью сторонних дателей»⁸.

После преобразований патриарха Никона середины XVII в. в окрестных селениях более половины жителей не приняли церковную реформу и уклонились в так называемый раскол, став старообрядцами.

Согласно статистическим данным, «наибольшее число селений населенных одними раскольниками находится в Богородском уезде, где таких поселков считается 20; затем следует Бронницкий уезд с 3 поселками не имеющих православных жителей... Селений, где раскольники составляют более трех четвертей населения: в Богородском уезде 37, Бронницком — 10»⁹. «Карта раскольничьих поселений Московской губернии 1871 года» свидетельствует, что значительная часть старообрядцев на границе Московского и Бронницкого уездов населяла деревни Тураево (полностью старообрядческая), Чулково (более $\frac{3}{4}$ старообрядцы), Островцы ($\frac{1}{2}$ старообрядцы), Верхнее Мячково ($\frac{1}{2}$ старообрядцы), Заозерье ($\frac{3}{4}$ старообрядцы), Сельцо ($\frac{1}{4}$ старообрядцы) и пр.

Впервые старообрядцы Тураево упоминаются в 1746 г. в ревизских ведомостях о раскольниках по Москве и Московскому уезду: «по нынешней ревизии записаны вновь раскольников мужеска и женска полу и кто имени значат и иже сего о которых же сказано

---

⁶ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 362. Ч. 2. №1. Поездка Миллера в 1778 году в Коломну. Л. 37об.–38.

⁷ Ведомость о церквах, причтах и прихожанах Бронницкого уезда по благочинию Мячковскому за 1839 год //ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2075. Л. 526; Ведомость о церквах, причтах... за 1841 год //Там же. Л. 546.

⁸ Ведомость о церквах, причтах... за 1848 год //Там же. Д. 2299. Л. 498.

⁹ Московские епархиальные ведомости. 1971. №29. С. 279.

в раскольничьих дел писано. 746 году ноября в 24 числа дворцового села Мячкова деревни Тураева крестьянские дети Федор Филиппов осми лет, Федор Васильев шти лет, Василий Никифоров пяти лет и его сестра родная девка Ирина Никифорова дочь десяти лет, племянница девка Авдотья Ларионова дочь шти лет, племянница девка Федосья Алексева двенатцати лет, племянница девка Авдотья Александрова осьми лет, племянница девка Катерина Петрова шти лет»¹⁰.

Упомянуты «раскольники» и в Мячково «того же году и месяца 28 числа Московского уезду дворцоваго села Мячкова крестьянин Анис Епифанов штидести пяти лет, в емской рогожской слободе в наемном дворе. У него жена Пелагея Андреева сорока лет, у ямщика Ивана Трифилова. У него сын Федор десети лет. Того же числа Московского уезду дворцоваго села Мячкова крестьянин Тимофей Ильин сорока лет, у него жена Ирина Трофимова дочь тридцети шти лет, за яузским вороты в Доронье слободе в приходе церкви Сергия преподобнаго в наемном дворе у ямщикака Матвея Васильева. Того же году и месяца декабря 10 числа Московского уезду дворцоваго села Мячкова крестьянин Дмитрий Игнатъев осмнатцати лет, у него жена Ирина Семенова дочь девятнадцати лет, за яузским вороты в приходе церкви Воскресения Христова в гончарах у тестя Семена Егорова в углу»¹¹.

Изначально жители обоих населенных пунктов Верхнее Мячково и Тураево, относясь к одному приходу, имели и совместное кладбище, которое располагалось рядом с Мячково¹². Однако последующие события внесли некоторые коррективы в существующее положение дел.

Как известно, в начале 1770-х гг. в Москве и Московской губернии свирепствовала чума. Именно в это время в Москве появляются старообрядческие кладбища: Рогожское и Преображенское. В ревизской сказке о крестьянах дворцовой Мячковской волости Московского уезда сообщается, что в 1771 г. произошло вымирание огромной части населения д. Тураево: более $\frac{3}{4}$ мужчин и $\frac{2}{3}$ женщин. «Итого во оной деревне Тураеве по последней третьей ревизии написано мужеска полу сто тридцать три души. Ис того числа померло до заразы и после оной восемь душ. Заразой померло восемьдесят пять душ. Отдано в рекруты четыре души. Вышел оной волости в другое селение один человек.

¹⁰ РГАДА. Ф.288. Оп.1. Д.124. Л.207–207об.

¹¹ Там же. Л. 208–210.

¹² Москва и окрестности: Карта. 1878.

Итого выбыло девяносто восемь душ»¹³. «Женска полу по третъей же ревизии состояло сто двадцать пять душ. Ис того числа померло до заразы и после оной пятьдесят душ. Заразой померло трицать девять душ. Отданы в замужество девять душ. Выведено в другое селение один человек. Итого выбыло девяносто девять душ»¹⁴.

Вероятнее всего, ввиду очень высокой смертности и в карантинных целях рядом с Тураево был основан свой погост — на восточной окраине деревни.

Кроме того, после раскола прошло более ста лет, и жители уже мало верили, что господствующая Церковь вернется к «древлему благочестию», потому вполне логично решили не связывать себя даже после смерти общим кладбищем. Печальная судьба постигла и само Мячковское кладбище, на его месте теперь располагается Мячковский аэропорт.

Тураевское старообрядческое кладбище сегодня расположено на естественном возвышении в 280 м восточнее храма Рождества Пресвятой Богородицы в бывшей д. Тураево, в 80 м к югу от Тураевского шоссе, ведущего в с. Верхнее Мячково и д. Островцы, и в 260 м к северу от Москвы-реки, на высоте 4–7 м от уреза воды.

В результате проведенных в 2011 г. Институтом археологии РАН полевых исследований, на земельном участке (кадастровый №50:53:020204:142), расположенном в Лыткаринском городском округе в промзоне Тураево, был выявлен объект археологического наследия (памятник истории и культуры) — Тураевский грунтовый могильник (XVIII–XIX вв.)¹⁵ площадью 5400 м² с каменными надгробьями.

В дальнейшем Распоряжением Министерства культуры Московской области №281-Р от 21.11.2012 г. Тураевский некрополь был включен в список объектов культурного наследия. Его можно с уверенностью считать одним из уникальных среди сохранившихся на территории Московской области.

В центре кладбища находилась белокаменная часовня, которая, вероятно, была выстроена не позднее 1830-х гг., так как основная масса захоронений, примыкающих к ней, относится к 1840-м гг. В настоящее время развалины часовни бережно сохраняются прихожанами старообрядческой Богородицерождественской церкви.

---

¹³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1878. Л. 77.

¹⁴ Там же. Л. 77об.

¹⁵ Правильнее называть — старообрядческий некрополь.

Часовня на кладбище «ориентирована по сторонам света с незначительным отклонением к северу, форма квадратная, размеры шесть на шесть метров, пол выложен прямоугольными плитами. По четырём углам сохранились обломки квадратных колонн, которые вставлены в отверстия в центре квадратных оснований, последние стоят на двух рядах прямоугольных блоков, сложенных в форме квадрата. Центральной доминантой часовни является квадратная в сечении колонна, немного сужающаяся к верху, поставленная на квадратную базу. На уровне 1,2 метра от пола в центральной колонне сохранились углубления от вмонтированных ранее в неё с южной и восточной стороны крестов, с западной и южной — иконок. Прикреплённые кресты и иконки были латунными. Следов от каменных стен часовни не зафиксировано, однако имелись металлические ограждения между угловыми колоннами, о чём свидетельствуют сохранившиеся в них пазы»¹⁶. Графический план часовни, выполненный Н.В.Городецкой, и ее фотографии хранятся в архиве Тураевской старообрядческой общины.

Отличительной чертой Тураевского погоста является то, что в XVIII–XIX вв. на нем производили захоронения только старообрядцы, причем не одной д. Тураево, но и окрестных селений, например, Мячково и даже г. Бронницы. На надгробиях порой можно прочесть такие надписи: «Под сим камнем лежит мещанка г. Бронницы...», или: «Под сим камнем лежит крестьянин деревни Мячково...», не говоря уже о самих тураевцах¹⁷.

Традиционным был родовой или семейный принцип захоронения. При этом погребение производилось не только отдельными родовыми участками, но и рядами, которые особым образом складывали картину родословного древа. Основная масса захоронений принадлежит таким исконно местным родам как Кабановы, Голосовы, Антиповы, Юкины, Сергеевы, Языковы, Ситниковы, Гарадецковы и др.

Самой распространенной формой надгробия является саркофаг из белого камня или более прочного песчаника, однако встречаются единичные саркофаги из красного гранита, а также белокаменные кресты и своеобразные тумбы высотой не более 80 см. Всего выявлено

¹⁶ Технический отчет по теме «Охранные археологические исследования (разведка) Тураевского старообрядческого кладбища в г. Лыткарино Московской области. М., 2011. С. 15–16.

¹⁷ Там же. С. 17.

более 170 каменных надгробий и их оснований, около половины были сброшены с постаментов или перемещены.

Конструктивно выделяются несколько типов надгробий: положенные непосредственно на землю; поставленные на прямоугольную плиту; поставленные на одну прямоугольную плиту и на подставки, фигурные либо в форме параллелепипеда; поставленные на две прямоугольные плиты, образующие ступенчатую пирамиду; поставленные на две прямоугольные плиты и на подставки; сдвоенные и строенные надгробия, относящиеся к детским захоронениям¹⁸; надгробия в виде тумбы.

Более половины надгробий были декорированы каменной резьбой. Отчетливо прослеживается родовая форма надгробий. К примеру, женщина, которая выдавалась замуж, при погребении сохраняла форму надгробия своего рода (до замужества).

Очевидно, многие саркофаги из белого камня окрашивались в бурый или коричневый цвет, оттенки терракоты, а надписи, выдолбленные в камне, красили золотом или черной краской.

На многих надгробиях сохранились хорошо читаемые надписи. С северной стороны саркофага обычно писалась молитва, как правило, «Живыи в помощи...» или «Со святыми покой...», реже встречаются эпитафии, отражающие своеобразный деревенский фольклор: «Под сим камнем и крестом спит мамаша крепким сном, тише листья не шумитя мать родную не будитя».

Южная сторона, как правило, несет основную информацию о погребенном. Это и место его жительства (село, деревня, город), социальное положение (крестьянин, мещанин), дата смерти, возраст (с точностью до дня), день ангела.

Кладбище было окружено рвом, служившим ему естественной границей. Фрагментарно он сохранился с северо-восточной и юго-восточной сторон¹⁹. На востоке от кладбища, за рвом, хоронили утопленников, удушенных, а также пленных австрийцев в 1915 г.²⁰

---

¹⁸ Технический отчет по теме... С. 17.

¹⁹ Топографическая съемка земельного участка (кадастровый №50:53:020204:142) по адресу: г. Лыткарино, промзона Тураево, Старообрядческое кладбище, масштаб 1:500. 2011 г.

²⁰ Воспоминания В.И.Городецкого //Архив Тураевской старообрядческой общины. Л. 2.

Погребение на Тураевском кладбище не только местных староверов, но и старообрядческого населения широкой округи — не единственная особенность этого некрополя. Тураевское кладбище прославилось своими старообрядческими мучениками.

Вопиющий своей жестокостью случай описан в журнале «Церковь» за 1910 г. корреспондентом И.Кирилловым. Случилось это «лет за пятнадцать до 1861 года». «Мячковскими крестьянами владел помещик, по фамилии Разсохин. Он, как и большинство помещиков того времени, был самодур, занимался псовой охотой и в округе слыл за религиозного человека. Последнее объяснялось тем, что Разсохин позолотил купол на сельской церкви и дарил мячковскому священнику, о. Ферапонту (очевидно речь идет об иерее Федоре Сахарове. — Н.Ю.), ежегодно по новой рясе и с крестьян-старообрядцев брал двойные подати. Старообрядцев в с. Мячкове было немало, и хотя жилось им вдвое тяжелее, но любя Христа, терпели и находили сил нести двойную тяготу. Из среды старообрядцев выделялись три сестры, девицы... В праздники и накануне сестры зажигали лампы и совершали службы. Изредка в село тайно наезжал старообрядческий священник и останавливался на сеновале у сестер. Тогда на походном антиминсе совершалась божественная литургия. Крестьяне-старообрядцы, крадучись, по задам, сходились к сестрам, чтобы отстоять божественную службу и присутствовать при совершении великого таинства. О. Ферапонт недружелюбно смотрел на просветительную деятельность сестер-старообрядок... О. Ферапонт был человек опытный и давно знал, где находится корень мячковского «раскола»: свою жертвой он наметил трех сестер-старообрядок...»²¹. В результате их засекли насмерть розгами и похоронили в восточном углу старообрядческого кладбища, находящегося в одной версте от с. Мячкова. Очевидно, что кладбище это было Тураевское, как единственно полностью старообрядческое в этой местности.

Тяжелое послереволюционное время не могло не отразиться на таком, казалось бы, аполитичном месте, как кладбище. Желая покончить с пережитками прошлого, некоторые «активисты» нового режима надругались не только над своим прошлым, но и прошлым всех жителей деревни. Большая часть надгробий весом 2–3 т была опрокинута

²¹ Церковь: Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1910. №27. С. 685–687.

со своих мест, часовня была разрушена. Многие элементы часовни и надгробий были растащены местными дачниками.

В таком поруганном виде кладбище просуществовало до весны 2009 г., когда было передано в ведение Тураевской старообрядческой общины, которая обнесла кладбище оградой. Впервые за многие годы была произведена его уборка и вывезен мусор, ликвидирована помойка около кладбища. Были прекращены несанкционированные захоронения, расчищена часовня, открыт белокаменный пол, остовы колонн, воздвигнут на свое место центральный столп. Частично были подняты на свои постаменты огромные белокаменные надгробия.

В 2011 г. кладбище получило статус вероисповедального, благодаря Решению Совета депутатов г. Лыткарино. Как и в прежние времена, на нем находят упокоение только старообрядцы, в основном члены Тураевской общины.

В настоящее время ведется работа по научному описанию и папортизации старообрядческого некрополя для последующей постановки на государственную охрану как памятного места. Однако жизнь некрополя неотделима от жизни сегодняшних поколений. Благодаря сохранившейся и действующей общине старообрядцев возобновлены традиционные религиозные обычаи. Так, у жителей деревни существовала традиция: в субботу, на пасхальной неделе, выносили иконы из церкви и с ними шли к часовне на кладбище, с пением канона Пасхе и пасхальных стихер²². К сожалению, традиция была прервана в 1930-х гг. После многих лет забвения в 2011 г., в Неделю о Фоме, традиция была возобновлена и продолжается ежегодно по сей день.

Сохранению и популяризации этого объекта культурного наследия способствует его включение в программу туристического маршрута «В гости к тураевским староверам», разработанного совместно Тураевской православной старообрядческой общиной и Лыткаринским историко-краеведческим музеем.

---

²² Воспоминания В.И.Городецкого... Л. 2.

Места захоронений старообрядческих епископов Калужско-Смоленской епархии РПСЦ: к вопросу о старообрядческом некрополе Калужского края

Старообрядчество — определение очень общее. По словам известного публициста начала XX в. Ф.Е.Мельникова, это «есть не ересь, не раскол и не секта, а чистое вселенское православие, но вправленное в русскую самобытность»¹. Он произнес их на диспуте «О сущности старообрядчества» в Политехническом музее (Москва). «Старообрядчество — общее, довольно широкое название русского православного духовенства и мирян, отказавшихся принять реформу, предпринятую в XVII веке патриархом Никоном, и стремящихся сохранить церковные установления и традиции древней Русской Православной Церкви», — пишет современный исследователь². И в том, и другом случае ключевым понятием, определяющим старообрядческое мировоззрение, является убежденность в том, что старообрядцы не порвали, не откололись, не ушли из Православной Церкви, а напротив, остались в ней, как и были прежде, несмотря на последующие трагические разделения в собственной среде.

На протяжении длительного исторического периода и вплоть до настоящего момента точное название конфессии старообрядцы затрудняются обозначить, отсюда множество разных предлагаемых определений, разные варианты. Ни один из них не устоялся. Мы используем поэтому самый последний окончательно закрепившийся официальный вариант: Русская Православная Старообрядческая Церковь (РПСЦ).

Самым известным старообрядческим некрополем указанной выше конфессии, наверное, можно назвать Архиерейские могилы Рогожского кладбища (Москва) — участки захоронений священнослужителей XIX–XX вв. Их нетрудно найти, они являются объектом палом-

---

¹ [Мельников Ф.Е.]. Диспут о старообрядчестве //Церковь. 1914. №17. С. 413.

² Шахов М.О. Старообрядческое мировоззрение. Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2002. С. 53.

ничества. Что же касается старообрядческих епархий, то здесь в силу ряда причин сложилась совершенно иная ситуация. Старообрядческие кладбища возникали особым путем: либо та или иная община обращалась к властям с ходатайством отвести участок земли для захоронений, либо этот конфессиональный участок отводился особо на уже существующем кладбище, где хоронили всех. Какой-либо участок для захоронения духовенства, как на Рогожском, не выделялся: старообрядческое духовенство не признавалось официальными властями.

Калужско-Смоленская епархия белокриницкой иерархии (РПСЦ) была создана в 1880 г. Первым епископом стал Феодосий (Бажанов), ранее служивший в сане священника в Боровске. В 1886 г. он сложил управление и удалился в Архангельский монастырь, расположенный в дельте Дуная, где принял схиму и умер. Место его захоронения неизвестно, и вряд ли его можно установить. Управление епархией перешло к тогдашнему архиепископу Московскому Савватию (Левшину). Оно было временным, но нет ничего более постоянного, чем что-либо временное: этот старообрядческий предстоятель управлял епархией до 1898 г., пока не был вынужден уйти на покой.

6 сентября 1898 г. в сан епископа на Калужско-Смоленскую кафедру был рукоположен священноинок Иона (Александров). Он родился, жил, служил в качестве священника в д. Малые Холмины (Малая Холмина, Холмина) Гжатского уезда Смоленской губернии. О смерти архиерея сообщил в анонимной заметке старообрядческий журнал «Церковь»³. При этом некролог не содержал решительно ничего о том, где епископ был погребен. Журнал поместил фотоснимок, где изображена траурная процессия, несут гроб, за которым следует длинной вереницей множество людей. Лежит снег (владыка Иона упокоился 28 февраля 1912 г.). На заднем плане плотной стеной стоят высокие деревья. Очевидно, что это не городская местность. Остается предположить, что похороны состоялись на сельском кладбище при деревне на родине епископа Ионы. Эту версию подтверждает короткая сноски в сборнике «Постановлений Освященных Соборов старообрядческих епископов» с указанием места смерти (М., 1913. С. 122). Публикуя постановления Собора, состоявшегося в августе 1911 г., редактор счел необходимым упомянуть в подстрочном примечании, что епископ Иона умер на родине в д. Холмине. Этот населенный пункт в настоящее

---

³ Епископ Иона Смоленский и Калужский // Церковь. 1912. №12. С. 292–293.

время не существует⁴. Могила епископа вряд ли может быть сегодня определена.

То же касается захоронения другого епископа — Павла (Силаева), который был рукоположен в 1912 г. и умер в ноябре 1920 г. В архиве Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ сохранилась телеграмма о его смерти, это произошло в Калуге, однако нет никаких документов о месте захоронения⁵. Остается предполагать, что епископ был погребен в Калуге, где и жил, но не исключено, что его могли похоронить на родине, а это — д. Редково Козельского уезда (ныне района), впрочем, какое-либо городское кладбище нам представляется более вероятным вариантом, в губернском центре давно обосновались и жили дети епископа, и организовать похороны здесь было гораздо проще.

Единственный калужский архиерей, чье захоронение известно, это Савва (в миру Симеон Ананьев), сменивший епископа Павла. Расскажем о нем чуть подробнее.

По устным свидетельствам, он был родом из Румынии или Молдавии. В 1907 г. женился, но овдовел спустя 3 года. Неизвестно точно, когда и где он был рукоположен в сан диакона, но, как о том упоминает заметка в газете «Бессарабская жизнь», в последних числах декабря 1912 г. он, уже будучи диаконом, выступал в качестве помощника начетчика Т.Федорова на его диспуте с миссионером Ф.Воловеем в Кишиневе⁶. Судя по всему, именно здесь, в Кишиневе, будущий епископ и начинал свое служение. 3 января 1916 г. по собственному прошению и с согласия известного старообрядческого деятеля А.И.Морозова предоставить ему квартиру диакон Симеон Ананьев был определен архиепископом Мелетием (Картушиным) Московским ко храму св. пророка Захарии в Богородск Московской губернии. Он прослужил здесь совсем недолго. 15 сентября того же года был уволен из Московской епархии в ведение епископа Измайльского и Бессарабского Кирилла (Политова)⁷. Иначе говоря, вернулся назад. На тот момент он по-прежнему оставался диаконом. Иноческий постриг Симеон Ананьев принял не ранее 1917 г. До архиерейской хиротонии он был

⁴ Город Гжатск и его уезд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gzhatsk.ru/spiski/holmina.html>, свободный.

⁵ Боченков В.В. «Не ищи же воли своей». Ржев, 2009. С. 37–39.

⁶ [Л.С.]. Диспуты // Бессарабская жизнь. 1913. №7, 9 января. С. 3.

⁷ РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 100. Л. 7; Д. 253. Л. 26.

священноиноком Никольского скита в Винницком уезде Подольской губернии. Кандидатом во епископы избран на Освященном Соборе 1922 г. Провести его хиротонию предполагалось в том случае, если от архиерейского сана откажется боровский свящ. К.Тетеркин (умер в начале 1924 г.). Этот отказ последовал. Рукоположен епископ Савва был 6 августа (24 июля по ст. ст.) 1922 г. в Калуге на овдовевшую после смерти епископа Павла (Силаева) Калужско-Смоленскую кафедру епископами Александром (Богатенковым) и Геронтием (Лакомкиным). С этого дня и до самой смерти он жил в этом городе. Последний адрес: ул. Стеклянников Сад, д. 18.

На Освященном Соборе 1925 г. вместе с епископом Тихоном (Суховым) и рядом других лиц епископ Савва был избран в состав комиссии, в задачу которой входила разработка обращения к старообрядцам-поповцам, не приемлющим белокриницкой иерархии и принявшим архиепископа Николу (Позднева) («беглопоповцам»), а также в состав еще одной, так называемой примирительной, комиссии, которой поручалось проведение переговоров. В последнюю комиссию также были включены архиепископ Мелетий, епископ Иоанникий (Исаичев), священники Д.Варакин, А.Старков, И.Куликов, В.Макаров и др. К 1928 г. переговорный процесс зашел в тупик и ни к чему не привел.

Епископ Савва нес крест святительского служения в самое тяжелое время. В 1930-е гг. почти все старообрядческие приходы и храмы епархии были закрыты, священники репрессированы, многие расстреляны. Последние полтора десятка лет своей жизни владыка тяжело болел, и это в какой-то мере отводило от него угрозу ареста. Так, свящ. М.Костоправкин из д. Таракановки Калужской области в 1937 г. показывал на допросе в НКВД, что уже 2 года не получал от епископа Саввы никаких указаний «в связи с его болезнью — психическое расстройство». Из-за болезни было сложно предъявить владыке обвинения в организации контрреволюционной деятельности.

В 1941 г. в Калуге епископ Савва возвел в сан архиепископа Московского и всея Руси епископа Иринарха (Парфенова). Богослужение проводил на дому. В период короткой немецко-фашистской оккупации Калуги не покидал города. В декабре 1941 г. издававшаяся в Калуге немецкими оккупационными властями газета «Новый путь» сообщила, что на 19 число, на праздник свят. Николы, епископ Савва освятит на

Пятницкой ул. церковь⁸. 30 декабря 1941 г. Калуга была освобождена от фашистов.

Могила епископа Саввы расположена на Пятницком кладбище Калуги. Она поддерживается, не так давно стараниями старообрядческой общины города на ней установлен новый деревянный восьмиконечный крест. Здесь же, в одной ограде, погребены его близкие.

В архиве Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ сохранились бухгалтерские документы — акты о расходах, связанных с поездкой к больному епископу Савве и его похоронах⁹. Они составлены от имени тогдашнего настоятеля Покровского кафедрального собора прот. В.Королева и ответственного секретаря архиепископии К.А.Абрикосова и отражают черты повседневного быта того времени.

В первый акт включены расходы на билеты и «постель в поезде» (электричек между Москвой и Калугой тогда еще не было). Особая статья расходов — доставка багажа от Рогожского поселка на вокзал, и затем с помощью носильщика до вагона, далее, уже в Калуге — от вокзала до квартиры епископа. Для трапезы были приобретены продукты: портвейн по общей цене 235 руб. (число бутылок не указано), щучья икра (2 кг по 60 руб.), чай на сумму 255 руб., батоны хлеба (10 шт. по 35 руб.). 3000 руб. были переданы родным и близким епископа Саввы. Билеты туда и обратно стоили 244 руб. Общая сумма средств, затраченных на поездку, составила 5284 руб.

Вторая поездка, уже на похороны, также предполагает услуги по доставке багажа («тележка», как указано в акте), билеты по той же цене, покупку рыбы, икры, батонов, сахара и чая (в общей сложности на 875 руб. и, похоже, это были основные продукты для поминальной трапезы). Непосредственно на сами похороны было выделено наличными 1000 руб. Общая сумма составляет 2653 руб. Обе поездки отстоят по времени недалеко друг от друга, и при подготовке бухгалтерских документов было решено объединить обе суммы в одну (соответственно это составило 7937 руб.). Архиепископия принимала все эти расходы на себя. Оба акта были подготовлены 20 июля 1945 г., то есть спустя месяц с небольшим после смерти епископа Саввы.

Повторим, что в силу исторических причин старообрядческие епархии сложились в разное время во второй половине XIX в., они не

⁸ Городские новости //Новый путь. 1941. №3, 13 декабря. С. 4.

⁹ Архив Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1. Л. 7–8.

обладают архиерейским некрополем, как Рогожское кладбище (исключением могут быть другие исторически возникшие духовные центры вроде Черемшана, где также погребали епископов). Причин тому несколько. Старообрядческие епископы вплоть до 1905 г. действовали зачастую на полуполюгальном положении, и единого места жительства или одной общей для всех резиденции у них не было. Они избирались общинами, снизу, а не назначались, и архиерейская кафедра, за редкими исключениями, учреждалась там, где жительствовавший архиерей. Соответственно, его там и хоронили. Первый епископ Калужско-Смоленской епархии Феодосий (Баженов) сложил управление, принял схиму и умер в монастыре на Дунае. Следующие архиереи, Иона (Александров) и Павел (Силаев), упокоились, соответственно, в д. Холмина (название может варьироваться) Смоленской губернии и в Калуге. Могилы их не сохранились. Но проблема изучения старообрядческого некрополя шире. Не ограничиваясь только архиерейскими захоронениями, она требует комплексного изучения старообрядческих кладбищ, взаимоотношений конфессиональных групп и власти в этом вопросе, местных погребальных традиций, судеб отдельных людей.

Данная тема совершенно не изучена, и пытливого исследователя ждут интересные открытия и находки. Один пример. В документах Государственного архива Калужской области нам встречалось упоминание об А.И.Королеве, который с отцом поддерживал создание храма в д. Пурсовке Малоярославецкого уезда. Его отец И.Т.Королев входил в состав совета общины¹⁰. А.И.Королев (1874–1959) стал известным старообрядческим деятелем, он издавал журнал «Церковь», был одним из основателей московского старообрядческого братства Честного Креста, которое существовало с середины 1870-х гг., но после 1905 г. его нужно было перерегистрировать в соответствии с новым законодательством, в 1908–1910 гг. избирался председателем братства, был членом Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища. В 2019 г. автор этих строк вместе со священниками Евгением Чуниным (Ржев) и Иваном Курбацким (Калуга) побывал на Пурсовском кладбище. Здесь была обнаружена могила, где на покосившемся вертикальном надгробии из некогда белого камня четко читается фамилия «Королев», имя и отчество не разобрать, но цепочка неразборчивых букв

---

¹⁰ Подробнее см.: Боченков В.В. Старообрядчество Калужского края. Ржев, 2014. С. 136–138.

длинна, и можно предположить, что чуть выше фамилии было выбито «Иван Терентьевич». Надгробие было увенчано каменным крестом, который ныне сломан. Вряд ли под ним был погребен обычный крестьянин, скорее всего, речь может идти о человеке заметном, выделявшемся.

Учитывая значимость архиереев в истории старообрядчества, местных епархий, следует изучать и выявлять места их захоронений, восстанавливать их могилы и в дальнейшем следить за состоянием последних.

В.И.Осипов, А.В.Осипова (Боровск, Калужская обл.)

Боровский старообрядческий некрополь (история, современность, перспективы изучения)

Церковные реформы, проведённые патриархом Никоном в середине XVII в., вызвали раскол в русском православном обществе. Часть православных не признали никоновских новшеств. С противниками Никон, а впоследствии и его преемники, поступали просто: используя силу государства, они с помощью репрессий старались уничтожить старообрядчество.

Со второй половины XVII в. Боровск известен в России как один из центров старообрядчества. С Боровском тесно переплелись судьбы многих борцов за старую веру: в Пафнутьев-Боровском монастыре был игуменом будущий епископ Павел Коломенский, замученный за неприятие «никоновых новин»; дважды ссылался в монастырь протопоп Аввакум; в городском остроге терпели лишения и мученически скончались в земляной тюрьме боярыня Ф.П.Морозова и княгиня Е.П.Урсова¹. В XVIII – начале XX в. половина жителей Боровска были старообрядцами.

После опубликования в 1905 г. Указа 17 апреля и Манифеста 17 октября началась официальная регистрация старообрядческих общин. По первой переписи населения Российской империи в 1897 г. в Боровске числилось 3710 старообрядцев, что составляло 44,1% от общего числа проживающих в городе (8414 человек)². К 1903 г. число старообрядцев выросло до 7225 человек³.

С 1906 по 1909 г. в Боровске официально были зарегистрированы 4 старообрядческие общины, хотя, разумеется, все они

---

¹ *Осипов В.И.* «...В Боровск на мое отечество, на место мученое...»: Боровский период жизни протопопы Аввакума, боярыни Морозовой, княгини Урсовой. Калуга, 2007.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. XIV: Калужская губерния. Тетр. 1. СПб., 1901. С. 3; Тетр. 2. СПб., 1903. С. 74.

³ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32. Оп. 4. Д. 959. Л. 47.

существовали задолго до этого. В первые десятилетия XX в. в Боровске насчитывалось 15 церквей, причём с 1908 по 1914 г. было построено 3 старообрядческих храма: Покрова 1-й общины, Покрова 2-й общины и Всехсвятский⁴. Кроме этого, в Боровске был Покровский единоверческий храм, отобранный у старообрядцев в 1840-х гг.⁵

В тяжёлые годы гонений старообрядцам не разрешалось иметь свои кладбища и хоронить умерших по своему уставу. По закону 1771 г. предусматривалось отведение отдельных мест за городом под старообрядческие кладбища, однако другим законом от 7 мая 1812 г. было запрещено давать землю под старообрядческие кладбища и на устройство часовен⁶.

Документально не установлено, получили ли боровские старообрядцы официальное разрешение на устройство кладбища в последней четверти XVIII в., но в письменных источниках кладбище упоминается с 1800 г., когда боровскими купцами Г.П.Никишовым и И.Л.Щукиным там был построен каменный «голубец» на могиле родственников. Это был простой памятник на четырех столбах, вышиной 3,5 аршина, с промежутком между столбами в квадратную сажень и с оградой между ними вышиной в 1 аршин. Внутри на могилах лежали 2 камня, посреди них стоял крест⁷. Боровские старообрядцы на протяжении всего XIX в. хоронили своих родственников на этом кладбище. Боровским гражданским властям приходилось закрывать глаза на действия старообрядцев, устраивавших свои моленные и кладбища, так как в XIX – начале XX в. основную часть выборных должностей

---

⁴ *Осипов В.И.* Калужские старообрядцы. 1900–1914 гг. //Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 3. М., 1995. С. 39; *Осипов В.И., Осипова А.И.* Из истории Боровских старообрядческих общин в XX в. //Там же. Вып. 6. М., 1998. С. 41–50.

⁵ *Осипов В.И.* Боровская драма: от старообрядческой часовни к единоверческой церкви //Старообрядчество: история, культура... Вып. 11. М., 2006. С. 37–44.

⁶ *Осипов В.И.* Боровское «записное» старообрядческое кладбище XVIII–XX вв. //Старообрядчество: история, культура... Тезисы. М., 1997. С. 143–144.

⁷ *Тихомиров И.* Раскол в пределах Калужской епархии. Калуга, 1900. С. 36.

в Боровске составляли старообрядцы⁸. И после революционных событий 1917 г. боровские старообрядцы продолжали хоронить на этом кладбище. Но XX в. внес свои изменения: из 2-х старообрядческих кладбищ одно было уничтожено полностью, второе — «Записное» — разорено военными событиями осенью 1941 г. Через «записное» кладбище были прорыты окопы, а многие памятники свалены в кучу или засыпаны землей. Во второй половине XX в. часть старообрядцев выехала из Боровска, и значительное число захоронений оказались бесхозными.

13 апреля 1972 г. на заседании исполнительного комитета Боровского городского Совета трудящихся по докладу председателя горисполкома В.А.Буравенко было принято решение: «О закрытии существующего кладбища в г. Боровске по ул. Московская/Наро-Фоминский большак»⁹. Но до конкретных действий по сносу старообрядческого кладбища дело не дошло, оно продолжало считаться закрытым, пока в середине 1980-х гг. Механический завод не решил расширять свою территорию. Тогдашний председатель городской администрации Третьяков, у которого родственники были захоронены на этом кладбище, попросил сделать его обследование. К этому вопросу подключился директор Боровского краеведческого музея В.И.Осипов и калужский археолог О.Л.Прошкин. На протяжении 1987–1992 гг. они проводили обследование кладбища, по результатам которого некрополь был признан историко-культурным памятником XVIII–XX вв.

В настоящее время кладбище «зажато» с северной и южной сторон бывшим Механическим заводом и жилыми домами по ул. Горького. С западной стороны проходит дорога.

На кладбище захоронены представители крупных купеческих родов, много сделавших для Боровска: Капырины, Санины, Шукины, Ждановы, Голофтеевы, Полежаевы и другие (всего около 50 фамилий). Здесь же были погребены создатель первого в Боровске музея краевед

---

⁸ Административно-чиновничий аппарат г. Боровска и уезда (1852–1917): Справочный материал, составленный по «Памятным книгам Калужской губернии» с именовым указателем /Сост. О.П.Захарова. Боровск, 2008. [Машинопись] //Боровский музей. Библиотека №7038.

⁹ Архивный отдел администрации МО МР «Боровский район». Ф. 19. Оп. 1. Д. 225. Л. 58.

Н.П.Глухарев (могила не сохранилась), старообрядческие священники о. Афанасий Ковшов и о. Иоиль Ульянов.

В 1992 г. в результате инструментальной съемки территории Записного кладбища с фиксацией могил был сделан подробный план. Площадь кладбища составляет 150x150 м (22500 м²). Окопы, оставленные осенью 1941 г., сохранились и сейчас. В северной части кладбища окоп в форме подковы, длиной 50–60 м, а в центре — 60–70 м. Кроме уничтоженных войной могил, уже в мирное время кладбище утеряло часть надгробий: гранитные памятники были похищены неизвестными вандалами в 1960–1990-х гг.

При фиксации в 1992 г. насчитывалось 1514 захоронений, которые можно условно разделить на 5 групп: могильные холмы, на которых лежат каменные плиты или валуны (889); могильные холмы, на которых поставлены кресты или ограды (131); могилы, на которых лежат белокаменные надгробия (321); могилы с гранитными памятниками XIX–XX вв. (73); остальные (100).

Уникальность Записного кладбища заключается в том, что это единственное сохранившееся старообрядческое кладбище на территории Калужской области. Здесь уцелели редко встречающиеся надгробные памятники — гранитные и мраморные плиты, саркофаги, белокаменные надгробия, представляющие интерес для истории города. Памятники несут информацию о социально-экономическом и демографическом положении Боровска в XIX–XX вв.

6 октября 2004 г. распоряжением администрации МО «Боровский район» за №322-р была создана рабочая группа в целях сбора и систематизации исторических сведений о гражданах, внесших особый вклад в историю Боровского района¹⁰.

14 октября 2004 г. совместно с аналогичной группой из Калуги в Боровске был проведен круглый стол «Боровские захоронения представителей знатных купеческих родов России», который был посвящен состоянию боровского Записного кладбища. В результате обсуждения, исходя из того, что старое кладбище — это бесценный тайник памяти о сменяющих друг друга поколениях, было установлено, «...что историческую значимость имеют не только отдельные примечательные памятники, которых здесь великое множество и хорошо сохранившиеся,

¹⁰ Архивный отдел администрации МО МР «Боровский район». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1074. Л. 349.

но и само местоположение кладбища и прилегающая к нему территория... Места, которые отведены для погребения, служат хранилищем исторической, духовной, нравственной памяти народа. В связи с этим участники круглого стола считают необходимым: администрациям города Боровска и муниципального образования «Боровский район» рассмотреть вопрос о состоянии кладбищ города Боровска, оказать помощь в благоустройстве городских кладбищ, навести порядок на них силами родственников и религиозных общин. Могилы должны постоянно напоминать живущим об ушедших в мир иной матерях и отцах, бабушках и дедушках, прабабушках и прадедушках. Участники круглого стола считают необходимым использовать среди педагогических работников в воспитательной работе с детьми краеведческий материал, вовлекать школьников в исследовательскую работу по проблемам родного края, всячески ее поощрять».

Был сделан вывод о том, что захоронения представителей купеческих династий имеют «историко-культурную и мемориальную ценность, что свидетельствует о необходимости и целесообразности проведения историко-культурной экспертизы с целью придания им статуса выявленных объектов культурного наследия и постановки их на государственную охрану» с приданием кладбищу статуса Памятного места.

В мае–августе 2007 г. Калужским обществом «Добрая воля» были проведены полевые и историко-изыскательские работы, результатом которых на первом этапе стал выбор 16 объектов: захоронений представителей различных купеческих династий, внесших вклад в социально-экономическое развитие Боровска в XIX — начале XX в.

В результате этих многолетних работ по изучению Записного кладбища появились статьи Е.А.Полежаевой, касавшиеся старообрядческих боровских родов, которые захоронены на этом кладбище¹¹, В.А.Андреевой, представившей описание 16 надгробных памятников, и В.И.Осипова, дополнившего и уточнившего материал В.А.Андреевой — он описал 30 памятников¹².

---

¹¹ Полежаева Е.А. О захоронениях на Записном кладбище города Боровска //Калужский некрополь. Калуга, 2009. С. 207–212.

¹² Осипов В.И. История Боровского Записного старообрядческого кладбища //Там же. С. 213–229.

В течение двух десятилетий периодически на кладбище проводятся субботники как боровской общественностью, так и прихожанами старообрядческой общины Введения Пресвятой Богородицы; вырубается густой кустарник и сухие деревья.

В 2008 г. на кладбище был перезахоронен первый священник храма Покрова Пресвятой Богородицы 1-й старообрядческой общины в Боровске о. Афанасий Ковшов рядом с другим старообрядческим священником того же храма о. Иоилем Ульяновым. В 2015 г. могилы были приведены в порядок, поставлены кресты и памятные доски размером 50х70 см, на которых выгравированы кресты с текстами: «Помяни мя Господи егда приидеши во царствии си /протоиерей /о. Афанасий Дионисович /Ковшов /(1874 — 1.03.1915)» и «Помяни мя Господи егда приидеши во царствии си /протоиерей /о. Иоиль Родионович /Ульянов /(1885 — 26.11.1970)».

А.Д.Ковшов — священник, окружник, из крестьян д. Старово Борогородского уезда Московской губернии. С 12 лет прислуживал в алтаре отцу, который был священником в д. Кельч-Острог Волоколамского уезда. Повзрослев, исполнял при отце обязанности дьячка. В 1901 г. был рукоположен в сан диакона Иоанном архиепископом Московским в г. Иваново-Вознесенске, прослужив там 5 лет. 20 ноября 1905 г. был рукоположен в сан иерея в г. Боровск Калужской губернии ко храму Покрова Пресвятой Богородицы Ионой, епископом Смоленско-Калужским. Со дня своего поступления в Боровск о. Афанасий трудился для блага общины. По его инициативе был создан любительский хор под руководством П.Д.Конюкова, в котором участвовали почти все его 9 детей. Много сил он отдал постройке нового храма, заложенного в 1906 г. и освященного в 1908 г. По его призыву жертвовали все, кто имел возможность. Во все 10 лет своего пастырского служения о. Афанасий неустанно трудился для блага Церкви Христовой и заслужил любовь не только своих прихожан, но и всех жителей Боровска без различия вероисповедания. В метрической книге боровского старообрядческого Покровского храма за 1915 г. записано, что 1 (13) марта 1915 г. в возрасте 41 года умер старообрядческий священник Афанасий Дионисович Ковшов. Причина смерти — порок сердца. Заявление о смерти сделано купцом Боровска И.Калашниковым, живущим на ул. Молчановской в собственном доме. Погребение совершено старообрядческим епископом Калужским и Смоленским Павлом, прот. Карпом Тетёркиным, Стефаном Лабзиным из г. Верей и ещё 5-ю священниками.

Запись была заверена членом Совета общины И.П.Капыриным. По просьбе общества и с разрешения властей покойный похоронен в церковной ограде с восточной стороны алтаря¹³. Перезахоронение о. Афанасия 19 июня 2008 г. на Записном старообрядческом кладбище состоялось в связи с тем, что годом ранее, 16 августа 2007 г., его останки были найдены во время земельных работ возле алтаря.

Как уже упоминалось могила о. Афанасия находится рядом с могилой о. Иоиля (Ульянова). И.Р.Ульянов — старообрядческий священник Покровской 1-й общины. Сведения о нём отрывочны и неполны. С 1915 г. он жил в Боровске и умер 26 ноября 1970 г. на праздник Иоанна Златоуста на 86-м году жизни¹⁴. Его отец, Р.И.Ульянов, родился в 1867 г. в с. Колодясцы Милеевской волости Жиздринского уезда Калужской губернии. Здесь он учился в земской школе, а «оканчивал свое образование под руководством келейницы». 4 января 1893 г. он был рукоположен в священники старообрядческим архиепископом Савватием. Служил в Покровской моленной с. Колодясцы.

О. Иоиль, как и его отец, также стал священником. В сан рукоположен епископом Ионой 10 ноября 1908 г. к Преображенскому храму сельца Сусеи, прослужил до 1915 г. С ноября 1915 г. о. Иоиль служит в Покровском храме 1-й общины. Боровский Покровский храм стал постоянным местом его службы, а боровские старообрядцы — его прихожанами и духовными чадами на последующие 50 лет. Умер 28 ноября 1970 г. и был похоронен на боровском старообрядческом Записном кладбище.

Могилы старообрядческих священников поддерживаются в хорошем состоянии. Они должны быть сохранены не только для прихожан, но и для всех интересующихся старообрядчеством Боровска.

В настоящее время готовится план земельного участка кладбища, что позволит узаконить данную территорию. Кладбище требует постоянного ухода. Одними субботниками не обойтись. Поэтому перед обществом и властями стоят следующие задачи: введение реестра и учет всех новых погребений, в связи с тем, что на кладбище

---

¹³ Старообрядческая мысль. 1915. №4. С. 384–386; Церковь. 1909. №2. С. 60–62; ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 592. Л. 564об.–565.

¹⁴ *Осинов В.И.* Старообрядческий священник о. Иоиль: штрихи к портрету // Земля боровская. Вып. 4. Боровск, 2008. С. 18–26; *Боченков В.В.* Колодяцкий летописец // Духовные ответы. Вып. 14. М., 2000. С. 104–105.

продолжаются захоронения как на «родовых» местах, так и на свободной территории; создание Попечительского совета, который сможет не только выработать план поддержания кладбища, но и периодически организовывать на его территории субботники, а также реставрационно-восстановительные работы с надгробиями; постановка на место всех поваленных и вросших в землю надгробий; установка памятного знака Н.П.Глухареву — краеведу и меценату, в связи с утерей его могилы; размещение на кладбище стенда с указанием расположения участков родовых могил; расчистка и благоустройство территории (прокладка дорожек по секторам); привлечение к работе Попечительного совета общественных организаций (РГО, ВООПИиК, волонтеров).

Будем надеяться, что с Божьей помощью боровской общественностью, прихожанами старообрядческого храма Записное кладбище будет приведено в надлежащий порядок и сохранится для потомков как памятник историко-культурного наследия Боровска.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**Резолюция
IV Всероссийской научно-практической
конференции «Исторический некрополь
России как часть отечественного
культурного наследия:
проблемы изучения и охраны»**

Участники IV Всероссийской научно-практической конференции «Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия: проблемы изучения и охраны», в рамках 2-дневной программы конференции обсудив проблемы изучения и сохранения отечественного исторического некрополя, пришли к единодушному решению:

1. Регулярно (1 раз в 2–3 года) проводить научные краеведческие конференции, круглые столы и прочее по историческому некрополю на базе Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия, привлекая специалистов разного профиля, систематически занимающихся различными проблемами отечественного некрополя.

2. Организовать постоянно действующий (с периодичностью 1 раз в 2 года) на базе Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Института наследия методический семинар по историческому некрополю с целью обмена опытом и разработки методик некроповедческих исследований.

3. В целях координации, коммуникации, информирования некрополистов, работающих в различных государственных учреждениях, общественных организациях и индивидуально в разных городах и регионах, создать рабочую группу при Центре краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия.

4. Пропагандировать опыт групп некрополистов по изучению, сохранению и музеефикации исторических кладбищ Тулы и Владимира.

5. Считать первоочередными задачами некрополистов выявление источников по истории некрополей в архивохранилищах, проводить

по выявление, учет, описание, фотофиксацию местных исторических некрополей и отдельных памятников, осуществлять публикацию материалов (описаний, списков, справочников, научно-популярных путеводителей, монографий и др.)

6. Рекомендовать Совету СКР включить в планы работы региональных отделений деятельность по выявлению, учету памятников исторического некрополя, публикацию научно-справочных и фундаментальных трудов по некрополю.

7. Содействовать созданию общественных групп и объединений по изучению памятников исторического некрополя.

8. Ходатайствовать перед государственными организациями — отделами, управлениями, департаментами по охране наследия при региональных администрациях, о постановке на учет, охране и реставрации надгробных памятников историко-художественного значения.

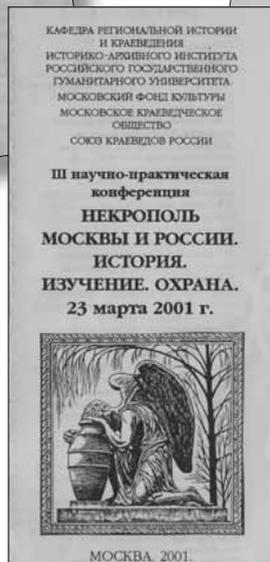
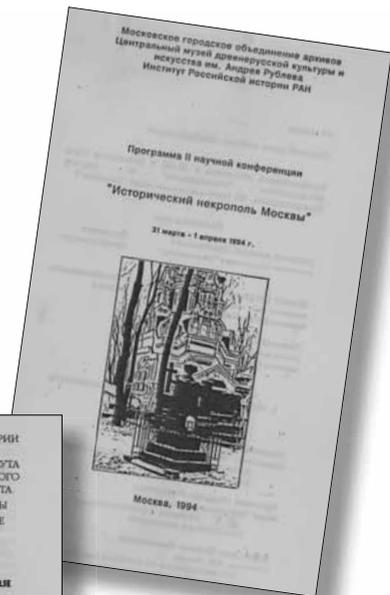
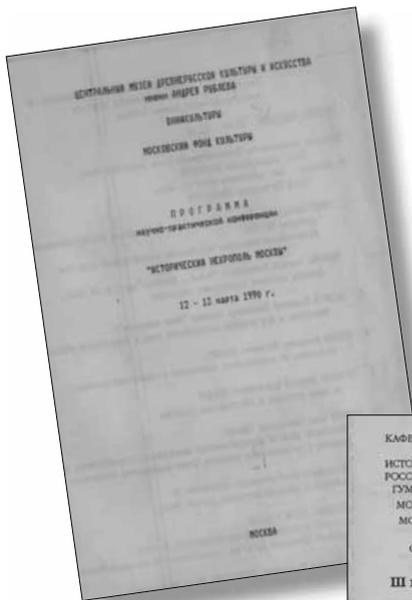
9. Привлекать к охране профессионального некрополя различные организации и учреждения, а также общественные объединения писателей, художников, педагогов, историков, музейных, библиотечных, архивных работников, медиков и т.д.

10. Считать полезной и эффективной работу Интернет-сообществ и отдельных некрополеведов по созданию некрополеведческих Интернет-ресурсов. Рекомендовать научно-краеведческому сообществу в рамках изучения отечественного некрополя налаживать контакты и сотрудничать с подобными региональными сайтами, учитывая их большой научно-информационный и коммуникативный потенциал.

11. Считать необходимым для краеведов и краеведческих общественных объединений фиксировать сведения об ушедших членах сообщества, собирать информацию о местном некрополе краеведов, брать шефство над их могилами.

12. Организовать работу над коллективным трудом «Исторический некрополь Москвы» с описанием всех исторических кладбищ (в том числе и исчезнувших/исчезающих в новейшее время).

Программы научных конференций 1990, 1994, 2001 гг. по проблемам исторического некрополя Москвы и России

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМЕНИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА
ВНИИ КУЛЬТУРЫ
МОСКОВСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

ПРОГРАММА
научно-практической конференции
«ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ
МОСКВЫ»

12–13 марта 1990 г.

МОСКВА

383

12 марта 10.00 час. Конференц-зал
Центрального музея древнерусской культуры
и искусства имени Андрея Рублева

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 10.00–13.00

Открытие конференции. Приветственное слово директора ЦМиАР

Софьи Владимировны ВАШЛАЕВОЙ

Вступление – зам. директора ЦМиАР по науке

Ольги Евгеньевны ПАВЛОВСКОЙ

ШМИДТ Сигурд Оттович (д.и.н., проф., председатель

Археографической комиссии АН СССР)

ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ КАК ФЕНОМЕН

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ИВАНОВА Людмила Васильевна

(д.и.н., Институт истории АН СССР)

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

ЛАЗАРЕВ Владимир Яковлевич (журнал «Наше наследие»)

НЕКРОПОЛЬ И ЕГО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ РОЛЬ

В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

КОЗЛОВ Владимир Фотиевич (ЦМиАР)

ИСТОЧНИКИ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЯХ

В МОСКОВСКИХ АРХИВАХ

ЧЕРВЯКОВ Алексей Дмитриевич (ЦМиАР)

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И МОНАСТЫРСКОЕ КЛАДБИЩЕ

УЛЬЯНОВ Олег Германович (ЦМиАР)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК

СПАСО-АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ)

КАТКОВ Владимир Константинович (Моспроект-2)

НЕКРОПОЛЬ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ МОСКВЫ

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 15.00–18.00

ПАНОВА Татьяна Дмитриевна (Музеи Московского Кремля)
Надгробные памятники 13–14 вв. как источник
по изучению Кремля

**ТРУТНЕВА Надежда Федоровна, ТРУБНИКОВА Ольга Ар-
сеньевна** (Филиал ГИМ «Новодевичий монастырь»)
Некрополь Новодевичьего монастыря

ПАХОМОВ Николай Петрович (Росреставрация)
Некрополь Богоявленского монастыря

Иеромонах АВГУСТИН (Свято-Данилов монастырь)
Некрополь Данилова монастыря

КОМПАНЕЦ Станислав Евгеньевич (НИИ Культуры РСФСР)
Орнамент русских надгробий

РАТОМСКАЯ Юлия Владимировна (ГНИМА им. А.В.Щусева)
Символика русских надгробий XVIII века

ЛОЗИНСКИЙ Ростислав Романович (священник, Тула)
Национальный некрополь –
непрестающий диалог прошлого и настоящего

ДРБОГЛАВ Донат Алексеевич (МГУ)
Надгробия иностранцев
во Владычном монастыре XVI–XVII вв.

13 марта 10.00 час. Конференц-зал
Всероссийского научно-исследовательского
института культуры

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 10.00–13.00

ИВАНКИВ Андрей Николаевич (МГИАИ)
Неизданная рукопись краеведа Саладина
«Прогулки по московским кладбищам» (1918 г.)

КОЗЛОВ Владимир Фотиевич (ЦМиАР)
Судьбы московских монастырских некрополей
в 1920–30-е годы

СОРОКИН Виктор Васильевич (МГО ВООПИК)
Московский некрополь в 1940–60-е годы

ПАНКРАТОВ Вячеслав Витальевич

(Гос. инспекция по охране памятников)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ МОСКОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

БЕЛОВА Калерия Антоновна (Институт мировой литературы)

Кладбище села Дьяково и его судьба

АРТАМОНОВ Михаил Дмитриевич (МГИЛП)

Опыт описания московских кладбищ

КАТКОВ Владимир Константинович (Моспроект-2)

Методика работы по описанию

Введенского кладбища Москвы

ТЫДМАН Леонид Вячеславович

(Гос. инспекция по охране памятников)

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ В РАБОТЕ С НАДГРОБНЫМИ ПАМЯТНИКАМИ

13.30–14.30 – обед

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 15.00–18.00

ЧЕРЕМХИН Владимир Ильич (ВХНРЦ им. Грабаря)

Консервация и реставрация надгробных памятников

КЛИМЕНКО Алексей Алексеевич (Библиотека им. Некрасова)

Проблемы регенерации исторических кладбищ Москвы

ЖЕГУЛЕВЦЕВА Антонина Прокофьевна (МГО ВООПИК)

Некрополь декабристов

ОМЕЛЬЧЕНКО Олег Анатольевич (ВЗЮИ)

Опыт составления некрополя преподавателей

и выпускников МГУ

ГУЗЕЕВА Ирина Андреевна (ГПИБ)

Вопросы издания литературы о некрополе

СЕДЕЛЬНИКОВ Валерий Олегович (МГИАИ)

Русский некрополь за рубежом

(Ольшанское кладбище в Праге)

КРУГЛЫЙ СТОЛ 18.00–19.00

МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ АРХИВОВ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМ. АНДРЕЯ РУБЛЕВА
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Программа II научной конференции
«ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ
МОСКВЫ»

31 марта – 1 апреля 1994 г.

МОСКВА, 1994

31 марта
Первый день работы конференции

Конференция откроется в 10.00 в читальном зале
объединения «Мосгорархив» по адресу Профсоюзная, 80
(*проезд до станции метро «Калужская»*)

ПОВЕСТКА ДНЯ

КИСЕЛЕВ Алексей Самсонович, начальник объединения «Мосгорархив»
Открытие конференции

ШМИДТ Сигурд Оттович, академик РАО,
председатель Археографической комиссии РАН
Вступительное слово

ИВАНОВА Людмила Васильевна, доктор исторических наук,
Институт Российской истории РАН
Вступительное слово

I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ МОСКОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

КОЗЛОВ Владимир Фотиевич, объединение «Мосгорархив»
Документы по истории городских кладбищ
в московских архивах

ТРУТНЕВА Надежда Федоровна, Музей «Новодевичий монастырь»
А.Т.Лебедев – фотолетописец московского некрополя

КУЗНЕЦОВА Татьяна Феликсовна, ГНИМА им. А.В.Щусева
Фотоматериалы по истории московского некрополя в собра-
ниях музеев, архивов и библиотек Москвы

КОТЕЛЬНИКОВ Рэд Борисович
Фотоматериалы по истории некрополя
в личном архиве автора

СУББОТИН Анатолий Евгеньевич
Современное состояние городских кладбищ
и задачи их фотофиксации

ГУЗЕЕВА Ирина Андреевна, ГПИБ
Обзор литературы по истории московского некрополя
1989–1993 гг.

МУРАВЬЕВ Владимир Брониславович,
председатель общества «Старая Москва»
К вопросу о типе путеводителя по историческим кладбищам

КАТКОВ Владимир Константинович,
ПРОСТОВ Владимир Александрович, Моспроект-2
КАРТА МОСКОВСКИХ КЛАДБИЩ

КИПНИС Соломон Ефимович, журнал «Наука и жизнь»
ПРОБЛЕМА СБОРА ИНФОРМАЦИИ О ЗАХОРОНЕНИЯХ
НОВОГО КЛАДБИЩА НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

II. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ФАМИЛЬНЫЕ НЕКРОПОЛИ.
СУДЬБА ОТДЕЛЬНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ И НАДГРОБИЙ

КУЗОВЛЕВА Ольга Владиленовна, Объединение «Мосгорархив»
НЕКРОПОЛЬ МОСКОВСКИХ ГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ
XVIII – начала XX в.

АРТАМОНОВ Михаил Дмитриевич
ПУШКИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ МОСКВЫ

ЖЕГУЛЕВЦЕВА Антонина Прокофьевна, МГО ВООПИК
НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАХОРОНЕНИЯХ ДЕКАБРИСТОВ-МОСКВИЧЕЙ

ЗЕЛОВ Николай Степанович, Роскомархив
НЕКРОПОЛЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ МОСКВЫ

14.00–15.00 – перерыв на обед

ИВАНОВА Людмила Васильевна
НЕКРОПОЛЬ МОСКВОВЕДОВ

ШЛИОНСКАЯ Лена Исааковна, Музей «Новодевичий монастырь»
КУПЕЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

МАЛАФЕЕВА Светлана Леонидовна, Объединение «Мосгорархив»
НЕКРОПОЛЬ УЧЕНЫХ-ПСИХОЛОГОВ

КОВАЛЕВА Марина Дмитриевна, Музей истории медицины
НЕКРОПОЛЬ ШЕРЕМЕТЕВЫХ В МОСКВЕ

ПАНОВА Татьяна Дмитриевна, Музеи Московского Кремля
УСЫПАЛЬНИЦА ШЕРЕМЕТЕВЫХ XVII в. в КРЕМЛЕ

ВЛАСОВА Римма Павловна, Книжная палата
ЗАХОРОНЕНИЕ ХУДОЖНИКА ВИКТОРА ВАСНЕЦОВА
НА ЛАЗАРЕВСКОМ КЛАДБИЩЕ

БИРЮКОВА Татьяна Захаровна, ГПИБ
НЕКРОПОЛЬ ФЕРРЕЙНОВ НА ВВЕДЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

ТОМАН Инга Бруновна, Институт национальных проблем образования

НЕМЕЦКИЕ ЭПИТАФИИ НА МОСКОВСКОМ
И НОВЕРЧЕСКОМ КЛАДБИЩЕ

НЕФЕДОВ Александр Викторович, «Народная газета»

ЗАБЫТЫЕ МОГИЛЫ ПОДМОСКОВЬЯ

РОМАНОВ Анатолий Александрович

ЗАРУБЕЖНЫЙ НЕКРОПОЛЬ МОСКВИЧЕЙ

В помещении «Мосгорархива» будет работать выставка «Документы о московских кладбищах в архивах Москвы» и организована продажа литературы москвоведческой тематики

1 апреля

Второй день работы конференции

Конференция продолжит свою работу в актовом зале Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева по адресу Андреевская пл., 10 (проезд до станции метро «Курская» или «Площадь Ильича»)

Начало заседания – 10.00

ПОВЕСТКА ДНЯ

ВАШЛАЕВА Софья Владимировна, директор ЦМИАР

Вступительное слово

ПАВЛОВСКАЯ Ольга Евгеньевна, зам. директора ЦМИАР

Вступительное слово

III. МОНАСТЫРСКИЕ И ГРАЖДАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ

АЛЕХИНА Лариса Ивановна, ЦМИАР

Синодик монастырей Москвы в коллекции
Музея им. Андрея Рублева

ЛЕДОВСКАЯ Ирина Юрьевна,

МАЛИНОВ Александр Александрович, ЦМИАР

Новое из истории некрополя Спасо-Андроньева монастыря

УЛЬЯНОВ Олег Германович, ЦМИАР

Древнейшая история некрополя
Спасо-Андроньева монастыря по археологическим данным

- ЧЕРНОВ Сергей Заремович**, Институт археологии РАН
Некрополь подмосковного села Тайнинского
(по материалам археологических изысканий 1992 г.)
- БЕЛЯЕВ Леонид Андреевич**, Институт археологии РАН
Надписи на древнерусских надгробиях
- КОМПАНЕЦ Станислав Евгеньевич**
Эволюция начерка на московских надгробиях XVI в.
- ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич**, Музей-квартира Аполлинария Васнецова
Некрополь Симонова монастыря
- ХРАПОНИЧЕВА Евгения Владимировна**, Академия славянской культуры
Кладбище Скорбященского монастыря
- ПУТИЛОВ Сергей Эдуардович**, ЦМИАР
Надгробия масонов на монастырских кладбищах Москвы
- ДОРМИДОНТОВ Дмитрий Вадимович**, Российский гос. гуманитарный университет
Дорогомиловское кладбище
- БУГРОВ Александр Владимирович**, Российский гос. гуманитарный университет
Некрополь Измайлово, Семеновского, Преображенского
- ЛЕСНЕВСКИЙ Станислав Стефанович**, Институт мировой литературы
К истории кладбища Черниговского скита
- КОЗЛОВ Владимир Фотиевич**, объединение «Мосгорархив»
«Московские церковные ведомости» как источник
о захоронениях священников на кладбищах Москвы
(2 пол. XIX – нач. XX в.)

14.00–15.00 – обед

IV. СУДЬБЫ МОСКОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ В XX В.

- ИВАНОВА Людмила Васильевна**, Институт российской истории РАН
Общество «Старая Москва» и его борьба за сохранение московского некрополя
- ДУШКИНА Наталья Олеговна**, МАРХИ
Изучение и охрана исторического некрополя
в современной международной практике
- СОРОКИН Виктор Васильевич**
Состояние московского некрополя в послевоенный период

ПИРОГОВ Владимир Юрьевич, УТК и ОИП

Кладбища в градостроительной системе Москвы

ХОМУТОВ Александр Александрович

Реставрация памятников московского некрополя

БУРАКОВ Юрий Николаевич, Козлов Виталий Иванович

Захоронения москвичей-участников

Великой Отечественной войны

ПАРУНИН Игорь Иванович

Захоронения самозванных «героев Советского Союза»

Обсуждение: Проблемы подготовки и издания книги «Московский некрополь»

Закрытие конференции

В отделе рукописных и старопечатных книг ЦМИАР будет открыта выставка «Синодики в России»

Регламент выступлений – 10–15 мин.

Начало работы – 10.00

Окончание работы – 18.00

Тезисы выступлений до 3–4 машинописных стр. принимаются в оргкомитете конференции до 30 марта 1994 г.

По всем вопросам, связанным с организацией работы конференции, обращаться в оргкомитет:

Козлов Владимир Фотиевич

Объединение «Мосгорархив», тел.: 128–90–42

Путилов Сергей Эдуардович

Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея

Рублева, тел. 278–61–02

Кафедра региональной истории и краеведения
Историко-архивного института
Российского государственного гуманитарного университета
Московский фонд культуры
Московское краеведческое общество
Союз краеведов России

III научно-практическая конференция
НЕКРОПОЛЬ МОСКВЫ И РОССИИ.
ИСТОРИЯ. ИЗУЧЕНИЕ. ОХРАНА

23 марта 2001 г.

МОСКВА, 2001

ПРОГРАММА РАБОТЫ

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

(начало в 10.00)

Приветствия конференции:

С.О.ШМИДТ, проф. РГГУ, предс. Союза краеведов России и Археографической комиссии РАН, акад. РАО

А.А.Дмитриев, вице-президент Московского фонда культуры

I. МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ И ОХРАНА ОТЕЧЕСТВЕННОГО НЕКРОПОЛЯ

В.Ф.КОЗЛОВ, к.и.н., зав. каф. региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ, предс. Московского краеведческого общества
Задачи краеведов в изучении и сохранении исторического некрополя

Л.В.ТЫДМАН, канд искусств., вед. сотр. ГУОП
Методика описания исторических некрополей

А.В.СВЯТОСЛАВСКИЙ, к.и.н., доц. МИПКРО
Русский некрополь как культурное явление:
содержание и символика

О.В.КАЛУГИНА, доц. МГУ сервиса
Концепция скульптурного надгробия в России нач. XX в.
(к постановке вопроса)

С.Ю.ШОКАРЕВ, к.и.н., преп. РГГУ
Источниковедение московского некрополя

М.Д.АРТАМОНОВ, проф.
Из опыта составления путеводителей
по историческим некрополям Москвы

С.Е.КИПНИС, засл. работник культуры РФ
Методика составления и издания свода исторического некрополя (на примере Нового Новодевичьего кладбища)

А.Г.АВДЕЕВ, преподаватель школы №1249
Принципы издания памятников московской средневековой эпиграфики

Н.Б.КОРОСТЕЛЕВ, проф. каф. истории медицины и культурологии ММА
Некрополь Московской медицинской академии
им. И.М.Сеченова. Поиски и популяризация

- М.Ю.РОГОЗИНА**, зав. сектором ГНИМА им. А.В.Щусева
Русский некрополь в фотографии
- А.А.ШУМКОВ** (С.-Петербург), директор, гл. ред. «Издательства ВИРД», РГО;
И.И.ГРЕЗИН (Москва), историк-генеалог, РГО, ИРО
Зарубежные русские некрополи как источник
для генеалогических и биографических исследований
- И.Ю.ЛЕДОВСКАЯ**, ст. науч. сотр. ЦМиАР
Надгробия в музейных собраниях. Проблемы музеефикации
- А.В.ТОПЫЧКАНОВ**, студент ИАИ РГГУ
Проблемы сохранения надмогильных памятников в московских храмах в 1990-е гг.

ДНЕВНОЕ ЗАСЕДАНИЕ (начало в 14.00)

II. ИСТОРИЯ И ОПИСАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ КЛАДБИЩ И ОТДЕЛЬНЫХ НАДГРОБИЙ МОСКВЫ

- Т.Д.ПАНОВА**, ст. науч. сотр., зав. археологическим отделом ГММК
Проблемы изучения некрополя Московского Кремля
- В.Ю.ПИРОГОВ**, зав. сектором ЦАИ, аспирант НИИТАГ
Архитектурные ансамбли позднего классицизма
на московских кладбищах
- Е.В.СКРЫННИКОВА**, гл. архитектор проектов ЦНРПИМ
Регенерация некрополя московской церкви
(на примере храма Успения в Путинках)
- С.А.СМИРНОВ**, сотр. научной группы архивистов мастерской №17
управления «Моспроект-2»
Некрополь Московского Покровского монастыря.
Опыт реконструкции и регенерации
- М.А.ЧУСОВА**, «Энциклопедия российских деревень»
Литературный некрополь Симонова монастыря
- А.П.ЖЕГУЛЕВЦЕВА**, Общество наследия Декабристов
Методика изучения некрополя декабристов
- Е.Г.ПЕТРОВА**, к.г.н., ст. науч. сотр. географ. факульт. МГУ
К истории некрополя семьи московских фабрикантов Йокиш
(Введенское кладбище, Казанский Головинский монастырь)

И.А.ГУЗЕЕВА, гл. библиограф ГПИБ

Из истории одного краеведческого разыскания
(захоронения Грачевых на Немецком кладбище в Москве)

С.Х.МУРАДЯН, Армянская община Москвы

Новое из истории Армянского кладбища

В.П.ШТРАУС, Московское краеведческое общество

Латыши в московском некрополе

Е.И.ШЛИОНСКАЯ, ст. науч. сотр. филиала ГИМ «Новодевичий монастырь»

Новое в истории старого кладбища
Новодевичьего монастыря

А.Е.СУББОТИН, фотограф, краевед

Опыт собирания и использования личного фотоархива
по отечественному некрополю

И.БОЙКО, С.ПАХОМОВА, О.АНАЕВСКАЯ, студенты ИАИ РГГУ

О работе над библиографическим указателем
московских исторических некрополей

А.ГАБЦЕВ, А.АНАМСКИЙ, учащиеся школы №1249

О работе над проектом «Московский некрополь»
в московской школе №1249

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

(начало в 16.30)

III. НЕКРОПОЛЬ РОССИИ

А.Н.АКИНЬШИН (Воронеж), к.и.н., доц. Воронежского гос. университета

Методика работы над воронежским некрополем

Р.П.КЛЯНИН, И.Г.КОВШАРЬ (Тула),

директор музея «Тульский некрополь»
О деятельности музея «Тульский некрополь»

И.Г.ПОРЦЕВСКАЯ (Владимир), директор муницип. учреждения «Владимирский некрополь»;

В.И.ТИТОВА (Владимир), предс. Владимирского краеведческого общества

О программе «Владимирский некрополь»

- Н.А.АБАКУМОВА** (Истра), директор Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим»
Некрополь Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря
- В.А.КОНДРАШИНА** (Звенигород), канд. культурологии, зам. директора
Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея
Об изучении некрополя Саввино-Сторожевского монастыря
- К.А.СОЛОВЬЕВ** (Москва), науч. сотр. ЦМиАР
Дворянский некрополь г. Дмитрова (Московской области)
- И.Н.ПОБЕДАШ** (Тверь), доц. декан Тверского филиала
Гос. акад. славянской культуры;
- А.М.САЛИМОВ**, ст. науч. сотр. «Тверьпроектреставрация»
Об изучении Тверского некрополя
- Н.С.ЗЕЛОВ** (Москва), гл. специалист ГАРФ
Весьегонский некрополь Тверской области.
Проблемы описания
- Н.В.БОЛЬШАКОВА** (Москва), краевед
Опыт собирания и изучения эпитафий сельских кладбищ
Владимирской области
- Г.Р.ЯКУШКИН**, педагог дополнительного образования МГДТДиУ
Сельские некрополи Пестяковского района
Ивановской области (по материалам
историко-краеведческих экспедиций)
- В.А.КУЧЕНКОВА** (Тамбов)
Тамбовский некрополь и его изучение
- Г.А.МЕЛЬНИЧУК (Москва), И.Ю.АНДРУСЕНКО (Шацк)**
Некрополь г. Шацка Рязанской области
- А.В.ТЮСТИН** (Пенза), зам. директора Пензенского
краевед. музея-заповедника
Об изучении Пензенского исторического некрополя
- А.Г.СОКОЛОВА** (Красноярск), аспирантка каф. градостроитель-
ства Красноярской архитектурно-строительной акад.
Архитектура исторического некрополя Красноярска
- Н.Н.ФРИЗИН** (Москва), м.н.с. Института культ. и природн. наследия
Деревянные надгробия Русского Севера

Подведение итогов конференции

IV. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КНИГ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

(начало в 18.30)

Сообщение **А.Н.Акиншина**

Заседания конференции проходят в аудитории №6 Историко-архивного института РГГУ по адресу: ул. Никольская, д.15
Проезд до станций метро: «Площадь революции», «Театральная», «Охотный ряд»

В рамках конференции будут проведены экскурсии:

23 марта в 13.30 – С.Ю.Шокарева

на выставку «Белокаменные страницы прошлого. Памятники некрополя и архитектурные фрагменты из собрания Музея истории города Москвы»

24 марта в 10.00 – С.Е.Кипниса

по некрополю Нового кладбища Новодевичьего монастыря;

А.В.Святославского

по Ваганьковскому некрополю

Запись во время конференции

Вел. кн. Николай Михайлович (1859–1919) и «Русский некрополь»

Биографические сведения²

Великий князь Николай Михайлович – сын великого князя Михаила Николаевича, внук императора Николая I. Родился 14 апреля 1859 г. в Царском селе. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., награжден орденом св. Георгия 4-й степени за личную храбрость в сражениях. В 1885 г. окончил Академию Генерального штаба, служил на Кавказе, командовал Кавказской гренадерской дивизией (1897–1903 гг.). Генерал от инфантерии (1913 г.).

Почетный член Петербургской Академии наук (1898 г.), доктор философии Берлинского университета (1910 г.), доктор русской истории Московского университета (1915 г.). С 1900-х гг. занимался историческими изысканиями, автор фундаментальных исследований эпохи Александра I. В 1892–1917 гг. – председатель Императорского Русского географического общества; в 1909–1917 гг. – председатель Императорского Русского исторического общества и Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Увлекался энтомологией, свою обширную коллекцию насекомых подарил Зоологическому музею. Принимал участие в издании до 1917 г. «Русского биографического словаря». Под его эгидой и на его средства велись исследования отечественного некрополя и были изданы многотомные «Петербургский некрополь», «Московский некрополь», «Русский провинциальный некрополь» и др.

В начале 1918 г. сослан в Вологду, в августе перевезен в Петроград в качестве заложника, в рамках «красного террора» по решению Петроградской ЧК от 29 января 1919 г. расстрелян в Петропавловской крепости. Реабилитирован в 1999 г.

---

¹ Составлено А.Г.Смирновой.

² По материалам энциклопедии «Санкт-Петербург». См.: Марголис А.Д. Николай Михайлович, вел. князь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://encspb.ru/object/2860414590?lc=ru>, свободный; Кузьмин Ю.А. Николай Михайлович, вел. кн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// http://encspb.ru/object/2804020086?lc=ru](http://http://encspb.ru/object/2804020086?lc=ru), свободный.

«РУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ»
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА
(отдельные выдержки из диссертационного исследования
Д.Н.Шилова ««Русский некрополь» Великого князя Николая
Михайловича: история создания, неопубликованные материалы
и проблемы их изучения и издания»³)

«Выдвинутая великим князем идея описания надгробных памятников на кладбищах Москвы, Петербурга, а затем и по всей Российской Империи во многом была связана именно с проблемой их сохранения — хотя бы в печатной форме. Познакомившись в ходе своих историко-генеалогических разысканий с состоянием захоронений в монастырях и на кладбищах Москвы, великий князь пришел к выводу о безотлагательности работы по их описанию...».

«Следует отметить, что организованное великим князем Николаем Михайловичем научное предприятие первоначально не называлось “Русским некрополем” ни им самим, ни кем-либо из его помощников. Вплоть до последних лет работы общего наименования у него не было вообще. “Московский некрополь” и “Петербургский некрополь” в качестве заглавий были избраны сразу и бесспорно, Название “Русский провинциальный некрополь” для описания захоронений вне столиц, напротив, утвердилось далеко не сразу: в документах фигурируют также “Всероссийский некрополь” и “Русский областной некрополь”. Впервые термин “Русский некрополь” в применении к проекту целиком появляется в 1915 г. ...»

«...Весной 1904 г. великий князь встретил в доме историка П.Я.Дашкова известного библиографа В.И.Саитова и “...предложил ему заняться составлением полного некрополя Москвы и Пе-

---

³ Шилов Д.Н. «Русский некрополь» Великого князя Николая Михайловича: история создания, неопубликованные материалы и проблемы их изучения и издания. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://scicenter.online/istoriya-disertatsii-scicenter/russkiy-nekropol-velikogo-knyazu-nikolaya.html>, свободный. Выдержки приведены в полном соответствии с авторским текстом, отдельные фрагменты которого заключены составителем в кавычки. Пропуски оригинального текста Д.Н.Шилова, сделанные составителем, отмечены многоточием (пропуски в авторском тексте Д.Н.Шилова отмечены многоточием в угловых скобках). Ссылки на литературу и источники, присутствующие в оригинальном тексте диссертации, опущены.

тербурга, вызвавшись быть издателем этого труда. Предложение это было принято”. Сайтов, в свою очередь, обратился за помощью к Б.Л.Модзалевскому, который к тому времени по собственной инициативе “описал Нижний, Орел, Псков, Серпухов, Бронницы, Павловск, Царское Село, Валдай и др[угие] города”, где ему “случалось быть”...».

«Июль и половину августа 1904 г. ученые провели в Москве. В результате была, описана половина кладбищ города, составлено до 10 тыс. биографических карточек...».

«В начале февраля 1905 г. на основании полученного опыта работы, В.И.Сайтов представил великому князю Николаю Михайловичу смету расходов по подготовке будущих изданий. Предполагалось, что в “Московский некрополь” войдет около 60 000 надписей, а в “Петербургский” – около 40 000, всего – до 100 тыс. надписей...».

«Значительную роль при подготовке “Московского некрополя” сыграл личный секретарь великого князя Николая Михайловича Александр Александрович Гоздаво-Голомбиевский...».

«С 1906 г. А.А.Гоздаво-Голомбиевский активно включился в работу над “Московским некрополем”. Помимо естественного посредничества в отношениях великого князя с авторским коллективом, он деятельно помогал составителям...».

«В том же 1906 г. Гоздаво-Голомбиевский привлек к работе по сбору надгробных надписей в Москве своего бывшего сослуживца Николая Петровича Чулкова (1870–1940)...».

«...18 октября [1907 г.] из типографии были получены первые 250 экземпляров издания, 22 октября – еще 400. Объявления о его выходе были помещены в трех московских газетах: “Русские ведомости” (31 октября), “Московские ведомости” (1 ноября) и “Русское слово” (2 ноября).

Первый том, как изначально и предполагалось, открывался двумя предисловиями – великого князя Николая Михайловича и от составителей. В первом кратко объяснялись причины, побудившие к организации работ по описанию столичных погребений. “Посещая неоднократно кладбища Москвы и Петербурга, — писал великий князь, — спускаясь в мрачные, сырые подземелья усыпальниц Московских монастырей <...>, я часто останавливался на мысли издать со временем „Некрополь“ Москвы и Петербурга, то есть собрать, по возможности, все еще уцелевшие надгробные надписи, а также и новые,

и напечатать их наряду с теми сведениями о погребенных, которые можно извлечь из соответствующей литературы”.

“Далеко не одно, впрочем, всеразрушающее время уничтожило следы погребений, — подчеркивал историк. — Этому немало способствовало упразднение самых монастырей и церквей или их перестройка, не говоря уже о невежестве, корысти, нашем неуважении к старине и неумении ею дорожить. <...> Памятники снимаются с мест, продаются торговцам; надписи, кресты, скульптурные изображения исчезают или обезображиваются; плиты закладываются в фундаменты, тротуары, под водосточные трубы, разбиваются на бут. Целые склепы, с засыпанными штукатуркой и пылью веков памятниками, с сорванными гербами, с замазанными краской или уничтоженными надписями, служат складом старых негодных вещей...”.

«Издание надгробных надписей, — указывал великий князь, — сохранит их навсегда от исчезновения и даст полезный материал для истории и особенно для генеалогии, сообщая подробные даты жизни различных деятелей, выясняя их родственные отношения, давая сведения о служебном и общественном их положении <...>”...».

«В предисловии составителей указывалось, что „Московский некрополь“ “представляет собою справочный исторический указатель лиц, живших в XIV–XX столетиях и погребенных в Москве. Составленный преимущественно на основании уцелевших надгробных надписей, он дает сухой, но ценный по своей точности биографический, хронологический и генеалогический материал, пригодный для исторических исследований. В „Некрополе“ включены лица с самым разнообразным общественным положением и значением. <...> По генеалогическим соображениям в „Некрополе“ отведено много места дворянскому элементу; однако провести строгую параллель между ним и лицами других сословий, носившими одинаковую с дворянами фамилию, не всегда удавалось <...>”.

При публикации почти все надписи редактировались и передавались «в пересказе всего существенного, в них заключающегося», и лишь в исключительных случаях приводились дословно. Отмечались совместные погребения однофамильцев или лиц разных фамилий (что давало возможность «предполагать о существовании родственных связей между названными лицами»), сомнительные чтения и поврежденные места, славянские цифры заменялись арабскими; в том случае, если надпись содержала даты от сотворения мира, то они параллельно

приводились и по счету от Рождества Христова. Упомянутые на надгробиях девичьи или первобрачные фамилии были введены в общий алфавитный ряд текста с помощью двойных отсылок (как и мирские фамилии монахов). Отдельно были выделены погребения представителей Дома Романовых.

Далее следовал краткий очерк истории мест захоронений в Москве, перечни описанных монастырей и городских кладбищ, а также список литературы, использованной при составлении “Московского некрополя” (около 160 наименований)...»

«Второй и третий тома издания вышли, соответственно, в феврале и августе 1908 г. В последнем был опубликован довольно пространственный список поправок и дополнений ко всему изданию, которые на протяжении 1907–1908 гг. активно собирались составителями...».

«Помимо общей высокой оценки “Московского некрополя” в печати, Императорское Русское археологическое общество откликнулось на его появление присуждением 29 марта 1908 г. великому князю Николаю Михайловичу почетного отзыва общества...».

«Еще летом 1906 г. великий князь Николай Михайлович с А.А.Гоздаво-Голомбиевским лично осмотрели наиболее значительные петербургские кладбища, производя “рекогносцировку” будущей работы. Через год, летом 1907 г. В.И.Саитов начал подготовку “Петербургского некрополя”. Сбор данных занял пять летних периодов — по 1911 г. включительно...».

«Безусловно, одно имя великого князя Николая Михайловича, сопряженное с возможностями члена Императорской фамилии, немало способствовало успешному ходу работ. При подготовке “Петербургского некрополя” эти возможности использовались в полной мере. Когда зимой 1910 г. прошел слух об уничтожении старых захоронений в Александро-Невской лавре для освобождения места под новые, обер-прокурор Св. Синода С.М.Лукиянов “удостоился” весьма грозного великокняжеского рескрипта. Последний гласил: “Сергей Михайлович, до меня дошли слухи, что внутри храмов в С[анкт-]Петербурге уничтожаются могилы похороненных там ранее лиц для новых погребений. Как председатель Императорского Русского Исторического Общества и Общества сохранения в России памятников искусства и старины довожу о том до Вашего сведения, предваряя, что об этом мною будет доложено Его Императорскому Величеству. Одновременно я прошу Высокпреосвященного митрополита С[анкт-]Петербургского доставить

мне список лиц, погребенных в храмах Александро-Невской лавры”. Петербургскому митрополиту был послан рескрипт о возможно скорой присылке данных о погребенных на территории Лавры, по каждой ее церкви отдельно. В результате, все требуемые сведения были доставлены в полном объеме.

По свидетельству самого В.И.Саитова, основной объем работы над “Петербургским некрополем” был проделан им самим (хотя к работе и привлекались помощники), за исключением отдельных кладбищ: так, например, Н.Д.Игнатьевым были описаны надгробия в Гатчине, М.Газаряном — на Смоленском армянском кладбище; надписи с Преображенского еврейского кладбища были предоставлены правлением Петербургской синагоги...».

«В 1912–1913 гг. четыре тома “Петербургского некрополя” были опубликованы (три — в 1912 и один — в 1913). Первый открывался предисловием В.И.Саитова, указывавшего, что издание “представляет собою словарь лиц, живших в XVII–XX столетиях и погребенных на православных и иноверческих кладбищах Петербурга с некоторыми его окрестностями, а также в отдельных церквях”. “Собирая материал для „Петербургского Некрополя“, — сообщал составитель, — я пользовался не только уцелевшими надгробными надписями, но и печатными источниками, которые заключали в себе или перечень надгробий, в настоящее время не существующих, или же сообщали исторические данные о кладбищах и церквях, мною описанных”.

В предисловии к первому тому “Петербургского некрополя” были четче, чем в предыдущем издании, обозначены принципы сбора информации. “Становясь на сословную точку зрения, — писал Саитов, — я при выборе материала для настоящего издания отдавал первое место дворянству, которое имело наибольшее значение в политической и общественной жизни России. <...> За дворянством, родовым и служилым, следует черное духовенство всех степеней, а за ним — белое, не ниже сана священника. Из купеческого сословия помещены члены именитых фамилий и представители крупных торговых фирм. Из прочих сословий взяты только выдающиеся по своей деятельности лица или родоначальники служилых дворян...”».

«...В “Петербургский некрополь”, в отличие от “Московского”, вошли сведения о пригородных кладбищах — Павловска, Гатчины, Царского Села и т. д. ...».

«В общей сложности, как указывал впоследствии Б.Л.Модзалевский, в “Московском” и “Петербургском” некрополях упоминалось до 65 000 имен, которые “нашли себе должную оценку и сразу вошли в научный обиход, сделавшись настольною книгою у каждого русского историка, исследователя прошлого нашей родины, генеалога и комментатора”...».

«История подготовки и издания “Московского” и “Петербургского” некропелей представляет собой пример научного предприятия, сопряженного с большими административными и техническими сложностями и немалыми финансовыми затратами. Но оно было блестяще задумано, организовано и осуществлено в кратчайшие сроки — от момента возникновения замысла до выхода последнего тома прошло всего девять лет. Разумеется, не обошлось без ошибок и пропусков — особенно в отношении московских кладбищ. Тем не менее, организаторский талант А.А.Гоздаво-Голомбиевского, трудолюбие и высочайшая исследовательская квалификация В.И.Сайтова, Б.Л.Модзалевского и их помощников, наконец, редкое, к сожалению, сочетание широких административных и финансовых возможностей с ясным пониманием важности и неотложности работ по описанию кладбищ в лице великого князя Николая Михайловича позволили издать в свет семь объемных томов бесценной биографической, генеалогической, краеведческой информации и сделать это не только на высоком научном уровне, но и — как показала начавшаяся в 1908 г. история работы над “Русским провинциальным некрополем” — весьма своевременно. Наконец, именно в процессе работы над некрополями Москвы и Петербурга авторами была разработана собственная методика описания кладбищ и публикации надгробных надписей, впоследствии уже не подвергавшаяся корректировке и принятая В.В.Шереметевским и В.М.Андерсоном при составлении “Русского провинциального некрополя” и “Русского некрополя в чужих краях”...».

«История “Русского провинциального некрополя”, задуманного и частично осуществленного небольшим коллективом ученых под руководством великого князя Николая Михайловича, представляет собою существенный интерес как опыт уникального научного предприятия, давшего богатые плоды...».

«Описание российских кладбищ вне Москвы и Петербурга стало наиболее трудной и обширной частью разработанной программы. Главная сложность его заключалась в том, что подобное описание, как

это с самого начала понимали его инициаторы, физически не могло быть осуществлено профессиональными историками: в этом случае “потребовалось бы организовать целый ряд экспедиций по Европейской и Азиатской России. Ввиду сложности такого способа было решено обратиться за нужными для „Некрополя“ сведениями к естественным хранителям могил – духовенству всех исповеданий”. Остановившись на этой мысли, великий князь Николай Михайлович рескриптом 30 октября 1908 г. выразил обер-прокурору Св. Синода П.П.Извольскому желание, чтобы “сделано было распоряжение о предоставлении православным духовенством нужных <...> сведений”...».

«7 ноября того же года “желание” великого князя было предложено обер-прокурором на рассмотрение Св. Синоду. Результатом явился указ Св. Синода от 29 ноября 1908 г., которым всем епархиальным начальствам и ставропигиальным монастырям, а также протопресвитеру военного и морского духовенства и заведующему придворным духовенством предписывалось организовать составление “списков лиц, погребенных в церквах и на кладбищах, с точным обозначением надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян и наиболее крупных местных общественных деятелей купеческого и других сословий”...».

«Острая нехватка времени заставила Гоздаво-Голомбиевского озаботиться приисканием помощника в работе над “Русским провинциальным некрополем”. В самом начале 1910 г. он обратился к великому князю с предложением привлечь к ней профессионального архивиста, своего бывшего сослуживца по Московскому архиву Министерства юстиции В.В.Шереметевского...».

«Однако в августе 1913 г. Гоздаво-Голомбиевский скоропостижно скончался, не дожив, таким образом, до выхода первого тома. С этого момента В.В.Шереметевский стал главной и, фактически, единственной движущей силой при подготовке и публикации “Русского провинциального некрополя”...».

«К работе над “Русским провинциальным некрополем” Шереметевский приступил в феврале 1910 г. и занимался ею более семи лет — до лета 1917 г. ...».

«Работа по составлению “Русского провинциального некрополя” привлекла внимание собирателей некрополей из различных регионов России, и они начали доставлять свои материалы для него...».

«...В ноябре 1912 г. в Управление делами великого князя Николая Михайловича была представлена смета предполагаемых расходов, тогда же им утвержденная. Начавшееся в декабре того же года печатание книги затормозилось летом 1913 г. вследствие продлившейся до октября типографской забастовки; основная часть текста была готова лишь к середине ноября того же года. По мере получения чистых листов, они отсылались на просмотр и визирование великому князю Николаю Михайловичу. В середине ноября великим князем Николаем Михайловичем был утвержден представленный Шереметевским вариант предисловия, в конце того же месяца — проект титульного листа книги, а 20 декабря “Русский провинциальный некрополь” наконец-то вышел в свет. 18 января 1914 г. рекламные объявления об издании были опубликованы на первых страницах газет “Новое время”, “Речь”, “Московские ведомости” и “Русское слово”...».

«Выход первого тома “Русского провинциального некрополя” имел и другое, более важное последствие – активизацию интереса к некропольной тематике на местах...».

«Февральская революция 1917 г. положила конец надеждам на продолжение “Русского провинциального некрополя”...».

Октябрьский переворот и Гражданская война окончательно остановили все научные проекты великого князя Николая Михайловича. В январе 1919 г. он был расстрелян...».

«В 1915 г. вышел 1-й выпуск “Русского некрополя в чужих краях”, посвященный кладбищам Парижа и его окрестностей. По-видимому, опыт сотрудничества с провинциальным духовенством был найден великим князем Николаем Михайловичем неудачным, и он снова решил поручить описание надгробий специалисту. Для этой работы, по совету В.И.Саитова, им был привлечен молодой сотрудник Императорской Публичной библиотеки Владимир Максимилианович Андерсон (1880–1931)... В 1914 г. он был специально командирован в Париж за счет великого князя для описания русских и польских захоронений.

Об основных вехах истории этой части проекта и особенности нового издания в предисловии к нему рассказал сам Андерсон. Он писал: “Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михайловичу угодно было поручить мне выполнение четвертой, завершительной части предпринятого им издания „Русского Некрополя“, долженствующего, по мысли Августейшего руководителя, охватить, кроме пределов Российской Империи, и различные пункты Западной

Европы, издавна известные колониями наших соотечественников, часто находивших там и свое последнее земное упокоение. Намечая мне пред моим отправлением в первую связанную с этим заданием заграничную поездку общий план „Русского Некрополя в чужих краях“, Его Императорское Высочество признал нужным начать обследование с Парижа, включая сюда и прилегающие к нему местности, в черте департамента Сены»».

«„Русский некрополь в чужих краях“ вышел в свет 1 мая 1915 г. тиражом 600 экз. ...».

«Подводя итоги рассмотрению истории работы над “Русским провинциальным некрополем” и “Русским некрополем в чужих краях”, следует еще раз подчеркнуть определяющую роль великого князя Николая Михайловича в общем успехе всего предприятия. Именно его умение подбирать исполнителей для своих проектов, помноженное на высокое социальное положение и широкие финансовые возможности, дало возможность собрать огромное количество материала о захоронениях по всей России и за границей...».

Сведения об авторах

Акиньшин Александр Николаевич (Воронеж), канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета, председатель Воронежского историко-культурного общества, член бюро Совета СКР

Андреева Мария Сергеевна (Тула), историк, хранитель фондов Тульского историко-архитектурного музея

Аристархов Владимир Владимирович (Москва), директор Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва

Афонин Георгий Алексеевич (Алма-Ата, Республика Казахстан), врач-онколог Казахского научно-исследовательского института онкологии и радиологии Министерства здравоохранения Республики Казахстан, ассистент кафедры онкологии Казахского национального медицинского университета им. С.Д.Асфендиярова

Белюков Дмитрий Анатольевич (Великие Луки, Псковская обл.), канд. ист. наук, доц., декан социально-гуманитарного факультета Великолукской государственной академии физической культуры и спорта, член Совета СКР, сопредседатель Великолукского городского краеведческого общества

Бережнова Марина Леонидовна (Омск), канд. ист. наук, доц., ст. научный сотрудник Сибирского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва, доцент Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского

Боченков Виктор Вячеславович (Москва), канд. филол. наук, зав. архивом Московской Митрополии РПСЦ

Вегерин Василий Иванович (Константиновск, Ростовская обл.), преподаватель Константиновского педагогического колледжа, член Совета СКР

Волков Валерий Владимирович (Москва–Ржев, Тверская обл.), зав. Библиотекой редких книг и рукописей Московской Митрополии РПСЦ

Грушина Анна Филипповна (Москва), канд. ист. наук, гл. редактор «Московского журнала», председатель СКР

Дроздов Михаил Сергеевич (Черноголовка, Московская обл.), канд. физ.-мат. наук, ст. научный сотрудник ИнЭПХФ РАН

Жеребятъев Денис Игоревич (Москва), канд. ист. наук, ассистент кафедры исторической информатики МГУ им. М.В.Ломоносова

Залешина Дарья Игоревна (Санкт-Петербург), искусствовед, начальник отдела мемориальной скульптуры Государственного музея городской скульптуры, хранитель памятников музейных некрополей

Ковшарь Ирина Григорьевна (Тула), искусствовед, научный сотрудник Тульского историко-архитектурного музея

Козлов Владимир Фотиевич (Москва), канд. ист. наук, доц., ведущ. научный сотрудник – руководитель Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва, председатель МКО, Почетный председатель СКР

Корнилий, митрополит Московский и всея Руси РПСЦ (Москва)

Маслов Евгений Николаевич (Ногинск, Московская обл.), краевед

Матюшин Сергей, свящ. (Москва), канд. богословия, историк Ваганьковского кладбища

Межевикин Иван Владимирович (Омск), мл. научный сотрудник Сибирского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва

Осипов Виктор Иванович (Боровск, Калужская обл.), секретарь Комиссии по исследованию старообрядчества при Международном комитете славистов, гл. редактор сборника «Старообрядчество: история, культура, современность», председатель Боровского отделения РГО

Осипова Анна Викторовна (Боровск, Калужская обл.), начальник архивного отдела администрации муниципального образования Боровского района

Пирогов Владимир Юрьевич (Москва), зам. начальника управления Департамента культурного наследия г. Москвы

Простов Владимир Александрович (Москва), староста храма Всемилоственного Спаса бывшего Скорбященского монастыря

- Санакина Татьяна Анатольевна (Архангельск)**, канд. ист. наук, начальник отдела публикации и использования документов Государственного архива Архангельской области
- Сметанина Любовь Сергеевна (Владимир)**, зав. отделом краеведческих исследований Центральной городской библиотеки г. Владимира, член Совета СКР
- Смирнова Александра Геннадьевна (Москва)**, канд. ист. наук, доц., ведущ. научный сотрудник Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва, первый зам. председателя МКО
- Смирнова Ксения Александровна (Москва)**, научный сотрудник Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва, ученый секретарь МКО
- Смирнова Марина Александровна (Архангельск)**, канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры гуманитарных наук Северного государственного медицинского университета, член Совета СКР
- Смирных Ксения Юрьевна (Омск)**, мл. научный сотрудник Сибирского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
- Степченков Леонид Леонидович (Смоленск)**, ведущ. специалист отдела использования и публикации документов Государственного архива Смоленской области
- Титова Валентина Ивановна (Владимир)**, методист отдела краеведческих исследований Центральной городской библиотеки г. Владимир
- Толкунова Валентина Георгиевна (Владимир)**, ведущ. методист отдела краеведческих исследований Центральной городской библиотеки г. Владимира
- Томан Инга Бруновна (Москва)**, канд. ист. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина
- Шитков Александр Владимирович (Старица, Тверская обл.)**, преподаватель Старицкого колледжа, председатель районного клуба «Краевед»
- Шлёнсков Владимир Михайлович (Домодедово, Московская обл.)**, председатель ревизионной комиссии общественной организации «Домодедовский краевед», член РГО

Шокарев Сергей Юрьевич (Москва), канд. ист. наук, ведущ. научный сотрудник Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника, гл. редактор историко-краеведческого альманаха «Подмосковный летописец»

Юкин Николай Сергеевич (Лыткарино, Московская обл.), хранитель фондов Лыткаринского историко-краеведческого музея, директор Музея тураевских староверов

Юркин Игорь Николаевич (Москва), д-р ист. наук, гл. научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>В.В.Аристархов</i> . Обращение к участникам Всероссийской конференции	7
<i>А.Ф.Грушина</i> . Обращение к участникам Всероссийской конференции	9
<i>Корнилией</i> , митрополит Московский и всея Руси. Обращение к участникам Всероссийской конференции	11
I. НЕКРОПОЛЕВЕДЕНИЕ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА: МЕТОДИКА И ПРАКТИКА КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НЕКРОПОЛЯ	
<i>В.Ф.Козлов</i> (Москва). Краеведение и исторический некрополь: опыт, задачи и основные направления изучения (1980-е — 2010-е гг.)	14
<i>А.Г.Смирнова</i> (Москва). Московский некрополь краеведов: к проблеме сохранения и изучения	25
<i>Д.И.Залешина</i> (Санкт-Петербург). Опыт сохранения памятников музейных некрополей Санкт-Петербурга. Современные методы научной реставрации и консервации	42
<i>И.Г.Ковшарь, М.С.Андреева</i> (Тула). Опыт изучения и музеефикации исторического некрополя: Всехсвятское кладбище Тулы	50
<i>В.И.Титова, В.Г.Толкунова, Л.С.Сметанина</i> (Владимир). Владимирская программа «Некрополь»: разработка, реализация и общественная значимость. Опыт издания справочника-путеводителя «Исторические кладбища Владимира»	57
<i>В.Ю.Пирогов</i> (Москва). К проблеме современного состояния русского некрополя за рубежом	69
<i>И.Б.Томан</i> (Москва). Из опыта изучения исторического некрополя в Германии: проекты «Немецкие надписи» и «Надгробные камни»	87
II. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НЕКРОПОЛЯ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ	
<i>Г.А.Афонин</i> (Алма-Ата, Республика Казахстан). Центральное кладбище Алма-Аты как историко-мемориальный некрополь. Материалы к истории основания, реконструкции и хронологии	94
<i>А.Н.Акиншин</i> (Воронеж). Монастырские кладбища и прицерковные захоронения в Воронеже (XVIII — первая половина XX в.): проблема изучения	113

<i>Т.А.Санакина</i> (Архангельск). Документы архива как источник сведений о создании некрополя Архангельска.....	123
<i>М.А.Смирнова</i> (Архангельск). Исторические некрополи Архангельска и отношение к ним горожан	140
<i>А.В.Шитков</i> (Старица, Тверская обл.). «И в сих местах нашли упокоение»: история, современное состояние, опыт изучения и возрождения кладбищ г. Старица Тверской области	152
<i>И.Н.Юркин</i> (Москва). Некрополь Демидовых: состояние и перспективы изучения	165
<i>М.С.Дроздов</i> (Черноголовка, Московская обл.). Симоновское кладбище Старой Руссы (Новгородская обл.): 40 лет наблюдения	175
<i>В.И.Вегерин</i> (Константиновск, Ростовская обл.). Проблемы и опыт сохранения исторического некрополя Константиновска (Ростовская обл.)	184
<i>Д.А.Белюков</i> (Великие Луки, Псковская обл.). Старинное Успенское (Коломенское) кладбище Великих Лук (Псковская обл.): проблемы изучения и сохранения	190
<i>Л.Л.Степченков</i> (Смоленск). Смоленское Братское кладбище — утраченный некрополь Первой мировой войны (документальная летопись 1914–1918 гг.)	195
<i>М.Л.Бережнова</i> (Омск). Информационный потенциал мониторинга сельских кладбищ Омской области (1995–2017 гг.)	208
<i>И.В.Межевикин, К.Ю.Смирных</i> (Омск). Опыт полевых исследований кладбищ Омской области (конец XX — начало XXI в.)	218
III. ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ, ВОЗРОЖДЕНИЯ.....	
<i>С.И.Матюшин, свящ.</i> (Москва). Проблемы изучения, сохранения и музеефикации Ваганьковского кладбища	230
<i>К.А.Смирнова</i> (Москва). Исторический некрополь московского района «Преображенское» и прилегающих к нему территорий: история, изучение и современное состояние	243
<i>А.Г.Смирнова</i> (Москва). Лазаревское и Семеновское кладбища — два утраченных исторических некрополя Москвы: история, опыт изучения, проблемы мемориализации	258
<i>В.А.Простов, Д.И.Жеребятьев</i> (Москва). Проблемы изучения и регенерации уничтоженного некрополя московского Скорбященского монастыря ...	283

<i>С.Ю.Шокарев</i> (Москва). Археологическое изучение некрополей Подмосковья в 1990–2010-е гг.	293
<i>М.С.Дроздов</i> (Черноголовка, Московская обл.), <i>Е.Н.Маслов</i> (Ногинск, Московская обл.). Проект «Богородский некрополь»	306
<i>В.М.Шлёнсков</i> (Домодедово, Московская обл.). Проект «Домодедовский некрополь»: от идеи к практическому воплощению	318

IV. СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ И ПРОБЛЕМЫ

ЕГО ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ (Материалы круглого стола)	329
<i>В.Ф.Козлов</i> (Москва). О «безобразном и бессистемном уничтожении памятников и могил» на Рогожском старообрядческом кладбище в первой половине 1930-х гг. (Публикация документов)	330
<i>В.В.Волков</i> (Москва–Ржев, Тверская обл.). К вопросу об изучении погребальной культуры старообрядцев в рамках некрополеведения	344
<i>Н.С.Юкин</i> (Лыткарино, Московская обл.). Тураевское старообрядческое кладбище — исторический некрополь XVIII — начала XX в.	355
<i>В.В.Боченков</i> (Москва). Места захоронений старообрядческих епископов Калужско-Смоленской епархии РПСЦ: к вопросу о старообрядческом некрополе Калужского края	364
<i>В.И.Осипов, А.В.Осипова</i> (Боровск, Калужская обл.). Боровский старообрядческий некрополь (история, современность, перспективы изучения)	371
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	379
Резолюция IV Всероссийской научно-практической конференции «Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия: проблемы изучения и охраны».....	380
Программы научных конференций 1990, 1994, 2001 гг. по проблемам исторического некрополя Москвы и России	382
Вел. кн. Николай Михайлович (1859–1919) и «Русский некрополь»	399
Сведения об авторах.....	409

Редакторы: *А.Г.Смирнова, К.А.Смирнова, В.А.Смирнова*
Корректор: *К.А.Смирнова*
Компьютерная верстка, макет, оформление: *В.В.Брызгалова*

На 1-й сторонке обложки — фотография надгробия А.П.Кожуховой на кладбище Донского монастыря (скульптор И.П.Мартос, 1830 г.)

На титуле — рисунок из статьи Ю.Шамурина «Московские могилы» (из книги: Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 8. М., 1911. С. 89)

На обложке и шмуц-титулах разделов —
современные фотографии исторических некрополей
На шмуц-титуле Приложений — рис. В.Ю.Пирогова

Подписано в печать 00.00.2019. Формат 60x90/16. Бумага офсет. Печать офсетная.
Гарнитура CharterITC. Усл. печ. л. Тираж 200 экз. Заказ № .

Отпечатано в ООО «Грин Принт», 105318 г. Москва, Измайловское ш., д. 28
Тел.: +7(495) 118 09 26